

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ
КАЗАХСТАНА
И ВОСТОЧНОГО
ТУРКЕСТАНА

АЛМА-АТА · 1962

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
имени Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

ТОМ 15

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА И ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
АЛМА-АТА — 1962

Предлагаемый вниманию читателей том «Трудов» написан коллективом научных работников Отдела древней и средневековой истории и Отдела истории сопредельных стран зарубежного Востока Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.

Авторы поставили задачу осветить ряд малоизученных вопросов истории Казахстана и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики.

Хронологически сборник охватывает период с древнейших времен до 40-х годов XX века. Здесь представлены статьи и сообщения о социально-экономических отношениях казахов, о взаимоотношениях России с казахскими племенами, о связях Китая с племенами и народами Средней Азии и Казахстана, о политической истории уйгуров в XII—XIV вв., о политике цинского правительства в Синьцзяне. Объединяя в одном томе работы по истории Казахстана и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, редколлегия исходила из того, что в своем историческом развитии народы этих территорий были взаимно связаны и в их исторических судьбах было много общего.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов гуманитарных факультетов университетов и институтов, а также всех интересующихся историей Казахстана и сопредельных с ним территорий.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Ф. Шахматов, Т. Ж. Шоинбаев, В. С. Кузнецов.

СТАТЬИ

В. Ф. ШАХМАТОВ

**О ПАСТБИЩНО-КОЧЕВОЙ (ЗЕМЕЛЬНОЙ) ОБЩИНЕ
У КАЗАХОВ**

В данной статье освещается вопрос о земельной общине у казахов (называемой в литературе земельной, сельской, соседской, деревенской, поземельной и т. д.) в условиях патриархально-феодальных отношений и кочевого скотоводства и ее основных признаках. К. Маркс и Ф. Энгельс писали в «Манифесте Коммунистической партии», что «сельская община с общим владением землей является и являлась в прошлом повсюду первобытной формой общества, от Индии до Ирландии»¹.

В эпоху феодального строя земельная община была неизбежным явлением для всех народов, но формы ее были в разных местах различны. Было бы ошибкой не замечать специфики, например, индийской общины, так хорошо описанной Марксом, и ее отличий от русской общины или русской общины — от западноевропейской и т. п.

Община, возникшая на территории Казахстана в условиях господства кочевого скотоводства, в иной географической и природной среде, несомненно, отличалась как по формам, так и по степени развития от общин Запада и оседлых стран Востока.

Вопрос об общине у кочевников, в частности у казахов, бурят и других, неоднократно затрагивался в дореволюционной историографии. Русские ученые, изучавшие хозяйство казахов, ставили перед собой задачу выяснить, есть ли земельная община у кочевников и каковы ее формы. Этот вопрос освещался, например, в исследованиях А. А. Кауфмана, Л. Чермака, статистиков из группы Ф. Щербины и П. П. Румянцева, В. Кузнецова, обследовавших казахское хозяйство, а также в многочисленных статьях других исследователей.

Из всех дореволюционных исследований наибольший интерес представляют две работы А. А. Кауфмана — «К вопросу о происхождении русской земельной общины» и «Русская община в процессе ее зарождения и роста»².

Как свидетельствуют заголовки, эти работы посвящены русской общине. Но фактически обе, в особенности вторая, содержат богатейший материал по вопросу о земельных отношениях, о землепользовании у казахов и о казахской общине, ее эволюции и разложении. Работы основаны на данных группы Щербины, а также на исследованиях, проведенных самим А. А. Кауфманом. Материалы по Казахстану автор

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, М., 1955, стр. 424.

² А. А. Кауфман. К вопросу о происхождении русской земельной общины, М., 1907; его же. Русская община в процессе ее зарождения и роста, М., 1908.

использовал для того, чтобы проследить, на основе данных о казахской общине, происхождение и эволюцию русской общины.

Надо сказать, что часть дореволюционных исследователей недостаточно понимала земельные отношения у казахов — на казахскую общину они механически переносили признаки и особенности русской земельной крестьянской общины.

Среди русских дореволюционных исследователей не было единства во взглядах на общину у казахов. Особенно много было разногласий в определении самой общины. Некоторые исследователи отрицали наличие земельной общины у казахов-кочевников, иные же, наоборот, признавали ее существование, но отмечали ее отличие от земельной общины оседлых крестьян-земледельцев.

Известный исследователь казахского хозяйства Ф. Щербина и группа работавших с ним статистиков считали, что у казахов существуют общинные и общинно-земельные группы как союзы, объединяемые общностью владения и пользования перезимовочными угодьями и, как правило, состоящие из нескольких селидебных групп хозяйственных аулов. Другой исследователь казахского хозяйства — Л. Чермак также признает наличие земельной общины у казахов.

«Киргизская земельно-родовая группа, — пишет Л. Чермак, — имеет много общего с сибирской сложной общиной: как эта последняя, будучи связана общностью владения известной территорией, представляет в своих внутренних поземельных отношениях самые разнообразные комбинации, так точно и киргизское землепользование можно рассматривать как ряд сложных общин, объединенных общностью пользования летовочными угодьями»³.

П. П. Румянцев дал такую характеристику казахской общине:

«Не составляя единой и замкнутой группы хозяйств, пользующихся совместно всеми угодьями, киргизская община должна быть сконструирована как многоэтажный социальный организм, где меньшие группы хозяйств, вместе пользующихся одним или несколькими видами угодий, concentрически входят в большие, причем как каждая из групп, так и вся эта сложная организация построена по родовому принципу»⁴.

А. А. Кауфман, наоборот, писал, что определение Ф. Щербиной «общинно-земельных групп» как общин является неверным, так как эти хозяйственные группы не имеют ни одного из двух основных признаков, характеризующих общину как единицу землевладения и землепользования: ни обособленности во вне, ни единства внутри; владения одной группой сплошь и рядом не ограничены не только искусственными, но даже и условными границами от владений других соседей, а внутри такого рода групп, скорее в виде общего правила, чем в виде исключения, встречается раздельность пользования всеми или по крайней мере некоторыми угодьями⁵.

Отсюда А. А. Кауфман делает заключение, что земельная община у кочевников отсутствует, а все попытки установить понятие казахской общины или вообще общины у оседающих кочевников являются несостоятельными в связи с тем, что «общины как замкнутого во вне и объединенного внутри земельного союза у бурят и у киргиз в действи-

³ Материалы по киргизскому землепользованию. Каркаралинский уезд. Спб., 1905, стр. 44.

⁴ Материалы по обследованию Семиреченской области. Верненский уезд. Спб., 1913, стр. 121.

⁵ А. А. Кауфман. К вопросу о происхождении..., стр. 27.

тельности еще вовсе не существует»⁶. Он находит, что у казахов только лишь началось сложение общины в связи с переходом к оседлости и развитием сенокосения и хлебопашества.

В некоторых работах земельной общиной признается хозяйственный аул, в других — аул административный, в третьих — род, иногда — аул, находящийся на кстау.

В современной историографии вопрос о казахской земельной общине был затронут в 2—3 работах, причем в некоторых из них делается попытка дать определение этой общины и ее отличий от общины крестьянской.

Характеристика земельной общины дается в вводной статье справочника «Весь Казахстан», автором которой был Е. Г. Федоров, написавший в 20—30-х годах несколько работ по истории Казахстана конца XIX — начала XX в.

«Родовой земельной казахской общиной,—пишется в этой статье,— как это ясно из факта общинного землепользования в течение круглого года, следует признать ту группу хозяйств (преимущественно байских, владеющих кочевым скотом—овцами, верблюдами, лошадьми), которая на деле фактически пользуется этими землями. А так как круг хозяйств, пользующихся летними пастбищами, значительно уже круга хозяйств, пользующихся коктеу и кузеу (весенне-осенними пастбищами), и еще уже круга хозяйств, пользующихся джайляу (летними пастбищами), то, естественно, определение родовой земельной общины следует вести от аула-джайляу. При этом, конечно, нельзя смешивать с этой единицей и включать в ее понятие, как начальной ячейки родовой земельной общины, все те другие аулы, которые прикочевывают на общее кузеу, коктеу и джайляу и вместе с ними образуют более общую родовую земельную общину»⁷.

Другой работой, где давалась характеристика общины, была «История Казахстана», т. I, С. Д. Асфендиярова, вышедшая в 1935 г. В ней писалось: «Казахская община была феодально-родовой, в общих чертах отражающей ту же социальную сущность, что и русская община, однако со своими особенностями, вытекающими из местных условий. Именно благодаря основе хозяйства — кочевому скотоводству — мы имеем мелкогородовое хозаульное расселение, где земля имеет значение в связи с размещением и кормом, выращиванием скота. Кроме того, общинные пережитки так же, как и в русской деревне служат источником эксплуатации и кабалы (у русских — помещиками, у казахов — баями)»⁸.

В конце раздела о землепользовании у казахов до революции автор уточняет свою характеристику казахской общины:

«Родовая община является феодально-патриархальной общиной (полуфеодально-крепостнического, полуродового типа) с своеобразными земельными распорядками, основанными на захватном праве на землю»⁹.

Нужно сказать, что при изучении вопроса о казахской земельной общине историков того времени больше интересовал вопрос о разложении казахской общины под влиянием капиталистических отношений, чем выяснение ее характера и содержания.

Вопрос об общине затрагивался в вышедшей в 1958 г. книге С. З.

⁶ Там же, стр. 28.

⁷ Указ. работа, стр. 32.

⁸ С. Д. Асфендияров. История Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, 1935, стр. 187.

⁹ Там же, стр. 199.

Зиманова «Общественный строй казахов в первой половине XIX в.»¹⁰. Автор считает, что «казахское общество состояло из системы аульных общин». Но говоря об этой аульной общине на 15 страницах книги, автор в то же время пишет, что община якобы не имела земель, «принадлежавших ей в качестве общинной собственности», не имела она и «права общинного землепользования». Земля находилась в частной собственности феодалов. Общинный характер аулов, да и то «с внешней стороны», по мнению автора, проявлялся лишь «в совместном кочевании групп скотоводов».

Итак, казахская аульная община, по С. З. Зиманову, не знала ни общинного землепользования, ни общинного владения землей, т. е. не имела основных признаков общины.

Автор фактически отрицает ее существование. Объясняется это тем, что он исходит, вопреки фактам, из неверного утверждения, что вся земля в Казахстане была частной феодальной собственностью.

В других работах по истории Казахстана, вышедших в последнее время, вопрос об общине или совсем обходится, или же если о ней и говорится, то при этом не вскрываются ни содержание общины, ни признаки, ни специфические черты, отличающие ее от крестьянской оседлой общины.

В период с IV в. до н. э.—первые века н. э. развивается скотоводство, которое постепенно превращается в кочевое. Этот переход к кочевому скотоводству происходит на обширных степных пространствах повсеместно — от Урала и Каспийского моря до Ордоса. Конечно, этот переход совершался постепенно, различными темпами в разных районах, причем в зависимости от географических условий, в этих районах складывались различные формы скотоводства, которые определяли состав стада и основные виды разводимого скота. В степных районах и полупустынях племена в течение круглого года передвигались со стадами (состоящими из верблюдов, лошадей и овец) с места на место, в предгорьях, на стыке гор со степью, род или племя летом пасло стада на горных пастбищах, а на зиму возвращалось к своим зимним стоянкам, где находились примитивные жилища. В данном случае скотоводы почти не имели верблюдов. Это было в основном яйлажное скотоводство. Возникали и другие формы скотоводства, предшествующие кочевому, например, отгонное, и формы, близкие к кочевому.

Нас интересует в разбираемом вопросе не полукочеевое, а кочевое скотоводство.

На заре кочевого скотоводства, когда кочевники имели в своем распоряжении большие необжитые земельные пространства, не было собственности на землю, даже родовой.

Маркс писал о кочевых скотоводческих народах:

«У кочевых пастушеских племен, а все пастушеские племена первоначально кочевые, земля, наравне с прочими природными условиями, представляется в своей первичной неограниченности, например, в степях Азии и на азиатском плоскогории. Ее используют как пастбище, на ней кормят стада, которыми в свою очередь существуют пастушеские народы. Они относятся к земле, как к своей собственности, хотя никогда не фиксируют этой собственности. У кочевых пастушеских племен община всегда на деле собрана вместе; это общество спутников, караван, орда и формы субординации развиваются из условий этого образа

¹⁰ С. З. Зиманов. *Общественный строй казахов в первой половине XIX в.* Алма-Ата, 1958, стр. 69—84.

жизни. Присваивается и воспроизводится здесь на самом деле только стадо, а не земля, которую, однако, на каждом месте стоянки временно используют сообща»¹¹.

Как видно отсюда, Маркс, давая определение первобытной общине, прямо указывает на отсутствие собственности на землю у кочевых народов на заре их существования.

Первобытно-родовая община является неотъемлемым атрибутом первобытно-общинного строя. В основе ее, как известно, лежит коллективный труд, коллективная собственность, совместные (родовые или многосемейные) жилища и т. п. Эта первобытно-родовая община не знает еще земельной собственности. Здесь нет земельной общины. Она возникает позднее, в процессе разложения первобытно-общинного строя, при развитии производительных сил на основе развития земледелия, при возникновении земельной тесноты. Хотя родовая община исчезает с образованием классовых отношений, но отдельные ее элементы, проявляя живучесть и приспосабливаясь к новым классовым условиям, продолжают существовать и в классовом обществе, как пережиток (или как уклад) предыдущего общественного строя. Некоторые элементы первобытно-родовой общины в условиях феодализма стали составной частью земельной (сельской, соседской) общины, в том числе и слагающейся земельной общины у кочевников.

Земельная община является продуктом феодальной эпохи и исчезает тогда, когда исчезает феодализм и возникают развитые капиталистические отношения. Но и при капитализме земельная община может продолжать свое существование, как пережиток предыдущей эпохи, подвергаясь неуклонному разложению при переходе крестьянского хозяйства к фермерскому.

Мы сделали это отступление для того, чтобы отделить эти два социально различных понятия — общину первобытную и общину земельную, которые у читателя могут ассоциироваться.

Итак, в условиях беспрестанных передвижений с места на место в поисках воды и травы роды и племена использовали пастбища временно, не присваивая их.

Как известно, в этот период на огромных пространствах происходили массовые миграции племен. Они известны в литературе, как «великое переселение народов». Это движение племен с востока на запад, начиная с гуннов и усуней, было связано именно с тем, что в этот период происходило окончательное становление кочевого скотоводства, как господствующего занятия людей того времени. Массовые передвижения людских коллективов (родов, племен и племенных объединений) были связаны с увеличением населения и поголовья скота, что требовало освоения новых пастбищ. Это была «вынужденная эмиграция» скотоводческих племен.

Маркс по этому поводу пишет:

«...Давление избытка населения на производительные силы заставило варваров с плоскогорий Азии вторгаться в древние культурные государства. Здесь под другою внешнею формою действовала та же причина, только оставаясь в небольшом числе, они могли продолжать быть варварами. То были пастушеские племена, охотники и воины: их способ производства требовал обширного пространства земли для каждого отдельного индивидуума, как-то имеет место еще поныне у индийских

¹¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Из неопубликованных рукописей К. Маркса. «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 164—165.

племен Северной Америки. Когда они увеличивались в числе, то сокращали друг другу площадь производства. Поэтому избыточное население было вынуждено пускаться в те великие сказочные странствования...»¹²

Специфика кочевого скотоводства требовала обширного пространства земли для прокормления стад. Любое пастбище, каково бы оно размера не было, без применения естественных наук (повышения урожайности трав, травосеяния и т. д.) могло прокормить только какое-то определенное количество скота, но не больше. Без применения естественных наук к материальному производству увеличение продуктивности пастбищ было невозможно. К тому же прокормление скота на том или ином пастбище во многом зависело от климатических условий, определявших состояние травяного покрова. Кочевые степи периодически подвергались летом неурожаям трав, зимой — большим снегопадам, гололеде и т. п., которые приводили к большому падежу скота. Неурожай трав, так же как и другие стихийные бедствия, заставляли кочевников двигаться в поисках новых пастбищ.

Таким образом, как только увеличивалось население и его стада, — сокращалась площадь производства (пастбища), и избыток населения давил на производительные силы, что приводило к тому, что избыточное население со своими стадами вынуждено было пускаться в «великие сказочные странствования».

Из истории древнего Казахстана мы знаем такие передвижения отдельных племен и племенных объединений, продолжавшиеся десятилетия, когда эти племена проходили расстояние в тысячи верст — от Ордоса до Семиречья и плоскогорий Памира, от Алтая до Причерноморских степей, вытесняя аборигенов, которые под их натиском в свою очередь двигались на запад.

Но говоря о массовых передвижениях племен, надо учесть, что уходило на новые земли не все племя (или союз племен). Какая-то часть племени кочевников оставалась на старых землях, используя лучшие пастбища. Они теряли связь со своими единоплеменниками, приобретали впоследствии иные языковые и этнические черты, смешиваясь с другими племенами, приходившими на их территорию, дробились, расселялись и т. д.

Очевидно, в этот период длительных передвижений (в одном направлении) и возникла своеобразная форма передвижного жилища — кибитка на колесах, которая была очень удобна для жизни кочевника, не знавшего длительных стоянок на одном месте. Восточные источники отмечают наличие кибиток в средневековье (до XVI в.), но возникли они, конечно, раньше. Передвижение производилось не только в теплое время года, но и зимой, как можно судить по позднейшим источникам XVI в.

В этих условиях длительных передвижений кочевников исключалась возможность присвоения земли в собственность рода, общины. Земля использовалась сообща на каждом новом месте стоянки. В это время у этих племен не могло быть земельной общины, общинной земельной собственности или землевладения.

По мере того, как то или иное племя или род прекращало свое движение и основывалось на одном месте, возникала определенность в использовании пастбищ; земля могла считаться принадлежащей роду до тех пор, пока на ней находился его скот, поедавший траву. Когда скот перегонялся на другое пастбище, прежнее оставалось свободным от

¹² К. Маркс. Вынужденная эмиграция. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 278—279.

власти рода. Для кочевника в этом сезоне оно уже не имело ценности, так как травяной покров на нем был уже скормлен скоту.

Но со временем, по мере того, как увеличивались стада и население на данной территории, опять сужалась площадь производства и снова требовалось ее расширение. Это было основным диалектическим противоречием в развитии кочевого скотоводческого общества. До тех пор, пока пастбищ было достаточно и ничто не ограничивало переход на новые свободные земли, это противоречие проявлялось не сильно, но со временем возникло такое положение, когда при движении одни племена сталкивались с другими, тоже кочевыми племенами и вынуждены были расширять свою площадь производства за счет захвата ее у других родов и племен. Борьба за пастбища между родами и племенами на заре развития и становления кочевого скотоводства была основным событием их истории.

Итак, в эпоху движения кочевников на запад и освоения новых территорий, населенных племенами, которые не перешли к кочевому скотоводству, нельзя говорить об общинном владении или собственности на землю. Земля — пастбища — использовались сообща на каждом новом месте стоянки, затем племя уходило на другие земли, которые также оставляло после истребления скотом травы.

Постепенно, в условиях естественного сокращения пастбищного пространства, возникало стремление племен к использованию одних и тех же пастбищ, сначала вообще в течение года, а затем по сезонам, но разными родами и группами. Так в некоторых районах начинала складываться пастбищно-кочевая система, т. е. чередование в использовании пастбищ по сезону, которая постепенно усложнялась за счет образования промежуточных весенних и осенних пастбищ, определенных для каждого рода, пока этот род кочевал на данной территории. Это была первичная форма родового землепользования, не усложненного какими-либо дополнительными условиями ее использования между отдельными членами рода и семейными ячейками.

Разделение на зимние и летние пастбища, как считают археологи, появилось у усуней в Семиречье на рубеже нашей эры, во всяком случае, у усуней, живущих в бассейне р. Или, хотя китайские источники не отмечают у них посезонного использования одних и тех же пастбищ и утверждают, что стада их перегонялись «вслед за травой и водой». К сожалению, древние оседлые стойбища в предгорьях Алатау археологами еще не исследованы, хотя и зафиксированы. Возможно, в дальнейшем и будут найдены оседлые зимники усуней, тогда представится возможность говорить о наличии у них (или у части усуньских племен Семиречья) отгонного или яйлажного скотоводства.

Но если такие формы скотоводства в этот период существовали в районах, близких к горам, где находились тучные летние пастбища для овец, то в Центральном Казахстане, в Приуралье, в приаральских и прикаспийских полупустынях было кочевое скотоводство без постоянных и сезонных пастбищ (летних, осенних, зимних и весенних), что отмечалось здесь и значительно позднее.

Вопрос о времени и местах возникновения кочевого скотоводства и формах скотоводческого хозяйства в древности почти совсем не изучен, и пока трудно что-либо сказать определенное в этом отношении¹³.

Несомненно, что сами формы скотоводческого хозяйства в какой-

¹³ См.: С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства у кочевников. Материалы по этнографии. Вып. 1. Доклады за 1958—1961 гг. по отделению этнографии Геогр. об-ва СССР. Ротапринт. Л., 1961, стр. 1—15.

то степени влияли на сложение форм общинного землепользования и на отношение к земле вообще, в особенности в период сложения кочевой системы с сезонным использованием пастбищ.

За последние годы, в связи с обсуждением вопроса об основах феодальных отношений у кочевников, в отдельных работах историков отрицается общее пользование (рода, племени) пастбищами в древности у кочевников. Чтобы подтвердить это обычно ссылаются на отмеченное китайскими хрониками запрещение народу пользоваться отдельными урочищами и пастбищами, которое устанавливали беки и ханы.

В одной из китайских хроник рассказывается о том, что глава усуней гунью (великий бек Цили-Ми) в первом веке до н. э. «обнародовал, чтобы никто не смел пасти свой скот на его пастбищах». Известен также другой факт, когда один из тюркских каганов в 630 г. имел в своем пользовании в Семиречье урочище Мынг-Булак, где летом паслись его стада.

«Он выпустил указ, — пишет китайский путешественник Сюань-Цзянь, — где сказано, что всякий, кто посмеет убить хотя бы одного оленя, — будет предан смерти без пощады».

В исторической литературе эти «запретные пастбища» обычно рассматриваются или как феодальная земельная собственность (?), или же как узурпация феодалами общинных земель в собственность; хотя самое большое о чем они могут свидетельствовать — это о праве преимущественного использования пастбищ главой раннефеодального государства в качестве платы за выполнение им общественных (главным образом военных) функций.

Некоторые позднейшие документы заставляют пересмотреть назначение этих «запретных зон». Так, в сочинении «Тарихи-ар-русул ал-мулук» ат-Табари написано, что хакан Абу Музахим (в 737 г.), получив в Навакете известие о выступлении наместника Хорасана Асада с войсками, «приказал своими людьми приготовляться. У хакана были заповедные луг и гора, к которым никто не приближался и не охотился там, они оставались для войны. Протяжение луга — 3 дня и горы — 3 дня. Они снарядились, пустили скот на пастбище, выдубили кожи диких зверей и сделали из них бурдюки, изготовили лук и стрелы»¹⁴.

Как свидетельствует этот отрывок, «запретные пастбища» были предназначены для содержания скота перед военным походом (очевидно, боевых коней, а возможно, и для нагула скота, предназначенного для питания воинов). Поэтому эти пастбища охранялись от истребления скотом, а распоряжался ими только хакан, как верховный военный вождь.

Итак, эти «запретные пастбища» никак нельзя считать земельной собственностью каганов.

Однако уже в IX—X вв. собственность на землю начинает возникать, но не в районах кочевого скотоводства, а в районах развивающегося оседлого земледелия, как общинная собственность и как собственность на усадьбу и пашню, так как всякое кочевое общество, несмотря на свою застойность, имеет тенденцию к движению вперед — к более развитым формам хозяйства.

Кочевое скотоводческое общество в Казахстане также развивалось, двигаясь к оседлости, к земледелию. Первые земледельческие оазисы возникли в VI—VII вв. при кочевниках тюрках, развиваясь далее в

¹⁴ С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. — Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. VIII. Алма-Ата, 1960, стр. 76.

тюркешско-карлукский период. К X—XI вв. на территории Семиречья и в среднем течении Сыр-Дарьи уже сложились крупные города, окруженные земледельческими поселениями.

В этот период развития земледелия и городов в сельских местностях и частично в городах, несомненно, складывалась земельная община. Однако сведения о земельной общине X—XI вв. в восточных источниках крайне ограниченные, и вопрос этот пока невозможно решить. Для нас ясно только одно, что в этот период земельная община существовала, имея, очевидно, специфические формы, присущие земледельческому Востоку.

Монгольское завоевание, разрушившее города и оседлые земледельческие поселения, привело к разрушению оседлой земельной общины.

Казахстан со времени монгольского нашествия стал страной, где преобладающей формой хозяйствования было кочевое скотоводство, а общественные отношения оставались патриархально-феодальными. В это время в центральных районах Казахстана кочевание происходило в кибитках на колесах как при движении на запад до монголов, так и при монголах в XII—XIII вв. Восточные авторы XIV—XVI вв. Ибн-Батута, Шерефеддин Йезди, Рузбехан и другие свидетельствуют о том, что кочевники жили и передвигались на телегах с поставленными на них юртами¹⁵. Очевидно, еще в конце XV — начале XVI в. были случаи передвижения поздней осенью по снегу.

«В середине осени, — пишет Рузбехан, — когда воздух Дешт-и-Кипчака становится холодным, выпадает масса снега и наступает время подумать о зимовках, казахи направляются к своим зимним обиталищам».

Вполне вероятно, что в это время еще не было обязательных промежуточных осенних пастбищ¹⁶.

До присоединения Казахстана к России так и не произошло перехода к оседлости и земледелию, и оно не стало господствующей формой хозяйствования, поэтому прервался и процесс сложения феодальной земельной собственности на базе земледелия.

Исторические события, происходившие на Востоке и в Западной Европе после распада Золотой Орды до XVIII в., в корне изменили внешнее положение Казахстана. В XVII в. окрепло русское государство, расширились его границы — сначала до Волги, затем до реки Урала и позднее (начало XVIII в.) по Иртышу — до Алтая, тем самым завершилось присоединение Западной Сибири к России. В Средней Азии складывались на местной этнической основе феодальные государства.

В этих условиях прекратилось традиционное движение кочевников из казахстанских степей на запад, за их пределы, в поисках новых пастбищ и объектов завоевания. Местное кочевое население оказалось замкнутым на этой, хотя и обширной территории засушливых степей, и его развитие было обусловлено использованием местных производственных ресурсов.

Предполагаем, что кочевание в кибитках на колесах, происходившее в степях Дешт-и-Кипчак и в начале XVI в., прекратилось, очевидно, в середине или к концу XVI в., т. е. тогда, когда приостановилось традиционное движение на запад и началось кочевание в основном с

¹⁵ А. А. Семенов. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбанихана. — Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, Т. XII, 1954, стр. 34.

¹⁶ Там же, стр. 33.

севера на юг (по меридиану) и обратно с использованием в Дешт-и-Кипчаке одних и тех же пастбищ посезонно.

Последнее известное нам упоминание о кибитках на колесах относится к началу 1509 г., когда Шейбани-хан совершил поход в юго-восточную часть Дешт-и-Кипчака и, разбив кочевников, по свидетельству Рузбехана, захватил большую добычу, в том числе больше 10 тыс. повозок-домов¹⁷. Кочевая кибитка сошла с телеги и превратилась в жилище, перевозимое вьюком, из расчета на более длительные стоянки.

Заселенность Казахстана постепенно увеличивается, растет и поголовье скота, которое в условиях экстенсивного кочевоводства по-прежнему требует больших пастбищных пространств. Постепенно использование пастбищ усложняется. Это приводит к тому, что одни и те же пастбища начинают использоваться одними и теми же родами посезонно.

Но еще в начале XVIII в. не было вполне установившегося владения пастбищами (во всяком случае летними), они еще не были закреплены за отдельными казахскими родами. Это тем более станет понятным, если учесть, что в то время происходили бурные столкновения с джунгарами, которые приводили к смешению и передвижению казахских племен. Военные набеги, столкновения и междоусобицы мешали закреплению пастбищ за родами.

П. И. Рычков в своих работах писал о том, что казахские орды — Малая и Средняя не имеют границ между своими кочевьями.

«Однако же случается иногда и то, что по оным рекам и речкам, особенно ж по Ори, Милибаю, Камышле и по другим, в реку Орь впадающим, також по Ярлыке, Кумаке и по Суюгдуке и Средней орды киргизы по нескольку кочуют. Ибо у них между собою в том никакого раздела нет, и споров не бывает. Однако ж по пространству степи так они располагаются, что иногда дня два или три, а иногда и больше конною ездою до улусов их пустоты бывают»¹⁸.

Из этого замечания Рычкова также видно, что границ в пользовании пастбищами между жузами не было, а заселенность была редкой. Даже ханы и султаны зачастую не знали, где будут кочевать подчиненные им рода и они сами.

«Киргиз-кайсацкие орды, владельцы, как и народ, — писал побывавший в 1743 г. в Меньшей орде Иван Лапин, — кочевьем своим пошли в Тургай, где и зиму кочевать намерены; Ерали же, султан, не знает, где кочевья найти, ибо степи все погорели, однако же лучше желает по Ори или по Иргизу; а Джаныбек-тархан намерен неотменно по Иргизу кочевать; а об Абулхаир-хане слышали, что он кочевье свое будет иметь на Сыр-Дарье, а о протчих неизвестно»¹⁹.

В этом отношении интересен также доклад генерал-майора Я. В. Боувера о положении дела в Среднем жузе в 1795 г., составленный для Екатерины II.

«Казахи, — пишет он, — не имеют на линии верного на зиму кочевья, ибо места занимаются ими для сего не по наследству, а по общему согласию, но самопроизвольно. Перекочевав на оных зиму, возвращаются в степь, не дав знать, будут ли паки на зиму на те же места. От сего кто прежде прибудет, тот и занимает лучшее кочевье, другие же, опоздав, не находят уже своих выгод и, злобствуя на первых, вы-

¹⁷ Там же.

¹⁸ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1877, стр. 98.

¹⁹ АВГР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1773, д. 3, лл. 119—123.

жигают траву, лишая через то скот на зиму корму, вредят лесам, а иногда и селениям, на начальников ее имеют негодование»²⁰.

Как видно отсюда, Я. В. Боувер для конца XVIII в. фиксирует захватное право землепользования у казахов.

Непрерывные войны и междоусобицы, столкновения и барымты да же в XVIII в. приводили к таким передвижениям кочевников, которые делали невозможным использование ежегодно одних и тех же пастбищ. В этом отношении характерно заявление батыра Букенбая, одного из инициаторов принятия российского подданства, Тевкелеву. Он говорил: «Киргиз-кайсацкой народ от худых своих людей, беспокойных поступков разбился и расселился, и разорился; когда джунгарские калмыки нападут — побегут в сторону, а башкирцы нападут — уходят в другую сторону, а волжские калмыки и яицкие казаки, и сибирское войско нападут, тогда уже бежать и места себе не находили, принуждены были от своего непостоянства кто куда попасть мог успеть, разбрестись. И о том о всем он, Букенбай-батыр, знает»²¹.

Как видно из этой цитаты, в условиях джунгарского нашествия и междоусобиц начала XVIII в. казахи не имели постоянных, четко определенных кочевий. Нужно учесть, что подобные же междоусобицы и войны были и до этого. Вся история казахских жузов, начиная со времени сложения первых казахских ханств, была историей непрерывных междоусобиц, походов и отступлений. Можно ли говорить в данном случае о каких-то установившихся феодальных землевладениях, ханских или султанских «вотчинах»? Очевидно, нет. Невозможно писать о каких-либо определенных границах землепользования для того или иного рода в условиях их непрерывных передвижений. Можно говорить лишь о коллективном родовом пользовании пастбищами. Но, конечно, это положение должно было изменяться в том случае, когдадвигающиеся на запад племена занимали определенную территорию кочевания. Определенность в использовании одних и тех же пастбищ появляется только после присоединения Казахстана к России, когда прекращаются нападения джунгар, взаимные набеги и барымта, затихают междоусобицы, сокращаются передвижения родов.

Несмотря на то, что в этих, еще не стесненных условиях кочевания занятия пастбищ было ничем не ограничено, кроме того, что ими кто-нибудь уже пользовался, кочевание регулировалось представителями власти — ханами, султанами, старшинами. Руководители родов, а иногда ханы и султаны давали указания, когда начать кочевку, какие пути избрать. Они же решали вопрос о спорных пастбищах и т. д. Это распределение кочевых путей и пастбищ внутри рода между группами аулов и, наконец, между родами, было неизбежным и необходимым условием пастбищно-кочевой системы: в противном случае вся система кочевания была бы нарушена. Начался бы хаос, неразбериха в землепользовании, что привело бы к хищническому истреблению пастбищ и гибели скота. Такое регулирование тем более было необходимо в условиях непрерывных внутренних междоусобиц, нападений извне и межродовой вражды и т. д. В бесклассовом обществе этим руководил старейший рода, родовой вождь. В классовом обществе руководство кочевками, регулирование сложной системой кочевания перешло к феодалам: султанам, биям, батырам, старшинам — политическим руководителям общин. Это право руководителей общин, родов, объединений родов и т. д. получило в литературе название «права распоряжения ко-

²⁰ Там же, 1794, д. 2, лл. 36—41.

²¹ Там же, 1743, д. 4, л. 10.

чевьями». К сожалению, оно было весьма преувеличено историками, которые увидели в нем феодальную собственность на пастбища. Нет необходимости говорить о том, что право распоряжения является лишь одним из элементов слагающегося права собственности. Право собственности включает в себя право пользования, право распоряжения, право владения и право отчуждения, которые по своему содержанию не являются тождественными.

Когда феодал, султан, хан указывал места кочевок тем или иным биям или когда аксакал — старшина указывал места кочевок для отдельных хозяйств, то отнюдь не потому, что эта земля являлась его собственностью, а в силу необходимости выполнять общественную функцию регулирования использованием пастбищ. Те примеры, которые обычно приводятся, чтобы показать, как султаны распоряжались кочеванием своих подданных, свидетельствуют о том, что эти распоряжения относительно кочевий ничего не имели общего с феодальной земельной собственностью. Так, например, Галдан-Церен в 1741 г. требовал от султана Среднего жуза подчиниться его указаниям при выборе района кочевок, но совсем не потому, что эти пастбища были его собственностью, а потому, что он стремился держать султанов поближе к себе, на известных ему местах и таким образом усилить их подчиненность. Приводится также пример из более раннего периода. Так, ссылаются на Мухамеда Хайдара, который, рассказывая о свидании хана Касыма с моголистанским ханом Султан-Сеидом, пишет: «... дело клонилось к зиме, и казахи по распоряжению Касыма двинулись на зимовки». Это распоряжение Касым-хана некоторые авторы считают доказательством того, что вся земля была его собственностью²².

Даже если бы такое указание хан Касым не давал, казахи все равно должны были бы отправиться на зимние кочевья, так как оставаться на летних зимой было невозможно — на вытравленных пастбищах мог бы погибнуть весь скот. Касым лишь определил время движения на зимние пастбища, которое вытекало из хозяйственной необходимости, руководствуясь политическими соображениями, в данном случае тем, что встреча с Султан-Сеидом произошла и оставаться на прежнем месте уже не имело смысла.

Вообще движение с летних кочевок могло начаться раньше, чем это делалось обычно, но могло иногда немного задержаться. Это определялось большей частью погодными условиями и тем, какой — ранней или поздней была осень или зима. Но при этом могли быть и политические мотивы, например, стремление избегнуть военного набега соседей и др. Вместе с тем надо отметить, что так называемое «право распоряжения» кочевьями и распределение их носило довольно условный характер. Как видно из материалов первой половины XIX в., общее направление кочевых путей и зимовки родов были определены.

Утверждение некоторых авторов о том, что ханы и султаны распределяли между родами кочевья перед перекочевкой ежегодно²³, является досужей выдумкой, не подтверждаемой никакими документами.

Это было невозможно в практике кочевого хозяйства при разобщенности политической власти ханов и султанов и ее неустойчивости, при территориальной разбросанности родов и т. д. Если бы это происходило в жизни, то оно нашло бы отражение в документах того времени. Перераспределение пастбищ наблюдалось только в тех случаях,

²² А. Еренов. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961, стр. 64.

²³ С. В. Юшков. К вопросу о феодальной собственности в досоветском Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1951, № 9.

когда из-за неурожая трав какой-либо род вынужден был пускаться между своими аулами инородцев, что обычно не проходило без споров и вмешательства султанов, биев и ханов. И совсем нельзя говорить о перераспределении кочевий в первой половине XIX в., ибо все источники того времени свидетельствуют о том, что кочевья и пути перекочевок уже не менялись: где кочевал, например, род шекты или табын в начале XIX в., там он оказывался и в середине XIX в.

Итак, первоначально кочевое скотоводческое хозяйство не знало границ земельных угодий, и само пользование ими отличалось полной неустойчивостью. Каждая группа хозяйств могла занять любые пастбища на никем еще не захваченной в этом сезоне земле, чтобы пользоваться ими в течение того времени, какое необходимо для прокормления стад.

Такое положение характерно и для оседло-земледельческих стран. Общине предшествовали не частное землевладение и землепользование, а свободное пользование землей, когда каждый мог занять любое пространство никем ранее не захваченной земли и пользоваться ею до тех пор, пока в этом была необходимость, а затем бросить ее и перейти на другое место. В этот период еще нет регулирования землепользованием со стороны объединенных между собою групп хозяйств.

Положение изменяется тогда, когда увеличиваются население и стада; когда в связи с этим кочевники сокращают друг у друга площадь производства, т. е. пастбища, и когда неограниченных пространств, которыми они располагали раньше, уже нет.

Это происходит в конце XVIII—начале XIX в. с разной интенсивностью и несколько одновременно в разных районах. XIX век был в земельном отношении периодом медленной, но непреодолимой ломки старых форм земельных отношений и зарождения новых форм, ранее неизвестных в кочевом производстве.

Дореволюционные исследователи начала XX в. четко определили этапы этого процесса.

«Сущность изменения земельных форм в киргизской степи до сих пор заключается в обособлении земельной собственности: сначала род обособился от рода, затем внутри начали обособляться мелкие родовые единицы, наконец, по отношению к некоторым угодьям (ценные обретаемые пастбища, покосы) обособление дошло до предела, т. е. до семейной собственности»²⁴.

Сначала под влиянием сужения площади производства, занятой под кочевое скотоводство, в связи с постепенным переходом к оседлости и земледелию, возникает такое положение, когда отдельные рода и племена стали использовать определенные пастбища. Появляется стремление обособить пастбища с целью ограждения их от использования другими родами, стремление закрепить эти земельные пространства за собой.

В этот период возникает форма родового землепользования, которое является в основном захватным, так как еще свободно практикуется принцип первого завладения пастбищами. Совершалось это не одновременно во всех районах, ибо сам процесс сужения площади производства происходил в разных районах неравномерно, что определялось многими как внутренними, так и внешними условиями (движение населения и его прирост, увеличение количества стад, периодичность урожая

²⁴ П. Хворостанский. Развитие форм землепользования в зависимости от хозяйства. «Тургайская газета», 1906, 26 марта.

ев и неурожаев трав и т. д.). Процесс этот мог быть медленным или быстрым. Процесс сужения площади кочевого производства в Казахстане после присоединения его к России стал протекать быстрее в связи с колонизацией казахских степей русским государством и последующим переселением сюда крестьян, развитием земледелия, русских сел и городов.

Стремление к обособлению кочевий для своего рода стало известно пограничным властям еще в середине XVIII в., когда отдельные казахские старшины старались добиться обособления в свою пользу при помощи русских властей. Так, командир Троицкой крепости майор И. Рененкамф в своем рапорте от 31 марта 1753 г. сообщал в Оренбургскую губернскую канцелярию, что батыр Кульсара «объявил, что они [т. е. казахи, подчиненные батыру] намерение имеют просить об отмежевании им по заречной стороне на поселение в удобных местах окружностей, дабы каждый род свою землю и отвод имел, где они, хотя не все, однако ж несколько желают и строение производить, и чтоб по отмежевании из роду в род земли и угодий не давать, но довольствоваться каждому своим отводом, и для того совету они Аблай-султана весною ожидают, который-де непременно в Троицкую будет; и о вышеописанном с просьбою в Оренбург нарочных пришлют»²⁵.

В это время завершается сложение пастбищно-кочевой системы с сезонным чередованием в использовании одних и тех же пастбищ родами.

Пока еще нет четкого ограничения пастбищ, слишком еще много свободной земли, хотя и различной по качеству травостоев. Здесь нет общины в том ее понимании, как она определяется ее социально-экономическим характером у оседлых крестьян-земледельцев.

Остановимся теперь подробно на этом процессе изменения отношений к земле у кочевников.

Уже в начале XIX в. начинается изъятие пастбищных земель сначала для казахских линейных поселений, а затем для крестьян-переселенцев. Отбирались пастбищные земли, расположенные по берегам рек и озер. Так была изъята большая полоса земли по левому берегу реки Урала для Уральского казачьего войска, затем, в начале 30-х годов, между реками Илеком и Уралом. Здесь в результате выпрямления военной линии между Троицком и Орском и образования так называемой «Новой линии» у казахов было захвачено 10 тыс. квадратных верст земли. Сюда в форпосты стали переселять казаков со Старой линии, затем началось заселение территории между этими линиями. В 1844 г. здесь было уже 33 казахских станицы. Казакам-новопоселенцам отводилось по 30 десятин земли на душу для постоянного пользования и по 15 десятин в запас на прирост населения, и, кроме того, к каждой станице прирезалось земли в запасный фонд на случай приселения (на 50 душ из того же расчета). Однако казаки-переселенцы не ограничивались отведенными им земельными участками, а пользовались любыми угодьями (как для сенокосов, так и для посева), расположенными между линиями. Здесь же между линиями захватили себе сенокосы и казаки из двадцати станиц со Старой линии. Казахи, кочующие внутри линии, остались без сенокосных угодий, а в это время, по подсчетам Оренбургской пограничной комиссии, здесь находилось до 7 тыс. казахских хозяйств.

Вполне уместно привести еще один документ, характеризующий положение казахов, кочующих между Новой и Старой линиями. Это жало-

²⁵ АВПР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1753, д. 3, лл. 14—16.

ба казахов-джегалбалинцев правителю Средней части орды Араслану Жантюрину.

«Неизвестно почему с 1847—1848 гг. с заведением на уральской стороне номеров [казахи имеют в виду дистанции] между Старой и Новой линиями, в особенности от Орской крепости до дистанции города Верхне-Уральска, лишили нас всех лучших сенокосных и хлебопашотных мест. Кроме того, жители номеров во время зимы не дозволяют нам пасти скот наш на тебеневках, говоря, что земля эта принадлежит им, мало того, что воспрещается пасти скот наш сказанными жителями, но даже оные угрожают вытеснить нас самих с мест, нам принадлежащих». Казахи далее просят отдать им обратно летние и зимние их кочевья и добавляют: «Если... мы будем вытеснены с мест, которыми издавна владели и на которых рождены, на места неудобные, то невольно должны будем лишиться всего состояния и не должны будем предвидеть возможности приобретать скот и вести жизнь свою по-прежнему»²⁶.

Однако ни эта, ни подобные ей просьбы ни к чему не приводили. В лучшем случае казахам отводили между линиями небольшие клочки земли, где могли расположиться не более 20—25 кибиток. Поэтому казахи вынуждены были уходить отсюда далее в глубь степи. Уходя, они попадали на кочевья других родов. Таким образом, казахи одной части жуза заходили на кочевья другой, один род — на кочевья другого; возникали споры, волнения. Пограничные власти пытались установить границы между территориями всех трех частей Малого жуза, «так как в последнее время начинает возникать из поземельного пользования много недоразумений со стороны киргизов и со стороны их начальства»²⁷, но из этого ничего не выходило.

В 30—40-х годах в Среднем жузе открываются внешние округа и появляются первые казачьи станицы, для которых также отчуждаются казахские земли. Еще раньше большое количество земель было изъято в Среднем жузе после устройства Горькой (Иртышской) военной линии. На севере Казахстана возникают первые русские поселки, которым отводится удобная, лучшая земля.

Изъятие пастбищ на севере приводило к нарушению пастбищно-кочевой системы и меридиональности кочевания. Тот или иной род, отделение, аул, лишившись кстау или жайляу, вынужден был довольствоваться худшими землями, которые считались принадлежащими другим родам и аулам. Занятие земель, находившихся в пользовании других родов, сопровождалось так называемой «межродовой» борьбой. В большинстве случаев под внешней формой ее скрывалась ожесточенная борьба за землю, за пастбища. Баи не оставались в стороне от этой борьбы, наоборот, они возглавляли и искусственно разжигали ее, ибо захват новых пастбищ у слабых «родов» был прежде всего в интересах самих баев, которые в процессе этой борьбы всегда выигрывали, захватывая лучшие участки.

Иногда баи использовали зависимых от них крестьян для захвата пастбищ у казахов, подчиненных другому баю. Но и в этом случае борьба между феодалами также проходила под видом «межродовой» борьбы. Она, конечно, не являлась выходом из создавшегося положения, а, наоборот, вела к ухудшению положения общинников, которые в результате барымты и набегов лишались скота. Земли становилось меньше,

²⁶ ЦГА КазССР, ф. 4, д. 3316, лл. 138—140.

²⁷ Там же, 1855, д. 4414, л. 28, 29 об.

чем было раньше, скот испытывал недостаток в пастбищах, учащались джуты и т. д.

Сокращение общей площади пастбищ не могло не отразиться на развитии скотоводства. Кочевое скотоводство в его наиболее экстенсивной форме становилось затрудненным.

Этот процесс еще с большей силой проявляется в связи с увеличением поголовья скота во второй половине XIX в. Так, в одном из источников конца XIX в. отмечается: «Количество скота быстро растет, и в настоящее время (1886 г.) нередко раздаются среди киргизов голоса, указывающие на недостаток мест, в особенности на недостаток сенокосов и зимних стойбищ»²⁸.

В отдельных районах Казахстана к концу XIX в. недостаток пастбищ был такой, что негде стало содержать скот. Вот что писали в 1879 г. управители казахских аулов и бии 11 волостей Туркестанского уезда: «В настоящее время киргизы нашего уезда... до такой степени стеснены, что через 2—3 года не в состоянии будут пропитывать себя, и легко допустить, что оставят навсегда Туркестанский уезд. И в самом деле, если войти в киргизский быт, то можно вполне убедиться, что киргизы более ничем не занимаются и тем только существуют на белом свете. При настоящем же положении нет никакой возможности существовать»²⁹.

Отсюда возникает стремление у отдельных подразделений, общин, групп обособить в свое пользование определенные пастбища, которые в условиях господствовавшего в степи свободного захвата всегда могли быть заняты другими. В первую очередь это обособление происходило по отношению к зимовкам. Объясняется это тем, что зимовые места для содержания скота должны были отвечать определенным физико-географическим условиям. Они приобретали ценность еще и потому, что зимой, как известно, мелкий скот перегонять на далекое расстояние нельзя. Таких зимних пастбищ, которые бы отвечали этим требованиям, было значительно меньше, чем летних.

Дореволюционные исследователи кочевого хозяйства вполне определенно отмечают причины этого.

«Потребность в таком регулировании землепользования явилась только тогда, когда значительно сократились зимние кочевки и многие хозяева начали ежегодно приходить на одно и то же место и проводить на нем несколько зимних месяцев»³⁰.

В процессе обособления пастбищ в пользование отдельных родов и подразделений обособились и кочевые пути с летовок на зимовки и обратно. «Вся степь как бы разбита на длинные и узкие полосы, вытянувшиеся на сотни верст в направлении либо с юга на север, либо от жарких долин на горные летние пастбища; и каждая такая полоса представляет собою обычный кочевой путь или район кочевков той или иной родовой группы. И такое чисто фактически обычное обособление кочевых путей и стоянок между родовыми группами при безусловной юридической свободе пользования было делом чисто хозяйственной необходимости: «Отдельные кочевые аулы, состоящие обыкновенно из 2—5 кибиток и составляющие в сущности одну большую семью, путешествуя на протяжении сотен верст по безлюдным и диким местностям, естественно, должны были придерживаться тех путей, где они чаще могли

²⁸ «Материалы по казахскому обычному праву». Алма-Ата, 1949, стр. 164.

²⁹ ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 3554, л. 12.

³⁰ Материалы по киргизскому землепользованию... Усть-Каменогорский уезд, Т. V. Воронеж, 1903, стр. 13.

встретить или настигнуть своих родственников, которые в случае какой-либо опасности: нападения крупных хищников или грабителей из других орд или племен, могли бы оказать помощь или защиту; при обширности пространств, находившихся некогда в пользовании кочевого населения, и при относительно ничтожной численности его, интересы всех и каждого заставляли поддерживать родственные связи, как единственное средство самозащиты»³¹.

Одновременно с обособлением пастбищ по родам происходит обособление их по группам хозяйств или хозяйственным аулам, сначала зимовок, а затем летних пастбищ из общих пастбищ рода или отделения. Как известно, кочевание большими массами с одних пастбищ на другие невозможно, оно ограничено определенным количеством скота, которое может прокормиться на пастбище. Поэтому внутри каждого рода сложились мелкие группы хозяйств, которые совместно проводили зимовку, совместно совершали кочевку. Эти группы были объединены родственной связью, понятием общей принадлежности к роду (руу), тайпа, атабаласы, но обычно не дальше третьего колена. В эту группу иногда входили и чужеродцы, принявшие покровительство возглавлявшего род бия, старшины. На лето иногда одни и те же группы объединялись вместе, в один аул, но в таком количестве, какое допускал совместный выпас их стад. Количество объединяющихся в такие хозяйственные группы кочующих совместно хозяйств было различным, определялось оно опять-таки количеством имеющегося в них скота. В отдельных случаях это могло быть 5—6 хозяйств, в других—10—12, а чаще—до 50 хозяйств разного социального и имущественного положения. Они пользовались определенными пастбищами, которые не занимались, как правило, другими хозяйствами. Их землепользование регулировалось обычным правом. Надо сказать, что пока границы пастбищ еще не уточнялись, определялась в основном только стоянка, пункт, на котором воздвигалась юрта и при ней находился «орыс», т. е. пастбища, которые служили для выпаса мелкого скота.

«Признаком принадлежности стоянки аулу служит помет зимовавшего здесь скота, откуда и само название таких зимних стоянок — «коун», т. е. уплотненный, растоптанный помет; если киргиз проведет на каком-нибудь месте зиму со своим скотом, оставит там «коун», так на будущую зиму он имеет право считать эту стоянку своей. По величине «коуна» можно судить о количестве на нем пасшегося скота, а следовательно, можно приблизительно определить и пространство окружающих пастбищ, которые используются этим скотом (орыс), что в свою очередь определяет местности, где могут быть основаны новые стоянки без стеснения скота первого зимовщика и последующих»³².

Вот эти группы хозяйств, объединенных между собою родством и соседством и правом совместного землевладения и землепользования одними и теми же пастбищами из сезона в сезон, из года в год, регулируемого обычным правом, и являлись пастбищно-кочевой общиной.

Остановимся теперь на вопросе о взаимосвязях рода и общины.

Как известно, Казахстан делился на три части, которые носили название «жузов»: Улу жуз (Большой, или Старший жуз), Орта жуз (Средний жуз), Кши жуз (Малый жуз). В каждый жуз входили определенные роды.

В XVIII—XIX вв. Большой жуз состоял из следующих основных родов: Уйсун, Канглы, Дулат, Атбан, Джалаир, Чапрашты, Суан, в

³¹ Материалы... Кустанайский уезд. Т. V, стр. 10.

³² Там же, стр. 26.

Средний жуз — Аргын, Найман, Кипчак, Уак и Кирей. Младший жуз разбивался на три поколения: 1) Алимұлы, состоявшего из шести родов: Карасакал, Каракисек, Кете, Торткара, Шокекей, Шекты; 2) Байулы, — из двенадцати родов: Адай, Жаппас, Байбахты, Маскар, Берыш, Қызляр, Исентемир, Серкеш, Тана и другие; 3) Джетыруу, — из семи родов: Табын, Тама, Кердери, Джегайбалы, Керейт, Тляу, Рамадан. Деление жузов на эти роды являлось весьма относительным. Еще до присоединения Казахстана к России большинство казахских родов, бывших искусственными образованиями, к середине XIX в. раскололось на несколько новых родов, отпочковав от себя подроды, которые также стали считаться и называться родами. Причины этого мы постараемся вскрыть дальше.

Каждый кочевник-скотовод считал себя принадлежащим к какому-либо роду.

Казахский род XVIII—XIX вв. имел совсем иное содержание, чем кровнородственный союз периода родового строя. Род в это время уже не являлся союзом кровных родственников. Этот факт с достаточным основанием отмечают как у казахов, так и у киргизов некоторые исследователи дореволюционного Казахстана. Так, например, А. Харузин пишет о казахских родах Букеевской орды следующее: «... вообще является более естественным считать киргизские роды за роды, так сказать, искусственные или сводные, т. е. что существующий иногда союз принимал в свою среду элементы со стороны добровольно или по повелению властителя, как, например, Чингисхана»³³.

Н. Аристов отмечает, что в состав родов входили не одни только родственники — это была весьма пестрая смесь выходцев из разных родов и даже целые группы иноплеменников³⁴.

Далее Н. Аристов говорит следующее:

«Родом (руук, ру) у киргизов — казахов и каракиргизов называется, с одной стороны, всякая из родовых ветвей и подразделений, но так как родовые деления и группы имеют политически-общественное значение, сверх кровного, иногда преобладающее, то слово род утратило свое строго родственное значение»³⁵. Уже с самого начала сложения казахской народности род находился на той стадии, когда «его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»³⁶.

В условиях патриархально-феодальных отношений род, так же как и многие другие институты первобытнообщинного строя, был приспособлен к новым классовым условиям и поставлен на службу формирующемуся классу феодалов. Он принял совершенно иное, классовое содержание.

Если в условиях первобытнообщинного строя род базировался на коллективной собственности на скот и совместном производстве рода, то теперь при частной собственности на скот и индивидуальном производстве отдельных семей, он стал органом господства и подчинения,

³³ А. Харузин. Киргизы Букеевской орды. Вып. 1, М., 1870, стр. 153.

³⁴ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. «Живая старина», 1896, вып. III/IV, стр. 393.

³⁵ Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды и каракиргизов. Спб., 1895, стр. 57.

³⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах. Т. II. М., 1948, стр. 297.

превратившись в надстройку кочевого патриархально-феодалного общества³⁷.

Во главе каждого рода или нескольких родов стояли султаны чингизиды, которые не входили в состав рода, так как считались «белой костью», т. е. власть султанов приурочивалась к родам. Иногда род был разбит на несколько частей, которыми управляли султаны, происходившие от одной ханской фамилии. Так, например, многочисленным родом Кипчак в первой половине XIX в. управлял не один султан, а несколько. Были султаны, под властью которых находились тысячи хозяйств, были и такие, которые имели под управлением меньше — несколько сотен.

Старшины, бии, батыры и более мелкие родоуправители входили в состав родов и подчинялись султанам.

Только наиболее крупным бытырам и биям удавалось избавиться от подчинения султанам и управлять родами самостоятельно. Такими батырами в XVIII в. были, например, Бокенбай, Исет, Джаныбек, в середине XIX в. — Есет Котибаров, управлявший одной частью рода Шекты, Данхожа Нурмухамбетов, возглавлявший другую часть рода Шекты (Кичкине Шекты — Малые шекты) в количестве 3500 хозяйств (до 17 тыс. человек).

Самостоятельными феодальными владельцами были также батыры Сююнкара, Араслан (Малый жуз), Суранчи (Большой жуз). Мелкими родами управляли бии-родоначальники. Родоуправители бии, баи, батыры боролись между собой за власть над родами. Если в каком-нибудь роде из среды феодалов выделялся новый бий и приобретал все большее и большее влияние, он старался стать независимым от бия, который управлял родом или отделением. С этой целью он стремился увести с собой часть казахов рода на отдельные кочевья. Если у него было для этого достаточно богатства и влияния, это ему удавалось. Таким образом от основного рода отпочковывались части рода, подчинявшиеся только «своему» бию (баю), который становился родоначальником. Так возникали новые «рода» и отделения, получавшие обычно название по имени возглавившего их бия.

Этот процесс возникновения «родов» у казахов в конце XIX в. отмечает В. В. Радлов. Ниже приводим его свидетельство.

«Так как кочевой народ совсем не имеет понятия о выборе главарей голосованием, то власть бия есть, в сущности, всегда власть захваченная силой известной семьи или ее представителем, которую другие признают лишь понуждаемые к тому обстоятельствами. Влияние бия не ограничивается отправлением им судебных обязанностей, но простирается на все дела общественной группы, которая ему подчиняется. При столь непрочной общественной связи, само собой разумеется, значение подплемени возрастает со значением и влиятельностью руководящего им бия. Благодаря ему связь между аулами укрепляется, подплемя получает большое влияние сравнительно с другими подплеменами: отдельные семьи, даже целые аулы присоединяются к нему, так как находят в этой новой общине лучшую защиту своих интересов. Таким образом возникают часто из новых, вначале незначительных подплемен, благодаря личному влиянию биев, сильные влиятельные общины; имя бия становится для этой общины новым племенным име-

³⁷ См.: В. С. Батраков. Особенности феодализма у кочевых народов. В сб.: «Научная сессия Академии наук УзССР». Ташкент, 1947; его же. О воспроизводстве родовых отношений у кочевых народов Средней Азии. «Известия АН УзССР», 1949, № 3.

нем, которое не утрачивается и после смерти бия. Такой процесс нам случилось наблюдать к югу от Бухтармы у самостоятельных, независимых ни от России, ни от Китая, «каратайцев»³⁸.

Бий, отделившийся таким образом с частью кочевников от рода, находившегося под управлением какого-либо бая, получал монопольное право управления ими и суда над ними, т. е. монопольное право эксплуатации.

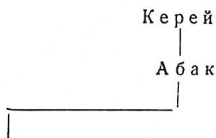
Для подтверждения сказанного приведем выдержку из одной статьи Г. Загряжского, изучавшего вопрос об искусственном образовании киргизских родов.

«Принадлежность киргиза к тому или иному роду не есть постоянная и неизменная. Стоит кому-нибудь из них перекочевать из земли сарыбагышей к султам, он уже не называется сарыбагышем, а становится султом; перейдя к саякам, становится саяк... Но это можно сказать только о простом народе, о бохаре... Разделение же на роды сохраняют манапы и строго их держатся. Появление нового отдела зависит от появления нового батыра: около него собирается дружина удалцов, его именем прикрывается несколько бедняков и называют себя его детьми, отсюда происходят названия: дети Каная, Карабека, Карбуза, Сарыбагыша и т. д. Отец передает сыну свой народ, который он успел связать с собой привычкой к грабежам, общими счетами по баранте, и вот является новый род: канай, карбуз и т. д. Появление многих родов очень недавнее — одно-два поколения, даже теперь формируются новые роды. Так, отделение канай распадается на три: байтысовы дети, башкеевы и байсеитовы дети. Колена башкеев и байсеитов отошли на Талас, и поэтому два последние часто носят общее название башка-байсеит. Манапы, от имени которых теперь начинают различаться некоторые новые каракиргизские отделения, все живы и все родные дети Каная»³⁹.

В связи с тем, что в середине XIX в. происходит дробление родов, появляется много новых отделений, которые со временем становятся также «родами», принимая новое название «родов».

Так, например, из рода Кипчак выделяются «роды» Джолода, Курисут, Утелсары, Кожан, Кажибек и др. В свою очередь эти так называемые «роды» делятся на ряд отделений: Кулубаш, Кочаке, Абулкасым и т. д. Характерно, что в большинстве случаев названиями новых «родов» и отделений являются имена собственные тех баев, биев, которые первоначально возглавляли эти отпочковавшиеся «роды».

Вот более подробное деление рода Керей, явившееся результатом отпочкования от него частей, ставших родами. Как мы можем заметить, почти каждый из этих родов имеет свои подроды, ставшие родами (например Бегназар). К этому надо добавить, что кроме подрода Абак, Керей имел и другие ветви (например, Ашамайлы), которые в свою очередь разбивались на ряд родов, как и Абак.

1. Жастабан

³⁸ В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. Спб., 1893, стр. 60—70.

³⁹ Г. Загряжский. Очерки Токмакского уезда. «Туркестанские ведомости», 1873, № 10.

2. Алдакадыр
3. Коянак
4. Кутыке
5. Бегимбет (Бегназар, Косай)
6. Бегназар (Кожегельди, Кудайберди, Жэукер, Койлыбай)
7. Кожегелди (Жамбай, Алгабай, Колибай)
8. Жамбай (Есембай, Айбас, Манабай, Жарылгап)
9. Есембай (Болек, Есембай, Едилбай, Байган)
10. Болек
11. Мынгат
12. Божей (Муратбек, Экебай, Рахымбай, Ахан, Мухаметбек)

Вот эти мелкие родовые единицы, появившиеся в результате отпочкования от основных родов, их дробления и образования новых, и составляли земельную общину казахов. При увеличении населения общины образовывались новый «род» и новая общинная группа.

Подтверждение этому можно найти в списке общин Акмолинского округа (до 200 общин), состоявших более чем из 9 тыс. хозяйств (1847—1850 гг.)⁴⁰. В этом списке указано, к какому роду принадлежит каждая община, состоявшая обычно из 40—60 хозяйств (один или два аула). Составители указывают над списком общины отделение, род, часть рода. Например, отделение Айдарбул, род Алиб, часть Койтору, или: отделение Алачачек, род Токбура, часть Сеит и т. д.

Как видно из самих названий эти отделения, рода и части — ответвления от какого-то большого рода (Кипчак, Аргын и т. д.). Каждая община имеет свое родовое наименование, обозначаемое составителями как «часть». Причем характерно, что во всем списке нет двух общин одного «рода» или «части».

Сведения о принадлежности общин к вторичным, третичным и т. д. родоподразделениям в большинстве числе приведены в материалах обследований казахского хозяйства Ф. Щербины и П. Румянцева.

Приведем одну из таких таблиц об общинах рода Найман:

Найман
Окреш
Сугурче
Ктай
Толегетей
Каракерей
Байторы
Баис
Сары (от Мурун)

Баргана	Аюбас	Джанибек	Калыбай	Мурзабек	Маргул	
1	1	3	1	1	2	
Айбас	Кармыс	Бакы	Тныбек	Алтыбай	Боркы	}
2	2	1	1	1	1	
		Быте				
		Чакаман				
		Байболат				
		Есполай				
		1				

Из этой таблицы видно, какое количество общин входило в то или иное подразделение (количество проставлено под наименованием подразделения). «Род» мог состоять из одной, двух, трех и более общин —

⁴⁰ ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 5103 (все дело).

это зависело от того насколько многолюдным было подразделение, от количества пастбищ и других причин (см. «Материалы по киргизскому землепользованию. Усть-Каменогорский уезд», табл. 10 и др.).

Все это говорит о том, что большое значение в сложении пастбищно-кочевой общины имели пережитки патриархально-родового строя, в особенности родовое устройство, хотя род давно уже потерял свое прежнее значение кровнородственного союза. В основу объединения скотоводов в общину легла их принадлежность к низовым родовым подразделениям.

Таким образом, во многом оказывается прав П. Румянцев, который писал об общине, что меньшие группы хозяйств, вместе пользующиеся одним или несколькими видами угодий, концентрически входят в большие, причем как каждая из групп, так и вся эта сложная организация построена по родовому принципу⁴¹.

То, что в условиях кочевого скотоводства (до тех пор пока оно оставалось преобладающим занятием населения) сложились общинное землепользование и общинная, а не частная собственность на землю, во многом определялось самой спецификой и системой кочевого скотоводства, как типа хозяйственной деятельности человека. Отношение кочевника к земле происходило не непосредственно, а через коллектив, т. е. через племя, род, общину. Земля — пастбища использовались сообща, именно поэтому собственником земли становится коллектив — община.

Сама специфика кочевого скотоводства определяла общинное землепользование, которое было необходимым его условием и препятствовало присвоению земли в частную собственность отдельных лиц.

Ч. Ч. Валиханов, который прекрасно знал историю казахов, писал об этом: «Мы устраивали свою жизнь, принаравливаясь к требованиям скотоводства. У наших предков постоянных зимовок не было, точно также как и приуроченных мест для летних пастбищ. Когда в одном месте был голод, киргизы уходили на другие, более благоприятные, не стесняясь никакими расстояниями. Киргизы Младшего жуза летом кочевали под Оренбургом, зиму проводили на Сыре и в песках Борсук и Каракум. Киргизы Среднего жуза в одно лето из-под Семипалатинска шли к Троицку и обратно»⁴².

Однако господство общинного землепользования и отсутствие земельной собственности у кочевников определялось не только самим характером хозяйства, но и уровнем общественных отношений — неразвитостью феодализма. Известно, что не на всех этапах феодализма отношение основного производителя к земле, как к средству производства, является одинаковым.

Классическая форма феодализма предполагает, что вся земля, или почти вся земля, выступает, как собственность феодалов, а непосредственные производители — крепостные крестьяне не имеют земли в своей собственности, они получают ее в пользование от феодала в качестве надела. Феодал использует землю, как средство получения рабочей силы для обработки земли в своем помещичьем хозяйстве и вместе с тем эксплуатирует крестьян на своей земле для получения прибавочного продукта. Такое отношение к земле характерно не для всех этапов феодализма и не для каждой страны.

Неправильно также считать, что феодальные отношения при раз-

⁴¹ Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области. Т. IV. Верненский уезд. Спб., 1913, стр. 121.

⁴² Ч. Ч. Валиханов. О кочевках киргиз. «Записки ИРГО по этнографии», 1901, т. 29, Спб., стр. 222—223.

ных исторических условиях должны иметь в своей основе крупную земельную собственность.

Исторические факты говорят о том, что сама крупная земельная собственность не есть обязательный признак и условие феодализма. Ведь сама по себе земля не является социальной категорией, а становится ею в процессе производства. На Востоке во многих странах не было крупной феодальной земельной собственности—собственником земель выступало государство, владельцем их — община. Бывали и другие варианты, когда общинная собственность являлась основной собственностью на землю в условиях раннефеодального государства. В иных случаях государственная собственность переплеталась с собственностью общинной, они сосуществовали, мирно уживаясь между собой.

Маркс и Энгельс, изучая законы развития человеческого общества, обратили внимание на своеобразное развитие стран Востока вообще и кочевнических стран в частности. Они неоднократно в своих работах и в переписке отмечали своеобразие общественных отношений в странах Востока; например, указывали на отсутствие частной феодальной собственности. Так, Маркс в письме к Энгельсу от 2 июня 1853 г. писал, что на Востоке «в основе всех восточных порядков лежит отсутствие частной собственности на землю. Вот настоящий ключ даже к восточному небу».

«Отсутствие земельной собственности, — ответил на это Энгельс, — действительно является ключом к пониманию всего Востока. В этом основа всей политической и религиозной истории»⁴³.

В основе земельных отношений в этих странах лежала общинная собственность на землю, или общинное владение землей. Исторические данные говорят о том, что к таким странам Востока относится и Казахстан, где феодальные отношения к тому же не достигли развитых форм, оставаясь на стадии раннефеодальных.

Казахстан в этом отношении не был исключением для Востока. Но если в иных оседло-земледельческих странах Востока земля считалась собственностью феодального государства, то здесь развитие общественных отношений не дошло до этого, ибо и сама государственность еще не достигла развитой формы феодальной государственности, а находилась в процессе ее сложения. Большое значение в этом формировании феодальных отношений имеет форма хозяйственной деятельности человека, которая в свою очередь определяет основное средство производства из всех возможных (земля, леса, воды, недра, скот, сырые материалы, орудия производства, производственные здания, средства сообщения и связи и т. п.). Если у крестьян-земледельцев основным средством производства являлась земля, у охотничьих народов Севера — леса, у рыболовов побережий океанов и морей — водоемы и т. д., то у кочевников-скотоводов — скот. Эксплуатация в обществе кочевников, когда оно становится классовым, основывалась на концентрации в руках феодального класса скота, как основного средства производства. Конечно, земля в условиях кочевого скотоводства также занимала определенное место в системе производства, как важнейшее его условие, поскольку скот на ней содержался, но при наличии больших, первоначально неограниченных степных пространств владение не землей, а скотом являлось определяющим фактором сложения классовых отношений.

До проникновения в Казахстан капиталистических отношений, до развития оседлости и земледелия здесь не существовало частной соб-

⁴³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1953, стр. 73.

ственности на землю, а господствовала общинная собственность на землю, и было общинное землепользование.

Такое же положение с землей характерно вообще для кочевых народов — от Крайнего Севера до Аравии.

Формы землепользования изменялись тогда, когда кочевой народ начинал переходить сначала к яйлажному скотоводству, а затем к оседлости (оседлому скотоводству или земледелию).

Можно согласиться с А. А. Кауфманом, что у казахов-кочевников земельной общины такого типа, как у русского крестьянина-земледельца, или типа более усложненной сибирской общины, конечно, не было, поскольку казахи еще не перешли к оседлости и земледелию.

В Казахстане была община специфической формы — пастбищно-кочевая. Земельная крестьянская община того же типа, как у русских крестьян, начинает складываться в Казахстане в конце XIX — начале XX в. в связи с оседанием казахов и переходом их к земледелию и сенокосению.

Какое количество хозяйств входило (в среднем) в пастбищно-кочевую общину у казахов? На основании русских официальных источников XIX в., можно считать, что в среднем такая пастбищно-кочевая община состояла в первой половине XIX в. из 40—50 хозяйств. Затем она мельчает, составляя в начале XX в. 20—30 хозяйств, а в отдельных районах и меньше. Все эти хозяйства состояли между собой в большинстве случаев в отношениях близкого или дальнего родства. Иногда это родство было фиктивным — в тех случаях, когда община состояла из байских крупных хозяйств и живущих с ними кедеев, которые фактически обслуживали хозяйство богатых скотоводов.

Количество хозяйств, составлявших общину, было различным в разных районах. Там, где была пастбищная теснота, община была меньше по своему размеру, там, где пастбищ было больше, где еще были необжитые запасные пастбища, хотя с худшим травостоем, которые, однако, можно было использовать после дождливой весны, община была больше. Так, по статистическим данным, в Букеевской орде в 40-х годах XIX в. некоторые общины состояли из 3—5 хозяйств⁴⁴. Объяснялось это тем, что там, при общей суженности территории орды между Уралом и Волгой, в условиях захвата общинных земель и разбазаривания их ханом Джангером, община была вынуждена дробиться, расселяться. В западных районах Казахстана она состояла из 30 и более хозяйств, а в центральных районах, в тургайских и иртышских степях достигала иногда 50 хозяйств, которые расселялись небольшими семейными аулами, но вели совместное кочевание.

«Размер общины в пустынных районах Казахстана (в Прикаспийской низменности) определялся количеством скота, которое можно было напоить в течение дня из специально вырытого для этого колодца или из того колодца, который оказывался на пути передвижения стад. Так было у адаевцев»⁴⁵. Но здесь мы опять-таки должны сделать одну оговорку. Дело в том, что величина общины определялась также и ее имущественным состоянием: тем, сколько она имела скота. Чем больше имелось скота в общине, тем она была меньше. Количественный состав хозяйств общины определялся самой спецификой кочевого скотоводства:

⁴⁴ В. Ф. Шахматов. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алмата, 1947, стр. 126.

⁴⁵ С. И. Руденко. Указ. работа, стр. 7.

большое поголовье стад требовало их рассредоточения на пастбищах на большом расстоянии.

Маркс говорит об индийской общине: «Если население возрастает, на невозделанной земле основывается новая община»⁴⁶.

То же самое происходило и с пастбищно-кочевыми общинами, когда увеличивалось население этих общин и поголовье скота. Часть скотоводов уходила иногда из общины на пастбища, которые были еще не освоены или мало заселены, и создавала там новую общину по образцу старой. Количество хозяйств, составлявших общину, могло изменяться в зависимости от того, благоприятным ли для скотоводства был год. Число хозяйств обычно увеличивалось в джутовые зимы, когда скот погибал и требовался коллективный труд по добыванию корма для спасения хотя бы части скота. Тогда аулы сходились вместе. Иногда в такое время в одно место собиралось по нескольку поредевших от голода общин с частью своего сохранившегося скота. Большое значение в это время имела родовая помощь.

Когда наступала весна, эти обедневшие хозяйства с остатками своего скота уже не расселялись по старым кочевьям, а образовывали по составу хозяйств и людей новую общину вместо нескольких ранее существовавших. Но зато в благоприятные для скотоводства годы, когда был хороший травостой на пастбищах, иногда происходило дробление общины: часть хозяйств уходила на новые, в этом году ставшие богатыми кормом пастбища, и если урожай трав был несколько лет подряд, эти хозяйства оставались на новом месте и там складывалась новая община.

Совпадала ли пастбищно-кочевая община с аулом? Это важно знать, ибо многие историки считают каждый аул общиной, а общину называют аульной по аналогии с деревенской, сельской. В отдельных случаях община могла совпадать с аулом, т. е. аул имел свои кочевки, на которых не кочевали хозяйства других аулов. Аул знал границы своих пастбищ. Но чаще всего в общину входило несколько небольших аулов, которые использовали пастбища, не деля их между собой, но сами расселялись только потому, что так было удобнее для содержания на подножном корму около аула молодняка и дойных кобылиц. Подобное положение было в практике скотоводческого хозяйства, чаще чем другие вариации. Община-аул появилась тогда, когда началось обособление земель, дробление общины, захват баями пастбищ. Итак, иногда аул представлял собой общину, иногда же в состав ее входило несколько аулов, которые периодически, в зависимости от самых разнообразных причин, или сходились, или расходились.

Аулы байгушей часто состояли не из родственных между собой семей. Это были люди из разных общин, которых объединяло не совместное использование земли, а просто совместная жизнь для борьбы с нищетой и голодом. Аулы байгушей не представляли собой пастбищно-кочевой общины, так как не имели скота, а без него пастбища не нужны.

Состав общины был неоднородным: в ней находились байские хозяйства, которых было 3—5, середняцкие и бедняцкие, последних было большинство.

Вот цифровые данные об одной общине Акмолинского округа Атхожа-Қарпықовской волости за 1847—1850 гг.⁴⁷

⁴⁶ К. Маркс. Капитал. Т. I, М., 1949, стр. 365.

⁴⁷ ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 5103, л. 46 и об.

	Аулы	Юрт	Мужчин	Женщин	Лошадей	Рогатого скота	Баранов	Верблюдов
Отделения Тлемис, рода Самаевского, части Тюбеть								
Аульный старшина Байсент Каукин	1	6	6	7	55	—	189	15
Ведения его киргиз:								
1. Боктай Саргалдаков	—	1	2	1	5	—	26	1
2. Джурка Джапаков	—	2	3	2	431	—	—	9
3. Кырбаша	—	1	1	3	2	—	148	1
4. Малдыбай Чоров	—	1	5	1	1	—	50	1
5. Исенгул Бостанов	—	1	1	1	3	—	27	—
6. Джолды Даутов	—	1	2	1	3	—	50	2
7. Бердень	—	1	3	1	—	3	17	1
8. Кульбай Узденбаев	—	1	1	2	49	5	150	4
9. Тенизбай	—	2	2	3	84	—	690	6
10. Сокур Бостанов	—	3	5	2	34	3	200	4
11. Баянды Кулгарин	—	2	5	6	217	—	71	10
12. Тюлеюн Кудасов	—	1	2	1	—	—	—	1
13. Бекбулат Алызов	—	1	3	1	1	2	11	1
14. Джумагул Сугуров	—	3	3	5	180	—	228	15
15. Садыр Абылов	—	1	2	1	—	—	—	4
16. Чонку Мынбасов	—	1	1	1	29	—	12	2
17. Кожебай	—	1	1	1	7	—	14	1
18. Адиль Джанысов	—	1	1	4	18	—	87	3
19. Саптай Бердин	—	2	2	2	41	—	41	4
20. Ильток Чукин	—	1	2	1	2	2	10	1
21. Сексень Абызов	—	1	2	2	—	—	—	—
22. Темирбек Койбагаров	—	1	3	1	2	4	6	1
23. Байсал Чалов	—	1	2	2	8	—	20	3
24. Муса Хожин	—	3	1	3	50	2	169	10
25. Ильток Аязбаев	—	1	1	1	3	—	55	2
26. Абды Тюбетев	—	4	10	4	24	—	260	10
27. Сартпай Мурзатаев	—	1	2	2	4	—	27	1
28. Калакай Чагалаков	—	1	2	1	1	2	7	1
29. Карымсак Тортаев	—	1	1	2	—	—	68	2
30. Байгожа Тюбетев	—	1	2	3	37	—	91	7
31. Мандай Кудасов	—	1	2	3	2	—	11	2
32. Кенеспай Баубеков	—	1	2	1	16	—	41	4
33. Сыздык Байчулаков	—	1	2	1	1	—	—	1
34. Испул Тлемисов	—	3	3	3	11	—	69	4
35. Конджа Базаргельдин	—	7	13	9	10	4	70	7
36. Искара Дюсенов	—	1	1	1	1	—	7	1
37. Биюра Джансакалов	—	2	4	7	1	—	40	—
38. Курдияр Бийбагыров	—	1	5	3	6	—	80	5
39. Кабалак Букчин	—	1	3	1	6	—	118	2
40. Менджасар Кутпаев	—	1	1	1	1	—	—	2
41. Кокчагул Бопанов	—	4	5	4	37	—	220	6
42. Джаныбек Джапаков	—	1	1	2	74	—	57	4
43. Садыбек Джапаков	—	1	2	2	3	—	18	1
44. Тлеукабыл Бийайдаров	—	1	9	1	48	—	25	4
45. Токсар Кобеев	—	4	9	4	20	—	101	14
46. Оспан Секеров	—	2	3	2	3	—	21	2
47. Буранбай Саптаяков	—	1	3	1	—	—	12	1
48. Ермек Кююков	—	1	1	2	6	2	18	—
Итого:	1	84	141	116	1537	31	3635	183

Как видно из этой таблицы, где перечисляются все хозяйства общины, она включала в себя самые разные в социальном отношении хо-

зайства, в том числе и средних феодалов, т. е. баев и биев. В этом заключалось ее отличие от русской общины, которая объединяла лишь крестьян и в которую не входили представители феодального класса. Здесь возникает вопрос: входили ли в общину султаны? Как это видно из материалов о султанских хозяйствах, султаны кочевали самостоятельно вместе со своими тюленгутами, родственниками и рабами, не смешиваясь с основной массой других аулов и рода, но иногда на землях тех родов, которыми они управляли.

Н. Н. Аристов так писал об отношении султанов к земле: «Сами султаны — привилегированный владельческий класс, владеют и владели землями на родовых правах: земли принадлежат всему султанскому роду, считая в его составе и тюленгутов, т. е. невольников и слуг, а не лично султанам»⁴⁸.

Когда в середине XIX в. начались среди казахов земельные захваты общинных земель, они не миновали и тех земель, которыми пользовались султаны. Некоторые султаны в то время жаловались на лишение их сенокосов, луговых пастбищ разными обществами и просто баями и рядовыми казахами. Возникли также споры за землю между султанами, например, среди потомков султанов Вали и Чингиза в Среднем жузе.

Как видно из архивных материалов, крупные султаны — ханские потомки — управители родов, которых было немного, не входили в казахскую общину. Они кочевали отдельно, самостоятельными аулами, на земле, которая была в их пользовании вместе с их родственниками и тюленгутами, или на землях родов, которыми управляли. Мелкие султаны не имели отдельных кочевий и кочевали на общинной земле вместе с общинниками.

Приводим данные о двух султанских аулах, где показано количество кочевавших с султанами хозяйств тюленгутов и казахов разных родов⁴⁹. (См. стр. 30).

В случае, когда султаны использовали общинную землю, они обычно завладевали лучшими пастбищами. Неопределенность границ общинного землевладения давала им широкую возможность для захвата общинных пастбищ.

По своему социальному характеру община там, где есть государство, прежде всего институт управления. «Принадлежащие им [общинам] первоначально общественные функции — суд и полиция — становятся теперь функциями, возложенными на них, вверенными и предписанными им государством»⁵⁰.

Несомненно, что пастбищно-кочевая община в какой-то мере входила в систему слагающегося феодального государственного управления в Казахстане. Известно, что оседлые общины обычно имели на своем содержании отдельных лиц, управляющих общиной. Это старшина, который часто соединял в себе функции управления и суда, мирабы — наблюдатели за каналами и водохранилищами, священник, учитель, кузнец, плотник и т. д. В общинах разных стран количество этих людей и выполняемые ими общественные функции были различны.

Как в этом отношении обстояло дело в казахской пастбищно-кочевой общине? Такие люди были и в казахской общине, хотя и в меньшем количестве, чем в оседло-земледельческих общинах, и несколько на

⁴⁸ ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 14, д. 56, л. 38.

⁴⁹ ЦГА КазССР, ф. 374, д. 4831, л. 5.

⁵⁰ Из неопубликованных рукописей К. Маркса. «Советское востоковедение», 1958, № 4, стр. 6.

	Аулы	Юрт	Мужчин	Женщин	Лошадей	Рогатого скота	Баранов	Верблюдов
1. Султана Булхайра Сарина	1	2	4	7	248	37	629	35
Тюленгутов его	—	9	29	34	10	27	14	2
Болтабая Муратова	—	3	9	8	16	19	190	4
Киргизцев Теменгельской волости рода Базаргельдинского								
Секленя Алдагурова с товарищи	—	13	20	13	50	30	249	8
Итого	1	27	62	62	324	115	1082	49
2. Султана Абая Худаймендина	1	1	2	3	113	19	302	11
Тюленгутов его Дюйса	—	9	22	19	9	12	39	3
Тастемирова								
Рода Темешевского киргизцев	—	9	38	37	112	58	467	18
Андамача Бекмамбетова	—	4	18	23	79	30	389	11
Искеня Джилка Абдаунова	—	3	7	4	57	17	239	8
Соракаска Дюсева								
Итого	1	26	87	86	370	136	1436	108

инном положении, чем там. В казахской пастбищно-кочевой общине был свой старшина (аксакал), но он не находился на содержании общины, хотя получал от общинников подарки в виде сугума.

В XIX в., кроме таких старшин-родовичей, были старшины, назначаемые царским правительством или султаном-правителем. Они входили в систему государственного аппарата и получали жалованье от государства.

Отдельные казахские общины содержали мулл, которые обучали детей корану и арабской грамоте. Несколько общин могло содержать мечеть и муллу при этой мечети, внося на их содержание ежегодный зякет. За счет общины иногда жил баксы, выполняющий функции костоправа, врача. Функции предсказателя погоды, коновала и т. п. выполнялись без всякой платы теми, кто знал это дело.

Бий — судья также жил не за счет общины, в которой он числился бием, а своим хозяйством, хотя получал часть аипа и плату за разбор дела — бийлик. Здесь не было низового полицейского аппарата и общинной стражи и т. п.

Существовала ли в казахской пастбищно-кочевой общине круговая порука, аналогично крестьянской оседлой общине? Да, круговая порука существовала, но в специфических формах. Так, например, община несла ответственность наряду с ближайшими родственниками преступника за совершенное им преступление перед родственниками пострадавшего от преступления лица. Кун (плата за кровь), аип (штраф) иногда вносили не только ближайшие родственники, но и вся община, если кун был большой. Община также несла ответственность за барымту (угон скота), совершенную сородичем-общинником в другой общине или роде, подвергаясь ответному набегу или же уплачивая штраф. То же было и в отношении потравы пастбища чужой общины.

В конце XVIII — начале XIX в. существовала круговая порука при уплате налога—кибиточной подати и ясака русскому государству. Если обедневшие члены общины или нескольких общин, находившихся под управлением одного старшины, не могли уплатить ясак или кибиточную подать, то за них ее вносило «общество». Таким образом, круговая порука, с древнейших времени связывавшая общинников между собой, становилась круговой порукой перед государством.

Еще один вопрос интересен при рассмотрении специфических черт общины у кочевников—это вопрос о том, имел ли место свободный уход из общины рядовых общинников, в особенности тех, которые могли вести самостоятельное хозяйство. Несомненно, что в условиях непрерывных междоусобиц, барымты и межродовой вражды уход из общины одного или нескольких хозяйств был невозможен. Такое хозяйство, ушедшее от сородичей, чтобы кочевать самостоятельно, становилось добычей враждебного рода или же лихих степных аламанщиков-барымтачей. Так продолжалось до тех пор, пока в Казахстане не установилось относительно спокойствие после введения российской системы управления. С этого времени уход отдельных хозяйств сделался возможным: обедневшие скотоводы уходили поближе к городам, к торговым поселкам, к русским селам, порывая связь с общиной.

Для этой пастбищно-кочевой общины характерна натуральная замкнутость. Каждая скотоводческая семья представляла собой почти совершенно самостоятельную хозяйственную единицу: она производила продовольствие для своего потребления, делала жилища (юрты), сама изготовляла домашнюю утварь, несложные орудия кочевого производства, дубила кожи, ткала и шила одежду. Скотовод, попадая на рынок, обменивал там только то, что было лишним в его хозяйстве, причем обменивал на самое необходимое, а если это был полуфеодал, то — на предметы роскоши.

Эта община непрерывно воспроизводила самое себя, пока в ее недрах не зародилось ремесленное производство и не стали выращивать скот для рынка. Она обнаруживала живучесть и застойность. Самое худшее, что могло ее постигнуть, — это неурожай трав, вторжение неприятеля, суровая зима, приводящая к гибели скота. Но в отличие от оседлого земледельца, хозяйство которого могло быстро восстановиться, так как оставалась нетронутой его земля, а зачастую орудия производства и жилище, кочевник при набеге неприятеля, при неурожаях трав и в тяжелые зимы терял основное средство производства — скот и был обречен на гибель от голода. Для восстановления стада, хотя у скотовода и оставались пастбища, требовалось длительное время. Поэтому в отличие от общины земледельческой пастбищно-кочевая община при таких условиях обычно распадалась, а иногда погибала, если не было возможности сохранить рабочую силу.

Эта замкнутость общин и определяла их устойчивость. Маркс писал о самодовлеющей устойчивости деревенских общин.

«Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем, объясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в таком резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий.

Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходившими в облачной сфере политики»⁵¹.

Какое количество земли имели казахские общины? Для разного времени это были различные величины, которые изменялись в зависимости от района кочевания, его населенности, от качества пастбищ, а в большинстве случаев от того, сколько общине удавалось захватить земли в свое пользование.

«Распределение земли между отдельными киргизскими общинами крайне неравномерно», — писал Т. И. Тихонов в начале XX в. В Кокчетавском уезде, например, земельные общины различались по размерам землепользования на зимних, осенних и весенних пастбищах следующим образом:⁵²

Общины, имеющие на одну мужскую душу земли в десятинах	Число земельных общин	На одного хозяина приходится десятин земли
До 15	14	37
15—30	46	82
30—45	81	119
45—100	189	211
100—200	97	407
200—300	45	748
Свыше 300	18	1531

В казахских пастбищно-кочевых общинах не было характерного для русской общины принципа уравнительности землепользования по наделу (на душу). Можно отметить лишь уравнительность в пользовании сенокосами, и то в некоторых общинах на севере (Омский уезд). Исследователи прошлого неоднократно отмечали неравномерность распределения пастбищ между хозяйствами.

«В среднем расчете» на кибитку [хозяйства] в перезимовках приходится в Актюбинском уезде от 54 до 1356 десятин, в Кустанайском, в северной части, — от 31 до 2187 (у одной кибитки отмечено 15 882 десятины), в южных волостях — от 26 до 3857 десятин»⁵³.

Эта неравномерность в пользовании землей имела большое значение в дальнейшей эволюции земельных отношений по линии разложения общинного землепользования. К Маркс в конспектах работы М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» сделал интересное замечание о причинах превращения пользователей своих индивидуальных наделов в частную собственность в оседлой общине Индии.

«...Раздоры, возникавшие вследствие увеличивающегося неравенства наделов, — пишет Маркс, — которое в дальнейшем должно было привести и к другим имущественным неравенствам — неравенству притязаний и т. д., короче, ко всякого рода общественному неравенству, должно было вызвать со стороны фактически привилегированных лиц стремление укрепиться в качестве собственников»⁵⁴.

Это же можно отнести и к Казахстану, где в дальнейшем скотово-

⁵¹ К. Маркс. Капитал. Т. 1, 1949, стр. 366.

⁵² Т. И. Тихонов. Хозяйственный быт киргизов Степного края. «Тургайская газета», 1901, № 11, 12.

⁵³ Азиатская Россия. [Сб.] Киргизский край, раздел «Земельные отношения у инородцев» стр. 539.

⁵⁴ Из неопубликованных рукописей К. Маркса. «Советское востоковедение» 1958, № 4, стр. 5—6.

ды, пользующиеся большими участками пастбищ, стремятся обособить их для себя, на правах владения и собственности.

Обычное право казахов предусматривает равные права всех хозяйств общины по отношению к земле. По обычному праву каждый мог пользоваться землей, поскольку она была нужна для хозяйства. Пользование было уравнительным, так как скот содержался на пастбищах совместно. Но затем пастбища обособляются внутри общинных владений отдельными хозяйствами. Происходило это потому, что в состав общины входили самые различные в имущественном отношении хозяйства: здесь были и крупные бай, и середняки, и бедняки, которые, однако, пасли скот совместно на одних и тех же пастбищах. Совместный выпас скота пастбищно-кочевой общины обуславливался не только общностью пастбищ, но и тем, что фактически стада общинника-бая пасли: его же одноаульцы, сородичи, бедняки или середняки. Это положение связано с патриархально-родовым прошлым, когда собственность на скот была общей. В условиях классового общества бай имел большие стада, а следовательно, должен был использовать и большие площади пастбища. Таким образом, внутри этой общины фактически сразу же после ее возникновения появилась неравномерность в пользовании землей: бай, имевший больше скота, фактически использовал больше пастбищ общины. Но формы землепользования оставались прежние: скот бедняка пасся рядом со скотом бая. Более того, хотя землепользование было общинное, но это не означало, что бай и другие члены общины пользовались пастбищами одинакового качества. В условиях ограничения пастбищ, уменьшения их количества сокращалось и количество хороших пастбищ. Для бая большое значение имело то, на каких пастбищах находился его скот. Он, естественно, стремился к тому, чтобы его скот находился на лучших пастбищах из всей общинной земли. И он добивался этого в силу имущественного превосходства и власти родоначальника, а также и потому, что часть кочующих с ним крестьян была от него экономически зависима.

Вот что писал современный, изучавший кочевое хозяйство казахов: «Общинное пользование земель дает возможность богатым владельцам казахам захватывать под тебеневку скота лучшие земли»⁵⁵.

Таким образом, для бая, имевшего большие табуны и стада, общинное землепользование оставалось выгодным, так как пастбищами, которыми владела община, больше пользовался он, бай, имеющий больше скота. Фактически это давало право баю пользоваться по выбору всей общинной землей. Пока земли кругом было много и каждая община пользовалась большими территориями, бай не был заинтересован в том, чтобы иметь какой-то ограниченный собственный участок земли. Именно поэтому он всячески отстаивал и ограждал общинное землепользование. Поэтому пастбищно-кочевая община обнаруживала стойкую живучесть.

Но в конце XIX в., а в некоторых районах раньше, когда произошло сужение пастбищных пространств, для бая возникает опасность ограничения в использовании общинной земли. Общины растут численно, увеличивается поголовье скота у них, уменьшается количество свободных земель и т. д. В этих новых условиях бай первыми начали наступление на общинное землепользование, выступая в силу эксплуататорской природы своего хозяйства поборниками частного землепользования и землевладения.

⁵⁵ Обзор Тургайской области за 1916 г. Оренбург, стр. 89.

Таким образом, только сложившись, пастбищно-кочевая община тут же, в процессе своего возникновения, начинает испытывать мощное воздействие внутренних противоречий, порождаемых развитием экономической жизни и внешним экономическим воздействием России. Это влияет, прежде всего, на замкнутость общины, т. е. на натуральное хозяйство. Начинается ломка этой замкнутости и разложение общины и одновременно сложение новых форм землепользования и нового отношения к земле. В данном случае происходит тот процесс, который является характерным для любой страны при разложении феодальных отношений. Но здесь, в Казахстане, он начинается при общей неразвитости этих феодальных отношений, т. е. в условиях отношений патриархально-феодальных.

В результате захватов создавалось неравномерное пользование землей.

«В настоящее время все земли, официально считающиеся принадлежащими одному аулу, — писал в 1896 г. податный инспектор Омского участка, — разбиты фактически на массу чрезвычайно неравномерных участков, принадлежащих небольшой группе кибиток, считающих себя потомками известного рода или колена, а так как родовое начало несомненно падает, родство забывается и путается, то дробление, благодаря несогласию в этих вопросах, идет все дальше и дальше, а следовательно, все больше и больше является ненормальностей в пользовании землей, поделенной неизвестно на каких основаниях»⁵⁶.

Далее автор, основываясь на работе Астафьева, указывает, что распределение земельных угодий (по Омскому уезду) весьма неравномерно, на часть хозяйств приходится до десяти тысяч десятин, а на некоторые — только три десятины.

Все эти данные о неравномерности распределения пастбищных угодий и пользования ими говорят о том, что в этом случае при общинной собственности и владении землей выступает фактическая неравномерность в пользовании ею.

Баи, султаны захватывали земли большими участками, по несколько урочищ, причем самых лучших в округе, расположенных по берегам озер. Так, например, бай — старшина Среднего жуза Бигень Атабаев захватил пять урочищ около озер Кара-Кат, Ак-Жигит, Аш-Шигель, Катта-куль общей протяженностью 15 верст и шириной 5 верст. В урочище у озера Кара-Кат он имел пятистенный деревянный дом с пристройками. Вместе с ним находилось 11 семейств его родственников. На всех урочищах можно было накопить до 170 копен сена. Здесь же располагались и пашни бия.

Учбулакский окружной приказ отметил в своем отношении Омскому областному начальству, что Бигень Атабаев «делает вред для киргиз, занимая... самовластно себе излишние чужие места и сенокосы, которыми прокармливал русский скот и лошадей, каждую зиму брал оный из крепости Николаевской за плату... Имеет также и другие частные свои виды, а не подлинно благоразумную мысль к настоящему хозяйственному устройству своего малозначительного хлебопашества»⁵⁷.

Баи захватывали зимовки и в то же время под джайляу для своего скота по-прежнему использовали пастбища рода.

⁵⁶ ЦГА КазССР, ф. 142, оп. 1, д. 396. Из годового отчета податного инспектора Омского участка Акмолинской области А. Морозова в Омскую казенную палату от 21 мая 1896 г., стр. 1—35.

⁵⁷ ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 406, св. 47, лл. 316—321.

Архивные дела Оренбургской пограничной комиссии этого времени полны жалоб казахов Малого жуза на захват у них земель — зимовок и сенокосов. Так, 25 сентября 1834 г. старшина рода Тана (западная часть Младшего жуза) Джалбык Тайланов донес в Оренбургскую пограничную комиссию, что «султан Джаксолык Айчуваков насильственным захватил у них сенокосные места»⁵⁸.

В мае 1844 г. на джайляу казахов рода Табын отделения Тушан прикочевал бий Даукарин с казахами Назаринского отделения рода Тама и «стал вытравливать луга». Когда же табынцы попытались согнать скот со своих лугов, то Даукарин «избил 6 человек, захватил одного табынца в качестве аманата»⁵⁹.

Если казахи не признавали за баем права пользования захваченным участком, то бай мог подтвердить его силой, в случае, приведенном выше, при помощи своих аткаминеров и приспешников.

Султаны-правители и ага-султаны, облеченные властью, в первой половине XIX в. также начинают захватывать земли не только для себя, но и для своих родственников, причем и те пастбища, которые находились в частном пользовании скотоводов, ведущих уже полуоседлое хозяйство. Так, например, в жалобе Кокчетавскому окружному приказу казашка Чулпанке Бекбулатова 22 октября 1830 г. писала:

«На принадлежащих мне зимовках при урочище Джильтау султан Камбар Чингизов приказал своим киргизцам выкосить всю траву, а необходимые в зимнее время скотные выпасы вытравливать скотом и такую наглостью делать мне большую обиду. Двух табунщиков моих Камбар избил жестоко. Я ездила к нему нарочно и спрашивала, по какой причине он мне наносит такую несносную обиду, на что он, Камбар, ответил мне, что урочище сие султан Габайдулла Валиханов отдал для зимовки Куттумбет-Караульской волости киргизцам Тлей Илеманову и Кучтаю Искеннову, причем показал мне бумагу от Габайдуллы Валиханова, в коей Габайдулла пишет, что урочище Джильтау должно быть в распоряжении султана Камбара, которое отдано куттумбетовским киргизам»⁶⁰.

Если бай в течение долгого времени использовал под пастбища один и тот же участок общинной земли, то постепенно для него право пользования могло превратиться в право владения. Но право владения не означало права собственности на эту землю: земля не отдавалась в надел и, наконец, не продавалась ни внутри сословия, ни вне его. После смерти феодала участок переходил в пользование к его сыновьям и родственникам, которые, так же как и он, эту землю использовали как общинную.

Так возникает частное пользование, а затем и частное владение пастбищами, разрушающие основы общинного землепользования и владения.

Земля, захваченная баем для частного пользования (пастбища, сенокосы, пахотные участки), не использовалась для эксплуатации основного производителя, для получения ренты. Основой эксплуатации по-прежнему оставалась собственность на скот.

В Казахстане отсутствовала феодальная земельная рента, и ни одного источника, указывающего на это, пока нет.

⁵⁸ ЦГА КазССР, ф. 4, д. 2900, 1864, л. 204 и об.

⁵⁹ ЦГА КазССР, ф. 4, д. 1794 «О потраве киргизами Таминского рода луговых мест у киргиз Табынского рода в 1834—1846 гг.», л. 24.

⁶⁰ ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 275, св. 22, л. 275.

Известный исследователь Казахстана Н. Н. Аристов в своей докладной «О поземельном устройстве в Семиреченской области в 80-х годах» писал, что у казахов «поземельной ренты не существует. Кочевки находятся только во владении: летние — всего рода, а зимние — части его, или аулов. Даже пашни принадлежат роду, или его частям, пользование же иногда переходит в руки отдельных лиц, но большей частью принадлежит меньшим родовым единицам — аулам»⁶¹.

Некоторые историки, утверждающие, что в Казахстане, так же как и в развитых феодальных земледельческих странах, существовала феодальная монополия собственности, не могли привести ни одного примера земельной ренты, а тем более указать на размеры и формы ее.

Все утверждения о наличии феодальной земельной ренты в Казахстане в условиях кочевого скотоводства основываются лишь на голословных утверждениях, не имеющих под собой никакой реальной почвы. Для доказательства этого чаще всего ссылаются на сбор зякета ханом Джангером в Букеевской орде. Но зякет был налогом, не связанным с использованием земель. Свидетельством того, что зякет в Букеевской орде не являлся земельной рентой, может служить то, что он не соответствовал размерам земельных участков, находящихся в собственности у отдельных лиц.

Здесь необходимо было бы остановиться на общинном владении и пользовании водными источниками, в частности колодцами, которые имели большое значение в скотоводческом хозяйстве в степных безводных районах. Но этот вопрос уже освещался нами в печати, и чтобы не повторяться, отсылаем читателя к статье «О собственности на водные источники в кочевых районах Казахстана в XIX в.» («Известия АН КазССР, серия историческая», 1956, вып. 3).

Царское правительство и местные власти всячески ограждали казахскую общину от распада, препятствуя развитию частной собственности на землю, хотя проникновение сюда капиталистических отношений и хозяйственное развитие края требовали новой политики.

Среди чиновников местных административных органов довольно многочисленная группа влиятельных лиц по-прежнему придерживалась мнения о необходимости во что бы то ни стало сохранить кочевое скотоводство в том виде, в каком оно существовало. Так, известный своими работами по истории и хозяйству Тургайской области ветеринарный врач А. Добросмыслов писал в 1895 г.:

«Мы должны заботиться не о насаждении земледельческой культуры в киргизских степях, а принимать все меры и напрягать все усилия, чтобы киргизская степь осталась по-старому скотоводческой страной, при упадке скотоводства в России, наши обширнейшие киргизские степи должны быть всецело сохранены, как места исключительно предназначенные для скотоводческой культуры»⁶².

Эта группа, считая, как и их предшественники в первой половине XIX в., что казахи «одним только скотоводством полезны для империи быть могут», заботясь о казахском кочевом хозяйстве, как источнике животноводческого сырья для России, были противниками насаждения частного землевладения в казахских степях. Поэтому многочисленные ходатайства баев-феодалов о наделении землей во владение, или о закреплении зимовок и летовок в частное пользование, ходатайства об образовании оседлых поселений, как и раньше, не удовлетворялись.

⁶¹ ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 14, д. 56, лл. 37, 38.

⁶² А. А. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 287—288.

Эти чиновники даже противодействовали развитию земледелия и оседлости, полагая, что это неизбежно приведет к уменьшению пастбищ для кочевания и отрицательно скажется на кочевом скотоводстве. Землепользование «по родам» всячески ограждалось от разрушения.

Иной точки зрения придерживалась другая группа местных деятелей, в основном служащих переселенческих управлений. Они считали необходимым развитие земледелия среди казахов и постепенный переход от кочевания к оседлости, в условиях которой земельные площади будут использоваться более рационально, чем в условиях кочевого скотоводства. При этом они, на основании статистических данных, доказывали, что быстрое распространение земледелия и сенокосения есть непреложный факт и процесс этот в условиях крестьянской колонизации и сокращения пастбищных площадей для кочевничества остановить уже невозможно. Эта точка зрения нашла свое отражение во многих опубликованных работах переселенческих чиновников и экономистов, изучавших хозяйство казахов конца XIX — начала XX в.

В этих противоположных точках зрения на отношение к казахской общине и на развитие частной собственности на землю отразилась та борьба, которая происходила в России вокруг прусского и американского путей развития, борьба между старым феодальным способом производства и нарождающимися капиталистическими отношениями.

Но пока господствующим, так сказать, официальным мнением по вопросам земельных отношений оставалась первая точка зрения, которая осуществлялась на практике местными властями. В этом плане вопрос об отношении к земле был решен и во «Временном положении 1868 г.», направленном в целом против «родового начала» у казахов. «Положение» ломало управление по родам, ограничивало власть родовых феодалов и т. д., но в области земельных отношений оно оставляло прежнее «родовое землепользование», ограничивая образование частной собственности на землю у казахов, хотя при этом, очевидно комиссия, разрабатывавшая проект «Положения», исходила из того, что в конечном счете казахи перейдут от кочевого к оседлому быту, в условиях которого возникнет и частное право на землю.

Чтобы показать из каких предпосылок исходила комиссия при разработке законодательной части «Положения» о земле, приведем одну интересную корреспонденцию от 7 июня 1868 г., извлеченную из «Туркестанского сборника».

«Самую трудною задачей в устройстве степей будет законодательство относительно прав поземельной собственности и владения. Господствующий там кочевой быт есть отрицание всяких понятий о поземельной собственности. Между тем, с одной стороны, естественное возрастание населения уже значительно стеснило приволье кочевников, и в кочевом населении уже возникают стремления к оседлости и потребность в определении хотя бы некоторых прав на землю, каковы права на зимовые стойбища, так, что сами киргизы уже являются с просьбами о разборе их споров о правах на землю, с другой — привлечение русских переселенцев и возбуждение промышленной деятельности в этом крае (сюда относится, например, возникший на киргизских землях горный промысел) необходимо требуют издания каких-либо положительных законов о правах на землю в степях. Комиссия предлагает в своем проекте установить некоторые первоначальные основания для прав о земельной собственности. Важнейшие из них следующие: занимаемые киргизскими кочевниками земли признаются государственными и предоставляются в общественное пользование киргиз, летние кочевки предоставляются в общественное пользование целого уезда, зимовые стой-

бища отдаются в личное владение хозяев кибиток, и все постройки и жилье, которые будут заведены ими, составляют их полную наследственную собственность; общество обязано отводить особые участки в постоянное пользование людей, желающих заниматься земледелием; все леса признаются государственной собственностью.

Эта попытка положить первое начало некоторой юридической определенности прав на землю в народе, ведущем образ жизни кочевой и потому неприязненным к всякой подобной определенности, встретит на практике немало затруднений; нелегко подчинять быт народа понятиям, взятым из гражданского быта европейских народов. Только естественная сила вещей, густота кочевого населения относительно пространства, мало-помалу устраняющая условия, необходимые для кочевого быта, превратит его в оседлый и приведет к созданию необходимости личных прав на землю»⁶³.

Земельный вопрос во «Временном положении» и был разработан, именно исходя из этих предпосылок. Авторы «Положения» считали, что единственно возможным и целесообразным землепользованием у казахов при их кочевом быте может быть только общинное землепользование. Именно поэтому «Временное положение» не предусматривало каких-либо мероприятий, направленных к сложению частного владения, или частной собственности, так как, повторяю, царское правительство хотело сохранить кочевое скотоводство, как источник животноводческого сырья, и считало, что всякая другая система землепользования нарушит пастбищно-кочевую систему казахов и приведет к упадку скотоводства.

Кроме того, когда разрабатывались эти статьи, имелось в виду в будущем переселение русских крестьян в Казахстан, а частное земле-владение привело бы к ряду затруднений при отводе земель для поселенцев.

По «Временному положению 1868 года» вся земля в Казахстане объявлялась государственной собственностью и передавалась в пользование казахских общин. Все земли, находившиеся в пользовании казахского населения, делились на зимние стойбища — кстау и летние кочевки — джайлау и обрабатываемые земли — пашни. В «Положении» говорилось, что пользование летними кочевками «определяется народными обычаями».

В статьях 215 и 216 «Положения» указывалось, что при распределении зимних пастбищ между аулами и хозяйствами принимается во внимание «размер хозяйства и количество скота. Распределение это вносится в особую книгу, которая хранится у волостного правителя». В примечании к статье 216 оговорено, что границы участков могут быть обозначены какими-нибудь условными знаками.

«Положение» гласило, что казахское население на отведенном ему зимнем стойбище и на пашнях имеет право обзаводиться жильем и возводить хозяйственные постройки, и общество не может требовать их сноса. Эти постройки составляли частную собственность и могли быть проданы.

«Земли, занятые постройками, переходят в наследственное пользование, — говорилось в «Положении», — пока существует строение». Таким образом, «Положение» в земельном вопросе зафиксировало нормы казахского обычного права. Новым было то, что аульным обществам, а также отдельным аулам разрешалось сдавать свои участки в

⁶³ Туркестанский сборник. Т. 6. 1868, стр. 277.

аренду или уступать право на пользование ими русским переселенцам, крестьянам и т. д.

«Временное положение» касалось Степного края, т. е. вновь образованных областей — Уральской, Тургайской, Семипалатинской и Оренбургской. Что же касается других областей Казахстана — Сыр-Дарьинской и Семиреченской, то отношение к земле населения этих областей определялось «Положением по управлению Туркестанским краем 1867 г.» (согласно которому и были образованы эти две области): Каких-либо отличий по вопросам земли в сравнении с «Временным положением 1868 г.» оно не содержит. В 1886 г. было издано новое «Положение об управлении Туркестанским краем». Статьи 270—272, 275—277 этого «Положения» о земле почти полностью повторяют аналогичные статьи «Положений» 1867 и 1868 гг.

Закрепление общинного землепользования уже во многом не соответствовало экономической обстановке, тормозило начавшийся распад казахской пастбищно-кочевой общины, способствовало консервации патриархально-феодалных отношений и задерживало проникновение в сельское хозяйство новых капиталистических отношений.

В 1891 г. царское правительство издало так называемое «Степное положение», представляющее собой свод статей об управлении учрежденными по «Положению 1868 г.» областями Акмолинской, Тургайской, Семипалатинской, Семиреченской и Уральской. В основу «Степного положения» было положено «Временное положение 1868 г.», но внесен ряд изменений и дополнений в разделы об управлении, податном обложении, суде и т. д. «Степное положение» фактически оставило без изменения поземельное устройство казахов, установленное «Временным положением 1868 г.» В статье 119 «Положения» говорилось, что «земли, занимаемые под кочевья, в том числе и леса, признаются государственной собственностью». В статье 120 указывалось, что «земли эти оставляются в бессрочном общественном пользовании кочевников на основании обычаев и правил сего «Положения».

В других статьях говорилось, что «земельные стойбища и обрабатываемые земли предоставляются в бессрочное пользование каждой волости и аульного общества отдельно по действительному пользованию и согласно обычаям, а в случае споров — по количеству имеющегося скота и размерам хозяйства» (статья 122).

Что же касается летних пастбищ, «то они остаются в пользовании кочевников по обычаю» (статья 127).

В статье 125 было указано, что «земли, обрабатываемые, а равно занятые постройками и насаждениями, переходят по наследству доколе земля возделывается или существуют строения и насаждения: постройки составляют собственность владельцев, но лицам, не принадлежащим к обществу, могут быть отчуждаемы только на снос».

И, наконец, в статье 128 было сказано, что «по взаимному соглашению общества как на зимовках, так и на летовках отводятся особые участки для хлебопашества и сенокосения. Распределение участков предоставляется добровольному их соглашению по обычаям».

Как видим, в данном случае в «Степном положении 1891 г.» фактически не сделано никакого шага вперед, а существующее общинное землепользование закреплено по казахскому обычному праву.

Интересны мотивы, определившие такое консервативное отношение к земельному вопросу в Казахстане. Они выражены в суждении Государственного совета по проекту «Степного положения». Обычная форма землевладения у кочевников-скотоводов состояла всегда в общественном пользовании поземельными угодьями: места зимовок и ко-

човек, а также и обработанные земли считались принадлежащими роду, по праву фактического владения и давности, а внутри рода распределялись по соглашению между его членами. С утверждением русской власти в крае земли киргизской степи фактически перешли в распоряжение правительства, которое, сохранив народу внутренний строй его жизни, признавало обычные права киргизских родов на пользование землей. В статье 849 «Законов о состояниях» сказано: «Кочевые инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли».

С введением в областях «Временного положения» основы землевладения кочевников также не были изменены, но место рода заступила волость, и решение поземельных вопросов в волости стало принадлежать общественному управлению. «Вводить в настоящее время в поземельное устройство кочевых инородцев какие-либо другие начала, для которых современный их экономический быт не представляет достаточно твердой почвы, преждевременно, потому настоящий закон предоставляет кочевникам степных областей право на бессрочное пользование государственными землями, в пределах фактического владения, по народным обычаям»⁶⁴.

Таким образом, политика царского правительства в земельном вопросе была направлена на сохранение прежних форм общины и общинного землепользования и против образования частной собственности на землю в Казахстане. В этом проявилась реакционная политика дворянско-помещичьего правительства России по отношению к крестьянству, в том числе и к казахскому скотоводческому крестьянству. Эта политика царизма тормозила проникновение капитализма в сельское хозяйство Казахстана, консервировала патриархально-феодалные отношения в ауле.

---

⁶⁴ Сб.: «Переселение и землеустройство в Азиатской России». Сост. В. Вошинин. Пг., 1915, стр. 265—266.

Т. Ж. ШОИНБАЕВ

К ВОПРОСУ О ПРИСОЕДИНЕНИИ СРЕДНЕГО ЖУЗА К РОССИИ

Вопрос о присоединении Казахстана к России в нашей исторической литературе получил принципиальное марксистское освещение. Однако все еще имеется ряд недостаточного выясненных, а зачастую и вовсе неясных моментов по этому периоду. В частности, не совсем полно и всесторонне изучены внешнее и внутреннее положение Казахстана в период присоединения его к России, вопрос об уровне и развитии производительных сил Казахстана в это время и др.

В связи с этим возникает необходимость продолжить глубокое изучение и разработку вопросов, касающихся присоединения Казахстана к России.

В предлагаемой статье на основе привлечения архивных и других источников сообщаются некоторые данные по вопросу о положении Среднего жуза в 30—40-х годах XVIII в.

***

Заинтересованность казахов Среднего жуза в подданстве России усилилась к 30-м годам XVIII в. Инициатором подданства явилась батырская группа во главе с Букенбаем, который был одним из героев борьбы с Джунгарией в 20-х годах. Он являлся современником «актабан-шубринды» (годов «великого бедствия»). Именно в это время (в 20-х годах XVIII в.) определилась политическая ориентация Букенбая, который был убежден, что обеспечить казахам безопасное существование может только Россия. Букенбай считал также, что русское подданство обеспечит казахам кочевья у Яика и торговлю на русских рынках.

В подданстве были заинтересованы и старшины, которые рассчитывали получить выгодные зимовки на правой стороне Иртыша и защиту посредством русских крепостей.

Однако больше всех в русском подданстве были заинтересованы широкие массы трудящихся казахов, стремившиеся к мирной жизни. Известно, что в годы «великого бедствия» сильнее всего пострадали кочевья Среднего и Старшего жузов. Часть Старшего жуза и некоторые роды Среднего под натиском джунгар перекочевали к Ходженту. Старший жуз стал вассалом Джунгарии. Большинство жителей Среднего жуза откочевало к Самарканду. На северо-запад от гор Каратау, в Тургайские степи, бежали аргыны. Военное вторжение Джунгарии:

нанесло большой ущерб скотоводческому хозяйству казахов Среднего жуза и ускорило хозяйственный кризис.

Военная угроза со стороны Джунгарии не была ликвидирована и после Ангыркайской победы¹. В связи с этим жизненно необходимо было изыскать средства безопасного существования, что особенно усиливало тяготение к России трудящихся казахов Среднего жуза.

О том, что казахи Среднего жуза хотели быть в подданстве России, подтверждают «распросные речи» казаха Среднего жуза Баячи Тюлеева. В июне 1731 г. Баячи Тюлеев сообщил в канцелярию Уфимского воеводского управления: «Оболгаир [Абулхаир] и Шемяки [Семеке], ханы и иные киргиз-казахи ныне желают быть во услужении и в вечном подданстве под протекциею ея императорского величества»². Баячи Тюлеев также рассказал о намерении ханов отправить послов в Россию с просьбой к императрице принять казахов в русское подданство.

20 июня того же года в Уфу прибыли послы Абулхаира — Семеке и Кушука, Кутлумбет Кошбаев и Сеиткул Кунангулов, которые привезли два письма хана Абулхаира — императрице Анне Ивановне и уфимскому воеводе Бутурлину³. В беседах с уфимским воеводой послы говорили: «А их, касацких ханов, интерес, чтобы в подданстве быть в свете славной Российской империи... И от нападения от других народов могут охранены быть протекциею ея императорского величества, и оные ханы, как кочевые, так и городовые⁴ дали сию комиссию ему, Абулхаир-хану»⁵.

Приехавшие вместе с послами в Уфу башкиры подтвердили, что казахские ханы «отправили своих посланцев в Россию с общего согласия» и что казахи, как и башкиры, «пришли в подданство своею волею»⁶. Эти показания свидетельствуют, что Абулхаир вел переговоры о подданстве с вехом других казахских ханов, в том числе Семеке.

Хан Абулхаир и батыр Букенбай в середине декабря 1731 г. через своих послов, направленных в Средний жуз к хану Семеке, — Худай-Назара Мурзы и Таймаса, предложили ему принять подданство России. Хану Семеке была обещана военная помощь России в случае неприятельского нападения⁷. Семеке дал понять послам, что он и подвластный ему народ примет подданство России по своему желанию⁸.

В 1731 г. русское подданство приняла центральная часть Среднего жуза. Его северо-восточные районы были присоединены несколько позднее.

Калмыцкий тайджи Лобжа, боявшийся присоединения Среднего жуза к России, направил своих послов «возмущать» народ против русского подданства, рассчитывая внушить старшинам и народу, что русское подданство приведет их к потере независимости и что только власть хунтайджи может обеспечить безопасное существование и мирный труд казахам. По мнению Лобжи, длительные отлучки из Средне-

¹ В 1729 г. к югу от озера Балхаш произошла ожесточенная битва, в которой казахи нанесли джунгарам поражение. Место победы над врагом в преданиях получило название «Ангыркай».

² АВПР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1730—1731, д. 6/№, л. 11.

³ Там же, л. 11 об.

⁴ Имеются в виду ханы Среднего жуза: Семеке — владетель города Туркестана и Кушук — владетель города Сайрама.

⁵ АВПР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1730—1731, д. 6/№, л. 31 об.

⁶ Там же, л. 50.

⁷ АВПР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела». Журнал М. Тевкелева, 1731—1733, л. 54.

⁸ П. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.

го жуза Букенбая, а также отсутствие достаточного авторитета у Семеке обеспечат успех агитации его послов. Он надеялся также на врага Абулхаира — султана Батыра.

Однако калмыцкие феодалы не учли, что Букенбай пользовался большим влиянием и зорко следил за происками «возмутителей». Подданство России стало насущной необходимостью для широких масс казахов. Лобже и Дордже Назарову не удалось осуществить своих планов.

После смерти Семеке, летом 1736 г. старшины рода Керей (Средний жуз), где правил сын Абулхаира — султан Эралы, направили посла с письмом к начальнику Оренбургской экспедиции И. Кириллову. В нем они спрашивали о начале оренбургского торга и обещали прислать на мену овец и лошадей. Старшины отметили возросшее влияние султана Аблая в Среднем жузе и сообщили, что он совершает набеги на русских подданных — башкир⁹. Таким образом, в роде Керей, где владельцем был султан Эралы — сын Абулхаира, оказались его приверженцы, которые считали и себя подданными России.

В апреле 1737 г. И. К. Кириллов умер. Начальником экспедиции, переименованной к этому времени в Оренбургскую комиссию, был назначен известный историк В. Н. Татищев. Первым мероприятием его был созыв съезда султанов и старшин Младшего и Среднего жузов в Оренбурге для упрочения казахского подданства.

В 1738 г. на съезд в Оренбург прибыли Абулхаир с сыном Нуралы. Их сопровождали старшины и батыры: Букенбай, Джаныбек, представители родов Аргын, Кипчак, Найман (6 старшин), Канжигалы, Чакчак (10 старшин), т. е. главным образом представители Младшего жуза. Из аблаевского рода Аргын на съезде присутствовало два батыра. Старшины Среднего жуза приняли присягу 6 августа¹⁰, чем подтвердили подданство хана Семеке, принятое в 1731 г. Здесь же был решен вопрос о юридическом оформлении присоединения к России ряда северо-восточных районов Среднего жуза.

На съезде в Оренбурге Абулхаир обещал вернуть всех русских пленных и обеспечить безопасность караванной торговли в казахских жузах. Он обещал держать в Оренбурге двух знатных старшин в качестве «погодных судей». Здесь же он вторично принял присягу, чем закрепил подданство Младшего жуза¹¹.

Отсутствие на съезде Аблая и Абулмамбета, которые имели связи с джунгарами, не дало возможности договориться о безопасности караванных путей и завершении присоединения к России Среднего жуза.

Преемник Татищева В. А. Урусов, заменивший его в 1739 г., с помощью батыра Джаныбека стремился обеспечить безопасность караванной торговли и завершить переход Среднего и Старшего жузов в подданство России.

К этому времени еще более усилилось тяготение к русскому подданству казахов северо-восточных районов Среднего жуза, которые подвергались непрерывным нападениям джунгар. Их кочевья были стеснены джунгарами. Необходимо было избавиться от потерь скота и постоянной военной опасности. Зная, что не устранена опасность военного вторжения Джунгарии, султаны Аблай и Абулмамбет стремились заручиться военной помощью России.

⁹ ЦГА ДА, ф. «Дела Сената по кабинету», 1736—1737, кн. 67/164, л. 20.

¹⁰ И. К р а ф т. Принятие киргизами русского подданства. Оренбург, 1905, стр. 45—46.

¹¹ Т а м ж е.

Серьезную военную угрозу для южных районов Младшего и Среднего жузов создал военный поход персидского шаха Надира в 1740 г. Усилилась опасность на караванных путях, ведущих к среднеазиатским городам и ремесленным центрам.

Урусов, придерживаясь тактики соглашения с феодальной верхушкой, стремился укрепить связь с казахскими султанами. При личном свидании с Аблаем и Абулмамбетом он решил привести их к присяге.

24 августа 1740 г. в Оренбург приехали Аблай и Абулмамбет и на первом же официальном приеме у Урусова выразили свое мнение. В речи Аблая, например, указывалось: «...да принят я буду с подвластными моими людьми в непобедимое защищение высочайшей ее и. в. милости в числе совершенных и истинных е. и. в. подданных, за которую высочайшую милость, долженствую не токмо я один, но и со всеми моими, верным и истинным ее и. в. рабом вечно пребывать»¹².

Отвечая Аблаю, Урусов заявил, что государыне «о благом намерении к подданству ее и. в. уже известно»¹³ и что подданство надо закрепить присягой. В связи с этим присягнули султаны и 128 старшин¹⁴.

В этом же 1740 г. дало присягу еще 180 старшин Младшего и Среднего жузов¹⁵.

Эти события юридически завершили присоединение Среднего жуза к России.

Совещание в Орске, созванное оренбургским губернатором И. Неплюевым в 1742 г., в котором участвовали хан Абулхаир, его сыновья, султаны Нуралы и Эралы, брат Аблая — султан Солтомахмет и батыр Джаныбек, явилось дальнейшим этапом закрепления подданства Среднего жуза. Здесь значительная группа батыров (80 человек) присягнула на подданство России. Вместе с ними приняли подданство и простые казахи.

Однако удаленность и оторванность Среднего жуза от Младшего жуза тормозили развитие экономических связей с Россией. Кроме того, в результате военного вторжения Джунгарии в 1741—1742 гг. Средний жуз стал одним из ее вассальных владений, что явилось большим ударом для хозяйства казахов. В связи с этим уместно остановиться на вопросе о нападении Джунгарии на Средний жуз в 40-х годах XVIII в.

Организатором военного нападения на Средний жуз являлся старший сын Цеван-Рабтана Галдан-Церен, воцарившийся в Джунгарии в 1727 г. Как свидетельствуют китайские источники, он воспитывался в Тибете, при далай-ламе и должен был принять духовный сан. Ловко используя убийство своего брата, Галдан-Церен снял с себя духовный сан и вернулся в Джунгарию, где нашел поддержку и стал главным владельцем, получив титул хунтайджи.

Основной отраслью хозяйства Джунгарии было скотоводство. К этому времени здесь сохранились основные черты монгольского общества эпохи Чингисхана, традиции которого нашли отражение в так называемом «Степном уложении», или «Уставе взысканий 1640»¹⁶.

¹² АВПР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», оп. 122/11, д. 3, л. 80.

¹³ Там же, л. 80 об.

¹⁴ Журнал В. Урусова, лл. 49—90. Эти данные приводятся П. Рычковым в указ. соч., стр. 435—439.

¹⁵ П. Рычков. История Оренбургская. В кн.: «Ежемесячные сочинения и переводы... за 1758 г.» 1896, ч. 5, стр. 441.

¹⁶ «Северный архив», 1828, кн. 2—3.

Об общественно-политическом строе Джунгарии середины XVII в.¹⁷ мы судим по этому памятнику, который узаконивает реакционные устои раннефеодального государства. Главное в жизни этого государства — война.

Предшественники Галдан-Церена (Батур, Галдан-Бошохту и Цеван-Рабтан), являясь крупнейшими феодалами, захватывали лучшие пастбища, распределяли кочевья нойонов и зайсанов, взимали налоги с широких масс феодальнозависимого населения Джунгарии и населения вассальных владений. Как указывает П. Рычков, власть хунтайджи «за сильнейшего почитается, и власть [он] над всеми подданными своими подобно самодержавной имеет»¹⁸.

Приближенными хунтайджи являлись нойоны и зайсаны. По сведениям капитана И. Унковского, у Цеван-Рабтана было 13 зайсанов, первым среди которых был Церен-Дондук. Хунтайджи имел совещательный орган — совет зайсанов¹⁹, заседания которого, в связи с крупными военными походами в первой четверти XVIII в., участвовали. В Урге (резиденция хунтайджи) заседал также суд «зарго», который состоял из 10 зайсанов. Суд «зарго» за важные преступления приговаривал к смертной казни.

Крупную роль при дворе хунтайджи играли ламы, принимавшие участие в собрании зайсанов. Во время празднеств ламаистское духовенство устраивало пышные церемониальные шествия, для организации которых духовенство получало крупную долю от поборов, взимаемых хунтайджи²⁰.

«Устав взысканий» указывает, что в феодальной структуре ойротского общества сохранились пережитки патриархально-родового быта. Здесь существовала целая градация родовых союзов (хотоны, аймаки, отоки). Первичным родовым союзом был хотон. Несколько хотонов, родственных между собой, составляли аймак, который имел общие кочевья на более обширной территории. Несколько аймаков создавало более крупное объединение родоплеменного характера — оток (знамя), который являлся также крупной военно-административной единицей. Крупной силой в Джунгарии являлись искушенные в военных походах военачальники — нойоны, во главе которых стоял вождь всех ойротских племен — сам хунтайджи²¹.

Организовывая военные выступления, Цеван-Рабтан требовал помощи от своих вассальных владетелей. Зайсаны собирали для войска молодежь и обеспечивали изготовление предметов вооружения. Ойроты, приезжавшие для продажи лошадей и верблюдов в Ургу, жаловались Унковскому, что они на свои средства шьют к латам каюки и изготавливают другое снаряжение, которое посылают войскам. Ежегодно берут у них также лошадей и другой скот, который отправляют в Ургу. А у престарелых и бездетных воинов, которые сами по болезни и старости уже служить не могут, забирают все имущество. Эти факты говорят о том, как снаряжалось войско хунтайджи, когда он готовился осуществлять широкие завоевательные планы.

¹⁷ Характеристику общественно-политического строя Джунгарии на основании «Степного уложения 1640 г.» и других источников, см. в книге Н. Аполловой «Присоединение Казахстана к России», 1948, стр. 149—160.

¹⁸ П. Рычков. История Оренбургская, Оренбург, 1896, стр. 5.

¹⁹ И. Унковский. Посольство к зюнгорскому хунтайджи Цеван-Рабтану. «Записки ИРГО», по отд. этнографии, Спб., 1887, т. X, вып. 2, стр. 194.

²⁰ В окружении хунтайджи были также беки из Малой Бухары (Восточный Туркестан). См. Н. Аполлова. Указ. работа, стр. 151.

²¹ Там же.

Одним из источников мобилизации ресурсов для завоевательных походов являлись большие штрафы и взыскания в пользу владельца, производившиеся согласно «Уставу взысканий» скотом (бараны, лошади, верблюды) и предметами вооружения (панцири, латы, пищали и сабли). Они также увеличивали доходы хунтайджи и его нойонов.

В результате массового вторжения в пределы Казахстана, уже в 50-х годах XVII в. ойроты завладели восточной частью Семиречья²². Хунтайджи Батур захватил также территорию между верховьями Иртыша и озером Балхаш. Ставка хунтайджи находилась в верховьях Иртыша. В 1630 г. в низовьях Волги с 50 тыс. кибиток появились торгуетские тайджи. Здесь они освоили кочевья, которые в 30-х годах XVIII в. послужили причиной борьбы казахских и калмыцких феодалов. Калмыцкие феодалы пытались захватить низовья Урала (Яика) и район Уфы. В начале 40-х годов XVII в. калмыцкие тайджи напали на Тюменский и Тарский уезды.

Преемники Батура продолжали завоевательную политику. Его сын Галдан стремился завоевать Северную Монголию, где располагались владения правителя Хухунора Гуши-хана. Галдан овладел частью владений его брата, хошоутского хана, а в конце 70-х годов XVII в. пытался завоевать и западную часть Южной Монголии²³.

В 1678 г. Галдану удалось захватить Восточный Туркестан (Малая Бухария), который с этого времени превратился в одно из вассальных владений Джунгарии и стал источником больших богатств хунтайджи²⁴. Появился новый источник запасов золота, горючей серы и селитры, необходимых для изготовления пороха, красильных материалов, хлопчатой бумаги и пр. В Восточном Туркестане были благоприятные условия для развития земледелия,²⁵ садоводства и скотоводства²⁶.

Завоевание Восточного Туркестана привело к увеличению стад хунтайджи, нойонов и зайсанов. Унковский, побывавший в улусах преемника Галдана Цеван-Рабтана в 1722 г., рассказывал, что там имеется много лошадей, верблюдов, коров, овец и коз. Он же писал о хорошем состоянии земледелия в Джунгарии.

Это привело также к расширению торговых связей Джунгарии с восточными рынками. Теперь торговые караваны могли ходить из Азии в Китай Теректинским путем. Бадахшанский путь связывал Восточный Туркестан с Бухарой. Открылись пути в Тибет и Индию (через Кара-Карумский проход).

Город Аксу был связан со всеми городами Восточного Туркестана и с Заилыским краем двумя дорогами: северной (через восточное понижение Тянь-Шаня — на Баркуль, Урумчи и в Или) и южной (на запад — через Пичан, Турфан и Урумчи)²⁷.

²² В 1643 г. после военного столкновения с казахским ханом Джангиром Батур продвинулся до реки Чу. И акинф (Н. Я. Бичурин). Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Спб., 1829, стр. 55.

²³ В 1678 г. Галдан совершил нападение на алытского хана Аблая Нойона, занимавшего удел в западной части Южной Монголии. Аблай Нойон был взят в плен и предан смерти. См. Н. Аполлова. Указ. работа, стр. 161.

²⁴ За победы в Восточном Туркестане Галдан получил от далай-ламы титул «бошохту (благословенный)»: См. Н. Аполлова. Указ. работа, стр. 161.

²⁵ Большое количество зерна поступало в Джунгарию. В сентябре 1722 г. Унковский записал в своем «Журнале»: «Провианту прислано (ем) на месяц: муки пше-ничной — 40 мешков, круп просяных — 10 мешков».

²⁶ Ч. Валиханов. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, стр. 487 — 541.

²⁷ Там же, стр. 512—513.

Зайлийский край считался владением хунтайджи со времени Галдана. Его ставка располагалась на реке Или. Как явствует карта, составленная шведом Ренатом, джунгары кочевали по склонам гор и по верховьям рек вдоль Семиреченского Алатау, вдоль рек, впадающих в озеро Балхаш, к северу от реки Или, на южном берегу озера Иссык-Куль и т. д.²⁸

Правление Галдана связано с одним из самых трудных этапов борьбы казахских жузов с Джунгарией. Вытеснив к 80-м годам XVII в. казахов из Семиречья, которые потеряли здесь богатейшие пастбища, джунгары с начала XVIII в. стали совершать нападения на земли Южного Казахстана, издавна привлекавшего внимание джунгарских завоевателей в связи с развитием здесь торговли и ростом сыр-дарьинских городов.

Таким образом, к началу правления выдвинувшегося в походах на Сайрама Цеван-Рабтана (1699 г.) все земли к югу и к западу от Иртыша вошли в состав владений Джунгарии. Очередной задачей джунгарских завоевателей было освоение районов Сыр-Дарьи с их богатыми пастбищами и торгово-ремесленными центрами, в связи с чем к началу 40-х годов XVIII в. возникла новая опасность вторжения Джунгарии в казахские владения. Галдан-Церен всю свою политику направил на завоевание экономического и политического господства в Средней Азии, к расширению территории вассальных владений и к захвату городских ремесленных центров среднеазиатских ханств.

Укрепившись на территории Старшего жуза, Галдан-Церен не добился, однако, политического господства над Младшим жузом, в связи с его присоединением к России. Поэтому Галдан-Церен намеревался превратить Средний жуз в свое владение. Для завоевательных походов перспективной явилась возможность освоения новых угодий и караванных путей, захват пленных и скота.

Неудачная война с Китаем усилила стремление джунгарской феодальной верхушки и военной знати захватить в свои руки лучшие казахские кочевья. В 1740 г., например, нойон Септень приказал своему командиру Кашке выяснить — можно ли рассчитывать на удобные кочевья в казахской степи, где казахи совершают «перелазы» в Барабинскую степь²⁹. Этот вопрос интересовал Септеня и в связи с тем, что в ближайшее время готовился поход на Средний жуз и необходимо было изыскать пути, откуда можно было успешнее нанести удар по самым жизненным центрам казахских кочевий. Послы Галдан-Церена старались убедить царскую администрацию в том, что Джунгария пошла в наступление на Средний жуз в 1741 г. в связи с многократными нападениями казахов. Этим самым они хотели оправдать свою агрессию против Среднего жуза и показать, что хунтайджи не намерен был чинить обид подданным России, если бы к тому не вынуждали обстоятельства.

Как указывают источники, подготовка этого похода началась еще в 1739 г. В верховьях Иртыша были усилены караулы джунгарского войска. Они были придвинуты к самой границе. Как свидетельствует татарский купец Г. Жулистов, он сам видел части джунгарского войска с походными мостами для переправы через реку, продвигавшиеся к Иртышу³⁰.

²⁸ Н. Аполлова. Указ. соч., стр. 162.

²⁹ АВПР, ф. «Джунгарские дела», 1741, д. 1, л. 4.

³⁰ Там же, 1749, д. 1, л. 24.

Галдан-Церену удалось собрать крупное войско. По свидетельству яицкого казака Ф. Найденова, очевидца этих событий, в войсках Галдан-Церена, направленных в 1741 г. в поход, было около 30 тыс. человек³¹. Эти сведения подтверждаются и другими источниками.

Войско Галдан-Церена было пополнено за счет привлечения молодежи из вассальных владений. Вместе с ними, как говорят источники, в его армии использовались рабы, которые приравнивались к предметам вооружения. Однако, по всей вероятности, рабы составляли незначительную часть джунгарского войска. Главным источником ее пополнения явилась феодальнозависимая часть населения Джунгарии и ее вассальных владений.

Главной силой джунгарской армии являлась конница, ядро которой составляли луконосцы, стрелки и копейщики³².

Так как успех походов зависел не только от снаряжения воинов-всадников, но и от качества их коней, боевой конь был одним из объектов захвата во время нападений джунгар на соседей — кочевников.

Имеются сведения и о том, что в джунгарских войсках были чугунные и медные «походные пушки», которые во время военных походов возили на верблюдах. Однако их эффективность была незначительна в силу примитивного устройства. Они употреблялись в бою «больше для страха, нежели для вреда неприятелям»³³. Стремясь улучшить качество своей артиллерии, Галдан-Церен в начале 40-х годов приказал джунгарским караулам захватить русских мастеров медеплавильного дела в плен.

По первому требованию хунтайджи воины-всадники снаряжали конницу и выступали в поход.

Это было узаконено «Степным уложением 1640 г.», которое предписывало: «В каждый год 40 кибиток должны сделать себе свои латы. А ежели не сделают и за то взять с них штрафу одного верблюда и одну лошадь»³⁴.

Галдан-Церен намеревался вторгнуться в казахские степи в двух направлениях: 1) от озера Зайсан-Нор в район реки Ишима — поход Септеня на Средний жуз; 2) от Ташкента вниз по Сыр-Дарье — поход Сары-Манжи на Младший жуз³⁵.

В конце 1740 г. хан Абулхаир докладывал В. Урусову, что джунгары «нас со всех сторон окружили»³⁶, просил послать военную помощь³⁷ и ускорить сооружение крепости на Сыр-Дарье³⁸.

³¹ АВПР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1741, д. 4, л. 73.

³² Если вооружение луконосцев состояло из лука и стрелы, то стрелки вооружались фитильными ружьями «шурками», а копейщики — копьями. Употреблялись также пищали и сабли. Военное снаряжение луконосцев состояло из луков, стрел и сайдаков (кожаных футляров для луков). Боевое снаряжение военачальников состояло главным образом из железных лат и панцирей.

³³ П. Рычков, Топография Оренбургская..., стр. 26; см. также Н. Аполлова. Указ. работа, стр. 153.

³⁴ «Северный архив», 1828, кн. 2, стр. 262.

³⁵ АВПР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1741, д. 4, л. 73.

³⁶ Там же, л. 26. Письмо Абулхаира В. Урусову, 1741.

³⁷ Там же, д. 3, л. 5. Письмо Абулхаира имп. Елизавете Петровне от 24 января 1741 г.

³⁸ Посланные на Сыр-Дарью геодезист Муравин и поручик Гладышев установили, что «место, указанное Абулхаиром для сооружения крепости, неудобно, так как в его окрестностях нет ни лесу, ни пашенных, ни сенокосных угодий. Кроме того, можно ожидать, что появление царских военных команд на Сыр-Дарье вызовет большое беспокойство среди каракалпаков и будет понято, как военное наступление России».

Однако на Сыр-Дарье крепость построена не была, в результате чего этот район оказался незащищенным.

Правитель Джунгарии намеревался также сделаться полновластным хозяином Барабинской степи, для чего с конца 1740 г. были усилены караулы его войска на границах Среднего жуза и на «перелазгах» в Барабинскую степь.

11 декабря 1740 г. двадцатитысячное джунгарское войско во главе с военачальником Септением выступило в поход и остановилось в 80 верстах от Ямышевской крепости. Войско было намерено зимовать на правой стороне Иртыша, отсюда предполагалось чинить «поиск» над казахами и в случае отступления пересечь им путь. По данным послов Галдан-Церена Нуруса Хазы и Абас-бая, в отрядах Септения находился сын Галдан-Церена Лама Дорджи.

Нападения отдельных отрядов джунгарского войска в районе Ямышева озера начались в середине декабря. В результате этих нападений было опустошено 400 казахских юрт, взято большое количество пленных и скота. С берегов Ямышева озера джунгарскими воинами была увезена соль, заготовленная для Ямышевской крепости. Комендант крепости полковник Т. Зорин сообщал в Сибирскую губернскую канцелярию, что джунгары берут соль и с озера Соляного сколько им потребуется и «запретить им в том опасно без указа»³⁹.

В конце декабря 1740 г. полковник Т. Зорин сообщил в Тобольскую губернскую канцелярию о том, что крупное войско под командой Септения и сына Галдан-Церена Ламы Дорджи, расположившись на ямышевской стороне Иртыша, стоит на протяжении 100 верст. 1 января 1741 г. Зорин получил царский указ, в котором говорилось: «от приходу неприятельских людей иметь... всегда неоплошные караулы», не давать никаких поводов к столкновениям с караулами джунгарского войска и «озлобления им никакого не чинить»⁴⁰, т. е. не поддаваться на провокации.

Несмотря на это, под предлогом того, что казахи не позволили расположиться войску Септения около урочища Чирик и заранее выжгли все корма, Септень покинул зимовку и выступил в поход.

Однако начальство Сибирской линии потребовало от джунгарских войск, чтобы они не появлялись вблизи русских крепостей во избежание столкновений. Это требование было вызвано тем, что в начале января 1741 г. отдельные отряды джунгарского войска в количестве 100—150 человек проходили около самой Ямышевской крепости, направляясь «вниз до Иртыша, якобы для караулов Казачьей орды»⁴¹.

Средний жуз готовился к отпору джунгарского нашествия. Как говорят источники, казахи «ожидают [врага. — Т. Ш.] с такой предосторожностью, что не спят ни дни, ни ночи»⁴².

Позднее царской грамотой 1742 г. было указано, что «потребнее всего оставить настоящим Оренбургом, а потому с устройством города на Сыр-Дарье торопиться не следует». Высказывая свои соображения по этому поводу, поручик Д. Гладышев писал в 1742 г.: «Когда российское войско сюда придет и оно будет мало, то они [каракалпак] оно разведут по местам. Буде же оно будет много, то они оттуда уйдут». См. «Киргиз-кайсацкие дела», 1741, д. 4, л. 13; там же, 1741—1742, д. 3, л. 48, Грамота имп. Елизаветы Петровны хану Абулхайру 1742 г.

³⁹ АВПР, ф. «Джунгарские дела», 1741, д. 1, л. 18.

⁴⁰ Там же, лл. 2—6. Доношение Сибирской губернской канцелярии в Коллегию иностранных дел 2 января 1741 г.

⁴¹ Там же, л. 10.

⁴² АВПР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1742, д. 4, л. 54. «Экстракт» оренбургского губернатора И. Неплюева. (Сообщение бежавшего из казахского плена башкира А. Шаропова подполковнику Останкову).

Имеются данные о выступлениях отдельных отрядов казахского ополчения. Так, еще в конце 1740 г. на Галдан-Церена отправилось несколько казахских отрядов под командой Абулмамбета в количестве 2000 человек, один из которых направился в Барабинскую степь. Чтобы остановить джунгар, в начале января 1741 г. им был дан бой на левом берегу Иртыша. В начале февраля того же года двухтысячное войско джунгар должно было двинуться в Барабинскую степь для «поисков» казахов. Септеня рассчитывал разгромить отряды казахов, а затем отправиться в поход вниз по Иртышу.

Однако это наступление джунгар было задержано вмешательством русских властей. Они потребовали от Септеня отказа от похода в Барабинскую степь в связи с тем, что «неприятельских людей Казахьей орды в Барабе нет»⁴³. Но это не повлияло на военные планы Галдан-Церена. Он не отказался от нападения на главные районы казахских кочевий.

Северное крыло джунгарского войска под командой Септеня опустошило кочевья султана Аблая по Ишиму и хана Абулмамбета в верховьях Илека. Удар был нанесен и по кочевьям султана Барака и батыра Джаныбека.

По данным очевидца военного вторжения джунгар в аул хана Абулмамбета яицкого казака Ф. Найденова, находившегося в Среднем жузе с весны 1741 г., джунгары не щадили и мирного населения. Они брали в плен стариков, женщин и детей, угоняли скот. Военные отряды Септеня захватили почти весь скот и большое количество пленных. В кочевьях Абулмамбета осталось всего 30 кибиток (семей). Уцелевшие в них (около 100 человек) «бежали врознь, кто куда мог», бросая последний скот на произвол судьбы. Бежал вниз по Яику и Абулмамбет⁴⁴.

Этот же казак сообщил начальству, что войска Септеня стоят в четырех днях конной езды от Оренбурга. Это сообщение было подтверждено и в донесении полковника Микулина, который писал Урусову, что 10 мая можно было наблюдать в трех местах скопление трехтысячного конного войска, один отряд которого (около 300 человек) отправился к табуну, который удалось своевременно спасти. Все военные команды Оренбурга были приведены в боевую готовность.

Посланные в разведку к реке Ори и вниз по Яику яицкие казаки встретили небольшую партию казахов, сообщивших им, что джунгарские «чирики [войны] бьют их военною рукою» уже четвертый день. Они же сообщили о том, что разорены кочевья ханов Абулхаира и Абулмамбета, султана Барака и батыра Джаныбека и что взято из казахских кочевий военными командами джунгар 3000 лошадей.

Зимой 1741 г. на Ишиме произошла схватка между войсками Септеня и казаками Среднего жуза. Выдвинувшийся вперед отряд Аблая в количестве 120 человек был разбит, а Аблай попал в плен⁴⁵ «со многими людьми»⁴⁶. По другой версии, пленение Аблая произошло на охоте, когда его охрана неожиданно столкнулась с боевым отрядом Септеня⁴⁷.

⁴³ АВПР, ф. «Джунгарские дела», 1741, д. 1, л. 7.

⁴⁴ АВПР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1742, д. 4, л. 71.

⁴⁵ АВПР, ф. «Джунгарские дела», 1741, д. 2, л. 39. Доношение полковника Ямшевской крепости Т. Зорина в Сибирскую губернскую канцелярию 1 июня 1741 г.

⁴⁶ Там же, 1745, д. 1, л. 51. Рапорт сибирского губернатора А. Сухарева в Коллегию иностранных дел 12 апреля 1745 г.

⁴⁷ АВПР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1742, д. 4, л. 50.

Однако, в связи с тем, что все эти данные очень отрывочны и слишком кратки, точно невозможно восстановить все детали пленения Аблая. Бесспорным же является то, что Аблай был пленен зимой 1741 г. на Ишиме в неравном бою с джунгарами. Вместе с ним в плен были взяты султаны Юлбарис и Дургун, батыр Атыкман и др. Послы Аблая, приехавшие в Тобольск осенью 1743 г., сообщили, что вместе с Аблаем было пленено 35 человек, которые были отправлены зимой того же года в Джунгарию. Остальные воины из отряда Аблая бежали к Тоболу. Как гласит предание, причиной пленения Аблая послужило то, что в бою Аблай убил сына Галдан-Церена. Эта версия подтверждается и архивными документами. Однако вряд ли убийство сына Галдана было решающим для пленения Аблая. Аблай пользовался значительным влиянием среди казахов, и поимка его имела большое политическое значение. Это, по-видимому, Галдан и учитывал в первую очередь.

В короткое время джунгарам удалось опустошить кочевья по Ишиму и Тоболу. Удар был нанесен и кочевьям Младшего жуза в районе Иргиза. Уже в конце весны 1741 г. они вернулись в Джунгарию с богатой добычей: большим количеством скота и 3 тыс. пленных, преимущественно молодых мужчин.

Как нами уже указывалось, при первых же сведениях о продвижении военных отрядов джунгар к Ори крепости и форпосты Оренбургской линии были приведены в боевую готовность. Руководство линии потребовало от джунгарских военачальников прекратить военные нападения на казахов, подданных России. Россия взяла под защиту своих подданных, в результате чего джунгары отступили. Но для южных районов Казахстана военная угроза не была устранена. Галдан-Церен готовился к агрессии на Младший жуз.

Предполагалось начать поход в торгово-ремесленные центры на Сыр-Дарье. Руководителем его намечался военачальник Сара-Манжа.

В марте 1742 г. джунгарский четырехтысячный отряд во главе с Агацокм подошел к Ташкенту. К тому времени здесь усилилась власть бека Кушука, который, рассчитывая на покровительство и военную помощь Ходжента, не хотел больше считать себя вассалом Галдан-Церена.

Хунтайджи приказал Агацоку стоять в осаде 40 дней. Боясь, что правитель Ходжента Абдулкаримбек воспользуется военной помощью персидского шаха, Галдан-Церен на помощь Агацоку направил отряды Сары-Манжи.

Ташкент был сдан без боя. Власть наместника Галдан-Церена здесь снова усилилась. Без боя был взят и Туркестан, ставка казахских ханов. Таким образом, главные центры Туркестана стали вассальными владениями Джунгарии.

Попытка Сары-Манжи взять Самарканд оказалась неудачной, так как казахи Старшего жуза, силой привлеченные для участия в этом походе, предупредили самаркандцев о грозящей им опасности. Правда, узнав об этом, Галдан-Церен решил идти войной на Старший жуз. Но этого не произошло. Казахи избежали разгрома потому, что обязались ежегодно платить хунтайджи по одной лошади с кибитки.

Не был взят и Бадахшан, где войска Галдан-Церена были разбиты Абдулкаримбеком. Джунгарские военные отряды пострадали от эпидемии оспы. В результате лишь небольшая их часть вернулась домой⁴⁸. Не был взят и Ходжент.

⁴⁸ АВГР, ф. «Джунгарские дела», 1743, д. 2, лл. 128 — 129.

Однако в большей части Сыр-Дарьинского района была упрочена власть хунтайджи. Джунгарам был открыт путь к зимовкам в низовьях Сыр-Дарьи. Были созданы условия для наступления на Младший жуз.

Таковы были результаты военного вторжения Джунгарии в 1741—1742 гг.

Основные отряды джунгарского войска под командой Септеня опустошили кочевья и разорили аулы в главных районах Среднего жуза. В основном пострадало мирное население, потерявшее почти весь скот. Большое количество казахов попало в плен. Много было убитых. Опасаясь преследований отрядов джунгар, оставшиеся в живых вынуждены были бежать в Младший жуз.

Аналогичными были последствия военного вторжения в район Сыр-Дарьи. Захват Ташкента и Туркестана привел к тому, что казахи были отрезаны от торгово-ремесленных центров. Под ударом оказались и зимовья в низовьях Сыр-Дарьи. Военное нападение Галдан-Церена в 1741—1742 гг. снова, как в годы «великого бедствия», обострило вопрос о земле и скоте, который, как известно, имел для казахов жизненно важное значение.

Эти трагические последствия джунгарского нашествия стали возможны потому, что Казахстан не представлял собой единого целого, он был раздроблен на мелкие части. Длительная борьба с джунгарами в первой половине XVIII в., усиление феодальной раздробленности, разобщенность Среднего и Младшего жузов, оторванность Старшего жуза, оказавшегося вассальным владением Джунгарии еще в годы «великого бедствия», обострение феодальной борьбы — все это привело к тому, что в момент серьезной опасности казахи смогли выставить лишь мелкие спешно собранные отряды, терпевшие поражения при столкновениях с хорошо вооруженной армией джунгар.

В результате вмешательства России, вставшей на защиту казахского народа, война с Джунгарией в 1741 г. завершилась временным миром. Галдан-Церен, боясь иметь дело с сильным противником, отправил своих послов в Оренбург, которые должны были заявить, что хунтайджи намерен прекратить войну и готов заключить мир с казахами, как с подданными Российской империи.

Абулмамбет, стремясь подчеркнуть свое верноподданство, в письме императрице Елизавете Петровне обещал стоять «против всех врагов Российской империи». Вместе с тем он просил помощи в борьбе с Джунгарией. «Нас же прежде сего разоряли калмыки, а ежели впредь будут разорять, то всеподданнейше прошу давать силы»⁴⁹. Чтобы выяснить дальнейшие военные планы Галдан-Церена и быть осведомленными о взаимоотношениях Джунгарии с Абулмамбетом и Бараком, Оренбургская комиссия в 1742—1743 гг. усилила разведку на границах Джунгарии. Под видом купца весной 1741 г. в Средний жуз был направлен яицкий казак Ф. Найденов, а в начале 1742 г. на Сыр-Дарью — яицкий казак Харку, которые лично наблюдали вторжение джунгар: один в районе Ишима, а другой в районе Сыр-Дарьи. В первых числах июля 1742 г. в Средний жуз к хану Абулмамбету был направлен переводчик Р. Уразлин. В Джунгарию в начале октября того же года в роли посла прибыл секунд-майор Миллер.

Посольство Миллера должно было внушить Галдан-Церену, что Младший и Средний жузы уже состоят в подданстве Российской импе-

⁴⁹ АВПР, ф. «Джунгарские дела», 1742, д. 5, л. 5. Письма хана Абулмамбета имп. Елизавете Петровне 27 января 1742 г.

рии, а потому хунтайджи не должен воевать с казахами, чтобы он не претендовал более на подданство казахов Джунгарии и не требовал аманатов от Абулхамбета и Барака. Вместе с тем Миллер должен был выяснить характер взаимоотношений Старшего жуза с Джунгарией, уточнить границы казахских, джунгарских и каракалпакских владений и содействовать освобождению из плена Аблая.

Миллеру предписывалось разъяснять казахским султанам и старшинам цель своего посольства в Джунгарию и держать себя как лицо, облеченное широкими полномочиями царского правительства. Ему было указано, чтобы он вел себя в Джунгарии осмотрительно и «без крайней нужды ни в какие дальние споры не вступал»⁵⁰, ибо как считал Неплюев, Галдан-Церен способен был на любые шаги, чтобы привести казахов к покорности. В связи с этим Неплюев стремился внушить и Абулхаиру, чтобы он остерегался всего, что скрывается «под видом ласкания», так как Галдан-Церен «готов употреблять лукавство и тем, как приправоу, рыбу ловить»⁵¹.

Из Орской крепости Миллер выехал 3 сентября 1742 года. Представление о том, как он был принят в качестве царского посла в Джунгарии, какие наблюдения удалось сделать ему во время пребывания в ставке хунтайджи и как разрешались задачи его посольства, дает его журнал.

Заявление Миллера о том, что он послан согласно царскому указу было встречено военачальником Сары-Манжей с большим недоверием. Сары-Манжа заявил, что до приезда Миллера в Джунгарию не было известно о состоявшемся подданстве казахов России⁵². А потому «проступки... в неведении того чинены»⁵³ и не следует в виду этого вменять джунгарам в вину военное нападение на казахов в 1741 г. Сары-Манжа заверил, что Джунгария не намерена ухудшать отношения с Россией. Естественно, что Миллер не поверил этим дипломатическим условиям. Вместе с тем было ясно, что в дальнейшем правитель Джунгарии не сможет осуществить свои военные походы в казахские владения.

Выполняя одну из своих задач — содействовать освобождению из плена Аблая, Миллер натолкнулся на сопротивление Галдан-Церена, который понимал, что в случае освобождения в лице Аблая он может встретить и в дальнейшем сильного противника. Вместе с тем правитель Джунгарии хотел использовать пленение Аблая для того, чтобы казахи выдали скрывавшегося в Среднем жузе одного из зачинщиков башкирских восстаний Карасакала.

Но приезд Миллера в ставку Галдан-Церена не прошел безрезультатно для Аблая. Вернувшийся из джунгарского плена в 1743 г. султан Юлбарис рассказал в Сибирской губернской канцелярии, что Аблай содержался в плену «с нуждою» и только с приездом Миллера «свободнее стало и утеснения никакого не было»⁵⁴. Миллер принял ряд мер, чтобы внушить Манже, что Аблай является подданным России, а поэтому он должен быть освобожден.

В результате демаршей Миллера в начале июля 1743 г. вернулся из джунгарского плена батыр Джапак, а в августе того же года был от-

⁵⁰ АВПР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1742, д. 4, лл. 118—125.

⁵¹ Там же, 1743, д. 3, л. 41. Письмо И. Неплюева хану Абулхаиру. 1743 г.

⁵² Там же, 1743, д. 2, «Журнал Миллера», л. 102.

⁵³ Там же, д. 3, л. 41.

⁵⁴ Там же, 1774, д. 4, л. 25.

пущен и султан Аблай⁵⁵. Вместе с Аблаем приехали послы Галдан-Церена, которым он поручил привезти Карасакала и сына султана Барака Шигая (последний должен был быть в Джунгарии в роли аманата). Галдан-Церен, отпуская Аблая, все же заручился его обещанием прислать аманатами сыновей Абулмамбета и Барака, рассчитывая этим гарантировать зависимость Среднего жуза от Джунгарии⁵⁶.

Характерно, что Аблай признавал заслуги Миллера в своем освобождении. Так, Аблай писал хану Абулмамбету, что «он освобожден только благодаря приезду Миллера»⁵⁷. Императрица Елизавета Петровна, поздравляя Аблая с возвращением из плена, писала в декабре 1743 г., что этим он обязан и Оренбургской комиссии⁵⁸.

Посольство Миллера имело большое значение для укрепления связи Среднего жуза с Россией. Казахские кочевья передвинулись к верховьям Иртыша (в районе Семипалатинской и Ямышевской крепостей), к Ишиму и Тоболу (в районе Уйской линии). Неплюев докладывая Коллегии иностранных дел, что казахи покинули дальние кочевья⁵⁹.

Однако опасность дальнейших военных выступлений Джунгарии не была устранена. В связи с этим 11 августа 1743 г. сенат издал указ, который предписывал Коллегии иностранных дел увеличить количество крепостей, форпостов и редутов Иртышской линии на расстоянии от Чернолуцкой слободы до Семипалатинской крепости. В 1743 г. на Иртышской линии, начиная от Утяцкого форпоста до крепости Усть-Каменогорской, насчитывалось 28 укрепленных пунктов, в числе которых было 5 крепостей и 13 форпостов⁶⁰. Предписывалось сократить протяженность Сибирской линии путем ее выпрямления и создать укрепленную линию от Семипалатинской крепости до Телецкого озера (на Алтае), которая должна была пройти через угодья Колывано-Воскресенского завода.

Для укрепления Сибирской линии сюда были отправлены дополнительные части. Однако русские деятели понимали, что в условиях степной войны военная помощь России Среднему жузу не может обеспечить полной победы над Джунгарией. Коллегия иностранных дел писала по этому вопросу: «А буде... пошлет [Джунгария. — Т. Ш.] на те киргиз-кайсацкие орды, в степных местах от зенгорского нападения российскими войсками охранить крайняя невозможность»⁶¹. Коллегия иностранных дел считала более эффективным усиление укрепленной линии. Эти мероприятия были вызваны также и дальнейшим обострением положения в верховьях Иртыша и в районе Колывано-Воскресенского завода. Галдан-Церен стремился очистить земли, расположенные в верховьях Иртыша до устья реки Черной Оми и по реке Уеню (приток Оби)⁶², от

⁵⁵ Там же, 1743, д. 3, л. 124. «Скаска» башкира Т. Балтасева в канцелярию Оренбургской комиссии 22 сентября 1743 г. (Дата возвращения Аблая из джунгарского плена устанавливается на основании письма хана Абулмамбета от 30 августа 1743 г., в котором сообщалось, что «недавно вернулся из джунгарского плена брат его Аблай». Там же, л. 107).

⁵⁶ Там же, 1743, д. 3, лл. 124—125.

⁵⁷ Там же, л. 97.

⁵⁸ Там же, 1744, д. 4, л. 21.

⁵⁹ Там же, 1743, д. 3, л. 104.

⁶⁰ АВГР, ф. «Джунгарские дела», 1743, д. 6, лл. 3, 17, 19. Список форпостов составлен П. Рычковым в 1753 г. Семь крепостей — Омская, Железнинская, Ямышевская, Долонская, Семипалатинская, Убинская и Усть-Каменогорская и семь форпостов были сооружены в 1715—1720 гг. Хорошкин. Казацкие войска. Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881. Приложение № 1, стр. 25, 27.

⁶¹ АВГР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1743, д. 3, л. 262.

⁶² АВГР, ф. «Джунгарские дела», 1744, д. 4, л. 10. «Выписка» Коллегии иностранных дел по доношениям сибирского губернатора А. Сухарева 25 сентября 1744 г.

крепостей, чтобы захватить богатые охотничье-промысловые угодья и сделать своими данниками всех живущих на этой территории. Для этого он неоднократно отправлял джунгарских послов в Россию, которые высказывали русскому правительству претензии Галдан-Церена. С такими требованиями, например, был отправлен Лама Даши в 1744 г.

Царские власти не возражали, что искони не было установлено точных границ между Россией и Джунгарией. Но было ясно, что еще в «старые годы» русские люди ходили промышлять в верховья Иртыша и Ямышева озера. «А ныне Ямышева, — говорилось в донесении Коллегии иностранных дел в сенат, — хотя владения российского прежде всего и не было, да и зенгорцы оными местами не владели ж».

Россия была заинтересована в том, чтобы освоить ясачные волости барабинских татар, расположенные по реке Оми и в Барабинской степи. Коллегия иностранных дел писала в сенат, что «Барабинские волости... исстари в российском владении» и что через них «тракт сухопутный из Тобольска во всю Сибирь лежит. А Зенгорский владлец с оных волостей алман или дань берет насильством»⁶³. Намереваясь сделать эти земли своими, царское правительство хотело таким образом перекрыть недоимки в сборе ясака и увеличить доходы царской казны. Казахи Среднего жуза также были заинтересованы в угодьях в верховьях Иртыша. По левому притоку Иртыша Чар-Гурбану находились кочевья Аблая (рода Найман). В восточных районах кочевали казахи из рода Керей. Особенно усилилось тяготение казахов к кочевьям по Иртышу после присоединения Среднего жуза к России.

Стремясь вторгнуться в верховья Иртыша, Галдан-Церен ставил перед собой задачу нанести удар по примыкавшим к Иртышской линии казахским кочевьям. Это стало ясно в начале 1744 г. Галдан-Церен был намерен в ближайшее время двинуться на Верхнеиртышские крепости и на Колывано-Воскресенский завод и приказал урянхайскому зайсану Бобою готовиться к походу, «чтобы все урянхайцы были вооружены и исправны»⁶⁴.

В связи с этим русские власти дали указание капитану Сибирского гарнизона Д. Кильдееву «иметь от неприятельских людей крепкую и твердую предосторожность, неоплошные караулы и частые разъезды по силе прежде посланных многократных ордеров»⁶⁵.

В начале мая 1744 г. тридцатитысячный джунгарский отряд появился в верховьях Иртыша. По мнению Неплюева, отряд имел цель произвести нападение на иртышские крепости и кочевавших в этом районе казахов. К осени того же года Галдан-Церен прикочевал к верховьям Иртыша.

Указом сената от 3 августа 1744 г. Неплюеву предлагалось предпринять все меры к тому, чтобы казахи, как подданные России, «ни до малейшего разорения допущены б не были»⁶⁶.

Сенат считал необходимым заблаговременно расположить на Иртыше воинский корпус с походной артиллерией и перевести сюда из ишимских и тобольских форпостов два регулярных драгунских полка и пехотный батальон, пополнить военными командами с Уйской линии

⁶³ Там же, д. 1, лл. 139—140. Доношение Коллегии иностранных дел в Сенат 14 мая 1744 г.

⁶⁴ Там же, л. 213. Доношение канцелярии Ямышевской крепости в Сибирскую губернскую канцелярию 4 августа 1744 г. Это стало известно от урянхайцев Чюрина, Иречака и Суюна, приехавших в Усть-Каменогорскую крепость для торговли шкурами. См. также «Киргиз-кайсацкие дела», 1744, д. 4, л. 154.

⁶⁵ ЦГИАЛ, ф. 1341, д. 118, л. 174.

⁶⁶ Там же, лл. 122 и об.

ишимские и тобольские форпосты и направить на Уйскую линию из Уфимской провинции пять драгунских рот⁶⁷. В связи с такими мероприятиями Галдан-Церену не удалось осуществить военное нападение на верхнеиртышские крепости летом 1744 г. Этому способствовала также неудачная война с ходжентским правителем Абдулкаримбеком, который разбил Септеня под Бадахшаном.

Однако агрессивные намерения Галдан-Церена в отношении сырдарьинских городов не изменились, не был снят и вопрос о захвате верховьев Иртыша и промысловых угодий в районе Колывано-Воскресенского завода. Галдан-Церен взял в плен русских мастеров, отправил их на открываемый в Яркенде медеплавильный завод⁶⁸, где они должны были плавить руду и изготавливать предметы вооружения⁶⁹.

Направленный летом 1745 г. в Джунгарию с поручением во что бы то ни стало освободить русских мастеров из плена и вернуть их в Россию поручик Левашев сообщил командующему Сибирским корпусом генерал-майору Киндерману, что взятому в плен беглому солдату И. Малкову с товарищами приказано плавить медь и лить из нее мортиры и пушки⁷⁰. Вернувшийся из Джунгарии зимой 1745 г. поручик Ф. Аблязов рапортовал полковнику Я. Павлуцкому о том, что уже «второй год на Тюрмулюке работают 3 тысячи человек и такое же количество быков на возке руды»⁷¹. Во время пребывания в джунгарском плену тот же Аблязов узнал, что зимой 1743 г. были доставлены Галдан-Церену взятые в плен три русских мастера медеплавильного дела, причем двое из них оказались жителями города Тары⁷².

Таким образом, опасность джунгарской агрессии против России, казахских жузов и среднеазиатских ханств не была ликвидирована.

Царское правительство предпринимало меры для предотвращения военной опасности со стороны Джунгарии. Чтобы не дать возможности Галдан-Церену использовать пленных русских мастеров для производства оружия, царские власти неоднократно требовали их возврата в Россию. Так, сибирский губернатор А. Сухарев писал Галдан-Церену в 1745 г.: «Благоволите по имеющемуся с Российской империей мирному договору и по соседственной дружбе обретающихся в ваших улусах... русских мастеровых людей сыскать и отдать... отправленному поручику Левашеву немедленно»⁷³. 15 февраля 1745 г. сенат потребовал вернуть из Джунгарии русских мастеров и запретил отправлять на заводы ссыльных, живущих на границе Джунгарии⁷⁴. Сибирская губернская канцелярия в своем указе Тарской воеводской канцелярии от 13 мая 1745 г. потребовала немедленно возвратить русских мастеров из Джунгарии.

Однако Галдан-Церен соглашался выполнить эти требования лишь с условием возврата ему всех пленных калмыков и ясачных угодий. В случае невыполнения этих требований Галдан-Церен грозился совершить военный поход на Кузнецкий, Томский, Ишимский и Тарский уезды.

Стремясь сохранить мир, Коллегия иностранных дел считала, что «пристойнее в договор вступить, нежели мир нарушить»⁷⁵. Если же

⁶⁷ АВПР, ф. «Джунгарские дела», 1744, д. 1, лл. 209—210.

⁶⁸ Там же, 1749, д. 1, лл. 21.

⁶⁹ Там же, 1743, д. 1, л. 14.

⁷⁰ Там же, 1745, д. 4, л. 305.

⁷¹ Омский облгосархив, ф. 1, 1745, лл. 168—169.

⁷² АВПР, ф. «Джунгарские дела», 1745, д. 1, л. 23.

⁷³ Омский облгосархив, ф. 1, 1745, д. 3, л. 35.

⁷⁴ АВПР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1745, д. 1, л. 57.

⁷⁵ Омский облгосархив, ф. 1, 1745, д. 3, л. 53. Коллегия иностранных дел сибирскому губернатору А. Сухареву 29 сентября 1744 г.

Джунгария не откажется от требований на угоды в верховьях Иртыша, русское правительство намеревалось разрешить этот вопрос в ее интересах. Вместе с тем оно считало необходимым в случае военного вторжения Джунгарии «всеми образами стараться киргиз-кайсаков на зенгеров... поднять и к диверсии склонить»⁷⁶.

Такова была точка зрения оренбургского губернатора И. Неплюева. Он считал, что казахи в привычных условиях степи своими набегами на джунгарские улусы могут достигнуть больших успехов, чем регулярные и нерегулярные военные команды крепостей.

Намереваясь использовать А. Тевкелева для укрепления связей с казаками, Неплюев писал в сенат: «Ежели б понадобность позволила предписанное киргиз-кайсаками возбуждение учинить, то... посылкою для того оного бригадира Тевкелева, яко другого на то, столь способного и искусного человека, изобрести невозможно»⁷⁷.

Однако, чтобы подготовиться к отражению военного нападения, Коллегия иностранных дел старалась всеми способами затянуть переговоры. В связи с этим осенью 1744 г. джунгарский посол в Москве Цендея был направлен к Галдан-Церену с письмом государственного канцлера А. Бестужева-Рюмина⁷⁸. Послу было также поручено предупредить хунтайджи, что в случае нарушения мира Россия сможет постоять за себя. Коллегия иностранных дел указала джунгарским послам, что Россия ни с кем не воюет и что она может «силы свои туда обратить, куда нужно и безопасность ее... подданных востребует»⁷⁹.

Между тем Галдан-Церен готовился к нападению на русские крепости. В связи с этим сибирский губернатор А. Сухарев просил Коллегию иностранных дел ускорить усиление обороны Сибирской линии и увеличить количество регулярных войск в верховьях Иртыша⁸⁰. На Сибирскую линию было направлено три драгунских полка (Солонецкий, Луцкий и Вологодский)⁸¹, Сибирский пехотный батальон, тысяча яицких казаков и нерегулярные войска. В городах стали собирать служилых людей и направлять на Иртышскую линию. Командиром всех войск Сибирской линии был назначен генерал-майор Киндерман. На Киндермана была возложена обязанность предотвратить нападение джунгар на русские крепости, усилить их оборону, но не обострять взаимоотношений с Джунгарией. Если же Джунгария первая начнет военные действия, ждать указаний Военной коллегии. В связи с этим Киндерман должен был регулярно направлять сообщения в Военную коллегию или Коллегию иностранных дел о ходе событий, постоянно держать связь с оренбургским губернатором Неплюевым!

Попытка Галдан-Церена привлечь Барака на свою сторону успеха не имела. Барак понимал, что портить отношения с Россией и терять тот вес, который приобрел он в глазах царской администрации, по меньшей мере неуместно. Тогда Галдан-Церен решил прибегнуть к оружию, используя в качестве повода то, что Абулмамбет и Барак не выдали Карасакала Джунгарии.

По плану Галдан-Церена поход на Средний жуз должен был начаться в 1744 г., как только выпадет снег⁸².

Чтобы усыпить бдительность русского командования, Галдан-Це-

⁷⁶ АВПР, ф. «Джунгарские дела», 1744, д. 4, л. 3.

⁷⁷ АВПР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1744, д. 4, л. 224.

⁷⁸ Омский облгосархив, ф. 1, 1745, д. 1, л. 54.

⁷⁹ Там же, ф. 1, 1745, д. 3, л. 55.

⁸⁰ АВПР, ф. «Джунгарские дела», 1744, д. 4, л. 5.

⁸¹ М. Красовский. Область сибирских киргизов. Спб., 1868.

⁸² АВПР, ф. «Джунгарские дела», 1744, д. 1, л. 292.

рен стал распространять слухи о том, что родной брат Аблая Севкел стоит по Чар-Гурбану, а это значит, что у казахов никакой ссоры с хунтайджи нет.

Чтобы осуществить свои намерения, Галдан-Церен должен был преодолеть ряд серьезных преград. Дело в том, что его притязания на верховья Иртыша шли вразрез с интересами русского правительства. Галдан-Церен понимал, что джунгарская армия сильнее вооруженных отрядов казахов, но также великолепно знал о превосходстве русских вооруженных сил над своими.

Напряженная обстановка создалась в самой Джунгарии. В Урге и ее окрестностях, например, свирепствовала оспа. Томский купец В. Мельников, побывавший в Джунгарии, сообщил осенью 1744 г., что все города в Джунгарии по случаю оспы заперты, а людей в них осталось лишь незначительное количество⁸³.

Все это не позволяло Галдан-Церену осуществить большое наступление в верховья Иртыша зимой 1744 г. Однако это не ограждало казахов, живших у Иртышской линии, от нападения, так как отдельные военные отряды джунгар временами нападали на ближайшие аулы, продолжали захватывать скот и пленных. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры. Так, осенью 1744 г. джунгары разорили 40 аулов рода Кипчак, забрали весь скот и большое количество людей.

Тревожным было положение и в районе Кольвано-Воскресенского завода. Джунгарские отряды убивали русских людей с целью захвата охотничье-промыслового снаряжения и лошадей. В 40 верстах от Кольвано-Воскресенского завода отряд джунгар напал на крестьян Кузнецкого уезда, во время нападения было убито несколько человек, взяты ружья, порох и лошади. Было произведено нападение и на заводских крестьян, посланных за горным камнем. У них отняли 60 лошадей⁸⁴. Военные отряды зайсана Омбо захватили в плен и мастеров горнорудного дела вместе с их инвентарем. В частности, зайсану Омбо удалось взять в плен трех мастеров из города Тары. На Чыкырском руднике воровская партия, посланная тем же зайсаном Омбо, захватила лопаты, кирки, молотки и прочий инвентарь⁸⁵.

Таких примеров можно привести много.

Создалось чрезвычайно напряженное положение. В начале 1745 г. генерал-майор Киндерман сообщил Неплюеву, что по обеим сторонам Иртыша стоит на карауле племянник Галдан-Церена нойон Малчук с войском в 6 тыс. человек. Учитывая это, Неплюев считал возможным предоставить Киндерману широкую инициативу в обороне Сибирской линии⁸⁶.

Было решено усилить оборону Кузнецкого уезда путем отправки туда пехотных и драгунских полков, а если потребуется — прислать подкрепление⁸⁷, а также активизировать разведывательные действия на джунгарской границе и в казахской степи путем отправки «верных людей»⁸⁸.

Наряду с этим были предприняты меры к укреплению подданства Среднего жуза. Направленный в кочевья Барака переводчик Уразлин имел задание внушить ему, что Галдан-Церен «с Российской империей

⁸³ Там же, д. 1, л. 316.

⁸⁴ Там же, 1744, д. 2, л. 21.

⁸⁵ АВПР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1744, д. 4, л. 244.

⁸⁶ Там же, 1745, д. 3, лл. 18—22. Доношение И. Неплюева в Коллегию иностранных дел 28 марта 1745 г.

⁸⁷ Омский облгосархив, ф. 1, 1745, д. 3, л. 301.

⁸⁸ АВПР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1745, д. 3, л. 5. Доношение И. Неплюева в Коллегию иностранных дел 16 марта 1745 г.

находится не в согласии и почитается за подозрительного противника». Уразлин должен был поставить в известность Барака и старшин о том, что оборона сибирских границ и прилегающих к ним кочевий прочна. Вместе с тем, в случае приезда послов Галдан-Церена к Бараку, от них надо было скрыть действительную причину усиления войск на Сибирской линии и внушить, что они посланы туда лишь на короткое время. Переводчик Уразлин должен был склонить Барака к военному союзу с ходжентским владельцем Абдулкаримбеком для того, чтобы вместе с ним ослабить силы Джунгарии и таким образом избавиться от военной угрозы Галдан-Церена.

Уразлин пробыл в Джунгарии до осени 1745 г. и был очевидцем того, как Галдан-Церен отправил 7 тыс. людей для устройства дороги к Ташкентскому владению. По мнению Уразлина, строительство дороги было связано с тем, что Галдан-Церен, намереваясь воевать с Россией, хотел переправить свои улусы в сторону Ташкента. Как сообщает Уразлин, Галдан-Церен направил своих послов в вассальные владения с требованием военной помощи против России. Галдан-Церен рассчитывал собрать в этих владениях 16 тысяч человек.

В июне 1745 г. в Джунгарию был отправлен поручик Тобольского пехотного полка Ф. Аблязов с письмом к Галдан-Церену и к нойону Даваца. Он должен был узнать о военных планах Галдан-Церена, о расположении караулов и главных частей джунгарского войска, о взаимоотношениях Джунгарии с Китайской империей и о претензиях Галдан-Церена в отношении подданства казахов⁸⁹.

Пробыв в Джунгарии пять месяцев (с июня до начала декабря 1745 г.), Ф. Аблязов сообщил много интересных данных. В своем отчете он писал: «Несколько дней шли мимо нашей юрты чирики человек по 20 и по 15 на караул от российской стороны на речку Бугут. Но тогда же при нас один демечи и отдавал приказы шуленгам, чтобы выслали лошадей и чирик... и при каждом бы было по 50 стрел, на оружейных по 30 выстрелов»⁹⁰. Кроме того, Аблязов сообщил, что казахи уже не боятся военного наступления Галдан-Церена, так как около двух тысяч юрт из владений султана Аблая кочует неподалеку от джунгарских улусов по Чар-Гурбану и сам он проезжал через эти кочевья на обратном пути к Семипалатинской крепости⁹¹.

Аблязов также подчеркнул, что с тех пор, как казахи приняли российское подданство, Галдан-Церен стал бояться военного наступления России, а поэтому решил вернуть всех русских, взятых в плен.

Эти данные подтвердились и подпрапорщиком Сибирского драгунского полка С. Соболевым⁹².

В связи с этим русское правительство стремилось по мере возможности не обострять взаимоотношений с Джунгарией. В то же время допускалась возможность военного столкновения с нею. В этом случае Россия намеревалась использовать казахов, которые путем многократных набегов на улусы противника могли успешнее его ослабить.

Однако такая политика русского правительства встревожила правящую верхушку Среднего жуза, которая боялась, что русские могут соединиться с Галдан-Цереном против казахов. Встревоженный этим Аблай решил перекочевать в дальние кочевья⁹³.

Между тем, как видно из изложенных материалов, для такого бес-

⁸⁹ Омский облгосархив, ф. 1, д. 4, лл. 3—5.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ АВПР, ф. «Джунгарские дела», 1746, д. 1, л. 16.

⁹² Там же, 1745, д. 1, л. 158.

⁹³ АВПР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1745, д. 7, лл. 6—7.

покойства не было никаких оснований.

Итак, политика России по отношению к Джунгарии состояла в том, чтобы предотвратить военные столкновения на джунгарской границе, а в случае военного нападения джунгар на казахские владения — обеспечить оборону крепостей и прилегающих к ним кочевий, а также использовать военный опыт казахов в степной войне, если джунгары все же нападут.

Такая политика сорвала военные планы Галдан-Церена. Этому также способствовали отношения, сложившиеся между Джунгарией и Ходжендом.

Взятие городов Ташкента и Туркестана ослабило власть Галдан-Церена на Сыр-Дарье.

В связи с наступлением Абдулкаримбека в районе Сыр-Дарьи Галдан-Церен вынужден был перебросить крупное войско на Сыр-Дарью и таким образом ослабить свои силы в верховьях Иртыша и в районе Колывано-Воскресенского завода.

Не желая обострять взаимоотношений с Джунгарией, царское правительство в 1745 г. пыталось договориться о мире с преемником Галдан-Церена — Цеван-Дорджи.

В этих условиях тяготение широких масс казахского народа к России, которая могла им обеспечить мирную жизнь, еще более усилилось. В народе говорили: «А ежели и оную [Россию] потерять, то уже и всем нам пропасть. Того ради наиболее все утверждают, что сюда [к русским границам] ближе кочевать, рассуждая, что здесь кочевье великое и во всем довольное»⁹⁴.

Казахский народ был уверен, что укрепление связей с Россией представляет единственный путь избавления от войны с Джунгарией. Это было желание мирной жизни, которое росло в народных массах.

---

⁹⁴ Там же, 1744, д. 4, л. 121.

А. Г. МАЛЯККИН

УЙГУРСКОЕ ТУРФАНСКОЕ КНЯЖЕСТВО В XIII ВЕКЕ

В конце XII — начале XIII столетия территория уйгурского феодального государства, созданного уйгурами после их переселения из Восточной Монголии и известного в литературе под названием «Уйгурское Турфанское княжество», охватывала районы вдоль северного и южного склонов восточной части Тянь-Шаня (примерно к востоку от того района, где сейчас расположен город Урумчи), а также часть современной провинции Ганьсу. Это государство, глава которого носил титул «идикут», находилось в вассальной зависимости от каракитаев, платило им дань и было под неослабным надзором специальных чиновников, командированных каракитайским гурханом.

Когда стало ясно, что Чингисхан успешно заканчивает объединение монгольских племен и создает сильное монгольское государство, идикут Барджук решил избавиться от опеки каракитаев. В 1209 г. их чиновники были убиты, и, как сообщается в биографии Барджука, было решено подчиниться монголам. Это подчинение было оформлено после прибытия послов великого хана. С ответным посольством Барджук, между прочим, передавал: «...отныне я желаю вместе с народом быть [вашим] слугой»¹. В 1211 г. во время аудиенции у великого хана идикут, говоря об отношении между уйгурами и монголами, сказал: «Если ваше императорское величество благосклонно к [вашему] слуге, то он будет иметь возможность позади четырех сыновей вашего величества отдать все свои ничтожные силы как ваш верный слуга»².

Присоединение уйгуров к Чингисхану без сопротивления, происшедшее перед началом его основных завоевательных походов, можно рассматривать как крупный успех монголов. Этим также объясняются и милости со стороны Чингисхана, которыми удостоился идикут. Уйгурское княжество получило статус 5-го улуса, следующего за улусами четырех сыновей Чингисхана; сам идикут был принят как пятый сын³ и

¹ «Юаньши», глава 122, 2а. Биография Барджука. В издании «24 династийных историй». Шанхай, 1958.

² Там же, 2б. Дословно «...иметь возможность отдать все силы, как собака и лошадь» (уничжительная форма обращения слуги к господину, вассала к сюзерену).

³ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. М.—Л., 1952, стр. 163. Интересно отметить, что сведения о подчинении уйгуров монголам, изложенные Рашид-ад-Дином, полностью совпадают с данными «Юаньши». См. также: Абе Такео. Where was the capital of the west uighurs? Kyoto, 1954, стр. 435. Абе Такео приводит следующую выдержку из сочинения Чжао Мэн-тяо (1264—1332) «Сун-сюэ-чжай вэнь-цзи», глава 7: «Усыновил уйгурского государя идикута как своего пятого сына и установил братские узы со своими сыновьями».

в жены ему была пожалована дочь Чингисхана принцесса Ели-хотун⁴.

Позиция уйгурских феодалов в вопросах взаимоотношений с монголами определялась прежде всего их слабостью и желанием сохранить господство над своим народом. Кроме того, присоединение к молодому государству, находящемся на подъеме, сулило феодалам обогатение за счет ограбления соседних народов. Этот акт хотя и спас уйгуров от разгрома, который последовал бы в случае их сопротивления агрессору, однако в конечном результате он имел очень тяжелые последствия для народа. Присоединение при существовавших условиях означало прежде всего фактическую потерю независимости. Характер взаимоотношений, сложившихся между уйгурами и монголами, четко выражен в заявлениях Барджука, приведенных выше. Безоговорочное подчинение монголам также предопределяло участие уйгуров в грабительских походах Чингисхана и его преемников. Так, уже Барджук участвовал в войне с найманами, лично командовал десяти тысячным уйгурским отрядом во время похода на мусульманские государства, осаждал Нишапур, содействовал разгрому тангутского государства Сися. При великом хане Мункэ идикут Ма-му-ла принимал участие в походе на Китай⁵.

Участие уйгуров в походах монгольских ханов не ограничивалось только войсками идикута. Отдельные представители уйгурских феодалов также стали присоединяться к монголам со своими вооруженными отрядами. Так, в биографии уйгура Шибань (Си-бань) сообщается: «[Его] отец — Цюэ-ли-бе-ва-чи... узнав, что Тайцзу (Чингисхан) предпринимает поход на север, во главе вооруженного отряда присоединился к нему и сопровождал его в походе на мусульманские государства⁶. Аналогичные сообщения о независимых от идикута действиях уйгурских феодалов можно найти и в биографиях других уйгуров (Тата-тун-а⁷, То-ли-ши-гуань⁸ и др.).

Сотрудничество уйгуров с монголами не ограничивалось только военной областью. Уйгурские феодалы пользовались полным доверием монгольских ханов и, как правило, занимали высокие посты при дворе великого хана, и играли большую роль в управлении завоеванными территориями. После создания Юаньской империи они принимали активное участие в порабощении и ограблении китайского народа. О той значительной роли, которую играла уйгурская знать при дворе монгольских ханов, можно судить даже потому, что только в «Юаньши» приводятся имена около 100 высокопоставленных уйгуров.

Участие уйгурских феодалов и их войск в завоевательных походах, несомненно, очень сильно ослабляло и обескровливало народ. Вместе с тем феодалы обогащались не столько за счет получения пожалований, сколько за счет грабежа и эксплуатации населения порабощенных стран. Очень характерный пример, взятый из сочинения «Эршиэр ши чжацзи»⁹, приводится в книге «Очерки истории Китая»¹⁰. «Архая, он же Алихая, во время похода на Цзинху (провинция Хубэй) захватил 3800 дворов, крестьян же превратил в своих домашних рабов, установив за

⁴ В «Юаньши» — Ели Аньдунь. Здесь взята транскрипция из «Синь Юаньши» (Новая хроника династии Юань), глава 104.

⁵ «Юаньши», глава 122, 26.

⁶ Там же, глава 134, 4а.

⁷ Там же, глава 124, 6б.

⁸ Там же, глава 133, 6а.

⁹ Чжао И (1727—1814). «Эршиэр ши чжацзи» (Заметки к 22 династийным историям).

¹⁰ Очерки истории Китая. С древности до «опиумных» войн. Под ред. Шан Юэ. М., 1959, стр. 369. прим. 52.

ними надзор, и взимал с них ежегодный налог. Правительственные чиновники не имели права вмешиваться в его дела»¹¹.

Поддержание порядка в монгольской империи осуществлялось путем назначения специальных уполномоченных — «даругачи». В Юаньской империи даругачи назначались из числа монголов или сэмужэнь¹². При занятии этой должности уйгурские феодалы пользовались особым предпочтением. После окончательного завоевания Китая на его территории должность даругачи была заменена должностью «пинжан чжэн-ши» (губернатор). В Юаньской империи исполнение этих должностей, а также должностей, связанных с «умиротворением» населения тех или иных территорий¹³, очень часто было связано с использованием дружинников и других членов племени. В «Истории Монгольской Народной Республики» указывается, что «монгольские войска, размещенные в Китае, жили со своими семьями, со всем скарбом и прочим имуществом»¹⁴. Несомненно, что уйгурские феодалы, равно как и монгольские, получив назначение на одну из этих должностей, занятие которой сулило им немалые выгоды, выезжали к месту со своими вооруженными отрядами и всеми приближенными, на которых они опирались при выполнении своих обязанностей.

Активное участие уйгуров в завоевательных походах, а также выселение части населения совместно с феодалами в Китай очень сильно ослабило народ¹⁵.

Тесная связь уйгурских феодалов с коренным улусом Чингисхана, участие их в военных операциях Мункэ и Хубилая, а также в управлении завоеванными территориями Китая — все это определило их позицию в междоусобной борьбе, которая началась после смерти великого хана Мункэ.

Как известно, Хубилай был провозглашен великим ханом в Қайпине в 1260 г. на съезде его сторонников. Среди его приближенных, поддерживавших его и способствовавших занятию им великоханского трона, были представители уйгурских феодалов. Так, например, в биографии Мэн Су-сы¹⁶, одного из приближенных Хубилая, имеется следующее обращение его к Хубилаю после смерти великого хана Мункэ: «Нельзя допустить, чтобы держава оставалась без господина. [Вы] внук Тайцзу (Чингисхана) по прямой линии, самый старший и мудрый из князей, и [Вам] надо вступить на императорский престол»¹⁷. В биографии Лян Си-сяня, второго сына Булгая — главного сановника и секретаря великого хана Мункэ¹⁸, записано аналогичное обращение его к

¹¹ В биографии Алихя («Юаньши», глава 128), крупного военного деятеля, принимавшего большое участие в завоевании Южного Китая и занимавшего высокие посты в управлении южными территориями, эти сведения отсутствуют; однако в «Юаньши» в разделе «Бэньцзи» (основные анналы), глава 11, 16, эти данные, приведенные сравнительно поздним автором, подтверждаются записью о том, что в 17-ом году эры правления Чжи-юань в 1-м месяце в день У-чэнь (27 февраля 1280 г.) приказано Алихя и другим освободить более 32 000 крестьян, взятых в плен.

¹² Сэмужэнь — не монгольская и не китайская часть населения Юаньской империи. См. «Очерки истории Китая», стр. 366.

¹³ Должности сюань-фу-ши, сюань-вэй-ши и т. п. учреждались во вновь покоренных или неспокойных районах. В задачу их входило окончательное подавление сопротивления населения.

¹⁴ «История Монгольской Народной Республики». М., 1952, стр. 107.

¹⁵ В «Истории Монгольской Народной Республики» (стр. 111) отмечается, что одной из основных причин экономического и политического ослабления Монголии было переселение монгольских феодалов со своими аратами и стадами в Китай.

¹⁶ Мэн Су-сы и далее Лян Си-сянь, Е Сянь-най — китайские фамилии уйгурских феодалов.

¹⁷ «Юаньши», глава 124, 166.

¹⁸ «История Монгольской Народной Республики», стр. 99. В «Юаньши» (глава 125, 86—11а) имя этого сановника транскрибируется: Бу-лу-хай-я.

Хубилаю: «... предыдущий император неожиданно покинул мир, держава не имеет господина, хотим чтобы [Вы] скорее вернулись в столицу, заняли трон и тем успокоили вселенную»¹⁹.

Первый этап борьбы Хубилая с претендентами на престол — поход на Ариг-Бугу²⁰ закончился в 1264 г. решительной победой Хубилая. Это столкновение почти не затронуло Уйгурского Турфанского княжества. Из биографий уйгуров, помещенных в «Юаньши», известно, что некоторые из них принимали активное участие в походе на Ариг-Бугу. Например, Е Сянь-най²¹, Шибань,²² Сяо-юань-ши Ту-ху-динь²³ и др.

Через несколько лет против Хубилая выступил новый претендент на ханский престол — Хайду, внук Угедея. Ему удалось создать довольно сильную и прочную коалицию, в которую вошли князья из улусов Угедея и Чагадая, разгромленных в свое время ханом Мункэ и низведенных им до подчиненного положения²⁴. Длительная борьба, закончившаяся только при преемнике Хубилая, протекала с переменным успехом и ее театром были коренные земли монголов, а также территория Уйгурского Турфанского княжества.

Уйгуры, выступившие на стороне Хубилая, не смогли оказать коалиции Хайду сколько-нибудь серьезного сопротивления, так как были ослаблены участием в походах Чингисхана и его преемников, а также вследствие того, что какая-то и, по-видимому, значительная часть их расселилась по Китаю, где несла гарнизонную службу. Удар, нанесенный Хайду, был так силен, что они вынуждены были оставить северные склоны Тянь-Шаня. В биографии Барджука эти события описаны так: «Во время мятежа Хайду уйгурский народ подвергся разорению и рассеялся. Было указано идикуту собрать его и оказать помощь. Людям из этого народа, находившимся в свите князей, [указано] всем вернуться в свои племена»²⁵. В другом источнике, написанном вскоре после этих событий, сообщается о переходе с северных склонов Тянь-Шаня на южные более определенно: «Князья — чингизиды Дува и Бузма²⁶ не послушались идикута Хо-чи-лу-ра²⁷, который прилагал усилия для ликвидации смуты, в результате этого в Бэйтине (Бешбалык) случилось много бедствий, народ не мог обрести спокойствия, поэтому государство было перенесено в Хочжоу (Карахочжо), [где] нарастили стены, углубили рвы и сконцентрировали все помыслы для [организации] твердой обороны»²⁸.

Дело не ограничилось перенесением в Хочжоу (Карахочжо) столицы²⁹ и переездом двора идикута. В это время, по-видимому, с северных склонов восточной части Тянь-Шаня ушло все уйгурское население. По крайней мере, в источнике, приведенном Абе Такео³⁰, прямо говорится об уходе населения на юг: «Когда Хайду восстал, то население

¹⁹ «Юаньши», стр. 126, 6а.

²⁰ Сын Тулуя, младший брат Хубилая. У Рашид-ад-Дина — Ариг-Бука.

²¹ «Юаньши», глава 133, 5а.

²² Там же, глава 134, 4а—б.

²³ Там же, глава 134, 21а.

²⁴ История Монгольской Народной Республики, стр. 98, 109.

²⁵ «Юаньши», глава 122, 3а.

²⁶ Дува — сын Борака, правнук Чагадая, Бузма — ?

²⁷ В «Юаньши» (глава 122, 26—3а) транскрибируется как Хо-чи-ха-эр.

²⁸ Синьду гун шэньдаобэй — Памятник в честь Синьду. Автор текста Вэй Су. На памятнике указано, что он поставлен в 21-й год эры правления Чжи-чжэн (1361 г.). Текст памятника помещен в «Синьцзянтучжи», глава 89, 166—196.

²⁹ Вопрос о местонахождении столицы Уйгурского Турфанского княжества подробно разработан в статье Абе Такео, цитированной выше.

³⁰ Абе Такео. Указ. работа, стр. 438.

ние страны перешло на юг (из Бэйтина в Гаочан)³¹. Население уходило не только в район Турфанской котловины, но также в Ганьсу и в другие районы Китая. Так, в биографии Ха-ла-и-ха-чи говорится, что его правнук Юэ-р-сы-мань — даругачи в городе Душаньчэн³² — «позднее, когда командующий войсками [с севера] Чжа-ху-р-тай захватил Бешбалык, то со всем своим домом переселился в Пинлянь»³³.

Отец Бай-цзяня, о котором говорится, что он родом из Бэйтина, переселился в Цинфэн³⁴. Переселение в районы собственно Китая не было случайным. Как отмечалось выше, там уже проживало много уйгуров, находившихся на монгольской службе. Следует отметить, что, например, Булгая — главный сановник и секретарь хана Мункэ³⁵ имел большое поместье в Пекине³⁶. Можно привести еще ряд аналогичных сообщений, но и приведенных достаточно для иллюстрации создавшегося положения.

Сведения об уходе всего уйгурского населения с северных склонов Тянь-Шаня имеются в сочинении, написанном в начале XIV в., т. е. вскоре после описанных событий, что делает данный источник особенно достоверным. Этот факт, несвойственный оседлому населению, заставляет сделать предположение, что какая-то часть уйгуров во второй половине XIII в. все еще сохраняла кочевой образ жизни.

Набеги Хайду и его сторонников на уйгурское княжество, идикут которого по-прежнему оставался верным Хубилаю, продолжались и после оставления ими районов, расположенных на северных склонах Тянь-Шаня. Уйгуры оказывали войскам Хайду ожесточенное сопротивление. Так, в 12-м году эры правления Чжи-юань (1275 г.) Дува и Бузма со двадцатитысячным войском окружили Хочжоу³⁷. Дува снял осаду только через шесть месяцев, удовлетворившись выдачей принцессы. Несмотря на этот временный успех, силы были слишком неравные. Идикут Хо-чи-ха-р, возвращавшийся после доклада Хубилаю об успешной защите города, погиб в районе Хами, где его отряд наткнулся на войска северной коалиции³⁸. Хубилай, занятый окончательным покорением Китая, не мог оказать сколько-нибудь существенной помощи своему верному вассалу³⁹. После этих событий двор идикута покинул Хочжоу. В китайских источниках нами не найдено точного указания на

³¹ Нянь Чан (1282 — ?). «Фоцу лидай тунцзай» (Общее описание отцов буддийской церкви по эпохам), глава 46, биография монахини Шэ-лань-лань. Гаочан — китайское название древнего государства (V—VII вв.), находившегося в Турфанской котловине. Это название долго сохранялось в китайской литературе, а при Юаньской династии было использовано для наименования административно-территориальной единицы. Столица этого государства также называлась «город Гаочан». Его развалины сейчас известны под названием Идикут-шари.

³² В биографии Ха-ла-и-ха-чи бэйлу говорится, что Душаньчэн находится к востоку от Бешбалыка. В «Синьтаншу» (глава 40, 106) имеется сообщение о том, что от Душаньского гарнизона до Бэйтина (Бешбалыка) 160 ли.

³³ «Юаньши», глава 124, 5а. Пинлянь находился в районе современного уезда Пинлян-сянь, в восточной части провинции Ганьсу. См.: «Чжунго димин да цыдань». Бэйпин, 1930, стр. 313.

³⁴ Там же, глава 131, 21а. Цинфэн находился в южной части современной провинции Хэбэй. См.: «Чжунго димин да цыдань», стр. 588.

³⁵ «История Монгольской Народной Республики», стр. 99. В «Юаньши» транскрибируется: Бу-лу-хай-я.

³⁶ «Юаньши», биография Бу-лу-хай-я, глава 125, 106.

³⁷ Там же, биография Барджука, глава 122, 3а. См. также цитированный выше текст памятника Синьду.

³⁸ Там же, глава 122, 4а—б.

³⁹ В семидесятых годах крупные монгольские войска вели ожесточенные бои на юге Китая с войсками Сунской династии. Кроме того, они были вынуждены подавлять массовые народные восстания, которые продолжались и в последующее десятилетие. См. «Очерки истории Китая», глава 9, § 7, 9.

это. В биографии Бурджука имеется ряд косвенных замечаний (например, сообщение о том, что Нью-линь-тегин умер в Юнчане в 1318 г.)⁴⁰, позволяющих сделать вывод, что двор идикута обосновался в Юнчане⁴¹. По поводу дальнейшей судьбы уйгурского княжеского дома Абе Такео сообщает следующее: «Гаочан был столицей дома идикута около 10 лет. В конце концов, не будучи в состоянии выдержать натиск Хайду, первоначально переехали в Кумул (Хами), затем, примерно в 1283—84 гг., покинули страну, где они жили в течение 400 лет, и бежали в район Ганьсу, где благодаря доброжелательному отношению Юаньского двора смогли положить конец своим утомительным скитаниям в Юнчане, старом обнесенном стенами городе Чжеби Тимура»⁴².

Переселение уйгуров в Ганьсу объясняется не только тем, что уйгурская феодальная верхушка стремилась стать под защиту Юаньского государства, но также и тем, что в Ганьсу уже в течение нескольких веков проживали уйгуры, ведшие, несомненно, оседлый образ жизни. Уйгуры, переселившиеся сюда в конце XIII в., совместно с коренным уйгурским населением представляли довольно значительную силу. Так, в биографии Барджука сообщается, что при подавлении восстания тибетских племен, которое произошло уже после переселения части уйгуров в Юнчан, идикут командовал десяти тысячным войском, состоящим из конных разведчиков и других отрядов племени⁴³.

После переезда в Юнчан идикут потерял последние остатки самостоятельности и превратился в одно из обычных должностных лиц, которые назначались монгольским двором для управления некоторыми, обычно крайними территориями Юаньского государства с титулом вана (князя). Идикуту был присвоен титул гаочанван (гаочанский князь). В его ведении должна была находиться обширная территория, включающая Турфанскую котловину и часть современной провинции Ганьсу. Здесь проживали самые различные народы: китайцы (главным образом в провинции Ганьсу), уйгуры (в оазисах Турфанской котловины и в Ганьсу), тангуты, монголы и другие народности. В связи с таким разнообразием населения идикуту, имевшему печать, свидетельствующую, что он является главой уйгурского народа, была вручена вторая печать, удостоверяющая его назначение гаочанским князем. Эта вторая печать имела силу среди остальных народов⁴⁴.

Титул гаочанского князя, присвоенный идикуту, имел скорее номинальное значение и должен был означать, что Юаньская держава не отказывается от притязаний на Турфанскую котловину. В действительности, хотя и делались попытки подчинить эти районы⁴⁵, власть гаочанского князя не всегда распространялась на Турфанскую котловину. Очень интересные сведения о положении турфанских оазисов во время борьбы Хубилая с Хайду приводит Рашид-ад-Дин. «Ниже его — пределы Карачохжо, города уйгуров. Там хорошее вино. Он находится между пределами Каана и Кайду. Они [уйгуры] ладят с обоими и оказывают услугу обоим сторонам»⁴⁶. Эти сведения Рашид-ад-Дина, несомненно, от-

⁴⁰ «Юаньши», глава 122, 46.

⁴¹ Юнчан находился в 40 км к северо-западу от уездного города Увэй, в современной провинции Ганьсу. См. «Чжунго димин да цыдянь», стр. 531.

⁴² Абе Такео, указ. работа, стр. 438. К сожалению, автор не приводит китайских источников, на основании которых он так подробно восстанавливает этапы переселения двора идикута.

⁴³ «Юаньши», биография Барджука, глава 122, 4а.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ В биографии Барджука, например, сообщается, что идикут Нью-линь тегин совершил успешный поход на Карачохжо, где вновь был основан «уйгурский город».

⁴⁶ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II, М.—Л., 1960, стр. 185.

носятся к 80—90 годам XIII в., ко времени, когда после бегства идикута в Ганьсу окончательно распалось Уйгурское Турфанское княжество.

Таким образом, Уйгурское Турфанское княжество, добровольно подчинившееся Чингисхану и получившее статус 5-го улуса, при Хубилае в результате междоусобной войны его с Хайду сильно пострадало от набегов чагатайских полководцев и фактически прекратило существование. Часть уйгуров во главе с правящим домом идикута переселилась в Ганьсу и другие районы Китая, где и окитаилась. Турфанские уйгуры некоторое время сохраняли известную самостоятельность, лавируя между Юаньской империей и Чагатайским государством, но позднее были завоеваны Могулистаном.

Н. Н. МИНГУЛОВ

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НАРОДОВ СИНЬЦЗЯНА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ОБЩЕКИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1944—1949 ГОДЫ)

Победа китайского народа, открывшая новую эпоху в национально-освободительном движении Востока, является после Великой Октябрьской социалистической революции самым выдающимся событием всемирной истории. Победа народной революции явилась закономерным итогом долголетней и упорной героической борьбы широчайших народных масс многонационального Китая под руководством Коммунистической партии Китая (КПК) с внутренними и внешними врагами.

Народы Синьцзяна рука об руку со всем китайским народом вели многолетнюю героическую борьбу за национальное и социальное освобождение и внесли свой вклад в дело великой победы над общим врагом.

Задачей настоящей работы является освещение одного из важных, но мало исследованных периодов в истории народов Синьцзяна — национально-освободительного движения 1944—1949 гг., его характера и особенностей на различных этапах, роли различных классов, групп и партий в этой борьбе.

* * *

Господство антинародной клики Чан Кай-ши в Китае — одна из самых мрачных страниц в истории Синьцзяна, окраинной провинции страны.

Экономика Синьцзяна неуклонно деградировала. Земледелие приходило в упадок. Сокращалось поголовье скота. Застой переживала торговля. Посевная площадь из года в год сокращалась. Так, если в 1940 г.¹ обрабатываемая площадь составляла около 20 млн. му², то ко времени освобождения провинции от реакционного гоминдановского гнета она едва достигала 15 млн. му³.

Огромные земельные площади, могущие давать обильный урожай, не использовались только потому, что ирригационные сооружения были недостаточны или пришли в полную негодность. Частые засухи при недостаточности ирригационных сооружений приводили к опустоше-

¹ «Народный Китай», 1955, № 19, стр. 10.

² Му равняется 1/16 га.

³ «Народный Китай», 1955, № 19, стр. 10.

нию целых деревень, жители покидали их и уходили нищенствовать, пашни приходили в запустение.

Животноводство, являвшееся основной отраслью экономики северо-восточных районов Синьцзяна, носило экстенсивный характер. Большое количество скота гибло от частых эпизоотий, зимних холодов и метелей. поголовье скота резко снижалось из года в год. К 1942 г. насчитывалось немногим более 17 млн. голов скота, а ко времени освобождения (1949 г.) не превышало 12 млн. голов.

Трудовое население провинции влачило самое жалкое существование, его жестоко эксплуатировали гоминдановский бюрократический аппарат, местные феодалы-помещики, купцы и ростовщики. Крестьянство и скотоводы несли на своих плечах огромное бремя казенных налогов (только основных насчитывалось 22 вида). Кроме основного обложения, существовал еще «дополнительный налог», обычно превышавший основной налог более чем в три раза, а также множество ничем не регламентированных податей и повинностей. Нередко все эти поборы поглощали 70—80 проц. доходов хозяйства.

Налоговая политика гоминдановских властей приводила к разорению дехканства и обогащению помещиков. Земельный налог взимался в одинаковом размере как с крупных землевладельцев, так и с малоземельных крестьян, составлявших основную массу сельского населения. Используя продажность гоминдановских чиновников, помещики скрывали фактическое количество имеющейся у них земли и перекладывали налоговое бремя на крестьян. Нередко наблюдались случаи, когда с крестьян взимали налоги на много лет вперед. Они разорялись до такой степени, что вынуждены были продавать своих детей.

Сосредоточение до 70—80 проц. всех обрабатываемых земель, лесов и пастбищ в руках феодально-байских элементов, составлявших не более 10—15 проц. сельского населения⁴ Синьцзяна, открывало перед ними неограниченные возможности в эксплуатации крестьян и рядовых скотоводов.

Малоземельное и безземельное крестьянство было вынуждено арендовать землю у помещиков на самых кабальных условиях. От 3/5 до 4/5 урожая у дехкана уходило на арендную плату. Кроме того, поскольку оросительная система находилась в распоряжении помещиков, крестьянство было вынуждено платить им за пользование водой.

В бедственном положении находились и трудящиеся скотоводы. Почти 80—90 проц. скота и все пастбища находились в руках феодалов. А в отдельных местностях этот процент был еще выше. Так, например, в животноводческом районе Кашгарского округа—Ташкургане число бедняков-скотоводов доходило до 95 проц., из них 30 проц. работало батраками у богатых феодалов-скотоводов, не получая за это никакой платы, кроме скудной пищи⁵.

Непомерный феодальный гнет, которому подвергалось сельское население провинции, еще усугублялся вопиющей коррупцией местной администрации, торговым грабежом со стороны торгово-бюрократической монополии «Тучаньгунсы». Эта компания, монополизировавшая сферу торгового обращения провинции, служила для провинциального чиновничества орудием прямого ограбления широких слоев местного населения. Монопольно распоряжаясь ценами, компания за бесценок

⁴ Газета «Янги-Юл», 1956, 30 июля.

⁵ «Синьцзян газети», 1951, 15 февраля. Из речи делегата на конференции народных представителей.

скупала сельскохозяйственную продукцию и по баснословным ценам сбывала промышленные изделия.

Налоговый гнет, эксплуатация местных феодалов, лихоимство чиновников создавали условия для широкого процветания ростовщичества. Испытывая постоянную нужду, крестьяне вынуждены были брать ссуду под высокий процент у ростовщика, причем нередко купец и ростовщик выступали в одном и том же лице.

Если крестьянин весной вынужден был занимать у ростовщика зерно или деньги, то осенью он должен был возвращать ссуду в размере 250—300 проц. Это значит, что ростовщик за 3—4 месяца получал в среднем 200 проц. прибыли. Так, например, в кишлаке Дадамту (Илийский уезд) один крестьянин за полтора года должен был выплатить ростовщику взятую у него ссуду уже в пятикратном размере⁶.

Уплата процентов по ссуде лишала непосредственного производителя необходимого прожиточного минимума, и чтобы как-то просуществовать, он был вынужден вновь обращаться к ростовщику и таким образом попадал в вечную кабалу.

В незавидном положении находились и рабочие. По этому поводу газета «Янги-юл» писала: «В нашей провинции нет промышленных рабочих и пролетариата, но у нас есть рабочие мелких предприятий, наемные рабочие — мардикеры, которые живут в таких же условиях, как декане и араты и подвергаются той же эксплуатации»⁷.

Для сохранения своего владычества гоминдановские правители сеяли вражду и разжигали междоусобицы между национальными меньшинствами, всячески препятствовали развитию торговых и культурных связей между ними, держали народы Синьцзяна в темноте и невежестве.

По отношению к национальным меньшинствам гоминдановская клика проводила крайне реакционную политику, целиком унаследованную от маньчжурских правителей и северных милитаристов — политику чудовищного угнетения и эксплуатации. Национальные меньшинства были лишены возможности учиться, развивать свою культуру. Народные массы Синьцзяна не знали школ и грамоты. Бесцеремонно попирались национальные права и религиозные чувства народа. Представители местных национальностей не могли занимать каких-либо ответственных постов в государственных учреждениях. В Синьцзяне почти совершенно отсутствовало медицинское обслуживание населения. Огромные бедствия причиняли народу частые эпидемии оспы и других заразных болезней, уносивших много человеческих жизней. Смертность среди детей достигала 60—70 проц.⁸

В результате длительного господства гоминдановской реакции, беспощадно угнетавшей многочисленные народности Северо-Западного Китая, трудовое население Синьцзяна было доведено до крайней нищеты, вымирало от голода и болезней. Унизительная национальная дискриминация и феодальный гнет, веками существовавшие в старом Китае, с особой силой проявлялись здесь, на северо-западной окраине.

Однако народы Синьцзяна не мирились со своей участью и давали отпор колонизаторской политике гоминдана. Расцвет национальной культуры и экономики в сопредельных с Синьцзяном советских среднеазиатских республиках, освобожденных Великой Октябрьской социалистической революцией от социального и национального угнетения, слу-

⁶ «Янги-юл», 1950, 8 апреля.

⁷ Там же, 1950, 3 июля.

⁸ «Гянь-Шань», 1947, стр. 9.

жил образцом и вдохновляющим примером в борьбе народов Синьцзяна за свободу.

И этой борьбе всемерно содействовала Коммунистическая партия Китая, которая с момента ее образования одной из важнейших своих задач считала осуществление подлинного равенства для всех народностей Китая и освобождение их от национального угнетения.

«Коммунистическая партия Китая всегда считала освобождение Синьцзяна одной из задач китайской революции. Коммунисты Синьцзяна шли в первых рядах этой борьбы»⁹.

Для ведения революционной работы КПК в 1933 г. направляет в Синьцзян группу своих лучших сынов во главе с членами ЦК КПК Чэнь Тянь-цю и Мао Цзэ-мином.

Китайские коммунисты, распространяя идеи марксизма-ленинизма среди прогрессивной интеллигенции народов Синьцзяна, оказали своей деятельностью огромное революционизирующее влияние на рост самосознания народа. «Они сеяли зерно народной революции и коммунизма. Провели ряд конкретных организационных мероприятий и внесли вклад в дело освобождения Синьцзяна»¹⁰. В частности, в распространении идей марксизма-ленинизма в Синьцзяне видную роль сыграли китайские коммунисты, работавшие в Урумчинском университете и в редакции провинциальной газеты. В условиях Синьцзяна, где отсутствовал промышленный пролетариат, рост революционных настроений в среде прогрессивной интеллигенции имел особо важное значение для последующего развития освободительного движения в провинции. Давая оценку периоду 30—40-х годов, когда идеи марксизма-ленинизма получают широкое распространение среди передовой части местной интеллигенции, один из руководителей национально-освободительного движения в Синьцзяне Ахмеджан Касымов указывал: «...не будь этого периода, не было бы и кадров, поднявших нашу национально-освободительную революцию»¹¹.

Годы, непосредственно предшествовавшие усилению национально-освободительной борьбы в Синьцзяне, ознаменовались разнузданной кампанией против демократических сил, начатой осенью 1942 г. Шэнь Ши-цаем (губернатор провинции в 1933—1943 гг.). Особенно большого размаха разгул реакции достиг в 1943 г. в связи с созданием синьцзянского бюро ЦК гоминдана и иностранных консульств. Тысячи людей были арестованы, многие расстреляны. В числе революционеров, павших от рук гоминдановских палачей, были член ЦК КПК — Чэнь Тянь-цю, коммунисты Мао Цзэ-минь (брат Мао Цзэ-дуна), Цяо Го-чжэнь, Линь Цзи-лу и многие другие, посвятившие себя делу освобождения народов Синьцзяна.

Вслед за этими репрессиями в отношении прогрессивных сил последовало еще большее усиление грабежа народных масс Синьцзяна.

И без того тяжелое экономическое положение народов провинции сильно ухудшилось в связи с прекращением в конце 1943 г. торговых связей с Советским Союзом, явившимся результатом антикоммунистической и антисоветской кампании, проводимой кликой Шэнь Ши-цая.

С прекращением торговли с СССР сельскохозяйственное сырье Синьцзяна и особенно продукты животноводства потеряли основной рынок сбыта; и одновременно прекратился ввоз промышленных товаров. В результате началось резкое вздорожание промышленных това-

⁹ «Синьцзян газеты», 1955, 27 сентября.

¹⁰ «Жэньминьжибао», 1955, 30 сентября.

¹¹ А. К а с ы м о в. Избранные статьи и речи. Урумчи, 1950, стр. 11. (На уйгурском языке).

ров, а цены на продукты животноводства и сельскохозяйственное сырье резко снизились. Это повлекло за собой не только дальнейшее обнищание трудящихся масс дехкан и скотоводов, но и вызвало разорение мелких торговцев и ремесленников.

Разрыв торговых отношений с СССР катастрофически сказался на уровне производства в основных отраслях хозяйства провинции, на состоянии финансов: внешняя торговля давала значительную часть поступлений в провинциальный бюджет. Для покрытия своих расходов военная администрация ввела непосильные для крестьян принудительные поставки зерна и скота.

Повсеместное недовольство оголтелым деспотическим режимом, установленным в провинции шэньшицаевской кликой, достигло таких масштабов, что гоминдановское правительство во избежание взрыва народного недовольства решило отозвать Шэнь Ши-цая. С отзывом его положение населения не улучшилось. Так, в начале 1944 г. налоги увеличились и одновременно крестьян обязали продавать государству зерно по заниженным ценам. Намного усилилась политика национальной дискриминации: судопроизводство должно было вестись только на китайском языке, он же провозглашался языком официальной переписки, представители местных национальностей изгонялись из административных органов и т. д.

Чаша терпения народа переполнилась: «Сосут, сосут, сосут. Не может быть, чтобы население без конца терпело такое иго, такой гнет порабощения, по-моему, до того дойдет, что поднимется старый и малый и поставит вопрос: «или жить, или умереть»¹². Эти слова простого крестьянина из Илийского округа как нельзя лучше характеризуют положение и настроение народных масс Синьцзяна перед началом всеобщего восстания.

Марксизм-ленинизм учит, что революции происходят в силу закономерного хода исторического процесса и возникают, как указывал великий Ленин, «когда десятки миллионов людей приходят к выводу, что жить так дальше нельзя»¹³.

Обреченный на голод и нищету народ все более решительно поднимался на борьбу против произвола гоминдановских властей.

Наибольший размах народно-демократическое движение получило в северных скотоводческих районах Синьцзяна (Алтай, Тарбагатай, Или), где положение населения ухудшилось до предела. Причиной этому были: во-первых, увеличение размера и без того тяжелых налогов на скот, во-вторых, разрыв экономических отношений с Советским Союзом, наиболее сильно сказавшийся в северных окраинных скотоводческих районах, так как с прекращением торговых связей с СССР они потеряли основной рынок сбыта продуктов животноводства.

Кроме того, развитию национально-освободительного движения в этих районах непосредственно способствовала деятельность подпольных групп, которые проводили значительную революционно-пропагандистскую работу среди кочевого населения.

«Наше народно-освободительное движение возникло на основании труднейшей подготовительной работы многих самостоятельных революционеров, которые тайно создавали революционные группы»¹⁴.

С середины лета 1944 г. в северных районах Синьцзяна недовольство и брожение начали перерастать в открытые выступления против

¹² «Свободный Восточный Туркестан», 1945, 24 февраля.

¹³ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 441.

¹⁴ «Свободный Восточный Туркестан», 1945, 6 января.

гоминдановского режима. Непосредственным поводом к восстанию послужил приказ о мобилизации 10 тыс. лошадей на военные нужды. Это в первую очередь ударило по интересам кочевников. Поэтому волнения начались именно в этих районах.

Вооруженное восстание против гоминдановского режима началось с выступления одной из подпольных групп, действовавших в Нилхинском уезде. Успешная вылазка этой группы послужила сигналом к восстанию населения Нилхинского уезда. На борьбу поднялись окрестные казахи, вскоре в районе Арбун-сумуна восстали монголы, которых возглавил бежавший из тюрьмы славный сын монгольского народа Фуча-афанди. К середине сентября 1944 г. в горах Нилхинского уезда уже действовали мелкие партизанские отряды, ядро которых составляли беднейшие слои кочевого населения¹⁵.

Руководство повстанческими силами возглавили преданные и смелые сыны народа: Акбар-батур, Фуча-афанди, Фатих, Гани, Тухти, Хамид и др. Вооружались партизаны чем попало и большей частью за счет тех богатых трофеев, которые они захватывали у противника. Так, только в одном бою было взято более 100 винтовок и свыше 10 тыс. патронов¹⁶.

При активной и всесторонней поддержке населения повстанцы расширили масштабы наступательных операций. 7 октября 1944 г. от гоминдановцев был освобожден уездный центр — город Нилха. Чтобы подавить восстание в самом зародыше, гоминдановское командование в начале ноября срочно направляет в район Нилхи большую часть гарнизона города Кульджи.

На своем пути к району восстания гоминдановские палачи жестоко расправлялись с ни в чем неповинным мирным населением близлежащих к Нилхе селений. «... Они [гоминдановские солдаты] на своем пути к Нилхе зверски убивали женщин, детей, стариков, громили жилища»¹⁷.

Этими мерами гоминдановцы пытались запугать население и лишить восставших поддержки широких масс народа. Но такие меры только подлили масла в огонь ненависти народа к гоминдановским тиранам. Население, вооружаясь охотничьими ружьями, топорами, вилами, палками и т. п., присоединялось к восставшим.

Успешный исход начавшегося стихийно народного выступления против гоминдановской реакции зависел от правильного его координирования и перерастания его в широкое национально-освободительное движение.

Именно эту ответственную и трудную задачу взял на себя подпольный комитет во главе с Ахмеджаном Касымовым, большинство членов которого являлось самоотверженными и преданными борцами за дело народа, в течение многих лет проводившими подпольную работу в тяжелых условиях террора и преследований.

Подпольный комитет, созданный в Кульдже, решил поднять в городе вооруженное восстание. С этой целью в конце октября 1944 г. был создан специальный комитет по подготовке вооруженного выступления в Кульдже, который сосредоточил в своих руках политическое и военное руководство¹⁸.

Подпольный штаб восстания устанавливает связь с руководителями партизанских отрядов Нилхи и согласовывает с ними план дейст-

¹⁵ «Инкалаби Шарки Туркестан», 1948, 18 февраля.

¹⁶ Там же, 1947, 7 октября.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Синьцзян газети», 1951, 7 апреля.

вий. По сигналу штаба повстанцы должны были вступить в Кульджу. Одновременно с этим штаб готовит силы в городе и обращается к населению Кульджи и его окрестностей с призывом подняться на борьбу против деспотического гоминдановского режима.

Воспользовавшись тем, что в Кульдже остался малочисленный гоминдановский гарнизон, подпольный комитет города, во главе с Ахмеджаном Касымовым, поднял народ на вооруженное восстание.

Согласно приказа подпольного комитета Кульджинского штаба восстания, партизанские отряды района Нилхи, не ввязываясь в бой с карательным отрядом, высланным против них из Кульджи, кратчайшим обходным путем через горный перевал на рассвете 7 ноября 1944 г. вступили в Кульджу и соединились с восставшим народом. В партизанских отрядах Нилхи насчитывалось уже свыше 2 тыс. человек¹⁹. Повстанцы вступили в Кульджу без особого труда, так как в момент вспыхнувшего в городе восстания остатки гоминдановского гарнизона скрылись в укреплениях.

С вступлением партизанских отрядов в Кульджу восстание приняло всенародный национально-освободительный характер²⁰. 12 ноября 1944 г. создается центральный военный штаб восставшего народа и предпринимаются шаги к образованию Временного правительства. Поэтому этот день вошел в историю Синьцзяна, как день начала всеобщего национально-освободительного движения народов провинции против колониального гнета гоминдановских реакционеров²¹.

К вечеру 13 ноября 1944 г. объединенные силы восставших по приказу центрального штаба начали наступление против основных сил гоминдановцев, укрепившихся в районах Айранбага, будханы, аэродрома, склада, сылинбу (штаб командующего) и в здании главного полицейского управления.

14 ноября в разгар уличных боев в центральный штаб восставших явился Алихан-тюре — духовное лицо, пользовавшееся большим авторитетом среди мусульманского населения Кульджи, с предложением помощи восставшим. Он обещал поднять все мусульманское население Кульджи против гоминдановских властей. Благодаря усилиям Ахмеджана Касимова переговоры с Алихан-тюре были успешно завершены, в результате чего 15 ноября 1944 г. было провозглашено Временное правительство «Восточно-Туркестанской республики» (ВТР) во главе с Алихан-тюре, а его заместителем был назначен крупный помещик, житель Кульджи Хакимбек-ходжа.

Принятие предложения Алихан-тюре о помощи говорило о гибкости тактики руководства национально-освободительного движения, которое видело необходимость широкой коалиции в борьбе против гоминдановского господства, и это, безусловно, было правильно на данном этапе движения и соответствовало сложившейся обстановке, когда первоочередным и единственным лозунгом восставших была ликвидация деспотического гоминдановского режима.

Во Временном правительстве ВТР были представлены все слои населения различных классов — от трудового крестьянства до купеческих и помещичьих кругов, заинтересованных в освобождении Синьцзяна от национального гнета. В состав Временного правительства вошли представители различных национальностей, проживающих в Синьцзяне: уйгуры — Алихан-тюре, Хакимбек-ходжа, Сабирходжаев Рахимжан, Ах-

¹⁹ «Азад Шарки Туркестан», 1945, 4 января.

²⁰ «Инкляби Шарки Туркестан», 1947, 7 октября.

²¹ «Синьцзян газети», 1951, 7 апреля.

меджан Касымов, Набиев, Анвар Мусабаев и другие; казахи — Абдулхайер-тюре, Урахан (в то время он находился еще в Нилхе) и другие; русские — Ф. Лескин, А. Полинов²²; монголы — Фуча-афанди и др.

Как только Временное правительство начало функционировать, оно провело ряд хозяйственных мероприятий, установило охрану складов одежды, обуви, продовольствия, пекарен и т. п. и приняло меры по организации военных операций. Было принято решение о наборе добровольцев в народную армию. Спешно создавались отряды народных ополченцев.

Центральный штаб восставших объединил все партизанские отряды²³. Начавшееся 7 ноября 1944 г. наступление партизанских отрядов за захват Кульджи закончилось ликвидацией трех группировок гоминдановцев в городе. Оставалась одна крупная и самая сильная группировка гоминдановцев, укрепившаяся в районе Айранбага (северные казармы), будханы и аэродрома. После окружения этой группировки центральный штаб восстания начал подготовку сил для ее уничтожения. Однако на выручку осажденным гоминдановские власти выслали из Урумчи и Турфана хорошо вооруженные крупные силы²⁴.

Чтобы не допустить эти силы в Кульджу и не дать им возможности соединиться с окруженной группой, штаб восстания поставил перед собой три основных задачи:

во-первых, во что бы то ни стало приостановить продвижение гоминдановских частей к Кульдже;

во-вторых, немедленно освободить и очистить от остатков гоминдановских банд все отдаленные уезды Илийского округа²⁵ и,

в-третьих, объединить разрозненные партизанские отряды в регулярную народную армию.

Штаб восстания не мог выделить достаточных сил против приближающегося к Кульдже противника, так как основная часть повстанческих отрядов была сосредоточена против трехтысячной группировки гоминдановцев, окруженной в районе Кульджи и часто предпринимавшей попытки вырваться из окружения.

К тому же отдельные партизанские отряды вели бои в других уездах Илийского округа. Передовые части гоминдановцев появились у Кенсай 20 ноября 1944 г. В это время находившаяся здесь горстка храбрецов с подоспевшей из Лоуцогоу небольшой группой, в течение нескольких дней ведя упорные бои, задерживала продвижение противника²⁶. Но пользуясь большим перевесом сил, гоминдановцы прорвали оборону в районе горной местности Талки и быстро начали продвигаться вперед по ущелью Кенсай. Навстречу приближающемуся противнику, в Кенсай, расположенный приблизительно на расстоянии около 70 км от города, в начале декабря 1944 г. был послан отряд под командованием Ф. И. Лескина²⁷.

Отряду Лескина, посланному на помощь, удалось задержать дальнейшее продвижение противника у электростанции Эртай. После того как наступление гоминдановцев было остановлено, а остатки кульджинского гарнизона оказались прочно блокированными, центральный штаб

²² Из местных жителей. В Синьцзяне проживает значительное количество русских, переселившихся из Семиречья еще в XIX в.

²³ «Синьцзян газети», 1951, 7 апреля.

²⁴ «Свободный Восточный Туркестан», 1945, 11 января.

²⁵ «Синьцзян газети», 1951, 7 апреля.

²⁶ «Свободный Восточный Туркестан», 1944, 29 декабря.

²⁷ После мирного освобождения Синьцзяна Ф. И. Лескин по приказу Мао Цзэ-дуна был назначен командующим 5-м корпусом НОА Китая.

восстания перебросил часть повстанческих соединений против гоминдановских гарнизонов в уездах Туккуз-тара, Суйдуна, Чэньпаньцзы, Куре и др.²⁸

Упорное сопротивление оказал гарнизон Туккуз-тара, но под напором партизанских отрядов гоминдановцы отступили по Кунгесу на восток, в сторону Карашара.

Успешные действия партизанских отрядов служили вдохновляющим примером для всего трудового населения. Повсеместно ширится фронт борьбы против гоминдановского режима. Так, 20 декабря 1944 г. 52 тыс. кочевников-торгоутов, жителей Юлдуза, признали Временное правительство и присоединились к национально-освободительному движению²⁹. В это же время крупные волнения начались среди кочевников Ташкуртана, самой северо-западной оконечности Синьцзяна с населением немногим более 18 тыс. жителей.

Таким был патристический дух восставшего народа и его непоколебимая вера в победу. Зачастую вооруженные лишь дубинками, пиками, вилами и топорами, повстанцы неожиданно нападали на отступающие группы гоминдановских банд и наносили им тяжелый урон.

После падения Туккуз-тары повстанцы, сломив ожесточенное сопротивление противника, овладели крепостью Чэньпаньцзы; 25 декабря 1944 г. стремительным штурмом захватили крепость Суйдун³⁰. А в ночь с 29 на 30 декабря партизанские отряды³¹ заняли крепость города Куре.

Очистив вышеуказанные пункты от гоминдановцев, партизанские отряды, действовавшие в этих районах, срочно были переброшены в Кульджу, где присоединились к основным силам восставших.

31 декабря 1944 г. отряды повстанцев делают попытку овладеть будханой, айранбагскими казармами и аэродромом. После затяжных упорных боев 30 января 1945 г. была ликвидирована последняя группировка гоминдановцев, окопавшаяся на территории аэродрома. На этом заканчивается первый этап военных операций национально-освободительного движения по очищению Илийской долины от вооруженных сил гоминдановцев³².

Покончив с окруженной группировкой противника в районе Айранбага и отразив натиск гоминдановских дивизий из Урумчи, Временное правительство приступает к мероприятиям по укреплению военных сил революционной власти. В стихийно возникших отрядах повстанцев зачастую не хватало должной организованности, ощущался недостаток квалифицированных военных кадров. Отсюда одной из первоочередных задач, стоящих перед Временным революционным правительством, было создание хорошо обученной регулярной армии, способной защищать завоевания восставшего народа.

Одновременно, подготовив силы, центральный штаб 13 февраля 1945 г. начал операцию по ликвидации узлов сопротивления противника на границах Илийского округа в направлении Кенсяя, Эртая, Сантая, Сандаохэцзы и т. д. В результате стремительного наступления противник в панике бежал, бросая на поле боя оружие, боеприпасы и бронемашину³³.

²⁸ «Синьцзян газеты», 1951, 7 апреля.

²⁹ «Свободный Восточный Туркестан», 1945, 12 января.

³⁰ Там же.

³¹ Из этих отрядов вскоре после взятия Суйдуна и Куре был сформирован 1-й Суйдунский стрелковый полк.

³² «Свободный Восточный Туркестан», 1945, 28 марта.

³³ Там же, 1945, 2 марта.

Фронт с каждым днем отодвигался все дальше и дальше, враг один за другим терял свои опорные пункты. Илийский округ был полностью очищен от гоминдановцев к марту 1945 г.

Такая быстрая победа демократических сил была возможна лишь благодаря всенародной поддержке, оказанной населением. Фронт и тыл были едины и неразрывно связаны между собой. В помощь повстанческим силам повсеместно создавались отряды самообороны.

Родители, посылая в ряды повстанцев своих сыновей и дочерей, напутствовали их быть верными делу народа, сражаться с врагом до последней капли крови. Так, старик-уйгур, провожая своих сыновей в армию, сказал: «Я отдаю четырех сыновей для защиты родной Туркестанской земли, если понадобится, отдам и свою седую голову!» А одна мать при проводах своей дочери на фронт говорила: «У меня нет сыновей, пусть бьет врагов моя дочь! Пусть она бьет озверелых фашистов без пощады! Так будь же, моя дочь, мужественной! Будь достойной дочерью своей Родины»³⁴.

Свергнув деспотический гоминдановский режим в Илийском округе, восставший народ приступил к укреплению своих завоеваний. Эти задачи были изложены в декларации Временного правительства от 5 января 1945 г. и в основном заключались в следующем: уничтожение гоминдановской деспотии и создание демократической базы, основанной на равноправии всех национальностей, населяющих эту территорию; создание мощной многонациональной народной армии; национализация банка, телеграфа, телефона, почты, лесных угодий и недр; всемерное развитие промышленности, сельского хозяйства, скотоводства и частной торговли, на основе чего добиваться поднятия благосостояния населения; равноправие национальностей и свобода вероисповедания, всемерное развитие народного образования и здравоохранения.

В одном из параграфов данной декларации говорилось, что население демократической базы приложит все усилия к установлению дружественных отношений со всеми демократическими странами мира, особенно с непосредственно граничащим с Синьцзяном Советским Союзом³⁵.

Предоставление свободы и равноправия всем национальностям, населяющим Синьцзян, имело целью ликвидировать существовавшие между ними рознь и недоверие, что являлось тяжелым наследием господства прежних реакционных правителей, в течение многих лет сеявших вражду и распри между национальными меньшинствами страны.

Развитие промышленности, сельского хозяйства, скотоводства и торговли, а также национализация банков, телеграфа, почты, лесных угодий и недр были совершенно необходимы для дальнейшего развития и укрепления революции. Как известно, без прочной экономической базы никакая революция не сможет удержать свои завоевания.

Предоставление свободы вероисповедания, которая в течение многих лет попиралась, было необходимо для развития народно-демократического движения; верующая часть населения вставала на его сторону.

Создание регулярной народной армии, предусмотренное в декларации, было одной из основных задач народно-освободительного движения, ибо без этого нельзя было бы защищать завоевания народа.

Требование борьбы с корыстолюбием, карьеризмом, национализмом и взяточничеством выражало стремление установить подлинно народно-демократические порядки, необходимые для успешного про-

³⁴ Там же, 1945, 11 января.

³⁵ Там же.

должения освободительного движения, и ликвидировать наследие го-миндановских правителей.

Таким образом, декларация Временного правительства имела целью упрочение завоеваний народа, укрепление экономики и сплочение в едином лагере народно-демократических сил.

При разработке программы были учтены основные задачи народно-демократического движения на начальном этапе: сплочение всех сил, заинтересованных в уничтожении го-миндановской деспотии.

Основными силами народно-освободительного движения трех округов были шахтеры Перечинских угольных копей³⁶, рабочие чугунолитейного, кожевенного, пивоваренного, пимокатного заводов и множества мелких ремесленных предприятий Кульджи, а также дехкане и скотоводы окрестных районов. В движении принимали участие также мелкая буржуазия, помещики, купцы, местное духовенство, которые в начальный период поддерживали борьбу против деспотического режима и национального угнетения.

В программе была учтена и специфика обстановки в Синьцзяне, а именно: наличие патриархально-феодальных отношений, отсталость производственных отношений в деревне, где наряду с пережитками патриархально-феодальными сохранились даже элементы домашнего рабства, сильное влияние мусульманского духовенства. А поэтому не были выставлены требования о разделе земли, принадлежавшей помещикам и мечетям, обобществления мелких и средних предприятий.

Первым шагом в деле претворения указанной программы в жизнь было создание сильной регулярной армии, способной отстоять завоевания революции.

8 апреля 1945 г. считается днем рождения национально-освободительной армии восставшего народа. В этот день повстанческие партизанские отряды были преобразованы в регулярные воинские части, оснащенные за счет богатых трофеев оружия, захваченного у противника.

Так, в ходе национально-освободительного движения создавался вооруженный оплот демократической базы восставшего на борьбу за свое освобождение народа Синьцзяна. Великий Ленин говорил: «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться...»³⁷.

Создание национально-освободительной армии, способной отстоять завоевания трудящихся, явилось важным показателем силы национально-освободительного движения.

Являясь детищем народа, национально-освободительная армия пользовалась его поддержкой и любовью. Среди населения Илийского округа развернулось движение по сбору пожертвований в фонд обороны. С первых же номеров газета «Азад Шарки Туркестан» — орган Временного правительства — на своих страницах публиковала списки лиц, жертвовавших в фонд обороны, с указанием внесенного пожертвования.

Многовековой исторический опыт учит, что могущество армии и ее боеспособность, ее успехи в огромной степени зависят от отношения к ней народных масс, от их помощи и поддержки. Любовное и заботливое отношение всего народа к своей национально-освободительной армии являлось залогом ее побед.

Проявляя в первую очередь заботу об укреплении боеспособности армии, Временное правительство одновременно принимает меры к на-

³⁶ Перечинские шахты по добыче угля и железной руды находятся в 30—40 км севернее Кульджи.

³⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 104.

лаживанию нормальной экономической жизни, к улучшению материального положения трудящихся масс, к развитию народного образования и здравоохранения.

С целью увеличения производства зерна специальным постановлением Временного правительства от 15 февраля 1945 г. был принят ряд мероприятий по оказанию материальной помощи земледельцам. В период посевной кампании дехкане получали ссуду семенами и деньгами, в результате трудовое дехканство с высоким подъемом провело весенний сев.

Налаживанием здравоохранения и народного образования деятельно занимались специально созданные Управление здравоохранения и Департамент народного просвещения. Так, Управление здравоохранения провело большую работу среди населения по ликвидации различных заболеваний, в частности, была приостановлена эпидемия сыпного тифа³⁸. Функционировали специальные курсы, готовившие кадры медицинских работников из представителей местных национальностей.

В январе 1945 г., когда в Кульдже еще шли бои с окруженной гоминдановской группировкой, здесь по инициативе ревкома начали действовать трехмесячные курсы по подготовке учителей. В мае были открыты новые курсы по подготовке и переподготовке преподавателей школ для всех национальностей. В результате этих мероприятий 1 сентября 1945 г. начался учебный год во всех школах Илийского округа.

С целью укрепления революционной законности и общественного порядка центральный штаб повстанцев повел решительную борьбу с реакционными элементами, которые, пробравшись к руководству, совершали преступления, направленные на подрыв сил национально-освободительного движения.

Как наиболее тяжкое преступление квалифицировалось разжигание религиозно-национальной розни. Этим самым преследовалась цель не допускать повторения таких случаев, когда в результате подстрекательства реакционных элементов мирное китайское население подвергалось расправе и грабежу.

Подобные инциденты явились результатом оголтелой реакционно-шовиннической политики, проводившейся гоминдановцами в течение долгих лет на территории Синьцзяна. Под влиянием этой пропаганды наиболее отсталая часть мусульманского населения свою ненависть к гоминдановскому режиму распространяла без разбора на все китайское население.

«Задачей нашего национально-освободительного движения является отнюдь не борьба против китайского народа»³⁹, — разъясняла газета «Свободный Восточный Туркестан», официальный орган Временного правительства. «Целью нашей революции является свержение тиранической [гоминдановской] власти»⁴⁰, — указывалось в специальном постановлении Временного правительства, обнародованном 24 февраля 1945 г.

На деле осуществляя равноправие всех национальностей, власть восставшего народа гарантировала всем лицам китайской национальности, которые выразили стремление к мирной жизни, право на свободный труд на производстве и в учреждениях, право заниматься торговлей. На территории, контролируемой Временным правительством, выходили газеты на китайском языке.

³⁸ «Свободный Восточный Туркестан», 1945, 2 марта.

³⁹ Там же, 1944, 29 декабря. Статья Ахмеджана Касымова «О лозунге «Тен Ша Ви Гунг» (подписана псевдонимом Ахмед Илийский).

⁴⁰ Там же, 1945, 28 февраля.

Такая политика руководящих органов восстания способствовала сплочению всего населения округа, без различия национальностей, вокруг новой власти.

Национально-освободительное движение народов Синьцзяна, начавшееся в ноябре 1944 г. в Илийском округе, на первом своем этапе имело первоочередной целью завоевание независимости. Это означало не отделение Синьцзяна от Китая, а освобождение края от гнета гоминдановских властей и создание новодемократического строя, подобно тому, который был установлен в освобожденных районах Китая, руководимых КПК. «Наше восстание было национально-освободительным восстанием, направленным против колониального гнета. Наряду с этим, это было восстание народа, лишенного элементарных человеческих прав, за свободу и политические права. Поэтому это восстание, поднятое нами, явилось восстанием за претворение в жизнь демократической политики... и преследовало одну цель — установление подлинной демократической власти в Синьцзяне»⁴¹, — указывал Ахмеджан Касымов. После свержения деспотической гоминдановской власти на территории Илийского округа была создана демократическая база национально-освободительного движения народов Синьцзяна.

Создав свою регулярную национально-освободительную армию, центральный штаб восставшего народа теперь мог приступить к осуществлению своей дальнейшей задачи — оказать помощь населению других округов провинции в их борьбе за избавление от ненавистой гоминдановской деспотии.

* * *

В тесном взаимодействии с партизанскими отрядами Тарбагатая и Алтая части национально-освободительной армии к осени 1945 г. очистили эти округа от гоминдановских войск, и здесь была установлена народная власть.

Успешно развивая наступление, национально-освободительная армия развернула бои на подступах к столице провинции — Урумчи, где китайские патриоты с приближением повстанческих сил готовились поднять восстание.

Под влиянием событий в северных округах пламя восстания охватило крайние южные и западные районы провинции. На юге особенно большой размах борьба против гоминдановского режима получила в Яркендском и Кашгарском округах. Сюда гоминдановцы перебросили десятитысячную группировку войск, чтобы не дать возможности восставшим соединиться с частями национально-освободительной армии трех округов, действовавших на территории Аксуйского округа.

Гоминдановцы, таким образом, оказались перед перспективой потери господства в Синьцзяне. Поэтому Чан Кай-ши в сентябре 1945 г., когда шли переговоры между КПК и гоминданом в Чунцине, вынужден был объявить о своем признании демократической базы Или—Тарбагатай—Алтай и предоставлении Синьцзяну «местной автономии». К этому времени и в международной обстановке и внутри Китая произошли крупные изменения. После разгрома гитлеровской Германии и безоговорочной капитуляции милитаристской Японии в значительной степени увеличились демократические силы во всем мире. В Китае, в частности, создалась реальная возможность проведения демократических преобразований мирным путем. Поэтому КПК стремилась к тому, чтобы без

⁴¹ А. К а с ы м о в. Указ. сб., стр. 153.

кровапролития, посредством мирных переговоров решить с гоминданом все спорные вопросы, обеспечить мир и подлинную демократию в Китае. Временное правительство трех округов, руководствуясь принципами демократизации страны мирным путем, провозглашенными Компартией Китая, прекратило успешное наступление повстанческих сил и 10 октября 1945 г. приступило к переговорам с представителями гоминдана.

В октябре 1945 г. в Урумчи начались переговоры между представителями центрального гоминдановского правительства и Временного правительства демократической базы Или — Тарбагатай — Алтай. После подписания 10 октября 1945 г. соглашения о перемирии (в этот же день гоминдан и КПК заключили соглашение о прекращении гражданской войны в Китае и о созыве Политического консультативного Совета) стороны перешли к обсуждению условий мирного соглашения. Подписание полного текста договора задержалось из-за разногласий по двум основным вопросам: о персональном составе провинциального коалиционного правительства и о сохранении частей национально-освободительной армии трех округов. Гоминдановцы настаивали на их роспуске.

Характерно, что эти вопросы явились предметом основных расхождений на переговорах гоминдана и КПК, свидетельствуя о том, что гоминдан не желал подлинной демократизации ни собственно в Китае, ни в Синьцзяне. Соглашения о прекращении огня в Центральном Китае и Синьцзяне гоминдан использовал для подготовки нового наступления против революционных сил. Осенью 1945 г. гоминдановские войска развернули наступление в Центральном Китае и затем на юге Синьцзяна, где повстанцы Яркендского и Кашгарского округов, после подписания перемирия руководителями демократической базы Или — Тарбагатай — Алтай с представителями центрального правительства гоминдана, прекратили свои действия в надежде на мирное урегулирование и демократизацию Синьцзяна без кровапролития. Здесь уже началось расформирование повстанческих отрядов.

В связи с провалом наступления в Центральном Китае гоминдан в конце 1945 г. был вынужден пойти на возобновление переговоров с КПК.

Одновременно неудачный для гоминдана исход наступательных операций против НОАК заставил его продолжать переговоры с представителями демократической базы трех округов. Переговоры закончились подписанием 2 января 1946 г. основной части мирного соглашения из 11 пунктов. В конце мая 1946 г. соглашение было утверждено центральным правительством гоминдана.

После подписания соглашения в Синьцзяне было организовано коалиционное правительство. В состав его вошли избранные народом и утвержденные центральным правительством 15 представителей из местного населения и 10 членов правительства, назначенные центром.

Почему же в Синьцзяне было можно создать коалиционное правительство, в то время как в Центральном Китае его не было, хотя КПК прилагала все усилия, чтобы образовать совместно с гоминданом такое правительство?

Начало переговоров о мирном урегулировании дел в Синьцзяне не случайно совпадает с началом 10 октября 1945 г. переговоров КПК с гоминданом о мире, когда в Центральном Китае КПК и гоминдан издали приказ о прекращении военных действий. Несмотря на то, что части национально-освободительной армии восставшего народа находи-

лись у ворот Урумчи — столицы Синьцзяна, а гоминдановцы в панике готовились к эвакуации из города, центральный штаб демократической базы, руководствуясь линией КПК на мирное урегулирование всех нерешенных проблем, немедленно прекратил военные действия и пошел на мирные переговоры в Синьцзяне. «Не желая кровопролития и верные миролюбивой политике, — говорит Ахмеджан Касымов, — мы пошли на мирные переговоры с гоминданом»⁴².

Требования восставшего народа, предъявленные гоминдановцам в ходе переговоров, были почти идентичны требованиям КПК. Восставший народ требовал демократизации страны и создания коалиционного правительства.

Основная часть мирного договора уже 2 января 1946 г. была подписана. Однако военный вопрос и некоторые вопросы о создании коалиционного провинциального правительства оставались неразрешенными. Гоминдановцы, как и в переговорах с КПК, настаивали на роспуске армии повстанцев.

Дата подписания основной части мирного договора между гоминданом и восставшим народом опять-таки совпадает с возобновлением переговоров между КПК и гоминданом, закончившихся соглашением между ними о прекращении военных действий. Все это лишний раз свидетельствует о том, что несмотря на большую отдаленность от Китая, Синьцзян не был изолирован от внутриполитической жизни собственно Китая. Отсюда можно заключить, что хотя в Синьцзяне и не существовало официального отделения КПК, но народно-демократическое движение нацменьшинств Синьцзяна не лишено было идейного руководства Коммунистической партии Китая.

Создание коалиционного правительства явилось большим успехом демократических сил Синьцзяна и одновременно немалой уступкой им гоминдана, вынужденного сделать это из-за обострения положения внутри Китая и роста демократического движения во всем Синьцзяне.

Но если подлинно демократические силы рассматривали создание коалиционного правительства как первый шаг в деле демократического преобразования Синьцзяна на мирной основе, то для гоминдана это была политическая комбинация, направленная на обман масс и раскол демократического движения.

Гоминдан рассчитывал, используя силы местной реакции и своих ставленников в коалиционном правительстве, саботировать претворение в жизнь условий мирного соглашения и, таким образом, упрочить пошатнувшиеся устои своего господства в Синьцзяне. Это уже стало очевидным, когда пошла речь о претворении в жизнь «Политической программы» коалиционного правительства.

Эта «Программа» в основном строилась на положениях мирного соглашения, по которому народы Синьцзяна получали широкие демократические свободы: местные исполнительные органы должны были избираться, официальным языком наравне с китайским признавался уйгурский и т. д.

В «Программу» по инициативе демократических представителей базы Или — Тарбагатай — Алтай, вопреки препятствиям гоминдановцев и их местных прихвостней, был внесен ряд конкретных требований, призванных коренным образом улучшить материальное положение широких трудовых масс и содействовать подъему экономики края. В этих целях предусматривалось следующее: а) оказание помощи беднякам; б) защита прав трудового населения; в) принятие мер для ограничения

⁴² А. К а с ы м о в. Указ. сб., стр. 149.

концентрации крупных земельных площадей в руках отдельных лиц; г) наделение безземельных крестьян землей; д) урегулирование отношений между предпринимателями и рабочими; е) запрещение детского труда и охрана труда женщин и подростков; ж) обеспечение безработных работой; з) расширение ирригационных работ и проведение водной реформы; и) распашка под посевы заброшенных и целинных земель; к) создание зернового фонда для оказания помощи крестьянам в годы неурожая; л) улучшение породности скота, развитие животноводства на научной основе; м) создание отраслей промышленности, работающих на местном сырье, с целью выпуска товаров широкого потребления в количестве, удовлетворяющем спрос населения; н) расширение разработок полезных ископаемых и природных богатств; о) ликвидация всех препятствий, мешающих развитию торговли; п) предоставление свободы внешней торговли в рамках основных правил, установленных властью; р) укрепление экономики провинции, торгового баланса; с) оказание временной помощи для восстановления народного хозяйства провинции и т. д.⁴³

Если на территории демократической базы Или—Тарбагатай—Алтай была установлена подлинно демократическая власть, которая принимала все меры к улучшению положения народа, то иначе обстояло дело на территории семи округов, где были расквартированы гоминдановские войска, численность которых, вопреки мирному соглашению, была увеличена с 20 тыс. до 100 тыс. человек.

Хотя население семи округов формально и получило демократические права, на деле они остались на бумаге. Гоминдановская военщина по существу сорвала свободные выборы исполнительных органов. Вот что писала об обстановке, в которой проходили выборы, шанхайская пресса:

«... Чанкайшистские милитаристы на словах разрешили «свободные выборы», а на деле арестовывали неугодных им избранных народа. Избирателей силой и угрозами вынуждали голосовать за послушных гоминдановцам марионеток. «Непослушных» им представителей народа преследовали и подвергали гонениям, вплоть до арестов, выдвигая против них различные ложные обвинения»⁴⁴.

Однако репрессиями и подкупами не удалось полностью воспрепятствовать волеизъявлению народа.

В ряде округов, особенно в Кашгарском и Яркендском, прогрессивные силы добились убедительных успехов на выборах.

Будучи не в силах остановить рост политического самосознания народа, гоминдановские реакционеры переходят к открытому нарушению условий мирного соглашения и наступлению против демократических сил.

Произвольно урезаются права местных консультативных советов. На основе ложных обвинений снимаются с должности и репрессированы неугодные гоминдановцам лица.

Гоминдановцы ставят на общественные должности, вопреки протестам народа, махровых реакционеров, как было в Кучаре, а также в Аксу, где они во главе администрации Аксуйского округа поставили крупного помещика Сеид-Ахмеда, который восстановил здесь открытый реакционно-террористический режим⁴⁵.

Население южного Синьцзяна, знавшее об успехах своих собра-

⁴³ «Инклаби Шарки Туркестан», 1948, 1 августа.

⁴⁴ «Уйган», 1948, 1 января.

⁴⁵ «Инклаби Шарки Туркестан», 1947, 2 октября.

твев, живущих на территории демократической базы, где претворялась в жизнь «Программа по осуществлению политических дел» («Политическая программа») и была установлена народная власть, требовало осуществления демократической политики на территории всего Синьцзяна.

Движение за соблюдение условий мирного соглашения среди населения семи округов усиливалось. Видя пробуждение и рост сознательности народа, реакция еще больше активизируется: поспешно сколачиваются контрреволюционные националистические общества и тайные организации, которые пытаются сеять раздоры среди различных национальностей и распространяют различные провокационные слухи.

Вся эта провокационная кампания пользуется полнейшей поддержкой со стороны реакционных членов коалиционного правительства, которые, несмотря на все усилия демократических деятелей в правительстве, всячески препятствовали осуществлению мероприятий по демократизации Синьцзяна на основе условий мирного соглашения.

Саботаж реакционеров в коалиционном правительстве привел к его расколу. В группу, стоявшую на позициях борьбы за осуществление мирного соглашения и проведение подлинно демократических преобразований, входили Ахмеджан Касымов, Бурхан Шахидов, Абдуль-Керим Аббасов, Далилхан Сугурбаев и др.⁴⁶

В реакционную, антинародную группировку, нарушавшую условия мирного соглашения, входили: Чжан Чжи-чжун, Салис, Джаным-хан, Айса Алапткин, Лю Мэн-чунь, Ван Цзунь-шань, Бай Вэнь-би и др.

Первая группа, во главе с Ахмеджаном Касымовым, поддерживалась большинством населения, а вторая опиралась на гоминдановские войска. Реакционеры все же не решались пойти на окончательный срыв мирного соглашения. По их утверждениям, имевшие место многочисленные террористические акты против прогрессивных сил не носили организованного характера, а были случайными или совершались вынужденно различными частными лицами.

Гоминдановские члены коалиционного правительства не останавливаются перед прямым нарушением мирного соглашения. Так, односторонним решением они ввели в состав правительства Джаным-хана в качестве заведующего Департаментом финансов, а на должность мэра города Урумчи поставили Хади-Вана. Эти лица были хорошо известны своими давними связями с американским разведывательным центром. Всячески саботируя практические мероприятия демократических представителей в коалиционном правительстве, реакционеры временно все же воздерживались от открытых выступлений. Сигналом для неприкрытого наступления против сил демократии в Синьцзяне явились откровенные призывы реакционеров к ликвидации демократической базы трех округов, раздавшиеся на так называемом «Всекитайском Национальном собрании», происходившем в Нанкине в период с 15 ноября по 25 декабря 1946 г. Синьцзянские националисты в лице ярких пантюристов и предателей интересов народа Масхуда и К°, руководимые и поддерживаемые чанкайшистской кликой, развернувшей к этому времени гражданскую войну в стране и начавшей наступление против демократических сил в общекитайском масштабе, открыто выступили против требований народов Синьцзяна о полном соблюдении условий мирного соглашения из 11 пунктов.

Это ознаменовало собой конец периода частичного соблюдения условий мирного соглашения (1 июля 1946 — январь 1947 г.) и начало

⁴⁶ «Уйган», 1948, 1 января.

периода нарушения этого соглашения и открытой борьбы реакции против демократии (январь — май 1947 г.).

Гоминдановцы поставили своей целью с помощью националистов уничтожить силы демократии и ликвидировать демократическую базу Или — Тарбагатай — Алтай.

Временное невыгодное для революции соотношение сил в гражданской войне в центральных районах Китая явилось непосредственной причиной открытого выступления против демократических сил в Синьцзяне. Реакционеры и националисты типа Масхуда и Усмана пользовались также поддержкой со стороны правящих кругов США и находились у них на службе. В это время наблюдается сильный наплыв в Синьцзян американских «туристов», которые занимались подрывной деятельностью и являлись вдохновителями антикоммунистической и антисоветской пропаганды. Официальные представители США в Синьцзяне (например, вице-консул Д. Маккернан) были прямыми руководителями и организаторами деятельности реакционных сил в провинции.

Гоминдановцы при непосредственном содействии «дипломатических представителей» США в Синьцзяне предпринимают шаги к объединению всех сил внутренней реакции. На основании инструкций командующего гоминдановскими войсками в Синьцзяне Сунь Си-ляня реакционеры из состава коалиционного правительства, как, например, Джаным-хан, Салис и другие, организуют провокации против министров-демократов, разрабатывают меры по ликвидации прав народа, завоеванных им и сформулированных в условиях мирного соглашения и в «Программе по осуществлению политических дел».

Гоминдановская охранка создает различные фашистские террористические организации, такие, как «Организация защиты ислама», «Молодежная организация особой службы» под руководством Айсобека, а также бандитские шайки для совершения вооруженных налетов. Так, шайка Ахмед-бека учинила резню демократической интеллигенции в Ташмалыке (Кашгарский округ)⁴⁷. Не ограничиваясь расправой над прогрессивными силами на территории семи округов, реакция переходит к активным репрессиям в других трех округах.

В феврале 1947 г. с целью прощупать силу демократической базы гоминдановцы организовали нападение банды Усмана на Алтайский округ. Население, возмущенное разгулом реакции и организацией вооруженных бандитских налетов, проводит демонстрации протеста против открытых нарушений мирного договора. Одним из первых мощных выступлений населения явилась стихийная пятитысячная демонстрация 21 февраля 1947 г. в Урумчи. Демонстранты предъявили провинциальному правительству петицию из 55 пунктов, требовавшую выполнения условий мирного соглашения и «Политической программы».

Реакция со своей стороны, стремясь вызвать раздор среди народностей провинции, организовала выступления членов фашистской «молодежной организации» Айсобека (25 февраля и 5 марта 1947 г.).

25 февраля 1947 г. под руководством синьцзянского отделения гоминдановской партии и штаба Северо-Западного военного округа в Урумчи была подготовлена новая провокация, завершившаяся кровавой расправой над мирными демонстрантами, требовавшими соблюдения условий мирного соглашения⁴⁸.

Похороны жертв кровавых событий 25 февраля превратились в мощ-

⁴⁷ «Иттипок», 1948, № 1, стр. 20.

⁴⁸ Там же.

ную народную демонстрацию против происков реакционеров, в ней участвовало более трех тысяч человек.

Выступление реакционных сил 25 февраля против демократических сил в Синьцзяне вызвало острый политический кризис в провинции. Фашистская «молодежная организация» после кровавых событий 25 февраля перестала скрывать свою фашистскую сущность и совершила покушения на демократов и прогрессивную интеллигенцию. 5 марта в Урумчи вновь повторилось такое же событие, как и 25 февраля. В городе было объявлено военное положение. Начались новые обыски и повальные аресты. Гоминдановцы и молодчики из «молодежной организации» ночью врываются в дома и уводили людей в тюрьму⁴⁹. Это наступление реакции против демократических сил опять-таки день в день совпало с наступлением гоминдановских войск в Центральном Китае против Народно-освободительной армии Китая. Именно в это время гоминдановцы окончательно разрывают связь с Коммунистической партией.

Несмотря на обострение положения в провинции, явившееся результатом действий реакции, демократические представители в составе коалиционного правительства прилагали все силы к тому, чтобы избежать полного разрыва и добиться путем переговоров претворения в жизнь условий мирного соглашения.

Даже после нападения банд Усмана на территорию трех округов народно-освободительная армия не перешла установленной мирным соглашением демаркационной линии, за который укрылся Усман. «Наша железная выдержка, — пишет А. Касымов, — не дала возможности искре превратиться в пожар»⁵⁰.

Вооруженное выступление реакции не дало ей желаемых результатов — «найти повод для открытого разрыва отношений с тремя округами и начать широкое вооруженное наступление»⁵¹.

Для более решительных действий по ликвидации демократического движения народов Синьцзяна гоминдану пришлось бы отвлечь значительные силы, которые были необходимы, чтобы противостоять растущей мощи Народно-освободительной армии Китая. В этих условиях Чан Кай-ши решил покончить с борьбой народов Синьцзяна путем политической комбинации, путем сговора с наиболее реакционными местными деятелями Синьцзяна. С этой целью ЦК гоминдана вместо Чжан Чжи-чжуна на пост председателя синьцзянского провинциального коалиционного правительства назначил Масхуда, махрового националиста и пантюркиста, члена ЦК гоминдана Китая и агента империалистических разведок, служившего немцам, англичанам, а затем японцам и, наконец, перешедшего на службу к американцам.

Этой заменой гоминдановские правители рассчитывали расколоть единый фронт общедемократической революции, сыграв на националистических настроениях определенной части населения, которая поддерживала борьбу против гоминдановского режима.

С приходом Масхуда к власти в первую очередь удовлетворялись националистические целеустремления мелкой и средней буржуазии города, мелких помещиков и части духовенства. Ему было поручено объединить под лозунгами панисламизма и пантюркизма националистические элементы провинции, а также, прикрываясь призывами о создании некоего «независимого» мусульманского государства, вести борьбу

⁴⁹ А. Касымов. Указ. сб., стр. 245.

⁵⁰ Там же, стр. 246.

⁵¹ Там же.

против демократических сил и превратить Синьцзян в колонию империалистических держав.

Но народы Синьцзяна хорошо знали истинные цели Масхуда. Поэтому начались многолюдные демонстрации протеста с требованием смещения Масхуда⁵². В Урумчи состоялась десятидневная демонстрация, в Кашгаре пятидесятидневная демонстрация длилась три дня, в Кульдже произошла сорокатысячная демонстрация и т. д. Большинство делегатов провинциального консультативного собрания, открытие которого было намечено на 5 мая в Урумчи, также заявило свой протест против назначения Масхуда⁵³. Однако 28 мая 1947 г. Масхуд сформировал новое правительство и предпринял энергичные шаги к осуществлению поставленных перед ним целей. Реакция перешла к открытому террору. Были разгромлены редакции и типографии прогрессивных газет, созданные в период частичного осуществления мирного соглашения. Повсеместно стали возникать многочисленные панисламистские и пантюркистские организации: «Общество исламистской молодежи», во главе которого стоял гоминдановец Ян Да-лянь, «Общество защиты религии ислама». Последнее, как центральный орган, объединивший более мелкие общества, находился в непосредственном ведении военного штаба Северо-Западного района Китая, во главе с наемным агентом американских империалистов — генералом Сунь Си-лянем, командующим Синьцзянским военным округом.

При активной поддержке военщины и в тесной связи с агентами политической охраны гоминдана создаются на местах отделения организации «Защита религии ислама». Так, например, в уезды Турфан, Пичан и Токсун в июне 1947 г. для создания отделений этой организации были направлены гоминдановские наймиты Аксарай, Гафур, Кары и Ахмед-заки⁵⁴.

Все эти организации ставят своей задачей борьбу с демократическими силами под лозунгом антикоммунизма, распространение клеветнических и провокационных слухов против КПК и Советского Союза. Появившиеся пантюркистские газеты «Ялкын» («Пламя»), «Эрк» («Свобода») и другие, кроме распространения клеветнических измышлений, начали кампанию, направленную на отуречивание населяющих Синьцзян народов, говорящих на тюркских языках, утверждая, что они якобы единая тюркская нация и что названия «уйгур», «казах», «киргиз» и т. п. являются лишь родовыми понятиями.

Призывами о создании некоего тюркского государства, где бы сплотились все единицы без различия их социальной принадлежности, Масхуд стремился отвлечь внимание местного населения от решения социальных вопросов и борьбы за подлинную демократию.

В то время, как Масхуд демагогически разглагольствовал о «национальной независимости» и «о национальной культуре», с его же благословения закрывались национальные культурно-просветительные учреждения и школы. В Кашгаре и Комуле (Хами) были закрыты «уйгурские общества», а их имущество конфисковано⁵⁵. Молодчики из «молодежной организации» Айсобека разгромили в Урумчи клуб «уйгурского общества» (30 июля 1947 г.), при этом погибли ценные реликвии уйгурского народа.

Гоминдановская пропаганда и продажная пантюркистская и панисламистская пресса выставляли Масхуда поборником веры, а его пра-

⁵² «Уйган», 1948, 1 января.

⁵³ Там же.

⁵⁴ «Инклаби Шарки Туркестан», 1947, 24 декабря.

⁵⁵ Там же, 1948, 2 января.

вительство — «правительством ислама». Но по указке этого же «правительства ислама» жестоким репрессиям подверглось мусульманское духовенство, которое выражало протест против насилий и произвола, чинимых властями. В Артуше (Кашгарский округ) было арестовано 20 человек из числа духовенства во главе с Ушур Имином и Рузам Кадыром⁵⁶.

С активизацией деятельности местной реакции гоминдановская военщина беззастенчиво вмешивается во все гражданские дела, диктует местным властям свою волю и увольняет «непокорных»⁵⁷. Были изгнаны со своих постов хакимы многих уездов Яркендского и Аксуйского округов, а хакимы некоторых уездов Хотанского и Кашгарского округов были арестованы⁵⁸. Не ограничиваясь разгоном выборных учреждений, реакционеры обрушивают удары на народные ополчения, так называемые «отряды самообороны», которые были созданы самим народом для поддержания общественного порядка.

Вооруженный народ представлял огромную опасность для осуществления планов реакции. Поэтому банды фашистских молодчиков вкупе с гоминдановцами разоружают отряды самообороны, арестовывают и убивают их руководителей и членов. Так, например, в Токсуне были зверски убиты тысячники Абдуль-Гафур и Халил, сотники Думат, Тухтий-ахун, Музафар и другие⁵⁹, в Кашгаре — начальник отряда местной самообороны Рази Юсуф⁶⁰. В Кашгарском же округе, уезде Артуш, 20 июля 1947 г. были арестованы 22 члена дружин «охраны порядка» во главе с начальником отряда Рашидом Ходжой.

Органы юстиции и суда превратились в политическо-следственный отдел военщины и тайной охраны. Бесчинства и аресты, совершаемые гоминдановцами, приняли повальный характер. Так, «только в одном Файзибадском уезде, в результате начавшихся гонений против демократических элементов, лишь в июле было арестовано более 250 человек»⁶¹.

В черные списки заносились поголовно все демократически настроенные лица, а попавшие в них арестовывались или оказывались убитыми «неизвестными» лицами, или «пропали без вести». С текстильной фабрики в Урумчи власти уволили около 200 рабочих местной национальности за подозрение в симпатии к демократическим организациям⁶².

Наконец, гоминдановская военщина, согласно секретной инструкции сверху, 22 июля 1947 г. объявила военное положение в Кашгаре. Гражданская администрация округа во главе с губернатором Абдуль-Керим Махсумом, назначенная коалиционным правительством, в период частичного выполнения мирного соглашения была арестована под предлогом якобы готовившегося вооруженного выступления⁶³. Губернатором назначили продажного агента пантюркиста Умара Дамулла⁶⁴.

В результате кампании арестов и бесчинств, творимых гоминдановскими солдатами, закрылись многие школы и прекратил работу ряд местных учреждений. В Кашгаре начались грабежи торговцев, в результате чего закрылись рынки и лавки. За малейшие «провинности» го-

⁵⁶ «Уйган», 1947, 17 октября.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ «Иттипок», 1948, № 1, стр. 36.

⁵⁹ «Инклаби Шарки Туркестан», 1947, 24 декабря.

⁶⁰ «Уйган», 1947, 17 октября.

⁶¹ Там же, 28 декабря.

⁶² «Инклаби Шарки Туркестан», 1947, 24 декабря.

⁶³ А. К а с ы м о в. Указ. сб., стр. 252.

⁶⁴ «Уйган», 1947, 28 декабря.

миндановцы избивали и арестовывали жителей. Солдаты терроризировали население и насильствовали женщин и девушек⁶⁵.

В конце июля 1947 г. были потоплены в крови стихийные выступления против невыносимого режима и террора в уездах Турфан и Пичан. Одновременно в уезде Токсун вооруженные помещики попытались согнать дехкан с принадлежавших им наделов. Произошло столкновение. «Услышав об этом, гоминдановские солдаты немедленно приехали к месту стычки и, не вникая в суть дела, встав на сторону реакционеров, начали расстреливать дехкан. Блилежащие дома дехкан были разграблены, жители поголовно перебиты»⁶⁶.

При создавшейся на территории семи округов обстановке дальнейшее пребывание там демократических представителей оказалось невозможным. Поэтому почти все делегаты Провинциального консультативного совета, который так и не открылся, покинули Урумчи и выехали на территорию демократической базы Или — Тарбагатай — Алтай.

К началу августа 1947 г. из Урумчи вернулись в Кульджу и представители демократической базы трех округов во главе с Ахмеджаном Касымовым.

Гоминдановцы приняли меры к блокаде демократической базы трех северных округов.

С отъездом представителей народа из Урумчи реакционные силы во главе с Махсудом при помощи гоминдановской военщины перешли к еще более жесткому террору. Вместе с тем резко ухудшилось положение народных масс ввиду увеличения и без того непомерных налогов и обязательных военных поставок. Одновременно из-за гражданской войны в стране привоз промтоваров из центральных провинций сократился. Недостаток их особенно сильно ощущался с закрытием дорог, ведущих в районы демократической базы трех округов. Уже начиная с сентября 1947 г. в семи округах началась сильная инфляция, повлекшая за собой вздорожание рыночных цен. Так, к концу 1947 г. цены на рынках в 5—12 раз были выше, чем на территории Или — Тарбагатай — Алтай. Во многих районах южного Синьцзяна с весны 1948 г. свирепствовал голод, вызванный непосильными налогами и прямым ограблением народа гоминдановскими ставленниками. Распространению деспотического режима реакционеров на территорию всей провинции препятствовала демократическая база трех округов и ее национально-освободительная армия. Поэтому терроризируя и силой оружия удерживая под своим господством территорию семи округов, Масхуд и его хозяева любыми средствами пытаются ликвидировать демократическую базу Или — Тарбагатай — Алтай. Клика Масхуда использует различные шпионско-диверсионные организации, руководимые американским вице-консулом Д. Маккернаном, для борьбы против демократической базы Или — Тарбагатай — Алтай.

Снабженные американским оружием и деньгами, совместно с гоминдановскими инструкторами, банды Усмана, Калибека и других неоднократно совершают нападения на мирное население демократической базы трех округов. Так, в сентябре — октябре 1947 г. банды Усмана, численностью более 1500 всадников, и банды Калибека, численностью до 900 человек, вторглись в пределы Алтая и Тарбагатая. Частями Национально-освободительной армии эти банды были изгнаны с территории демократической базы, но ущерб, нанесенный их действиями был огромен.

⁶⁵ Там же, 17 октября.

⁶⁶ Там же, 1947, 24 декабря.

Кроме того, для подрыва демократической базы изнутри туда забрасывались шпионы и диверсанты.

Одновременно из всякого рода преступных элементов на территории трех округов сколачивались националистические пантюркистские организации и диверсионные группы. Все они должны были совершать убийства ответственных руководителей, наносить материальный ущерб, сеять межнациональную рознь и т. п.

Но все попытки реакционеров уничтожить революционную базу силой оружия или разрушить ее изнутри с помощью различных пантюркистских элементов и террористов окончились провалом.

Ведя упорную борьбу как с внешними, так и с внутренними врагами, население демократической базы сумело добиться значительных успехов как в экономическом, так и в политическом и культурном строительстве.

С целью укрепления демократической базы, ее руководство с первых же шагов принялось за разрешение таких важных вопросов, как восстановление экономики, торговли, развитие культурно-просветительной работы, укрепление демократических органов власти и армии.

Народно-демократическое движение, являясь частью народно-освободительной революции всего китайского народа, вошло в лагерь мира и демократии.

Народно-демократическая власть трех округов с первых же шагов приступила к осуществлению «Политической программы», выработанной коалиционным правительством на основе мирного договора. Началось наделение безземельных крестьян землей. Оказывалась помощь крестьянам в виде ссуд деньгами, семенами и т. д. Налоги с населения были уменьшены на 50 проц. по сравнению с 1944 г.

В результате этих мероприятий на территории трех округов расширилось сельскохозяйственное производство. Так, посевная площадь с 251 тыс. га в 1941 г. увеличилась до 375 тыс. га в 1948 г., валовый сбор зерна соответственно возрос с 212 тыс. тонн до 295 тыс. тонн.

Культура и просвещение народов Синьцзяна, находившиеся в полном упадке при реакционном гоминдановском режиме, далеко шагнули вперед. Повсюду открывались школы и различные курсы. На курсах по ликвидации безграмотности занималось несколько десятков тысяч людей. Впервые в истории народов Синьцзяна на территории Или — Тарбагатай — Алтай была создана медицинская школа, появились амбулатории и родильные дома.

* * *

Обстановка в Синьцзяне после разрыва отношений между демократической базой и правительством Масхуда настоятельно требовала создания единой руководящей организации, способной сплотить народные массы и вести борьбу за дальнейшую демократизацию страны, за более тесное слияние демократического движения с общекитайской национально-освободительной революцией, руководимой КПК. Такой боеспособной организацией, которая бы сплотила все прогрессивные силы и обеспечила им правильное руководство, могла быть лишь Коммунистическая партия. Однако, «к сожалению, КПК к этому времени еще не успела приступить к *непосредственному руководству* народными массами Синьцзяна» (подчеркнуто нами. — Н. М.)⁶⁷.

На территории Синьцзяна до начала восстания против гоминдана

⁶⁷ «Янги-Юл», 1950, 21 апреля.

и после подписания мирного соглашения существовал ряд нелегальных и легальных политических организаций и обществ⁶⁸. Несмотря на то, что они активно участвовали в демократическом движении, действия их были разрозненны, что пагубно отражалось на его развитии. В большинстве своем эти организации и общества не имели четкой программы действий, не увязывали задачи национально-освободительного движения в провинции с общими задачами китайской революции и допускали ошибки.

Для доведения до конца и закрепления успехов демократического движения в Синьцзяне, исходя из общих задач китайской революции, необходимо было объединить все эти организации и общества в единую организацию с ясной и четкой программой действий.

Эту ответственную задачу взяли на себя подлинно демократические силы во главе с Ахмеджаном Касымовым и другими демократическими деятелями.

По инициативе общественных организаций трех округов, таких, как «Народно-революционная партия», «Объединение демократов семи округов», «Союз революционной молодежи», «Общество освобождения»⁶⁹, в июле 1948 г. в Кульдже собрался съезд демократов Синьцзяна. Решением съезда от 1 августа 1948 г. была создана единая демократическая организация «Союз защиты мира и демократии в Синьцзяне».

Своими первоочередными задачами «Союз» ставил: установление свободы и мира среди народов Синьцзяна, сплочение и объединение прогрессивных сил, борющихся за претворение в жизнь условий мирного соглашения, и организация борьбы против авантюристов, пытающихся нарушить это соглашение, а также борьба за обеспеченную и культурную жизнь народа.

Так возникла впервые в истории Синьцзяна массовая политическая организация народов Синьцзяна, ставившая своей целью создание единого демократического фронта, который объединял представителей различных социальных слоев всех национальностей Синьцзяна. В уставе «Союза» говорилось: «Кому дороги интересы народа — интересы дехкан, ремесленников, скотоводов и интеллигенции, солдат и офицеров, торговцев и духовенства, кто желает обеспечения народу подлинных человеческих прав, кто желает прочного мира, основанного на принципе демократизма — без различия пола, национальности, вероисповедания, социального положения и имущественного ценза, могут вступить в члены «Союза защиты мира и демократии в Синьцзяне».

В эту организацию могут быть приняты все те, кто любит свою Родину, кто желает вывести страну из отсталости, забитости и постоянной нужды, избавить страну от частых кровопролитий.

В эту организацию могут вступить все, кто стремится к равноправию, дружбе, взаимной любви и братскому единению между различными национальностями»⁷⁰.

Создание местных отделений «Союза» предусматривалось во всех округах, уездах, аулах, селах и кишлаках провинции.

Главной задачей «Союза» являлось претворение в жизнь следующей программы, выработанной на основе условий мирного соглашения из 11 пунктов, а именно:

1. Обеспечить подлинную свободу слова, печати, собраний, организаций и вероисповедания.

⁶⁸ Там же, 1950, 26 июня.

⁶⁹ «Алга», 1948, 12 декабря.

⁷⁰ Там же, 2 августа.

2. Для всех народов Синьцзяна, без различия национальности, предоставить равные права на занятие любой должности в государственных учреждениях.

3. Осуществлять на деле принцип избрания административных работников из местной национальности, завоевавших доверие народа.

4. Для оказания помощи правительству и наблюдения за действиями администрации избрать в Консультативный совет людей, заслуживающих доверие, и создать им условия для жизни и работы.

5. Создать культурно-просветительные общества и другие организации, ставящие своей целью борьбу за улучшение жизни и быта народов Синьцзяна.

6. Дать право и создать условия для народов Синьцзяна издавать газеты, журналы, учебники и другую литературу на их родных языках.

7. Увеличить число начальных школ, обучающихся на родном языке. Создать школы для детей бедноты, где бы обучение, пища и одежда для них давались бесплатно. Создавать ремесленные школы по подготовке специалистов для различных отраслей народного хозяйства Синьцзяна; совместно с этим открыть специальные высшие учебные заведения, построить театры, кино и радиофицировать провинцию.

8. Судопроизводство и юридические дела в провинции вести на родных языках народов Синьцзяна. Укреплять судебные органы и сделать их независимыми от государственных исполнительных органов власти.

9. Военнослужащим и женщинам предоставить все политические права.

10. Увеличить число поликлиник, больниц и других лечебных учреждений, совместно с этим организовать бесплатное оказание медицинской помощи беднякам.

11. Для всех коренных жителей любой национальности Синьцзяна ввести ограничение на сосредоточение в отдельных руках земель, летовок, зимовок, крупного рогатого скота, промышленных предприятий, а также другого движимого и недвижимого имущества.

12. Развивать методы обработки земли и поливов, повышать поголовье скота путем улучшения состояния летовок и зимовок.

Главным помощников «Союза» в борьбе за демократические права народа стала «Организация революционной молодежи», созданная 15 ноября 1945 г. в Кульдже.

Основными своими задачами «Организация революционной молодежи» ставила объединение молодежи провинции и воспитание ее в революционном духе⁷¹.

Популярность «Союза» росла очень быстро, и благодаря этому он успешно разрешил стоявшую перед ним важнейшую задачу создания единого народного фронта, объединения в его рядах прогрессивно-демократических элементов различных национальностей и сплочения вокруг него широких слоев населения, а также консолидации различного рода мелких, разрозненных политических обществ. Все члены и руководители этих мелких политических организаций прекратили свою деятельность и примкнули к «Союзу»⁷². Несмотря на то, что отделения «Союза» были созданы лишь в трех округах, он превратился в мощную массовую политическую организацию. Подтверждением этому может быть быстрый рост числа его членов. Так, к концу организационного периода, т. е. к маю 1949 г., в рядах «Союза» уже насчитывалось

⁷¹ Там же, 30 сентября.

⁷² «Янги-Юл», 1950, 21 июня.

более 50 тыс. человек, а к периоду мирного освобождения Синьцзяна НОАК количество его членов превысило 77 тыс. человек. К этому времени он имел 27 уездных отделений, филиал в воинских частях и 755 местных ячеек. «Союз» превратился в широкую массовую политическую организацию, что подтверждается следующими данными.

Классовый и национальный состав „Союза защиты мира и демократии в Синьцзяне“⁷³

Различные слои и группы населения	Кол-во	Национальный состав	Кол-во
Рабочие	16 710	Уйгуры	44 234
Дехкане	28 683	Казахи	20 234
Скотоводы	10 866	Монголы	4768
Ремесленники и мелкие кустари	3 301	Дунгане	1400
Служащие	5617	Русские	1643
Торговцы	1909	Киргизы	1025
Учащиеся	5214	Татары	987
Домработники (в т. ч. женщины)	7786	Узбеки	843
		Солоны	812
		Китайцы	869
		Шива	587
		Таджики	5
		Турки	5
		Прочие	3

Одной из основных задач в разносторонней деятельности «Союза» была работа по разрешению жизненно важного национального вопроса. И в этом «Союз» достиг больших успехов⁷⁴.

«Союз» вел упорную борьбу за установление взаимного доверия, братства и равноправия между различными национальными меньшинствами Синьцзяна, за искоренение межнациональной розни и вражды — тяжелого наследия реакционных правителей, придерживавшихся политики «разделяй и властвуй». Этот испытанный метод разжигания межнациональной розни гоминдановцы и их американские хозяева начали использовать в невиданно широких масштабах с приходом к власти марионетки Масхуда. Поэтому разрешение национального вопроса имело первостепенную важность для победы революции в масштабе всего Синьцзяна.

«Союз» воспитывал свои кадры в духе интернационализма и вел непримиримую борьбу против идей пантюркизма, панисламизма, местного национализма и великодержавного шовинизма, распространяемых среди населения агентами гоминдановцев и американско-английских империалистов в Синьцзяне.

Особенно большие успехи в решении национального вопроса были достигнуты «Союзом» после мая 1949 г., когда его Центральный Комитет принял специальное постановление, в котором указывалось на необходимость «обратить особое внимание на правильное разрешение национального вопроса в провинции»⁷⁵. «Союз» исправил грубые ошибки в этом деле, допускавшиеся в первые годы народно-демократического движения.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

Активисты «Союза» разъясняли народу характер и задачи китайской национально-освободительной революции, вели широкую пропагандистскую и агитационную работу среди населения, призывая оказывать помощь китайскому народу в борьбе против гоминдана. В результате этого усилились любовь и симпатии народа к НОАК и КПК.

Ведя борьбу против различных вылазок врагов, «Союз» давал достойный отпор политическим и экономическим авантюрам гоминдановцев, направленным против демократической базы Или — Тарбагатай—Алтай. Он проводил большую работу по восстановлению и укреплению экономики, достиг больших успехов в области культурно-просветительной работы среди населения. «Союз» осуществил ряд мероприятий по улучшению финансового положения и тяжелого экономического состояния провинции, в результате которых были установлены твердые цены на рынках и повысился жизненный уровень трудового населения⁷⁶.

Чтобы укрепить хозяйства рядовых дехкан и скотоводов, власти оказывают им материальную помощь и ограничивают произвол ростовщиков: норма ссудного процента не должна была превышать установленного размера.

Все эти мероприятия были проведены лишь на территории трех округов.

«Союз» вел непримиримую борьбу против националистических реакционных элементов, шпионов и диверсантов, засылаемых гоминдановцами на территорию трех округов.

Несмотря на то, что «Союз защиты мира и демократии в Синьцзяне» не мог официально распространить свою деятельность на территорию семи округов, ввиду существовавшего там реакционного гоминдановского режима, он пользовался среди населения всего Синьцзяна большим влиянием.

Таким образом, «Союз» подготовил условия для слияния национально-освободительного движения в Синьцзяне с общекитайской революцией и для прихода в Синьцзян НОАК, руководимой КПК.

* * *

1948 год ознаменовался коренным переломом в ходе кровопролитной гражданской войны, развязанной чанкайшистской кликой и их океанскими хозяевами против китайского народа.

В ходе начатого осенью 1948 г. наступления Народно-освободительной армии боеспособность гоминдановских войск была коренным образом подорвана и количественное соотношение сил изменилось в пользу Народно-освободительной армии.

Успехи НОАК на фронтах сочетались с успехами борьбы широких слоев китайского народа против реакционного гоминдановского режима в тылу. По всей стране росло недовольство и ширились волнения, выливавшиеся в открытые выступления против прогнившего деспотического режима.

Такова была обстановка во внутренних районах Китая в конце 1948 и начале 1949 г.

Все это не могло не отразиться и на западной окраине страны — Синьцзяне, где любое более или менее значительное событие во внутренних районах Китая всегда, буквально почти в тот же день, находило свой отзвук.

Демократическое движение в Синьцзяне все более усиливалось. Не только трудовое население, но и мелкая буржуазия, купечество Синь-

⁷⁶ Там же.

цзяна были недовольны режимом гоминдановской марионетки Масхуда.

Попытки Масхуда подавить разраставшееся демократическое движение народов Синьцзяна с помощью террора имели обратное воздействие. Положение в провинции еще более осложнилось.

Учитывая создавшуюся обстановку и пытаясь стабилизировать положение, реакционное нанкинское правительство вынуждено было отозвать Масхуда с поста председателя синьцзянского провинциального правительства.

По требованию народа были также смещены ответственный секретарь правительства Масхуда — Айс-бек Алаткин и агент иностранных держав, организатор антикоммунистических бандитских действий в Синьцзяне, заместитель командующего Синьцзянским военным округом — Сунь Си-лянь.

Таким образом, в результате усиления демократического движения в провинции и, главным образом, вследствие крупных изменений в пользу демократических сил в масштабе всего Китая, правительство Масхуда пало, и в начале 1949 г. в Синьцзяне было сформировано новое правительство.

По предложению начальника Северо-Западного района генерала Чжан Чжи-чжуна в середине января 1949 г. председателем синьцзянского правительства назначили Бурхана Шахиди. Но в противовес ему на должность заместителя председателя был поставлен известный реакционер Мухаммед Имин, редактор фашистского листка «Эрк».

Смещение Масхуда явилось крупным успехом демократического движения, но не окончательным, ибо требования народа были выполнены лишь частично и не было гарантии, что условия мирного соглашения от 2 января 1946 г. будут претворяться в жизнь полностью.

При своем вступлении на пост председателя Бурхан Шахиди провозгласил следующие принципы политики коалиционного правительства: обеспечить в провинции мир, демократию, единство; развивать китайско-советскую дружбу⁷⁷.

Однако реакционные силы всячески стремились воспрепятствовать осуществлению этой программы. Тем более, что и в самом правительстве были реакционные националистические элементы, находившиеся на службе иностранных разведок. Газета «Ялкин» с первых же дней вступления Бурхана Шахиди на пост председателя синьцзянского правительства повела разнузданную реакционную пропаганду, преследуя цель посеять недоверие к новому провинциальному правительству. В ответ на это, новое правительство, основываясь на «Политической программе» (§ 5, раздел «Нация»), запретило газету «Ялкин».

С целью дальнейшего сплочения народа для обеспечения мира и единства в провинции местное правительство 30 мая 1949 г. опубликовало «Обращение ко всему народу различных национальностей провинции», в котором говорилось: «Приложим все усилия для сплочения демократических сил провинции. Мы должны вести жестокую борьбу с противниками мира и единства, прикрывающимися лозунгом национализма... Наша единственная цель — мир, единство, демократия, сотрудничество и упрочение дружбы между Китаем и Советским Союзом... Наша неотложная задача — выполнение «Программы по осуществлению политических дел», выработанной на основе условий мирного соглашения»⁷⁸.

⁷⁷ «Синьцзян газети», 1949, 31 мая.

⁷⁸ Там же, 31 мая.

Одновременно правительство предпринимает практические шаги для обеспечения спокойствия и гражданского мира. Создаются курсы повышения знаний для членов отрядов местной самообороны, производится перерегистрация оружия у населения и т. д.⁷⁹

С первых же шагов провинциальное правительство по инициативе Бурхана стремилось установить контакт с руководством революционной базы трех округов (Или — Тарбагатай — Алтай), а также начало поиски путей к восстановлению отношений с Советским Союзом. Прекратившее свою работу в 1943 г. «Советско-китайское общество культурной связи» в связи с изменением состава провинциального правительства, вновь возобновило свою деятельность⁸⁰.

Чтобы вывести экономику провинции из тупика, в которую ее завели гоминдановские правители и клика Масхуда, правительство приняло меры к налаживанию внутренней торговли. С этой целью были созданы торговые общества со специальными скупочными пунктами, которые должны были заключить с населением долготлетние контракты на закупку животного сырья: кожи, шерсти, кишок, а взамен продавать промышленные товары.

На первом заседании Синьцзянского провинциально-торгового общества в интересах народа правительство установило твердые таксовые цены на сдаваемое сырье⁸¹.

В целях укрепления финансового положения создаваемых торговых обществ правительство выделило 5 тыс. баранов и 25 тыс. новых золотых долларов. Для уточнения торговых взаимоотношений Кашгара с Индией была создана специальная комиссия.

Мероприятия по оживлению торговли были горячо поддержаны трудовым народом, а также мелкой буржуазией, интересы которой прежде сильно ущемлялись.

Правительство также выделило средства для восстановления сельского хозяйства. Так, в период посевной кампании весной 1949 г. крестьяне получили 16 743 340 местных новых золотых долларов, а скотоводы⁸²—7 580 000.

Для упорядочения расстроенных финансов края правительство выработало программу, которая предусматривала, во-первых, отчисления в местный бюджет собираемых на месте средств; во-вторых, выпуск новой устойчивой валюты⁸³. Вслед за этим в обращение выпускается новый серебряный доллар вместо обесцененных бумажных денег. Согласно постановлению от 20 мая 1949 г. обмен новых денег на ассигнации производился из расчета 1 : 600 млн. Новый синьцзянский доллар обращался на равных условиях с серебряным долларом центрального правительства. Вывоз серебряных денег за пределы провинции запрещался⁸⁴.

С целью сокращения непомерных расходов на управленческий аппарат провинциальное правительство осуществляет централизацию власти на местах. При ранее существовавшей системе «баоцзя» каждый район разделялся на ряд мелких бекств, во главе которых стояли минбеги. К началу 1949 г. насчитывалось 355 бекств, общее количест-

⁷⁹ Там же, 5 марта.

⁸⁰ Там же, 31 мая.

⁸¹ Там же, 17 июля.

⁸² Там же, 5 марта.

⁸³ Там же, 31 мая.

⁸⁴ Там же, 26 февраля.

во беков достигало 1065, а количество юзбегов — 5776. Кроме того, еще имелось многочисленное низшее чиновничество.

С 19 февраля 1949 г. система «баоцзя» упразднена, каждый район составлял одну административную единицу во главе с минбеги, в помощь ему назначалось несколько юзбеги. При этом все прежние беки отстранялись от должности и назначались новые, избранные населением. Содержание беки получали от государства, и за всякие произвольные поборы они подлежали наказанию⁸⁵.

В период частичной демократизации в провинции, т. е. с начала 1949 г. и до прихода НОАК и мирного освобождения Синьцзяна, в провинции была проделана значительная работа по укреплению демократических сил. Были достигнуты определенные успехи и в области экономики и культуры.

Прогрессивно-демократические силы в провинциальном правительстве вели упорную борьбу против раскольников и реакционных националистов, пытавшихся сеять недоверие и вражду между различными народностями провинции.

На заключительном заседании курултая представителей дунганского народа 13 мая 1949 г. Шахиди заявил: «В нашей провинции с населением 5 300 000 проживает 13 национальных меньшинств. Они имеют различные нравы, обычаи, религиозные верования и т. д., но цель их одна — жить в мире и строить свободную счастливую жизнь. Как этого можно добиться?»

Известно, что наша провинция является неотъемлемой частью Китая. Поэтому судьба народов провинции не может решаться отдельно от народов Китая. Судьба национальных меньшинств Синьцзяна и судьба всего многомиллионного китайского народа неразрывно связаны.

Нам необходимо объединиться не только с населением Или, Алтая и Тарбагатай, но и с населением всего 450-миллионного Китая — лишь тогда мы достигнем мира и демократии для народа»⁸⁶.

За трехлетний период после заключения мирного договора народы Синьцзяна воочию убедились, что их судьба тесно связана с судьбой китайского народа, что только под руководством КПК и с помощью НОАК можно добиться подлинной свободы и социальной справедливости.

Один из видных руководителей национально-освободительного движения народов Синьцзяна и «Союза защиты мира и демократии в Синьцзяне» — Абдуль Керим Аббасов 11 мая 1949 г., выступая на собрании актива города Кульджи, говорил:

«Мы можем твердо сказать, что лишь успехи Китайской НОА обеспечили победу нашего национально-освободительного движения. Национальные меньшинства Синьцзяна только при помощи НОА могут достигнуть поставленной цели. Лишь победа народно-освободительной борьбы всего китайского народа, несомненно, может привести к полному освобождению синьцзянского народа, лишь тогда будет достигнуто правильное разрешение национального вопроса в Синьцзяне...»⁸⁷.

Деятельность провинциального правительства, направленная на упрочение мира и единства в Синьцзяне и установление дружественных отношений с Советским Союзом, дала свои плоды.

Особо важную роль в деле активизации демократических сил в провинции сыграли успехи, достигнутые населением трех северных округов, и деятельность «Союза защиты мира и демократии в Синьцзя-

⁸⁵ Там же, 23 февраля.

⁸⁶ Там же, 19 мая.

⁸⁷ Там же, 30 сентября.

не», сумевшего сплотить все патриотические, прогрессивные элементы провинции в единый демократический фронт.

В процессе борьбы с гоминдановской реакцией единство прогрессивных сил в Синьцзяне укрепилось.

Итак, по мере консолидации революционных сил в Китае все более усиливалась демократическое движение и в провинции Синьцзян, и национально-освободительное движение народов Синьцзяна все больше сливалось с народно-освободительной революцией Китая, руководимой КПК. Как заявил Абдуль-Керим Аббасов, «к этому времени национально-освободительное движение в Синьцзяне уже получило непосредственное руководство со стороны Коммунистической партии Китая»⁸⁸.

К июлю 1949 г. революция в Китае закончилась победой народа и это позволило начать подготовительную работу по созыву нового Политического Консультативного Совета из представителей КПК, других партий и группировок, массовых организаций и демократических деятелей из всех слоев населения, национальных меньшинств внутри страны и китайской эмиграции. Части Народно-освободительной армии к этому времени уже освободили весь Северо-Западный Китай и находились на подступах к Ланьчжоу, у ворот Синьцзяна.

Предчувствуя неизбежный конец господства своего ставленника Чан Кай-ши, англо-американские империалисты, стремившиеся превратить Синьцзян в плацдарм против Советского Союза, через свои шпионские центры в Синьцзяне предпринимают энергичные меры против Народно-освободительной армии и провинциального правительства, державшего курс на мирное освобождение Синьцзяна. Так, американский вице-консул в Урумчи Д. Маккернан уже в июле 1949 г. лихорадочно активизирует свою деятельность среди офицеров гоминдановских частей, дислоцированных в Синьцзяне, призывая их оказывать сопротивление коммунистической армии, сколачивать бандитские шайки, такие, как банды Усмана, Калибека и др. Маккернан лично организует разведывательно-подрывные отряды, подобные белогвардейской банде Ирдова. В конце июля она была направлена на Алтай для сбора разведывательных данных, для ведения антисоветской и антикитайской агитации, для подстрекательства к мятежу против демократической базы и оказанию сопротивления НОАК⁸⁹.

Но и в Синьцзяне все эти попытки англо-американских империалистов, как и в Китае, были обречены на провал. Под давлением народных масс командование гоминдановской армии в Синьцзяне и провинциальное правительство 25 сентября официально приняли решение о разрыве с гоминдановским правительством в Кантоне и принятии восьми условий КПК от 14 января 1949 г., о переходе гоминдановской армии в провинции на сторону НОАК и о мирном освобождении Синьцзяна.

Об этом синьцзянское правительство и командование гоминдановской армии 25 и 26 сентября по телеграфу известили Мао Цзэ-дуну и Пэн-Дэ-хуайя⁹⁰.

В ответной телеграмме от 28 сентября из Пекина говорилось:

«Генералу Тао Сы-яо, офицерам и солдатам.

Председателю Синьцзянского правительства Бурхану и членам правительства.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же, 1951, 4 февраля.

⁹⁰ Там же, 1949, 28 сентября.

Ваши телеграммы от 25 и 26 сентября получены. Мы считаем Вашу позицию правильной. Ваше заявление о разрыве с кантонским реакционным правительством и переходе в лагерь народной демократии, принятии руководства НПКС, ожидании приказов от центрального народного правительства и народного реввоенсовета соответствует желанию всего китайского народа, чему мы очень рады.

Надеемся, что Вы усилите дружбу между солдатами, административными работниками и различными национальностями для сохранения порядка на местах. Одновременно надеемся на сотрудничество с НОА, готовящейся вступить в Синьцзян с тем, чтобы отменить старый режим, установить новый режим и бороться за строительство нового Синьцзяна. Мао Цзе-дун и Чжу-Дэ».

«Синьцзян жэбао», давая оценку происшедшим изменениям, в передовой писала: «Синьцзян вступил в новый этап своего исторического развития, т. е. вступил в этап народной демократии, о котором еще не знала история Синьцзяна. Народы Синьцзяна должны тесно сплотиться с народами всего Китая и с народами великого оплота мира и демократии — СССР и со всеми миролюбивыми демократическими силами мира с тем, чтобы общими усилиями бороться за мирное строительство КНР и за укрепление международного мирного демократического лагеря»⁹¹.

Синьцзянское правительство и командование гоминдановской армии немедленно принялись за реорганизационные мероприятия и подготовку к встрече НОАК. 27 сентября председатель Бурхан и генерал Тао Сы-яо обратились ко всем губернаторам и уездным управлениям, ко всем руководящим работникам, общественным организациям и армии с призывом — поддержать принятое решение о мирном освобождении Синьцзяна, который под руководством КПК пойдет по пути мирного демократического строительства; соблюдать следующие условия: не причинять никому ущерба; не нарушать межнациональную дружбу; не совершать ни над кем возмездия за прошлую деятельность, не повышать цены на товары; не разжигать вражды между населением и армией; не чинить ущерба общественному имуществу»⁹².

Однако местные реакционеры и гоминдановцы, занимавшие ответственные посты в Синьцзяне, действуя по указке Маккернана, развернули широкую подрывную деятельность, стремясь воспрепятствовать мирному освобождению Синьцзяна и вступлению НОАК на территорию провинции.

Еще 25 сентября Дуглас Маккернан созвал тайное совещание в Урумчи, на котором присутствовали Юлбарс, Мухаммед Имин, Самойлов и ряд гоминдановских реакционных офицеров. Маккернан дал им задание сплотить бандитские и реакционные элементы и поднять мятеж в гоминдановских частях, перешедших на сторону НОАК, чтобы противодействовать вступлению Народно-освободительной армии в Синьцзян»⁹³.

В результате активизации сил реакции в Урумчи произошли беспорядки, грабежи и убийства. В ряде местностей провинции были вооруженные столкновения. Поэтому 28 сентября Временное правительство вынуждено было объявить о введении временного военного положения. «...После распространения известия о мирном освобождении Синьцзяна все национальности и представители всех слоев населения с радостью встретили эту весть. К сожалению, немногочисленные реак-

⁹¹ «Синьцзян жэбао», 1949, 28 сентября.

⁹² «Синьцзян газети», 1949, 2 октября.

⁹³ Там же, 1951, 4 февраля.

ционные элементы сеют вражду между населением и войсками... Это не только нарушает общественный порядок, но и наносит ущерб делу мира...»⁹⁴.

В результате решительных мероприятий, предпринятых Временным провинциальным правительством по сохранению порядка в провинции, обстановка стабилизировалась.

К этому времени в жизни всех народов многонационального Китая произошло историческое событие всемирного значения.

На состоявшейся 1 октября 1949 г. сессии Народно-Политического Консультативного Совета Китая было провозглашено о создании Китайской Народной Республики. В этой сессии впервые в истории Китая как равные приняли участие представители нацменьшинств Синьцзяна, которые в течение многих лет вели борьбу за свое освобождение, за элементарные человеческие права.

Уже 20 октября части НОАК вступили в Урумчи. Население тепло приветствовало своих братьев-освободителей.

Приход НОАК означал свержение многолетнего гнета гоминдановских реакционеров и установление народно-демократического строя в Синьцзяне. На основании решения центрального народного правительства Китая о том, что каждый народ имеет право на самостоятельное управление, и в целях быстрее установления революционного порядка в Синьцзяне 18 декабря было опубликовано официальное сообщение, утвержденное ЦНПС Китая, о создании Единого народного провинциального правительства и образовании Синьцзянского военного округа.

Гоминдановские войска генерала Тао Сы-яо, принявшие восемь условий КПК, на основании приказа Центрального народно-революционного военного комитета были реорганизованы и вошли в состав НОАК. Согласно этому же приказу 10 января 1950 г. национально-освободительная армия трех округов, созданная 8 апреля 1945 г., сливалась с НОАК.

С мирным освобождением Синьцзяна провинциальное правительство приступило к разрешению важных вопросов, стоящих перед провинцией в деле демократизации на основе принципов общей программы НПКС.

* * *

Сам ход народно-освободительного движения в Синьцзяне 1944—1949 гг. убеждает в том, что оно являлось составной частью китайской народно-демократической революции, руководимой КПК. Вместе с тем народно-освободительное движение в Синьцзяне имело и свои специфические особенности: 1) это движение носило ярко выраженный национально-освободительный характер: угнетенные народы Синьцзяна боролись за освобождение от национального гнета, против гоминдановского режима, и национальной дискриминации; 2) освободительное движение в Синьцзяне, особенно на первом его этапе, возглавлялось не КПК, а патриотическими и демократическими элементами, которые идеологически стояли на платформе КПК.

Помимо общности задач, общим в народно-освободительном движении Синьцзяна с народно-демократической революцией всего Китая было и то, что оно опиралось на революционный народ и свою вооруженную армию.

⁹⁴ Там же, 1949, 28 сентября.

Вооруженные выступления народов Синьцзяна закончились созданием демократической базы на территории трех северных округов — Или — Тарбагатай — Алтай, где впервые в истории народов Синьцзяна была создана своя подлинно народная армия, что явилось действенной силой для сохранения завоеваний народно-демократического движения. Мао Цзэ-дун указывал, что «без достаточно сильных регулярных вооруженных сил решительно невозможно обеспечить длительное существование и непрерывное развитие опорных баз революции»⁹⁵. Опорные базы революции могут существовать и развиваться «в зависимости от того, развивается ли революционная ситуация во всей стране»⁹⁶. Период существования опорных баз революции на территории трех округов как раз был периодом развития революционной ситуации во всей стране, сложившейся в результате роста национально-освободительного движения китайского народа, руководимого КПК.

В условиях, когда гоминдановская реакция при поддержке империалистических кругов США встала на путь разжигания новой гражданской войны, создание в Синьцзяне народно-демократической базы с регулярной армией было лучшей помощью населения провинции НОАК. Наличие этой базы распыляло силы гоминдановцев, которые были вынуждены держать в Синьцзяне более чем сотысячную армию. Кроме того, создание демократической базы в трех округах рушило планы американских империалистов об отделении Синьцзяна от Китая под видом создания некоего «мусульманского» государства.

Вместе с тем нельзя также не отметить некоторые слабые стороны этой революции, в частности то, что на первоначальном этапе ее были допущены крупные ошибки в разрешении национального вопроса. Эти ошибки выразились в том, что не делалось разграничения между гоминдановскими реакционными элементами и угнетенными массами китайцев: считали всех китайцев врагами. «Причина этого, — как отмечалось в «Синьцзян газети», — отсутствие непосредственного руководства КПК в первые годы национально-освободительного движения и единой политической организации в Синьцзяне, основанной на революционной платформе, деятельности врагов народа, проникших в революционный лагерь»⁹⁷.

По мере консолидации демократических сил в Китае, выступавших в поддержку политики КПК, одновременно все подлинно прогрессивные организации и группы в Синьцзяне сплачивают свои усилия в борьбе против общего врага китайского народа и народностей Синьцзяна — клики Чан Кай-ши и его заокеанских хозяев.

Во всех случаях, когда гоминдан нарушал соглашения с КПК и переходил в наступление против революционных сил в Китае, народы Синьцзяна отвечали на это усилением борьбы против гоминдановских ставленников и их прихвостней в крае, что является наглядным подтверждением оценки революции в Синьцзяне, как составной части обще китайской народно-освободительной революции. Приход в октябре 1949 г. НОАК в Синьцзян дал возможность национальным меньшинствам сбросить иго бесправия и угнетения, избавиться от многовекового деспотического режима и гнета феодально-колониального строя.

В своей речи на второй сессии Собрания Народных представителей провинции Синьцзян 24 сентября 1955 г. один из видных деятелей КПК Дун Би-у сказал:

⁹⁵ Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. I, стр. 104.

⁹⁶ Там же, стр. 105.

⁹⁷ «Синьцзян газети», 1951, 13 ноября.

«...Революционные выступления населения Кульджи, Алтая и Чугучака нанесли сокрушительный удар по реакционному господству гоминдана в Синьцзяне, значительно содействовали развертыванию освободительной войны в масштабах всей страны и в условиях быстрого назревания революционной ситуации в стране способствовали мирному освобождению всех народов Синьцзяна. С того времени национальности Синьцзяна вместе с народом всей страны навсегда покончили с национальным гнетом, претворили в жизнь принципы национального равенства и открыли перед собой широкий путь развития»⁹⁸.

---

⁹⁸ «Дружба», 1955, 24 сентября.

Ю. А. ЗУЕВ

ИЗ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ЭТНОНИМИКИ ПО КИТАЙСКИМ ИСТОЧНИКАМ

(бома, гуй, яньмо)

Этногенез древнетюркских племен — одна из наиболее ответственных и вместе с тем слабо изученных проблем истории Центральной и Средней Азии VII—IX вв.

Первая и самая серьезная трудность, встречающая исследователя в этой области, — неразработанность источниковедческой базы и вызванное ею отсутствие детальных исследований по отдельным племенным группам хотя бы на основе одного круга источников — китайских, древнетюркских или арабо-персидских. Поэтому основным условием при написании будущих сводных трудов по древнетюркскому этногенезу должно быть по возможности полное выявление письменных известий и их скрупулезный анализ. В особенности это касается китайских исторических текстов, сравнительно полно отраживших события тюркской истории, но с трудом поддающихся объяснению. Если первая часть этого условия (применительно к китайским источникам) после публикации работы Н. Я. Бичурина¹ и недавних переводов Н. В. Кюнера² частично выполнена, то со второй частью дело обстоит гораздо хуже.

Существенным недостатком переводов Н. Я. Бичурина, сколь бы квалифицированно они ни были сделаны, является отсутствие текстологического комментария и вытекающая отсюда «слепота» текста в переводе с китайского. К сожалению, этот недостаток в значительной мере свойствен и сводке покойного проф. Н. В. Кюнера, который считал возможным дать в примечаниях только традиционный китайский комментаторский аппарат, важный для уточнения смысла текста, но далеко не всегда пригодный для понимания специфических иноземных названий. Надо добавить, что при переводах известий о древних племенах (в частности бома, гуй, яньмо и кэшидань) он пользовался такими относительно поздними обозрениями, как «Юаньцзянь лэйхань» (1716), «Тайпин хуаньюй цзи» (составлено в 976—983 гг.) и «Вэньсянь тункао» (XIV в.), имеющими сугубо компилятивный характер и основанными в большей своей части на данных классической энциклопедии «Тун-

¹ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1—3. М.—Л., 1950—1953.

² Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, Предмета настоящей статьи касается также Луи

дьянь» (Общее уложение), автор Ду Ю. Названные сочинения в разделах об иноземных народах с некоторыми изменениями и, как правило, с ошибками в написании терминов буквально повторяют соответствующий раздел «Тундянь», поэтому не могут считаться оригинальными и браться за основу при переводе. В противном случае ошибки и неточности текста неизбежно переходят и в перевод. Так случилось и с описаниями племен бома, гуй, яньмо и кэшидань, русский перевод которых дан в книге Н. В. Кюнера, но он нуждается в некотором уточнении и пояснении. В данной статье предлагается новый перевод этих описаний по тексту «Тундянь» с привлечением разночтений из «Цэфу юаньгуй».

Несколько слов о «Тундянь». Его автор Ду Ю жил в VIII в. Отец Ду Ю Ду Си-ван был приближен к императорскому двору и в 726 г. в чине пань-гуань сопровождал китайскую княжну Цзюэхэ-гунчжу к тюркешам, с которыми в это время был заключен договор «О мире и родстве»³. Один из родственников Ду Ю по имени Ду Хуань в 10 г. девиза тяньбао (751 г.) сопровождал китайского полководца Гао Сянь-чжи в его походе на страны Западного края, в том числе на Суяб, где 26 лет назад побывал Ду Си-ван. Путевые впечатления Ду Хуаня были изложены в сочинении «Цзин-син-цизи» (Записки о переходах и путешествиях), сохранившемся поныне в виде выдержек в своде «Тундянь»⁴. Сам Ду Ю имел прямое отношение к осуществлению китайской политики на тюркских границах в середине VIII в. и, как видно из его жизнеописания в «Танской истории», был прекрасно осведомлен обо всех событиях, происходивших на них⁵. Хотя в своем сочинении Ду Ю выступает главным образом как компилятор, его непосредственное знакомство с жизнью и историей кочевых соседей Китая не вызывает никакого сомнения. Поэтому труд Ду Ю — вполне надежный, а в нашем случае и единственный источник для изучения поставленных выше вопросов.

Разбираемый текст, как отмечалось в печати⁶, является дорожником через территории бома, гуй, яньмо и кэшидань, довольно расплывчатым в определении координат, но уникальным по содержанию. Он не дублирует ни одного из существующих сейчас географических документов, а племенные названия, содержащиеся в нем, становятся известными много позже середины VII в., когда он был составлен. Предельно лаконичный характер сведений, сообщаемых им, свидетельствует о том, что автор дорожника никуда не путешествовал, а пользовался информацией, доставленной, по-видимому, посланниками или купцами из северных стран. Об этом свидетельствует упоминание о посольстве из страны Бома в 652 г. и незначительная на первый взгляд фраза «еще говорят, что...»

Оригинал дорожника не сохранился, но он, безусловно, был, так как один и тот же текст, но с разными деталями использован и в «Тундянь», и в «Цэфу юаньгуй», причем в последней явно ощущается влияние варианта, представленного и Ду Ю.

Мы пользовались изданием «Тундянь» в серии «Цзю Тун» (глава 200, стр. 10а—11б) и пекинским изданием энциклопедии «Цэфу юаньгуй» 1960 г. (гл. 961, стр. 1311—1312)⁷.

³ Синь Таншу (в дальнейшем СТШ) в серии «Бонабэнь», 1958, глава 166, стр. 1256.

⁴ См. перевод: Ю. Зув. Китайские известия о Суябе. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1960, вып. 3.

⁵ СТШ, глава 166, стр. 1257.

⁶ L. Hambis. Указ. соч., стр. 316.

⁷ Кроме того, текст издан: Хэ Цю-тао. Шофан бэйчэн, глава 32; СТШ, глава 217 б, стр. 1530; Цэнь Чжун-янь. Туцзюэ цзиши (Сводная история тюрков). 1958, т. 2, стр. 761—762; Тушу цзичэн. VIII, глава 138.

Текст

Земли Бомы [Пегие кони] близки к Северному морю; отстоят от столицы [Китая] на 14 тыс. ли. Проходят пять местностей больших поколений [було] туцзюе и после этого прибывают. Имеют войска 30 тыс. человек, коней 300 тыс. голов. Той страной правит ицзинь [иркин]. От туцзюе не отличаются. Имеют луки и стрелы, мечи, копья и щиты. Нет [чинов] ночной стражи и дворцовой охраны⁸. Не практикуют наград и пожалований.

Пределы их страны: с востока на запад один месяц хода, с юга на север 50 дней хода. Страна крайне холодная. Каждую зиму выпадает столько снега, что деревья не погружаются в него лишь на один — два чи, а с наступлением тепла постепенно оттаивают с солнечной стороны.

С помощью коней и людей [ЦФЮГ: конями] вспахивают землю плугом; сеют пять [видов] злаковых. Любят рыбную ловлю. Промышляют рыбу, оленя, выдру, зоболы [ЦФЮГ: и шиншиллу] и др. Мясо идет в пищу, а их шкура на одежду. Мало железных сосудов, поэтому вместо блюд и чашек используют котлы из обожженной глины и основание березовой коры.

Следуют за травой и водой [т. е. кочуют]. В местах остановок складывают деревья на манер колодезного сруба, делают берестяную крышу и используют под жильё. Лежанки земляные, тюфяки из травы, вроде войлочных, и так спят.

Когда трава [вокруг стоянки] кончается, перебиваются; нет твердого местожительства. Лошади цветом все пегие, потому и взято наименование [народа].

Еще говорят, что на тех лошадях не ездят; делают кумыс, пьют его, вот и всё.

Они с цзегу [киргут] много раз воевали друг друга и взаимно вторгались. Внешностью из группы [?расы, лэй] цзегу, но их языки друг другу непонятны.

[В ЦФЮГ после слов «наименованием народа»: «Другие говорят, что во всей стране разводят скакунов (?) пегой масти, но на них не ездят, а только делают кумыс, пьют его, вот и всё. Так как живут в горах, не ладят с цзегу, вторгаются друг к другу и воюют. Внешностью из группы цзегу, но их языки друг другу непонятны. По их обычаям следуют за травой и водой. Нет князя [вана]; ставят малых военных предводителей [цзюнь] и старшин [чжан] и повинуются им»].

В середине годов девиза юнхуй [652—653 гг.] при династии Беликих Тан отправили ко двору посланника с данью. [Примечание в тексте: Туцзюе пегих коней называют хэла; еще известна страна Хэла].

Страна Демонов [Гуй] находится в 60 днях пути на западе от страны Пегих коней. В той стране ночью ходят, а днем прячутся. Одеваются в шкуры оленя хуньбо. Глаза, нос и уши такие же, как у людей из Среднего царства [Китая], а рот находится на темени. При еде пользуются глиняными сосудами. На их землях не произрастают зерновые. Питаются мясом оленей, свиней [!] и змей.

За 30 дней пути на юг от страны Пегих коней приходят к туциши [тюркеш], а еще за 30 [Н. В. Кюнер: 20] дней пути приходят к яньмо-нянь-дулу-цзюе-ицзинь. [Н. В. Кюнер: достигают поколений яньмо, нянь-

⁸ По Н. В. Кюнеру (стр. 53): «... не пребывают (т. е. не подразделяются на военные единицы) в лагерях и отрядах, начальствующим не делают наград и пожалований».

ду и люцюесыцзинь]; еще через 8 дней пути прибывают к поколениям кэшидань [Н. В. Кюнер: кэшиньянь].

Из них Пегие кони и яньмо [нянь] не разводят ни быков, ни баранов, ни другого домашнего скота. Их свадебные обычаи одинаковы с туцзюескими [Н. В. Кюнер: В отношении браков: они вступают в браки с туцзюе]. В тех странах много сосны и березы. Ежегодно собирают в оброк шкурки соболя, выдры [?куницы], белки и горностая; преподносят старейшинам.

Исследования

Бома

В небольшом введении к переводу раздела о стране «Гюньма, иначе Била и Йелочжи» Н. В. Кюнер исправляет ошибку Н. Я. Бичурина, читавшего название страны *гюньма* («добрые кони») вместо *бома* («пегие кони»). Правда, это исправление запоздало примерно на полстолетия: со времени опубликования переводов Эд. Шаванна о западных тюрках⁹ все исследователи, так или иначе обращавшиеся к истории этого племени, всегда имеют в виду страну пегих, а не добрых коней¹⁰.

Выражение бо-ма («пегие кони») является китайской калькой соответствующего тюркского этнонима. Вставка в тексте «Тундянь» гласит: «Туцзюе пегих коней называют *хэла¹¹ [> γ at = lat > γalat > ala = at], еще известна страна Хэла [Алат > Ала-ат]». В другом месте сообщается, что в той стране «кони цветом все пегии, потому и взято наименованием [народа]»¹². Этноним ала-ат (в стяженной форме алат) сохранил свое существование до наших дней¹³.

Фонетические варианты термина *ала* (в значении «пегий конь») многочисленны: *ала-була*, *алаф-булаф*, *булаф*, *алан-булан*, *алаф*, *әлкә-булаф* и т. д.¹⁴ В «Словаре» Махмуда Кашгарского это наименование встречается несколько раз применительно к разным группировкам «Пегих коней». В одном месте он говорит, что *әлкә-булаф* الكا بلاق — «название тюркского племени»¹⁵. В другом оно фигурирует под названием *булаф ат* بلق ات: «Тюркское племя. Они были под зависимостью кипчаков, но потом спаслись от них с помощью Всевышнего и стали известны под именем алка-булаф»¹⁶. Тот же автор называет племя ула-

⁹ Ed. Chavannes. Documents sur les T'ou-kiue (Turcs) Occidentaux. St. Pb. 1903.

¹⁰ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926.

¹¹ Звездочкой отмечены транскрипции, иероглифическое написание которых дано в алфавитном порядке в конце статьи. Реконструкция древнего звучания дается по системе Карлгрена (с поправкой для эпохи Тан): В. Karlgren. Analytic dictionary of Chinese and Sino-japanese. P. 1923.

¹² ЦФЮГ, глава 961, стр. 11312.

¹³ А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Спб., 1832, стр. 27; ср. Махмуд Кошгарий. Туркий сузлар девони, т. I (в дальнейшем МКМ, I). Ташкент, 1960, стр. 110.

¹⁴ J. Nemeth. Das Volk mit den scheckigen Pferden. Фотооттиск из Korosi Czoma Archivum; ср. также: А. К. Боровков Бадаи ал-лугат. М., 1961, стр. 76: *alaq-bulaq* «смешанный в беспорядке».

¹⁵ МКМ, I, стр. 149.

¹⁶ МКМ, I, стр. 360. К сожалению, наименование *алка-булаф* было неправильно понято С. Г. Агаджановым в его интересной работе «Из истории огузо-туркменских племен раннего средневековья». («Изв. АН Туркменской ССР, 1959, № 2, стр. 36, отд.

йондлуг (>ала-йонтлы>«пеголошадные») в качестве семнадцатого уруга в составе огузов-туркмен¹⁷. Прямых указаний на их общность, кроме явного семантического тождества этнонимов, нет. Но она представляется беспорной при сопоставлении известного сейчас тамгового материала некоторых из них (в частности, тамг бома и ала-йонтлы), на чем мы уже имели случай остановиться в другой работе¹⁸.

В документах танской эпохи это племя носит также название* элочжи

(>at-la-tsie>алачи $\left\{ \begin{array}{l} \text{алач} \\ \text{алчи} \end{array} \right.$)¹⁹ и в несколько измененном написании

*гэлочжи (>alaci)²⁰.

Происхождение алатов пока совершенно не ясно. Имеющиеся описания образа их жизни (возделывание почвы, строительство домов и т. д.) говорят о том, что они каким-то образом выделялись на общем фоне северных кочевников. Указание «Худуд ал-Алам» на существование у племени булак нескольких поселений говорит о некоторой доле оседлости в их стране.

Между тем для южной части алатов или, во всяком случае, для времени появления этого наименования в письменных документах вопрос может быть решен положительно в свете некоторых новых показаний источников и исследований китайских историков.

Среди иноземных фамилий в Китае периода Северных династий (с 338 г.) встречается фамилия *Хэ, ведущая свое происхождение от племени *Хэлай (>ɣa-lad>алад>алат), т. е. *Хэлань (>ɣa-lan>алан), которое характеризуется как обособленное и северное по месту жительства, но принявшее вассалитет по отношению к Тоба-Вэй в 390 г.²¹ Старейшины этого племени носили тюркский титул *мохэфу (>mak-ɣa-pi-er>? багбур)²², что на языке туцзюе означало «отважный и крепкий»²³.

сттиск); несмотря на огласовку بلاق он дает в транскрипции чтение *бблюк* (племя, отдел; см. بلاق МКМ, I, 366); этот же термин он видит в этнониме *булак* (блакийан), встречающемся в «Худуд ал-Алам» для обозначения части ягма, смешанной с токуз-гузами (см. V. Minorsky. Hudud al-Alam. London, 1936, стр. 96), а в труде ал-Марвази как одно из зависимых от карлукских племен (V. Minorsky. Shara' az-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. London, 1942, стр. 31). С лингвистической точки зрения переход *булак* — *бблюк* невозможен.

¹⁷ МКМ, I, стр. 90; в тибетских переводах уйгурских документов Ha-la-yun-log (ала-йондлуг) — одно из западных тюркских племен. Ср.: G. Clauson. A propos du manuscrit Pelliot tibétain 1283. JA, 1957, n. 1, стр. 16.

¹⁸ Ю. А. Зуев. Тамги лошадей из вассальных княжеств. Сб.: «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана». Алма-Ата, 1960, стр. 132.

¹⁹ СТШ, глава 2176, стр. 1530. Здесь и в других случаях я пользовался тюркологической консультацией В. П. Юдина. Приношу ему глубокую благодарность.

²⁰ Танхуйяо, глава 73, стр. 1038. В ЦФЮГ (глава 978, стр. 11460) под 757 г. упоминается уйгурский предводитель Гэлочжи (в тексте ошибочно Гэхуаньчжи), бывший к китайскому двору вместе со старейшинами других племен. Контекст сообщения показывает, что в данном случае это не имя собственное, а персонафицированный этноним. Может быть, то же лицо названо за несколько лет до посольства уйгуров в Китай и в «Танской истории» в связи с военными действиями китайцев и уйгуров против тонга и других племен: СТШ, глава 137, стр. 1120; Цзю Таншю (в дальнейшем: ЦТШ), глава 120, стр. 950; см. также: Н. Я. Бичурин. Указ. соч. Т. I, стр. 350. Это дает повод думать, что в период уйгурского каганата народ Пегих коней был в вассальной зависимости от уйгуров.

²¹ Вэйшю (Вэйская история; в дальнейшем: ВШ). глава 113, стр. 1674; Яо Вэйяо ань. Бэйчао хусин као (Исследование об иноземных фамилиях периода Северных династий), Изд-во «Кэсюэ», б. м. и г., стр. 34, след.

²² Обнаружить точный тюркский эквивалент мне не удалось; ср. L. Bazin. Recherches sur les parlers T'o-ba. T'oung Pao, vol. XXXIX, livr. 4—5.

²³ ЦФЮГ, глава 962, стр. 1139; Тундянь, глава 197; стр. 6а.

Племя хэлай — южногуннского происхождения. Под 357 г. летописец сообщает, что «сюннуский шаньюй Хэлай[ский] Тоу с тридцатью пятью тысячами своих соплеменников [було] покорился [Моюю] Се, был пожалован должностью нинсийского командующего [цзянь-цзюнь] и титулом юньчжун-цзюнь-гун; посажен в дайцзюньский город Пиншун»²⁴. Среди 19 южногуннских поколений (чжун), некогда переселившихся с севера в Ордос, в «Цзиньской истории» девятым названо хэлай (алат)²⁵. Все 19 поколений жили обособленными группами, «не смешиваясь друг с другом», следовательно, хэлай, наряду с другими, было относительно самостоятельным в этническом и территориальном отношениях коллективом.

В 386 г. владетель княжества Чжао, испытывая давление со стороны своего южного соседа, был вынужден перенести свою ставку на север от Иньшаньского хребта. Здесь он застал племя хэлань, новым соседом которого ему пришлось стать. Границей между их владениями была гора. Анализируя это событие и ряд сопутствующих ему обстоятельств, Яо Вэй-юань локализует хэлань на северных склонах Иньшаня, у гор Дацин в долине Дэцзинь современной провинции Шаньси²⁶.

Как видим, уже в конце IV в. н. э. племя Пегих коней было разделено на две части²⁷. Одна из них в 390 г. приняла китайское подданство и откочевала в Дайцзюнь; за ней закрепилось наименование хэлай (алат). Вторая осталась на прежних местах и для отличия от первой именовалась в источниках хэлань²⁸, хотя на первых порах применение этих вариантов было произвольным. Говоря о последних, летописец называет их «хэлань Северной стороны»²⁹. Не лишне добавить, что в этноним алат~алан письменные источники вкладывают все тот же постоянный смысл — «пегие кони»: «Северяне пегую [лошадь] называют хэлань [алан]»³⁰; «Тузюе называют [пегую] лошадь хэлань»³¹.

Этническая история монгольских степей за последующие полтора столетия известна крайне мало. Что касается племени Пегих коней, то сообщается только, что они входили в сяньбийскую и аварскую конфедерации.

В 542 г. в северных пределах княжества Вэй появляется неизвестное раньше племя тузюе (тюрки), сумевшее в короткий срок разгромить аварский племенной союз и создать огромный по своим размерам тюркский каганат с центрами на Орхоне и в Семиречье.

Становление тюркского государства вызвало кардинальные этнические перегруппировки в Центральной и Средней Азии. Родоплеменные объединения, некогда входившие в состав гуннов, а затем аваров (напри-

²⁴ Цзиньшу, глава 110, стр. 752; Яо Вэй-юань. Указ. соч., стр. 26.

²⁵ Цзиньшу, глава 97, стр. 666.

²⁶ ВШ, глава 2, стр. 29; Яо Вэй-юань. Указ. соч., стр. 36.

²⁷ Разумеется, это очень условно. В «Шаньси тунчжи» (глава 39, стр. 20) отмечается также существование рода хэлань и в составе сяньби-сабиров: «Отделов (групп, рас) сяньби множество. Их названия даются по именам гор и долин; фамилия нынешних хэлань также взята по названию этих [ала — «Пегих», Алашаньских] гор». Настоящее утверждение надо понимать наоборот: этноним > топоним. Традиция объяснения этнонимов из географических названий характерна для средневековых китайских авторов.

²⁸ Сознательные графические и фонетические вариации в написании одного и того же этнонима — обычный прием китайских летописцев, имевший целью отличать одну группировку племени от другой. Ср., например, племя цзянькунь (киркун) на Енисее и гэкунь (кэркун) на севере от Кангоя, по данным «Вэйлю» (Сяньгочжи, глава 30, стр. 419).

²⁹ В летописи перед названием «хэлань Северной стороны» стоит «Хэланьские фамилии». Это выражение малопонятно. Или его следует воспринимать как самостоятельное или все последующие названия племен надо считать хэланьскими (ВШ, глава 113, стр. 1676—1677).

³⁰ Шаньси тунчжи, глава 39, стр. 20.

³¹ ЦФЮГ, глава 962, стр. 11 319.

мер, сыбук, куян, куан, кут и т. д.), оказались втянутыми в сферу этнополитических отношений тюркского каганата; другие, наоборот, были вытеснены с прежних территорий новой политической силой. Это послужило причиной определенных этнических трансформаций одних племен и локальной разобщенности других. Не избежало этой судьбы и племя Пегих коней. Если для середины VIII в. имеются известия о существовании поколения, рода или племени алачи на территории Монголии, где в это время властвовали уже уйгуры, то гораздо раньше, в тюркский период, основным местом их кочевий становятся области где-то на западе от Байкала, в новой этнической среде.

Здесь уместно вернуться к началу параграфа, к вопросу о вариантах этнонима алат, зафиксированных в письменных источниках.

Текст «Новой Танской истории» гласит, что одним из наименований народа Пегих коней было также *би-ла (>b'ïäa-lat)³². В своде «Тундянь», составленном почти за двести лет до «Синь Таншу», этот вариант не указывается. Нет его и в энциклопедии «Цэфу юаньгуй», фундаментальном историческом труде, составленном почти одновременно с «Синь Таншу». Если учесть традиционную компилятивность древних сочинений, при которой автор, прежде чем излагать свои известия, ссылаясь на показания признанных авторитетов о том же предмете, — это странное умалчивание этнонима не может не вызвать настороженности.

Текст об алатах и других племенах, как отмечалось, скомпилирован в «Тундянь» из неизвестного нам дорожника, написанного в середине VII в. При внимательном сличении параграфов «Тундянь» и «Синь Таншу» выясняется, что авторы последней не имели под руками этого дорожника, а пользовались вариантом Ду Ю³³.

Синь Таншу
(глава 2176, стр. 1530)

Тундянь
(глава 199, 200)

Страна Цзюй [иначе Цзэй]. Находится на северо-востоке от баегу [байырку]. Есть деревья, но нет травы; на земле много мха. Нет ни баранов, ни лошадей, а люди разводят оленей, подобно тому, как коров и лошадей. [Но только питаются они, мхом]...

Что до страны Юйчжэ [ошибочно вместо Юйцзя. — Ю. З.], то земли там щедры и обширны. Обычаи одинаковы с баегускими. Мало баранов и лошадей; много соболя.

Что до Пегих коней, то... [см. текст перевода Н. Я. Бичурина].

Что до страны Дахань, то она на севере от Цзюй. Богата баранами и лошадьми. Люди [и вещи] высоки.

Страна Цзюй. Находится на северо-востоке от баегу. [Идя 500 ли, через 6 дней прибывают в ту страну]. Много деревьев, но мало травы; есть почвенный мох. Нет ни баранов, ни лошадей, а семьи разводят оленей подобно тому как [в Китае] — коров и лошадей...

Страна Юйцзя. [находится на востоке от Цзюй в 15 днях хода.] Земли щедры и обширные. [Множество народа]. Обычаи одинаковы с баегускими. Мало баранов и лошадей; много соболя.

Страна Пегих коней... [см. текст перевода выше].

Страна Дахань. [Лежит] от [страны] Цзюй на севере. Богата баранями и лошадьми. Люди крайние великорослы; [самые рослые достигают чжана и трех-четырёх чи].

Эти разночтения вполне убедительны. Текст «Тундянь» содержит детали, которые могли быть взяты только из оригинального сочинения, в то время как в «Синь Таншу» соответствующие места «Тундянь» изложены сокращенно. Дополнения же в тексте летописи касаются лишь этнонимической терминологии (Цзюй~Цзэй, Пегие кони~[би]ла~элоч-

³² СТШ, глава 2176, стр. 1530.

³³ В квадратных скобках — расхождения текстов.

жи) их можно объяснить только филологическими упражнениями составителей. Будь в оригинале дорожника термин *била*, он нашел бы отражение в «Тундянь» или в энциклопедии «Цзфу юаньгуй». Авторы этих трудов пользовались дорожником независимо один от другого, а большое сходство этих текстов ясно показывает, что дорожник был дословно использован тем и другим. Значит *била* в оригинальном сочинении не было. Но вместе с тем составители летописи, излагая текст Ду Ю, должны были отразить и все варианты этнонима, имевшиеся в нем, в том числе *хэла*; однако вместо *хэла* здесь стоит *[би]ла*. Вывод напрашивается сам собой: появление *[би]ла* вместо сходного по написанию *хэла* — результат графической ошибки авторов «Синь Таншу» или, скорее всего, позднейших переписчиков хроники. После сравнения становится ясным и название параграфа о бома в «Синь Таншу»: «Пегие кони, то есть Хэла [Алат вм. била], или Элочки [Алачи]».

Понятно, что появление термина *била* в хронике является плодом простого недоразумения. Однако он вошел на правах исторической истины в более поздние сочинения типа «Вэньсянь тункао» и «Юаньцзянь лэйхань» и при недостаточно критическом подходе исследователей к источникам является теперь причиной самых нелепых обобщений.

Дело в том, что термин *била* существовал в действительности, но Ду Ю совершенно определенно заявляет, что он был адекватен этнониму *басими* (*басмыл*)³⁴. Существование термина *била* в одинаковом иероглифическом написании и звучании в двух разных сочинениях применительно к двум различным племенным группировкам (алат и басими) послужило поводом к тому, чтобы считать эти племена также адекватными. Исследуя известия о басими, китайский автор XIX столетия Хэ Цю-тао говорит: «Басими и бома — одной группы (чжунлэй), так как «Танская история» говорит, что бома иначе называются страной Била [(пишут также Хэла) — так! — Ю. З.]. Они ездят на деревянных лошадях, хорошие охотники и одинаковых обычаев. Но бома находились от цзегу на севере, их земли были весьма обширны, а басими находились от цзегу на юго-востоке (имели 2 тыс. дворов), и совершенно понятно, что они были небольшим поколением, вышедшим из бома. Земли находились на юге от Бэйтина и Северного моря (Бэйхай); это так называемое Северное море не что иное, как находящееся на севере Или озеро Балхаш. Басими жили на его южном берегу, а точнее на юго-востоке от русского Томска³⁵. Здесь все — ошибка, кроме ценного, но ничего не давшего автору различения *била-хэла*. Как показано выше, термин *била* никакого отношения к Пегим коням не имеет. Слишком обще доказательство их тождества — езда на деревянных лошадях (лыжах) также не имеет под собой почвы: письменных данных о лыжах у Пегих коней нет. Утверждение о том, что басими жили на южном побережье Балхаша, основано на неверном толковании текста, из которого на самом деле вытекает, что они «находятся от Бэйтина (район Гучэна) на севере, от озера (Улэнгур-нор или Хара-усу) на юге, от цзегу на юго-востоке», т. е. в северной Джунгарии. По этим причинам приходится считать несостоятельным и основной вывод Хэ Цю-тао о тождестве алатов и басмылов.

Ошибка «Танской истории» оказалась магической и для Цэнь Чжуняня, в остальном прекрасного знатока китайских документов о тюрках. Вопреки массе аналогичных случаев, он считает, что значение какого-либо термина, выраженное по-китайски, не могло стать названием племени, и поэтому сомневается в достоверности сообщаемых Ду Ю извест-

³⁴ Тундянь, глава 200, стр. 7а.

³⁵ Шофан бэйчэн, глава 32.

тий³⁶. При этом он не видит главного контраргумента — китайское выражение бо-ма (Пегие кони) является смысловой калькой приведенных здесь же этнонимов Хэла (Ала-ат, Пегие кони) и Элочжи (Алачи, Пеголошадники). Он заходит в своем заблуждении еще дальше и предлагает уравнение Хэла = Ангара, невозможное со всех точек зрения. Наконец, Цэнь Чжун-мянь ставит знак тождества между бома (> рак-та) и басими (> b'at-sit-mit > басымыл), хотя все источники прямо указывают, что первый из них является переводом этнонима, а второй транскрипцией, и, следовательно, искать их звуковое сходство было бы грубой ошибкой.

Локализация алатов VII—VIII вв. неопределенна. В «Таншу» отмечается, что они «стоят от туцзюе на севере, отстоят от столицы (Китая) на 14 тыс. ли»³⁷. По характеристике Ду Ю: «Их земли близки к Северному морю; отстоят от столицы на 14 тыс. ли. Проходят пять местностей больших поколений туцзюе и тогда прибывают к ним»³⁸. Эти известия дают не так уж много. Основываясь на них, можно лишь утверждать, что если Северное море — Байкал (как обычно в источниках), то они должны были находиться от него на севере или на западе, так как в описаниях южных и восточных берегов Байкала это наименование не встречается. Указание на то, что они часто воюют с цзегу, говорит о их непосредственном соседстве.

Несколько подробно говорит об этом автор «Родословной тюрков» Абу'л Гази: «Множество их [татарских.—Ю. З.] племен кочевало по берегам Ангара-мурэни, которая, пройдя по востоку страны киргизов и приняв дань множества речек, увеличивает ее воды и впадает в море. В устье этой реки, на берегу моря, есть большой город, вокруг которого находится близость много селений, где располагались в большом числе кочевые племена. Их лошади были велики, все они были пегии по цвету, других не имелось. Недалеко от этого города, называемого Алагчин, был серебряный рудник, поэтому все котлы, блюда и вазы... были из серебра. Это та страна, которую узбеки имеют в виду, когда говорят: «Есть страна, где все лошади пегии, а очаги из золота»³⁹.

Рассказ о стране Пегих коней заимствован Абу'л Гази у Рашид-ад-Дина, который при описании кочевий татар на Ангаре говорит: «Река эта чрезвычайно большая; на ней живет одно монгольское племя, которое называют усуту-мангун. Границы его расселения в настоящее время соприкасаются с [пропуск]. Та река находится вблизи города, называемого Милес⁴⁰, и в том месте, где она и река Кем сливаются вместе. Город тот принадлежит к области киргизов. Утверждают, что эта река (Ангара) течет в одну область, по соседству с которой находится море. Повсюду там серебро. Имена той области: Алакчин⁴¹, Адутан [?], Мангу [?] и Балаурнан [?]. Говорят, что лошади их все пегие [ала]; каждая лошадь

³⁶ Цэнь Чжун-мянь. Указ. соч. Т. II, стр. 761 и указатели в конце тома.

³⁷ СТШ, глава 2176, стр. 1530.

³⁸ Тундянь, глава 200, стр. 10а.

³⁹ Des Maisons. Histoire des Mogols et des Tatars. t. II, Traduction. St. Pb. 1874, стр. 44.

⁴⁰ В рукописи А это название пишется فئاس, что можно реконструировать مئاس; во всяком случае такое чтение кажется мне более убедительным, чем обычное Кикас, Кайкас, принятое издателями Рашид-ад-Дина.

⁴¹ Переводчики не обратили внимания на важный параллелизм этого рассказа с текстом Абу'л Гази, который помогает установить правильное чтение الآتچين вместо принятого ими Алафхин.

сильная как четырехгодовалый верблюд; все инструменты и посуда [у населения] из серебра»⁴².

Нет сомнения, что в данном случае речь идет о той самой стране, описание которой приводится в «Таншу», однако настаивать на мнении, что под морем имеется в виду Байкал, по-видимому, нельзя, так как Ангара не впадает, а выходит из него. Но нельзя также согласиться и с тем, что Северное море это Ледовитый океан, как это делает Поль Пелльо⁴³. Такое предположение выглядит неправдоподобным при его сопоставлении с известиями о хлебопашестве (пять видов злаковых!), породистом коневодстве и о добыче серебра в стране Пегих коней. Обо всем этом на Крайнем Севере не может быть и речи. Но тогда и Ангара-мурэнь не соответствует современной Ангаре. Ответить на все эти вопросы мы пока затрудняемся.

На карте Федора Борисовича Годунова, дополненной и изданной Герардом в 1614 г., Pega Orda показана между Kitaya Lacus (Убсагол?) и Иртышом, ближе к последнему⁴⁴. В описании к «Большому Чертежу», составленному, видимо, на базе упомянутой карты, Пегая Орда фигурирует не у Байкала или Ледовитого океана, а на Нарыме: «А выше Вас-Югана пала в Обь река Сургут; а устье ее с Нижния стороны город Сургут. ... А выше Сургута 170 верст Лунпук Вышней, а выше тово 150 верст Нарым, по нашему Пегая Орда»⁴⁵. Локализация Пегой Орды в районе Нарыма подтверждается и другим местом того же описания: «...И по реке по Оби Обдорские, и Югрские и Сибирские города вверх по Оби реке от Стюденного моря до Нарыма города, до Пегие орды»⁴⁶. Трудно сказать, уточняют приведенные отрывки координаты «Танской истории» или отражают уже переселение алатов с Ангары в бассейн Нарыма. Но надо отметить, что известия о народах Сибири, содержащиеся в русских документах этой поры, отличаются высокой точностью и полнотой. Русские служилые люди и хронисты хорошо разбирались не только в топографии этого района, но и в обычаях населявших его народов. Вот пример аналогичных описаний алатов из Сибирских летописей: «В сей же Сибирской земли около тех великих рек... жительствуют мнози невернии языци, Бога не знающие, ни закона его сведущие: ... Татара, Остяки, Калмыки, Самоедь, Пегая Орда и ины многия незнаемая языци кийждо собой властвоваху»⁴⁷. Другой пример: «Пегая Орда и Остяки и Самоедь закона не имеют, но идолом поклоняются и жертвы приносят яко Богу, волшебною же хитростию правяще дома своя всеу; понеже егда приносят дары кумиром своим, тогда же молят ябо Богу; сего ради приносят, яко подаст ему кумир он вся многая в дом его»⁴⁸.

Но нельзя ограничивать ареал распространения средневековых алатов только бассейном Нарыма. Хорошо известно, что алаты (алачин) являются основным этническим компонентом в составе казахов Младшего жуза, части узбеков и туркмен. Монгольское оформление этнонима (*ала* + монгольский аффикс действующего лица *чин*) говорит, казалось бы, о том, что их откочевка произошла после монгольского завоевания, но есть факты, могущие опровергнуть это положение и датировать переселение

⁴² Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1. М.—Л., 1952, стр. 102.

⁴³ P. Pelliot. Notes sur l'Histoire de la Horde d'Or. Paris, 1949, стр. 142.

⁴⁴ Д. Н. Анучин. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. М., 1890, стр. 38.

⁴⁵ Книга Большому Чертежу. М.—Л., 1950, стр. 169.

⁴⁶ Там же, стр. 146.

⁴⁷ Строгановская летопись по Толстовскому списку. Лето 7090. Сибирские летописи. Спб., 1907, стр. 60.

⁴⁸ Есиповская летопись. Там же, стр. 112.

части алатов на запад домонгольским периодом. Приведем некоторые из них.

Как уже говорилось, в тибетских переводах уйгурских географических документов VIII в. имеется упоминание о западном тюркском племени ала-йондлуг, жившем рядом с печенегами и известном позднее Махмуду Кашгарскому. В IX—X вв. среди печенегов также появляется племя Boulatzoron⁴⁹, обитавшее, по всей вероятности, по соседству с аланами⁵⁰. В китайском географическом сочинении юаньской эпохи «Июй-чжи», отражающем в своей основной части события до монгольского завоевания, где-то на севере от Самарканда показана страна *ала-була⁵¹. Есть основания говорить, что алаты были и в составе половцев-кипчаков. В летописном рассказе о походе Игоря на половцев встречается название *половцы-улашевичи*, являющееся одним из вариантов этнонима алачи (>алачи>алач>алаш>улаш): «Игоря же бяхоуть яли Тарголове, муж именем Чилбоук, а Всеволода, брата его, ял Роман Кзичь, а Святослава Олговича во Бурчевичех, а Володимера Копти во Улашевичех»⁵². Вторично этот этноним в форме алак встречается в летописи под 1185 г. в списке персонифицированных тюркских этнонимов при описании поражения половцев от русских князей: «Половцы же оузревше полк Володимерь крепко идущь на ни, побегоша гонимы гневом Божиим и святое Богородицы; наши же погнаша секуще я, 3000 руками изымаша, их князи одинех было Половецких 417: Кобяка руками яша, Осолука, Барака, Тарга, Данила Башкърта, Тарсука, Ису, Глеба Тиреевича, Ексия, Алак а и Толгыя со сыном...»⁵³ В связи со сказанным уместно вспомнить также сообщение Гильома Рубрука, в котором мы видим продолжение известий об алатах на западе. Он говорит, в частности, что вблизи Паскатира (башкиры и венгры на Волге) «живут Иллак, что значит то же, что Блак, но Татары (монголы. — Ю. З.) не умеют произносить Б; от них произошли те, кто живет в стране Ассана (Булгария). Ибо как тех, так и этих именуют Иллак»⁵⁴. Нам кажется, за наивной этимологией Рубрука вполне отчетливо виден термин Алак-Булак. Если это так, то уже для времени Рубрука (XIII в.) можно говорить о распространении алатов еще дальше на запад, к Болгарии.

Столь широкое локальное размещение этнонима алат (в разных фонетических вариантах) должно наводить на мысль, не являются ли разобранные случаи простыми совпадениями и, следовательно, имеют ли вообще какую-либо связь между собой этнические группировки с таким наименованием. Что общего между ордосскими алатами IV в. и нарымскими алатами VII—XVII вв., а последние — с алатами южнорусских степей, ала-йондлуг, була-чобан и, наконец, алачинами в составе казахов, узбеков и части туркмен? Разумеется, ответить что во все периоды это один и тот же народ, расплывенный по азиатским просторам, было бы заведомой ошибкой. Гораздо вернее сказать, что мы рассматриваем больше историю этнонима и лишь в самой незначительной степени историю его носителей. Но совершенно отвергать историю этнических коллек-

⁴⁹ Видимо, була-чобан, где чобан — территориально-этнический термин; в китайской транскрипции чу-бань (>'si^W o-pan); ср. J. Nemeth. Указ. соч., стр. 346.

⁵⁰ Const. Porphyrogenitus. De administrando imperio. Budapest, 1949. стр. 123. Выражаю благодарность проф. Д. Моравчику, любезно приславшему мне экземпляр изданной им книги.

⁵¹ Ч ж о у Ч ж и-ч ж ун. И юй чжи, глава 1, стр. 18.

⁵² Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова» М. — Л., 1960, стр. 197.

⁵³ Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. изд. 2, т. I., вып. 2, Л., 1927, стр. 396; Летопись Несторова... до 1206 года. Спб., 1767, стр. 275.

⁵⁴ Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Под ред. Н. П. Шастиной. М., 1957, стр. 123.

тивов в данном случае также нельзя. Каждое новое образование появляется лишь на базе предыдущей сложившейся или слагающейся общности, память о которой живет иногда довольно долго. Для доказательства этого положения обратимся к материалу устных преданий о происхождении современных тюркских народов, в частности казахов.

В одной из казахских легенд, записанной А. Левшиным, прямо говорится, что «некогда казахи составляли одно целое с алатами, или сибирскими татарами; отделились от них в силу внутренних несогласий»⁵⁵. Исторические реминисценции о прежнем проживании современных алачинов (алшинов) где-то на востоке облекаются в казахском фольклоре в сюжет о некоем пегом княжиче, вынужденном по чужой воле покинуть родные места и искать спасения в изгнании, где он и находит свою вторую родину. Вот одна из таких легенд, записанная Г. Н. Потаниным:

«Жил один хан. Это было около Туркестана и было в то время, когда еще жил Котан, родоначальник казак-киргизского народа, который состоял тогда из пятисот семей. У хана не было детей от первой жены и потому он взял вторую жену, девицу, которую где-то завоевал; взял вторую для того, чтобы иметь сына наследника.

И действительно, от второй жены родился сын, но только пестрый [ала], т. е. с родимыми пятнами. Первая жена хана стала завидовать и злиться. Она стала говорить хану, что ему надо избавиться от такого наследника, так как он пестрый и может испортить всех потомков, которые будут разноцветными и потому не будут жить в мире, не будут иметь между собой согласия.

... Хан согласился с убеждениями жены, взял сундук, положил туда пища, посадил сынка и пустил сундук в море. Сундук переплыл на другую сторону моря и там пестрого ханского княжича нашел какой-то нищий. Он взял мальчика и воспитал его. Мальчик вырос богатырем, силачом. Он собрал сотню молодцев и стал с ними ездить на барамту (грабеж) и вести веселую жизнь. Хан, его отец, узнал об этом и захотелось ему повидать сына. Он тогда послал за ним старшего сына богача Котана по имени Уйсун с сотней молодцев. Уйсуну и его спутникам так понравилась привольная жизнь пестрого ханского княжича, что они остались там и не вернулись к хану. Тогда хан послал Булата, второго сына Котана, с сотней молодцев. И эти остались около ханского сына. Тогда хан послал Алчина, третьего сына Котана, с сотней молодцев. И эти все остались там же, пленившись привольной веселой жизнью.

...Все они решили выбрать хана, и так как первый богатырь, пестрый их предводитель, был ханский сын, то они и решили выбрать его. После этого он стал называться Алаша-хан, или Алача-хан»⁵⁶.

Другая легенда, записанная тем же автором среди акмолинских казахов, является лишь сокращенным вариантом первой, хотя и имеет некоторые добавочные детали. Ее содержание также сводится к тому, что у одного хана родился необыкновенный сын. Он был полосатый (ала) и поэтому хану было стыдно иметь такого ребенка. Он отправил его далеко в степи. А когда ребенок вырос и возмужал, хан захотел увидеть его, для чего отправил за ним последовательно три сотни всадников—во главе с Уйсунном, во главе с Булатом и во главе с Алчином. Все три сотни остались там, где жил этот юноша, и возвели его ханом. Они назвали его Алаша-ханом, от слова «ала»—«полосатый»⁵⁷.

⁵⁵ А. Левшин. Указ. соч., стр. 27.

⁵⁶ Г. Н. Потанин. Казак-киргизские и алтайские предания. Живая старина, 1916, стр. 166—167.

⁵⁷ Там же, стр. 27.

Надо сказать, в большинстве известных сейчас казахских преданий, в которых встречается имя Алаша, или Алач-хана, ему приписывается большая заслуга объединения всех казахских поколений. Это обстоятельство было подвергнуто сомнению С. А. Аманжоловым, который отметил, например, что по родословной, записанной им в 1927 г. со слов 85-летнего Темирбая Бектасова (из рода Чурчеит, Уланский район Восточно-Казахстанской области), Алаш был не предком казахов, а лишь потомком мифического Казаха, и то в четвертом колене⁵⁸. К сожалению, С. А. Аманжолов не обратил внимания на тот факт, что в конечном счете предания о пегом предке казахов не носят столь всеобъемлющего характера и распространены большей частью в Западном и Северном Казахстане, среди племен алачинского Малого жуза, что говорит само за себя. Разумеется, эти шеджере несут, если можно так сказать, «классовый» характер и в туманных перипетиях и приключениях далеких казахских предков, чаще фантастических, чем реальных, — заметна вполне определенная цель возвеличения того или другого рода. И если иметь это в виду, то обнаружится прямая связь Алча-хана именно с Малым жузом, как, например, в предании о происхождении и поколениях казак-киргизского народа, где говорится, что по настоянию первой жены пегий князь ич был увезен за Сыр-Дарью, а впоследствии получил имя Алач-хан. Правда, это не отрицает и того мнения, что на территории Казахстана оказалось два племени народа Пегих коней: древний — алтайский и более поздний — алачинский.

Родословия дают некоторые аргументы и в пользу высказанного выше положения, что первая откочевка алатов на территорию Казахстана произошла в домонгольский период. Наиболее полные из известных вариантов шеджере содержат детали, являющиеся довольно древним элементом. «Корень этих наших предков, — говорится в одном из них, — от тюрков [тюрклер] монгольского знака [могол сямбюли] и мусульманской веры, узского рода [у'уз], войлочнойюртные из трех уокских племен»⁵⁹. Далее со всеми деталями повторяется сюжет об обездоленном пегом княжиче, ставшем ханом, и приводится этнический состав Младшего жуза: Алчин, Джаппас, Адай, Бериш, Назир-Чулен, Джагай-байлы, Кердери, Кирент, Тама, Табын, Тлеу. Конец легенды и состав Младшего жуза отражают сравнительно недавний период времени, но ее начало, бесспорно, восходит к раннему средневековью. В самом деле, упоминание тюрков, мало значащее само по себе, приобретает совершенно иную окраску в присутствии этнонима огуз (у'уз), распространенного в Азии вплоть до XII в. Движение огузов на территорию современной Туркмении началось в конце IX в.⁶⁰, причем через полтора столетия огузы (узы) были уже традиционными соседями южнорусских княжеств, наряду с тюрками (торками) и кипчаками (половцами). Название «трех уокских племен» также не представляет особой загадки. «Учуки» («трехродцы») довольно хорошо известны в тюркской ономастике домонгольского времени⁶¹. Но учук, как и токуз-огуз, относится к категории кочующих этнонимов, это своего рода этноним-титул, не имеющий постоянного места⁶², поэтому трудно сказать, какие же из учуков удостоились упоминания в разбираемом шеджере.

⁵⁸ С. А. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, стр. 59—63.

⁵⁹ Г. Н. Потанин. Указ. соч., стр. 54—57.

⁶⁰ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, стр. 137.

⁶¹ Ср.: уч-карлик, уч-курукан, уч-сарт, уч-туба, уч-басмыл, уч-йемек.

⁶² А. Н. Кононов. Родословная туркмен. М.—Л., 1958, стр. 49—50; Рашид ад-Дин. Указ. соч., стр. 86.

Другой факт не менее показателен. Почти во всех сказаниях имя Алач-хана стоит в одном ряду с персонифицированным этнонимом Котан (Кутан, Котан-бий и т. д.), нередко также считающимся предком всех казахов. Видимо, это же имя собственное-этноним зафиксировано русскими летописцами в половецкой ономастической среде в форме Котян⁶³. Несмотря на большую путаницу в кипчакской этнонимике последующего за монгольским нашествием времени, можно думать, что арабские авторы также сохранили именно этот термин *کتان* (котян, вм. кенен по д'Оссону⁶⁴) как название одного из кипчакских племен⁶⁵. Затруднения филологического порядка, которые могут возникнуть при сопоставлении котан ~ котян, легко устранимы за счет своеобразия самого термина и того, что это имя-этноним сохранилось лишь в устной традиции, а не перешло в качестве этнического наименования ни к казахам, ни к другим тюркским народам.

Суммируем сказанное.

1. Термин бома, встречающийся в тексте дорожника VII в., является китайским переводом древнетюркского этнонима алат, известного впоследствии в формах алачи, алақ-булак, әлкә-булак, булак-ат, алайондлуг, алан, алачин и т. д.

2. Первые известия об алатах появляются в китайских источниках с IV в. В это время алаты обитали в Ордосе и на северных склонах Иньшаня. Следовательно, уже тогда они были разделены на две или даже три обособленные группировки.

3. В VII в. часть алатов обитала уже на севере от Алтая, причем данные более позднего времени позволяют локализовать их на Нарыме.

4. По свидетельствам письменных источников, какая-то часть алатов с VIII в. и позже оказалась далеко на западе от Алтая и в результате последующего дробления и этнического взаимодействия с местными племенами утратила свою прежнюю общность. Отдельные ее группировки оказались втянутыми в сферу огузо-туркменских, печенежских, болгарских и кипчакских этнических связей и, таким образом, приняли участие в создании новых этнических коллективов.

5. В свою очередь, часть (или части) западных алатов принимала участие в этногенезе современных тюркских народов, таких как туркмены, узбеки и казахи. Возможно также, что в составе этих народов имеется и другой пласт алатов — алачинский, послемонгольский. Этнические судьбы свели в одном месте два племени, в какой-то степени связанных общим происхождением, но совершенно разных по этническому состоянию.

Страна Демонов

Страна Демонов, или Чертова страна, находится, по свидетельству дорожника, в 60 днях пути на запад от страны Пегих лошадей. «В той стране ночью ходят, а днем прячутся. Одеваются в шкуры оленя хуньбо. Глаза, нос и уши такие же, как у людей из Срединного царства, а рот на темени».

Китайская историографическая традиция, начиная с «Шань хай цзин», древнейшего географического трактата Китая, помещает мифическую страну Демонов где-то на севере от фантастического «духа Эрфу»⁶⁶.

⁶³ Лаврентьевская летопись. Вып. 3, стр. 504.

⁶⁴ d'Osson. Histoire des Mongols, I. La Haye et Amsterdam, 1834, стр. 339.

⁶⁵ Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. I. Спб., 1884, стр. 539, 541.

⁶⁶ Шаньхайцзин, глава 12; Тушущичэн, VIII, глава 139.

Это люди с одним глазом и змеиным телом, дикие и трусливые (один из героев китайских преданий нагрузил даже целую телегу этих демонов-чертей).

И все-таки в сказочных образах страны Демонов отразилось представление древних о реально существовавших людях и местностях. Чертова страна (гуй-го), или Чертова сторона (гуй-фан), это символ неведомого царства, находившегося за пределами досягаемости воображения о реальном. Гуй-фан — просто «отдаленная страна»⁶⁷ и поэтому гибельная для всех смертных. Руководствуясь этой традицией, автор дорожника и дал племеню, обитавшему в высоких северных широтах наименование Страна Демонов. Этому не могло не способствовать сообщение о необыкновенном виде обитателей страны.

Страна находится в двух месяцах пути на запад или, может быть, на северо-запад от страны Пегих коней. Где бы ни локализовались алаты, упоминаемые в дорожнике, будь то Ангара или Нарым, — ясно, что речь идет о северо-западной части Западной Сибири, называемой средневековыми европейскими писателями Царством Тьмы⁶⁸. Венецианец Марко Поло так характеризует его: «На север... есть темная страна; тут всегда темно, нет ни солнца, ни луны, ни звезд; всегда тут темно так же, как у нас в сумерки. У жителей нет царя; живут они как звери, никому не подвластны. Люди эти, скажу вам, рослые и статные; они белы, без всякого румянца»⁶⁹.

Сообщение дорожника и характеристика Царства Тьмы, данная Марко Поло, убеждает в том, что обитатели этой страны не были тюрками. Это, по всей вероятности, одно из самодийских племен, обитавших на средней и нижней Оби.

В связи с этим нам хотелось бы обратить внимание на важный параллелизм текста дорожника с первым русским известием о Западной Сибири — «О человецех незнаемых в Восточней стране», составленным в конце XV в. Говоря о «самоеди», жившей по берегам Оби, автор этого трактата сообщает: «В той же стране — иная самоедь: вверху рта на темени, а не говорят [т. е. не понимают чужой речи. — Ю. З.]. А образ в пошлину [по обычаю] человек. А коли ядят, и они крошат мясо или рыбу, да кладут под колпак или под шапку. И как почнут ясти, и они движут плечима в верх и в низ»⁷⁰. Кроме уточнения этнической принадлежности обитателей страны, этот текст содержит, по существу, и разгадку фантастической детали — рта на темени. Здесь имеется в виду обычай класть «под колпак или под шапку» мерзлое мясо или рыбу для оттаивания, обычай, насколько нам известно, распространенный в прошлом у северных племен.

Яньмо

Маршрут фрагмента о яньмо настолько неточен, что руководство им для локализации названной племенной группы невозможно. Здесь указывается, что путь к яньмо лежит через владения тюркшей, а через строку отмечается, что алаты и яньмо — соседи. Это затруднение непреодолимо, так как других маршрутников, которые помогли бы уяснить направление, нет. Следовательно, его ценность ограничивается лишь

⁶⁷ Хоу Ханьшу, глава 90, стр. 1350.

⁶⁸ L. Hambis. Указ. соч., стр. 318; ср.: М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941, стр. 40.

⁶⁹ Книга Марко Поло. Под ред. И. П. Магидовича. М., 1955, стр. 226.

⁷⁰ Д. Н. Анучин. Указ. соч., стр. 7, 49.

тем, что в нем содержится наименование яньмо-нянь-дулу-цюе-ицзинь, встречающееся только в тексте разбираемого дорожника.

Состав наименования можно разбить на несколько групп, отражающих уже известные по другим источникам термины. Три последних иероглифа цюе-ицзинь являются традиционной транскрипционной формой тюркского кюль-иркин (kü-l-irkin).

Компонент нянь-дулу (näm-tuet-liuk; по Амби: Näm-türlük) имеет несколько аналогий в западнотюркской этнонимике, и на нем следует остановиться подробнее.

В древних преданиях о происхождении тюрков местожительством их родоначальника Ашина обычно считают Алтай (Цзиньшань). По одной из древнетюркских легенд предки тюрков обитали в горах на севере от сюнну; их старейшиной был некий Апанбу, природная глупость которого стала причиной поражения их государства. Однако у него был сын, обладавший сверхъестественными качествами и спасший народ от гибели. Он носил имя *На-дулу (нар-dou-luk > Nāb-?tuyluq)⁷¹. У него было десять жен, от которых родилось десять сыновей. Ашина, самый младший из десяти братьев, был впоследствии избран владельцем той страны. Эта легенда, как и ряд других⁷², является мифическим воплощением реально существовавшего деления западных тюрков на десять основных групп, пять из которых были объединены под общим наименованием дулу⁷³.

Соотношение *дулу = tuyluk можно было бы подвергнуть сомнению, но оно уточняется графическим вариантом *нянь-дулу (niet-d'uk-luk > Näm-tugluq),⁷⁴ исключающим другие пути дешифровки. Иными словами, можно констатировать, что второй компонент в составе разбираемого этнонима относится к западнотюркской этнонимической группе и читается Нэм-туглук (Näm-tugluq. Näm-tuyluq).

Первый компонент яньмо Л. Амби справедливо сближает с известным впоследствии этнонимом йемек (iām-māk > Yemek)⁷⁵, но в итоге все наименование считает титулом: йемекский Нэм-тюрлюг (так!) — кюль-эркин, в то время как из контекста дорожника и произведенного анализа явствует, что оно должно быть названием племенной группы.

Термин кюль-иркин, который Л. Амби воспринимает только как титул, является в такой же степени и древнетюркской территориально-этнической категорией⁷⁶, поэтому всю группу правильнее читать «кюль-иркин [«аймак»] йемекских [по принадлежности] нэм-туглуков [по наименованию]». Однако из этого следует, что йемеки представляли собой союз нескольких племен. Во-вторых, выражение «йемекские нэм-туглуки» надо понимать и как указание на существование еще и других нэм-туглуков. Последнее вполне очевидно, так как дорожник перечисляет племена, жившие на севере от Алтая в отличие от группы племен дулу. Семиречья.

Племя нэм-туглук упоминается в летописях несколько раз при описании карательных операций китайских войск на севере от Алтая в середине VII в. «При императоре Гаоцзуне, во втором году девиза юнхуй [651 г.] яочийский тутук Ашина Хэлу взбунтовался, на западе занял

⁷¹ Тундьян, глава 197, стр. 56; Н. Я. Бичурин. Указ. соч., I, стр. 222.

⁷² Ю. А. Зуев. Указ. соч., стр. 123.

⁷³ Известно и другое графическое написание *дулу — tuet-liuk >? tuluq.

⁷⁴ СТШ, глава 2176, стр. 1507; в «Ляоши» несколько раз упоминается этноним, в состав которого входил компонент нэм: *нянь-ба-гэ > нэм-бага. Это племя находилось где-то на Алтае, так как в сопровождающем тексте названы ба-сы-му (басмул) и ча-чи-ла (чацрат, джаджрат): Ляоши, глава 46, стр. 256; глава 36, стр. 165.

⁷⁵ L. Hambis. Указ. соч., стр. 320.

⁷⁶ Ср.: туцзюе-гэшу-цюе-ицзинь > тюркский кошу-кюль-иркин среди нушиби.

земли Дулу-кагана и направился грабить в Бешбалык; хуйгуский старейшина Пожунь и другие владетели попали в зависимость от него и просили ему наказания. Примерно в это время император отправил Лян Цзянь-фан, Циби Хэли, Чэн Чжи-цзе с войсками преследовать и покарать его. Но все они не смогли одолеть Хэлу и вернулись. Тогда император повысил на должность главноуправляющего Су Дин-фана, повелел хуйгуским и другим войскам вместе с Ашина Мишэ и Ашина Бучжэнь и другими по отдельности выступить Сичжоуской [Хамийской] и Цзиньшаньской [Алтайской] дорогами и установить над ними управление. Су Дин-фан пришел на север от Цзиньшань [Алтая]. Его [Хэлу'ский] Нэнь-ду-ли-цзинь [нэм-туглук-иркин] в количестве более 10 тыс. палаток покорился. Су Дин-фан мобилизовал его сыновей и конников и двинулся на запад от реки Еде [Иртыш]»⁷⁷. В «Синь Таншу» описание этого события помещено под 656 г., причем в нем содержится новая деталь — участие племени чумукунь (>tsi^{wo}-muk-kuen?) чумул-кун) в восстании Хэлу: «Су Дин-фан... вышел на севере от Цзиньшань и сначала напал на племя чумукунь и разбил его. Тогда Нэнь-ду-ли-цзинь с народом, более 10 тыс. палаток, покорился. Су Дин-фан успокоил их и, подняв тысячу их конников, вместе с 10 тысячами уйгуров двинулся на запад от реки Еде»⁷⁸. В другом месте той же летописи сказано, что разгром чумукуней произошел в городе *Янь⁷⁹. На этом основании китайские комментаторы и вслед за ними современные исследователи считают, что город Янь был центром чумукунских владений⁸⁰. Имеются, однако, факты, противоречащие этому положению. В «Цэфу юаньгуй» говорится, в частности, что в Янь был разгромлен лишь туки (военачальник) Хэлу-кагана чумукуньский Кюлюг-чор. «Чэн-Чжи-цзе [помощник Су Дин-фана] сразился с подвластными Хэлу племенами гэлору [карлук] и чуюе [чугыл] в долине *Юймо и сильно разбил их... Обсудив дальнейшее с Чжоу Чжи-ду, он напал на его [Хэлу'ского] туки Чумукуня и других в городе Янь; захватил его; обезглавил три тыс. предводителей и взял в плен множество народа»⁸¹. Кроме пояснения относительно туки Чумукуня, этот текст содержит новую подробность — первая схватка китайцев с тюрками произошла в долине Юймо.

Материал цитированных источников относится к описанию одного и того же события. Его сравнение по разным вариантам показывает, что Су Дин-фан осуществлял лишь общее руководство походом, а конкретным исполнителем операции был Чэн Чжи-цзе. Битва произошла не на западе от Алтая, где проживали карлуки, а на севере от него, так как перед этим сообщается, что войска вышли «на север от Цзиньшань». Она состоялась в долине Юймо, находившейся в бассейне Иртыша, так как лишь после этого китайская армия двинулась «на запад от Еде». Однако прежде чем продолжать поход, китайцы нанесли поражение отрядам тюркского туки Чумукуня, возглавлявшего защиту Янь. Но имя Чумукунь Кюлюг-чор нельзя смешивать с названием племени чумукуней, обитавших, как известно, на Тарбагатае⁸². Видимо, Янь был резиденцией владетеля нэм-туглюков, так как сразу после его падения они всей массой приняли китайское подданство. И, наконец, поскольку битва в долине Юймо и взятие Янь произошли до выхода армии из бассейна Иртыша на запад, можно думать, что территориально эти два топонима или близки, или совпа-

⁷⁷ ЦФЮГ, глава 973, стр. 11 432.

⁷⁸ СТШ, глава 111, стр. 996.

⁷⁹ СТШ, глава 217, стр. 1507.

⁸⁰ Цзычжи тунцзянь, глава 100, стр. 2а.

⁸¹ ЦФЮГ, глава 986, стр. 11 576.

⁸² E. d. Chavannes. Указ. соч., стр. 367.

дают. В тексте источника топониму Юймо (>iu-mâk>yüimäk>йемек) препровожден иероглиф «гу» — «горная долина».

Установлено, что Янь — китайское сокращение названия города и племени *Яньмянь, встречающегося также при описании карательной экспедиции танских войск на севере от Алтая полутора десятилетиями позже⁸³.

Под 682 г. сообщается, что туцзюеские племена *чэби (t'sia-bji>чабы)⁸⁴ и яньмянь «разбойничали» на северокитайских границах⁸⁵. Это было одно из проявлений беспорядков, возникших в начале 90-х годов VII в. в западно-тюркском каганате и направленных против подчинения феодализирующейся тюркской аристократии танскому двору. Во главе этих сил стал тюркский самозванец Чэби-каган, откочевавший со своими соплеменниками на север от Алтая, в местность, которая «с трех сторон окружена неприступными скалами, только с одной стороны можно было проехать на телеге или верхом»⁸⁶. Напомним, что это описание почти буквально повторяет характеристику местожительства десяти легендарных предков западных тюрков на Алтае. «В горах есть пещера, а в пещере равнина, поросшая травой на несколько сот ли в окружности. Со всех четырех сторон пещеры лежат неприступные горы»⁸⁷. Как сказано выше, прародителем десяти братьев-тюрков был некий Нэм-туггук.

В том же году Чэби «окружил город Гуньюе»⁸⁸. Аньсийский наместник Ван Фан-и выступил против. Трехфамильные яньмянь (сань-син яньмянь) вместе с Чэби вступили в сражение [с войсками Ван Фан-и] на Жэхай [Иссык-куле]. Вспомогательные отряды, внезапно напав, разгромили их и взяли в плен 300 их старейшин»⁸⁹. Указание на место битвы чэби и яньмянь с китайцами в данном случае не имеет никакого значения для локализации яньмянь, так как она произошла во время похода тюркских войск. Гораздо важнее здесь повторение сочетания чэби-яньмянь, подтверждающее в конечном счете их совместное проживание в одной из горных североалтайских долин.

В географическом разделе «Синь Таншу» среди административных единиц, находившихся на севере и северо-западе от Алтая, названо тутукство Яньмянского округа, о котором сказано: «Вначале Сюаньчи [восточно-карлукский] и Яньмянь были округами и подчинялись Яньжаньскому управлению; в 702 г. преобразованы в тутукства с подчинением Бэйтину [Бешбалыку]»⁹⁰.

Итак, письменные свидетельства дают применительно к одной и той же территории последовательный ряд имен: йемек-нэм-туггук-кюль-иркин — племя нэм-туггук — Яньмянь-город — долина Йемек — племя яньмянь. Реконструкция термина яньмянь не произведена. В существующем виде (iep-tiép) он не находит аналогий с североалтайской этнони-

⁸³ Впрочем, сообщение о них встречается даже раньше, под 670 г.: «Западно-туцзюеский старейшина Ашина Дучжи [Тугчи] был пожалован военным титулом и должность Фуяньского тутука для поддержания порядка у пяти племен дулу и *яньмянь» (ЦФЮГ, глава 964, стр. 11341).

⁸⁴ Ср.: название рода Жабы (Ябы) племени кыпшак в составе каракалпаков: Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.—Л., 1950, стр. 163.

⁸⁵ СТШ, глава 3, стр. 51; ср. ЦФЮГ, глава 977, стр. 11481: чэбиши-чабыш.

⁸⁶ Цэнь Чжун-ян-ь. Указ. соч., т. II, стр. 621.

⁸⁷ Вэйши, глава 99, стр. 1316.

⁸⁸ О гуньюе см. ЦФЮГ, глава 977, стр. 11481; город Гуньюе соответствует

kiung-ngi^W at-Küngüt и كنگت Махмуда Кашгарского, который говорит, что он заселен племенем ягма (МКМ, I, стр. 159) и лежит у Йолдуз-коля.

⁸⁹ Танхуйяо, глава 94; ЦТШ, глава 3, стр. 50; глава 185, стр. 1339; СТШ, глава 111, стр. 996.

⁹⁰ СТШ, глава 436, стр. 300.

микой, хотя сопоставление, произведенное выше, убеждает в его связи с термином йемек. Второй компонент в транскрипции яньмянь имеет в китайском начертании смысловозначительный ключ *май (> m^wak > māk). При отсутствии фонетической части (т. е. не в производной от май форме) он сам становится ею и воспринимается как обычное самостоятельное слово. Поэтому, если допустить, что первоначально второй компонент состоял только из этой, основной, части (а примеров произвольного изменения начертания при транскрибировании тюркских терминов множество), то вся транскрипция реконструируется: ien-m^wak > iem-māk > yä-tmāk > йемек.

Племя йемеков известно и по другим источникам. Автор XI в. Гардизи упоминает их как второе племя в составе кимаков⁹¹. Махмуд Кашгарский также знает йемеков يماک как тюркское племя среди кипчаков, хотя сами кипчаки, по его словам, считают себя отдельной группой⁹². Тот же автор локализует их в долине Иртыша⁹³, причем на карте, приложенной к его труду, они показаны на его левом берегу⁹⁴. После миграции кочевых племен с востока на запад в начале XI в. имя йемеков всплывает среди половцев-кипчаков в южно-русских степях. При описании похода князя Всеволода на булгар в 1183 г. летописец приводит слова присоединившихся к нему половцев-йемеков: «Кланяют ти ся Половцы Емякове, пришли есмы со князем Болгарским воевати Болгар, слышахом бо тебе идуша их же воевати»⁹⁵.

История йемеков⁹⁶ изучена пока еще очень слабо, поэтому мы не можем с достаточной ясностью ответить на вопросы о их происхождении и последующей истории. Необъяснимы, например, противоречивые показания источников о родословном древе матери Мухаммеда Хорезмшаха Теркен-хатун. По Несеву, она была из байаутов, ветви йемеков⁹⁷. Джуджани заявляет, что она дочь хана кипчаков. По данным Джувейни, она была из канглы⁹⁸. Пелльо справедливо называет соотношение этих названий «наиболее темным вопросом в истории Центральной Азии».

Еще более неясно отношение йемеков к народу кимаков, известия о которых содержатся только в арабо-персидских сочинениях. Гипотеза Маркварта о тождестве кимак=ики-имек⁹⁹, принятая сейчас многими исследователями, лишена документальной базы. Свое заключение он строит только на замечании Йакута, что последняя буква в слове кимак — каф; это, по его мнению, должно свидетельствовать о палатальности гласных внутри слова (kimäk). Однако такой компетентный автор, как Бируни, называет на Иртыше или поблизости от него народ кумак (!) کوماک¹⁰⁰, локализация которого совпадает с кимаками, а огласовка противоречит предположению Маркварта. Есть основания считать, что

⁹¹ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию. Спб., 1897, стр. 82, 105.

⁹² МКА, III, стр. 29.

⁹³ МКМ, I, стр. 122, 314 (يماک)

⁹⁴ МКМ, I, стр. 64, карта.

⁹⁵ Лаврентьевская летопись. Вып. 1, стр. 390.

⁹⁶ В тибетских документах о них говорится, как о жителях неприступной горной страны на севере от басмылов, киргизов и карлуков.

⁹⁷ O. Houdas. Histoire du Sultan Djelal ed-Din Mankoubirti, t. II, стр. 44, 72.

⁹⁸ J. A. Boyle (tr.) Ata Malik Juvaini. The history of the world-conqueror. 1958, vol. II, стр. 465; H. G. Raverty. The Tabaqat-i Nasiri. London, 1881, с. 240.

⁹⁹ J. Marquart. Die Iki-Imäk. Ostasiatische Zeitschrift. Bd. VIII. Berlin, 1920—1921, стр. 293—296.

¹⁰⁰ R. R. Wright, ed. and tr. The Book of Instruction in the Elements of the Art of Astrology by Abu'l-Raihan Muḥammad Ahmad al-Biruni. L., 1934, стр. 145.

кумаки Бируни и кимаки других авторов — нетюркского происхождения и китайским эквивалентом их имени было *кумо (>kuo-māk>kumak)¹⁰¹. Если это так, то и сравнение йемеков с кимаками не может считаться сколько-нибудь удовлетворительным¹⁰².

Иероглифическое написание терминов

1 阿	刺	普	刺	11 曷	刺	
2 弊	刺			12 賀	賴	
3 葛	羅	支		13 賀	蘭	
4 咄	陸			14 車	鼻	
5 曳	啞	河		15 遏	羅	支
6 可	史	擔		16 榆	莫	
7 庫	莫			17 咽	麥	
8 莫	賀	弗		18 咽	麥	面
9 納	都	陸		19 咽	麥	馬
10 媿	獨	綠				

¹⁰¹ Более подробно на этом вопросе мы остановимся в другой работе.

¹⁰² Следующий, и последний, этноним, встречающийся в тексте маршрутника *кэшидань (>k'â-si-tâm>кэштэм>кыштым). Его исследованию посвящена специальная статья Л. Амби (см. выше), поэтому мы его рассматривать не будем.

С О О Б Щ Е Н И Я

В. М. МОРЖАНОВ

**ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ УСУНЯХ ИЗ КИТАЙСКОГО
ИСТОЧНИКА «ХАНЬШУ»**

Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР запланировал на ближайшие годы перевод и публикацию сведений по истории Казахстана, содержащихся в восточных источниках. Одной из работ такого характера является данный перевод из китайской летописи «Ханьшу» («История старшей династии Хань»), написанной придворным историком Бань Гу и его сестрой Бань Чжао во второй половине первого века нашей эры. Эта летопись охватывает события с 206 г. до н. э. по 23 г. нашей эры.

Описание страны Усунь как фрагмент «Повествования о Западном крае» в указанной летописи вошел в замечательный труд Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»¹.

Помимо основного описания страны Усунь, в разделе «Лечжуань» («Биографии или жизнеописания») «Истории» Бань Гу содержатся еще и дополнительные сведения об усунях. Так, в «Биографии Дуань Хуй-цзуна» отражено внутривосточное положение усуней в 33—11 гг. до нашей эры.

Характеризуя деятельность Дуань Хуй-цзуна, Бань Гу дополняет отдельными штрихами свое описание об усунях и конкретизирует политическую борьбу среди усуньской верхушки в указанный период.

К 33 году до н. э., по образному выражению полководца Чэнь Тана, племенной союз усуней представлял «беспорядочное скопление разбитой черепицы»².

В «Биографии Дуань Хуй-цзуна» Бань Гу описывает борьбу среди усуней: между ставленниками Китая и их противниками, сообщает о неудавшейся расправе Вэй-сыма с народом, пришедшим с кангюйским наследником Баосуня принять подданство Китая. Выражение «собрание и успокоение усуней» дважды подчеркнуто Бань Гу и характеризует основную деятельность Дуань Хуй-цзуна в Усуни, свидетельствует о внутривосточном кризисе племенного союза усуней, проявлявшемся в борьбе за власть между усуньской верхушкой, которая достигла наивысшего предела в конце I в. до н. э.

¹ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М. — Л., 1950, стр. 190—198.

² «Ханьшу». Жизнеописание Чэнь Тана. Пекин, 1958, стр. 2070.

Публикуемый перевод представляет большой интерес, он несколько уточняет и дополняет перевод Н. Я. Бичурина и сведения, содержащиеся в биографиях исторических личностей древнего Китая, деятельность которых непосредственно была связана с усунями.

При переводе мы придерживались текста оригинала. В круглые скобки заключены добавления, в квадратные — традиционные комментарии китайских историков и отсутствующие в тексте фамилии или имена.

Текст перевода

Жизнеописание Дуань Хуй-цзуна³

Дуань Хуй-цзун, другое имя Цзы-сун, родился в уезде Шангуй,⁴ области Тяньшуй. В середине правления Цзин-нин [середина 33 г. до н. э.] из лина⁵ пяти присутствий в Дулине⁶ он был выдвинут в наместники Западного края в чине цидуюй⁷ и жалован титулом гуанлу дайфу⁸.

Дуань Хуй-цзун пользовался [большим] авторитетом в Западном крае.

По истечении трех лет (Жу-чунь пишет: «Пограничные чиновники менялись каждые три года»), в связи с заменой он вернулся [в Китай] и был назначен правителем в область Пэй⁹.

В то время, когда шаньюй стоял у власти, его перевели на должность правителя в Яньмэнь¹⁰.

В течение нескольких лет он не имел за собой погрешностей и [поэтому] все государства Западного края желали получить [Дуань] Хуй-цзуна.

[Дуань] Хуй-цзун как человек был преданный и честолюбивый. Он поддерживал доброприятельские отношения с Гу Юном. Гу Юн, жалея его потому, что он, будучи в почтенном возрасте, снова отправляется в дальние края, написал письмо, в котором предостерегал его: «Ваши усилия, направленные на успокоение отдаленных народов, и новый наем [Вас] на важную должность наместника, нахожу весьма и весьма прекрасными! С Вашими талантами можно было бы превосходно развлекаться в столичном городе и занять место цина¹¹ или сяна¹². К чему вымогать заслуги в ущельях Куньских гор и заниматься общим руководст-

³ Извлечено из китайского источника «Ханьшу», глава 70, стр. 2072—2073. При переводе использовано последнее издание (1958), включенное в серию «24 династийных истории» Китая.

⁴ Шангуй находился на юго-западе от современного уезда Тяньшуй провинции Ганьсу. Тяньшуй был расположен на юго-западе от современного уезда Тунвэй провинции Шэньси.

⁵ Лин — уездный начальник, правивший уездом с населением 10 тыс. человек и более.

⁶ Дулин — мавзолей Ханьского императора Сюань-ди (73—70 гг. до н. э.), сооруженный в местечке Ду в 50 ли к югу от города Чаньань (Си-ань), современной провинции Шэньси.

⁷ Цидуюй — должность и военное звание наместников в Западном крае. Цидуюй также выполнял обязанности советника в Западном крае.

⁸ Гуанлу дайфу — княжеский титул. В переводе означает: «Сановник светлейших заслуг».

⁹ Область Пэй в древности находилась на северо-западе от современного уезда Су провинции Аньхуй.

¹⁰ Яньмэнь — проход в провинции Шаньси.

¹¹ Цин — придворный сановник.

¹² Сян — советник или министр.

вом варваров? Я не берусь судить о Ваших талантах, но, будучи другом, осмелюсь напутствовать Вас своими пожеланиями. Ныне, когда процветает добродетель Хань, а отдаленные народы приведены уже в покорность, подвиги, совершенные Фу Цзе-цзы, Чжэн Цзи, Гань Янь-шоу и Чэнь Таном, никогда больше не повторятся. А поэтому желаю Вам, дружище, придерживаться обычаев старины и не искать необычайных подвигов. В крайнем случае если Вы вернетесь быстро, то и этого будет достаточно, чтобы стать единственным пополнением в Яньмэнь. Дорожите же своим здоровьем как основным достоянием, когда будете пребывать за 10000 ли. Желаю, чтобы Вы повнимательнее вдумались в мои слова».

Когда [Дуань] Хуй-цзун отправился в путь, все государства выслали своих приближенных¹³, чтобы встретить его на окраинах [своих владений].

Малый Куньми Аньжи некогда был поставлен Дуань Хуй-цзуном, и поэтому он был преисполнен чувства благодарности за оказанное ему благодеяние. Он хотел выехать, чтобы нанести ему визит, но юйхоу [ябгу] запретили. Не послушавшись их, он прибыл в Гуйцы¹⁴ и нанес визит Дуань Хуй-цзуну. Жители городов и поселений [Гуйцы] отнеслись к нему с большим радушием.

В это же время кангюйский наследник Баосуни, встав во главе народа, составившего более 10000 человек, хотел поддаться [Китаю]. [Дуань] Хуй-цзун доложил об этом двору. Для их встречи Ханьский двор выслал Вэй-сыма¹⁵. Вслед за сыма [Дуань] Хуй-цзун двинул шу-и сяюйское войско¹⁶ принимать поддавшихся. Сыма же, боясь его народа, хотел приказать поддавшимся, чтобы они посвзязывали себя [друг друга]. Баосуни, оказавшись обманутым в своих ожиданиях, поднял народ и бежал.

По истечению срока [Дуань] Хуй-цзуна заменили, и он вернулся в [Китай].

За самовольное поднятие войска император разжаловал его и назначил правителем города Цзиньчэнь¹⁷, но по болезни он был отозван.

Спустя год с небольшим Малый Куньми был убит государственными людьми¹⁸, а все юйхоу сильно взбунтовались.

[Дуань] Хуй-цзун был вызван и произведен в чин цзоцао чжунлан-цзяна¹⁹ с титулом гуанлу дайфу и отправлен посланником для успокоения и собрания усуней. Он поставил старшего брата Малого Куньми Мочжэньцзяна (Фу-цянй говорит: «Это есть фамилия и имя человека». Шигу говорит: «Это есть имя, так как старший брат Куньми не мог носить другую фамилию»), а по утверждению их государства вернулся [в Китай]. В следующем году Мочжэньцзян убил Большого Куньми. Случилось что он заболел и умер. Хань, досадуя, что не мог сам наказать

¹³ «...выслали своих приближенных...» — буквально: «отправили своих сыновей и младших братьев».

¹⁴ Гуйцы (Кучи) — совр. Кучи (Кучар).

¹⁵ Сыма — в период Хань этим термином обозначался военный административный чин, командовавший войском.

¹⁶ Шу-и сяюй — войсковая часть, специально предназначенная для умирения иноземцев, постоянно находившаяся в Западном крае. Введена в царствование императора Юань-ди в 48 г. до н. э.

¹⁷ Цзиньчэнь — находился к северу от современного уезда Цзюйжун провинции Цзянсу.

¹⁸ «... государственными людьми...» являлись приближенные Куньми и, очевидно, та группа лиц, которая требовала независимости и боролась против ставленников Ханьского двора.

¹⁹ Цзоцао чжунлан-цзян — должность и военное звание ниже цзян-цзяня (полководца), в его подчинении находились чжунланы, военная охрана дворца столицы.

Мочжэньцзяна, в середине правления Юаньян [11—9 гг. до н. э.] снова отправил [Дуань] Хуй-цзуна с войском шу-и сяоюй, чтобы немедленно наказать наследника Мочжэньцзяна Паньцю. (Ши-гу говорит: «Пань» читается как «Бань»). [Дуань] Хуй-цзун, опасаясь, что вступление большого войска в Усунь испугает Паньцю, а он бежит и станет недосыгаем, оставил приведенное им войско шу-и сяоюй в местечке Дяньлу²⁰. (Чжэн говорит: «Лу» читается, как «лэй»). Отобрав 30 лучших лучников [Дуань] Хуй-цзун тропой добрался до местопребывания Куньми. Вызвав Паньцю, [он] стал порицать [его] за то, что Мочжэньцзян устроил резню между родственниками, являвшимися своей же кровью и плотью, и за убийство сыновей и внуков ханьской царевны. И поскольку [Мочжэньцзян] не был наказан, а умер своей смертью, ему поручено наказать Паньцю. Нанося удары мечом, он тут же убил Паньцю, а его чиновники и подчиненные в страхе ускакали назад. Малый Куньми Улими был сыном старшего брата Мочжэньцзяна. Обуздав несколько тысяч конных, он окружил [Дуань] Хуй-цзуна. [Дуань] Хуй-цзун объяснил, что целью его приезда было [осуществление] наказания, и если ныне, окружив, [они] убьют его, то это будет равносильно снятию шерстинки с бугая Ханьского двора и, что голова [Да]ваньского князя и голова Чжи-чжи были повешены на улице Гао²¹ и об этом известно усуням. Тогда Куньми и его подчиненные с покорностью сказали: «Мочжэньцзян провинился перед Хань, можно было наказать его сына, но жаловаться на нас нельзя. Велите [нам] пить и есть». [Дуань] Хуй-цзун сказал: «Предупреждаю тебя Куньми, если ты бежишь и скроешься, то [это] будет большим преступлением. Поскольку твое «питье и кормежка» вверены мне, то во избежание нарушений родственных отношений я не буду преждевременно жаловаться на тебя».

Куньми и его подчиненные, рыдая и проливая слезы, покинули [Дуань Хуй-цзуна].

По возвращении [Дуань] Хуй-цзун доложил о выполнении поручений и о том, как он добился успеха, путем применения тактического маневра, углубившись с легкой конницей в Усунь, и о том, как он казнил Паньцю.

[Он] продемонстрировал величие [китайского] государства и заслужил большую награду. Сын Неба удостоил [Дуань] Хуй-цзуна титула гуань-нэйхоу²² и подарил 100 цзиней золота.

В это время дядя Малого Куньми Бихуаньчжи, собрав народ, хотел погубить Куньми. Ханьский двор снова отправил [Дуань] Хуй-цзуна для успокоения и собрания усуней. Он выехал с наместником Сунь Цзянем для приложения совместных усилий.

В следующем году [Дуань] Хуй-цзун умер от болезни в Усуни на 75 году своей жизни.

Жители городов и поселений различных государств [Западного края] соорудили в его честь кумирню.

В «Хвалебной песне» говорится: «В годы правления Юаньшоу (122—117 гг. до н. э.) Чжан Цянь открыл сообщение с Западных краем.

В годы правления Дицзе (69—66 гг. до н. э.) Чжэн Цзи учредил наместничество.

²⁰ Местонахождение Дяньлу неизвестно.

²¹ «Улица Гао» — находилась в городе Чаньань — столице Западной Хань. Резиденции приезжавших сюда иноземцев для подношения дани размещались на улице Гао. Между резиденциями южных и северных иноземцев на бамбуковых шестах подвешивались головы казненных вассалов, провинившихся перед Ханьским двором. Делалось это, как явствует из китайских источников, для устрашения непокорных.

²² Гуаньнэйхоу — титул князя, не имевшего обособленного владения, которому разрешалось жить только на территории столицы.

До Ван Мана их было всего 18 человек. Все они были аттестованы за отвагу и сметливость. Некоторые из этих заслуженных лиц представлены здесь. Лян Юй прославился своей добротой и преданностью, Го Шунь известен честностью и простотой, Сунь Цзян умело использовал свой авторитет и слыл выдающимся деятелем. Остальные же остались неизвестными. Чэнь Тан был беспорядочным и не имел сбережений. Кончил он свою жизнь в крайней нужде и бедности. Пожалев, советники включили Чэнь Тана в этот список.

А. А. ИБРАГИМОВА

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ВОПРОСУ О КОЛЕСНОМ ДВИЖЕНИИ У КОЧЕВНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Истории развития колесного движения у кочевых народов до сих пор не посвящено ни одной специальной работы, кроме сообщения акад. В. В. Бартольда¹, в котором он указывает на важность изучения вопроса о времени и месте появления повозок.

В последние годы в работах некоторых историков и археологов можно встретить отдельные высказывания, посвященные средствам передвижения у кочевников. Но в целом вопрос о роли колесного движения в кочевых хозяйствах и причинах его исчезновения в науке не разработан.

В настоящей заметке автор приводит некоторые данные письменных источников о колесном движении, мало известные широкому читателю и не введенные в обиход научного исследования вопроса.

Одним из древнейших средств перевозки грузов у всех народов были волокуши.

Повозка на колесах самой простейшей конструкции требовала гораздо большей изобретательности, чем волокуши, устройство которых сводилось в конечном счете к скреплению двух стволос деревьев или жердей.

Различные виды домашних животных первоначально употреблялись как вьючные² и верховые, а затем уже использовались в упряжке — сначала в волокуши-сани, а потом — в колесные повозки.

Единого мнения у ученых о времени появления колесных повозок еще нет. Однако, можно полагать, что история их развития исчисляет-

¹ О колесном и верховом движении в Средней Азии. — Записки ИВ АН СССР. Т. VI. М. — Л., 1937, стр. 5—7.

² Интересно отметить, что в качестве вьючных животных использовались не только быки, лошади и верблюды, но и овцы. В «Тарих-и-Рашиди» пишется о тибетцах: «Степные жители Тибета не похожи на степных жителей других стран. Имеют удивительные особенности: ... в корм коням дают не траву или зерно, а кормят мясом; и еще одно: всякую тяжесть и груз они навьючивают на баранов. Каждый баран поднимает тяжесть около 12 ман [около 25 фунтов]. Сделав хурджуны с подхвостниками и нагрудниками, нагружают на барана. Без надобности груза с него не снимают, так что и зимой и летом этот груз находится на спине барана» (л. 24, стр. 4). «Среди джанабов [господ] имеются и такие, у которых насчитывается до десяти тысяч навьюченных баранов. Если подсчитать, исходя из расчета, что каждый баран навьючен грузом в 12 ман [25 фунтов], какое же огромное количество груза должно это составить. И этот груз лишь один раз в году разгружается. В первый год — в Хиндистане, а в другой год — в Китае. Во все остальное время, где бы они не находились, груз находится навьюченным на баранах. Подобный обычай ни у какого другого народа не известен» (л. 3а, стр. 25).

ся уже тысячелетиями. Так, например, Чайльд в одной из своих последних работ приводит убедительные доказательства того, что колесные повозки появились уже в середине III тысячелетия до нашей эры в степях Центральной Азии и Поволжья³.

О большой давности использования колесных повозок свидетельствуют и китайские летописи, в которых при описании похода императора Сюань (827—818 гг. до н. э.) упоминаются боевые колесницы с упряжкой четверки лошадей. «Поздняя Ханьская история» приводит описание жунской⁴ колесницы: «Убранство жунской колесницы подобно фаньской [тибетской]. Убранство ее состоит из секиры, сигнального флага, перьев, стяга, большого веера, шлема и самострел»⁵. Комментарий поясняет, что жунские колесницы предназначались для походов и нападений «на Чжоуское⁶ начальство».

О бытовании колесных повозок у скифов писали античные писатели: Гиппократ, Геродот, Страбон. Об использовании телег кочевниками свидетельствует Анна Комнен⁷.

Раскопки археологов в Пазырыке (Алтай) позволили нам увидеть скифскую повозку. В пазырыкских курганах найдены повозки двух типов: массивная, очень тяжелая, использовавшаяся для перевозки больших тяжестей, и очень легкая, сложной конструкции, имевшая, по-видимому, обрядовое назначение. У этой повозки имелось четыре многоспицных колеса диаметром свыше полутора метров с деревянными ободьями, без шин. Оси длинные, свыше 3 м. К осям, соединенным между собой боковыми брусками, привязывалась специальная платформа. Над ней имелся верх из гнутых прутьев, крытый войлоком. В четырех углах этого верха было укреплено по войлочной фигуре лебедя. В такую повозку впрягалась четверка лошадей⁸. Она состояла из многих сотен деталей, скрепленных костылями, заклепками, ремнями. Металл при ее изготовлении совершенно не употреблялся⁹.

Находка такой повозки может свидетельствовать о наличии гужевого транспорта и, конечно, больше всего в степных районах Алтая, как наиболее удобных для колесных повозок.

Скифские колесницы интересны тем, что элементы древней скифской культуры прослеживаются в культуре казахского и киргизского народов.

Чем же была вызвана необходимость колесных повозок у кочевников?

С развитием кочевого скотоводства в руках отдельных глав родов и семей стали скапливаться огромные стада крупного и мелкого скота и табуны лошадей, прокормить которые можно было только передвигаясь с пастбища на пастбище в течение всего года. С ростом стад, естественно, рос и радиус кочевков. Сам подвижный образ жизни заставлял кочевни-

³ G. Childe. The first waggons and carts from the Tigris to the Severn. Proceedings of the Prehistoric Society. p. 2. 1951, стр. 184—185. Цит. по С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. — Л., 1960, стр. 196.

⁴ Жуну — кочевые племена, жившие на севере от Китая.

⁵ «Хоуханьшу». Пер. В. М. Моржанова, стр. 4096.

⁶ Династия Чжоу (1122—256 гг. до н. э.).

⁷ Анна Комнен. Stritter. Memoria Populorum, 111.

⁸ Четверкой лошадей запрягались и китайские колесницы. См. «Шицзин» (Книга песен и гимнов). М., 1957, стр. 97—99, 127, 153, 154, 162, 172, 223, 227, 229 и др. По внешнему виду китайская колесница очень похожа на скифскую. См. «Настенные рисунки могилы № 2, дер. Бантайцзы, г. Лояна». — Археология, 1960, № 1, стр. 22 [на кит. яз.].

⁹ С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М. — Л., 1952, стр. 236—239.

ка использовать животных в качестве тягловой силы и ставить свои жилища на колесные повозки.

Форма жилища при этом тоже претерпела ряд изменений и усовершенствований — от простых телег, крытых бычьими шкурами у кочевников, о чем пишет Анна Комнен, до больших повозок-дворцов у монголов, о которых Г. Рубрук и Плано Карпини оставили такие записи: «Дома, в которых они спят... ставят на колеса из плетенных прутьев; бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого ввысь поднимается шейка, наподобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком; чаще же пропитывают также войлок известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда также они берут черный войлок... И они делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать футов в ширину... Я насчитал у одной повозки 22 быка, тянущих дом, — 11 в один ряд вдоль ширины повозки и еще 11 перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля, и человек стоял на повозке при входе в дом, погоняя быков»¹⁰.

У Плано Карпини: «Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, соответственно достоинству и скудости людей. Некоторые быстро разбираются и чинятся, и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках. Для меньших при перевезении на повозке достаточно одного быка, для больших — три, четыре или даже больше, соответственно с величиной повозки, и, куда бы они ни шли, на войну ли или в другое место, они всегда перевозят их с собой»¹¹. С жилищем монголов-кочевников эпохи империи Чингисхана имеет сходство современная юрта хазара — народности Афганистана, которую В. В. Бартольд считал потомками монгольских племен, входивших в число войск Чингисхана¹². У хазарейцев бытует юрта, называемая ханаи хырга¹³. При перекочевках она разбирается и погружается на верблюдов или быков. На недалеком расстоянии она может быть перевезена в неразобранном виде. Ханаи хырга — высокая, двухъярусная юрта, которая теперь у кочевников не встречается. Это объясняется тем, что хазарейцы, в свое время, оторвавшись от своей родины, сохранили в течение многих веков особенности своей материальной культуры, в то время как у самих монголов она претерпела изменения. Ханаи хырга является пережиточной формой старинной богатой юрты монгола XIII в. Интересные сведения о жилищах казахов в XV—XVI вв. оставил нам Рузбехан, придворный историограф Шейбани-хана.

«Дома их, — пишет Рузбехан, — построенные по форме арб, поставлены на колеса, подобные небесной сфере. Верблюды и лошади перевозят их от стоянки к стоянке, вытягиваясь подобно каравану, идущему друг за другом, и если будут так непрерывно двигаться, то могут растянуться на сто монгольских фарсангов¹⁴, а расстояние между ними не

¹⁰ Г. Рубрук. Путешествия в восточные страны. М., 1957, стр. 91—92.

¹¹ Там же, стр. 27—28.

¹² В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. Спб., 1903, стр. 55.

¹³ Подробное описание этой юрты см.: Э. Г. Гаффеберг. Хазарейская юрта ханаи хырга. (К вопросу об истории кочевого жилища). Сборник МАЭ АН СССР. М.—Л., 1953, стр. 72—92.

¹⁴ Фарсанг равен 6—7 км.

будет более одного шага»¹⁵. Или еще: «Дома их, сделанные из деревьев, возвышаются ввысь, подобно дворцам, и по просторности своей подобны миру. Стены, сделанные из белого тополя, очень крепкие и устройство их доведено до совершенства. Кибитку сверху покрывают войлоком, разнообразной и редкостной окраски и овечьими шкурами. В них проживают султаны и знатные из казахов. Кибитки эти красивы, каждая из них может вмещать более 20 человек, пребывающих и отдыхающих в них сидя. Эти кибитки установлены на колесах, и множество верблюдов тянут их. Я поразился их устройству, ибо установленные на повозках, они очень громадны и вместительны, а также со всех сторон имеют окошки и форточки и покрыты войлоком. Внутри они прекрасно устроены и красивы точно так же, как дома эмиров и султанов»¹⁶. Дома же простых скотоводов-казахов, по сообщению того же Рузбехана, более скромны как по размеру, так и по устройству: «Кибитки, принадлежащие простым людям, имеют продолговатую форму и также сделаны искусно и тщательно, перевозятся одним или более верблюдами. Спереди и сзади этих кибиток устроены дверцы, чтобы сбитатели их могли смотреть наружу»¹⁷.

И хунны, когда они совершали свой первый переход через безбрежные пески пустыни Гоби, и скифы, и саки, которые доходили до берегов Черного моря, не могли бы пройти столь далекий путь с женами и детьми, со всем своим скарбом без жилищ, поставленных на колеса. У монголов, когда владения Чингисхана и его преемников простирались от берегов Тихого океана до границ западноевропейских государств, повозки были обыденным явлением. Но если внимательно читать текст «Сокровенного сказания», то нетрудно проследить, что там, где сообщаются сведения о происхождении дома Чингисхана или его первых победах над соплеменниками, мы не найдем упоминания о больших домах на колесах, о которых писали Рубрук и Плано Карпини, а есть лишь сведения об отдельных кибитках, и чаще всего черных кибитках¹⁸. Пока монголы кочевали только в бассейнах Толы, Она и Керулена, у них не было необходимости ставить свои дома на повозки, можно было разобрать юрту и через несколько дней поставить ее на новом месте.

О перекочевках более позднего времени, в частности о перекочевках казахов, имеются сведения у Рузбехана. Он пишет, что казахи кочуют в летнюю пору «два или три месяца по безграничным степям и окрестностям Идиля, которую называют Итиль (Волга)»¹⁹.

На зимовки казахи «располагались на берегу реки Сейхун», которую там называют Сыр-Дарьей, окрестности которой покрыты камышом, обильными травами и кустарниками... и, вероятно, протяженность берегов Сейхуна, где они обитают, будет более 300 фарсангов. Когда они достигают берегов Сейхуна, то оказываются вблизи земель Туркестана, также находящихся на берегу Сейхуна»²⁰. Далее Рузбехан сообщает, что зимовки казахов располагались и в Каракумах. Таким образом, они кочевали от Волги до Каракумов — расстояние весьма большое, к тому же им приходилось передвигаться по безводным местам.

¹⁵ Рузбехан. Михман-наме-и Бухара. Рукопись ИВ АН СССР, по фотокопии ИВ АН СССР, Пер. С. К. Ибрагимова. В. 197, л. 73а.

¹⁶ Там же, лл. 102а—б.

¹⁷ Там же, л. 73а.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, л. 86а.

Вот что пишет Рузбехан об этом пути: «Поскольку на пути их следования в места зимнего кочевья нигде нет воды, достаточной для их скота, то в силу необходимости они идут по этому пути тогда, когда дороги и проходы бывают целиком покрыты снегом. Их арбы на колесах во время переезда, конечно, должны двигаться по снегу, в противном случае им грозит опасность гибели от безводья и жажды»²¹.

Обычно повозки изготовлялись из дерева, но имеются сведения, что иногда их делали из железа²²—*tēmür-tälägän*²³. Конструкция повозок зависела от их назначения. Они использовались для перевозки различных товаров и имущества, а также людей, в особенности женщин и детей. У монголов были специальные повозки для женщин и девушек—*öljigätai-tärgän*²⁴. Один из больших типов повозок монголов назывался *gasak-tärgän*. Это название послужило основанием финскому алтаисту Рамстедту для объяснения происхождения термина «казах» от «хасаг-тэргэн». Этой точки зрения придерживался и проф. А. А. Семенов²⁵.

В наши задачи не входит объяснение происхождения термина «казах», но попутно заметим, что сами казахи, да и вообще тюрки-кочевники Средней Азии никогда не называли своих повозок термином «хасаг-тэргэн». Ибн-Батута называет их «арба»²⁶. Другие восточные авторы, как Ибн-Арабшах, Шарафуддин Йезди, употребляют в своих сочинениях для обозначения повозок либо арабские, либо персидские слова, обозначающие телегу или колесницу. Махмуд Кашгарский телегу для перевозки грузов называет «кангли»²⁷. О таком же названии повозки у тюрков свидетельствует и Рашид-ад-Дин в своих летописях²⁸. Колесные повозки не были привнесены в Среднюю Азию монголами. Они существовали здесь задолго до монгольского нашествия.

Иллюстрациями к описаниям повозок у монголов западноевропейскими путешественниками и к древнейшим монгольским сказаниям являются наскальные рисунки в селе Шишкино и на Манхае²⁹. Это единственные собственно монгольские рисунки, свидетельствующие о кочевой жизни монголов в XI—XIII вв.

У монголов в эпоху Чингисхана колесные повозки служили предметом забот самого императора. «Сокровенное сказание» неоднократно свидетельствует об этом: «Чингис, сделавшись царем, приказал Гучугуру

²¹ Там же, л. 73а. Пер. С. К. Ибрагимова и М. А. Салахетдиновой.

²² В «Юань-чао-би-ши» говорится, что Чингисхан устроил железную кибитку для Субутая и отправил его преследовать детей Тохтао. «...Поручая тебе преследовать его до крайних пределов, я сделал для тебя железную кибитку; хоть ты и далеко будешь от меня, но то же, что близ меня». Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. Спб., 1866, стр. 111—112.

²³ Русское «телега» заимствовано из тюркских языков. Слово «колымага», видимо, тоже заимствовано у кочевников. Словарь церковно-славянского языка дает «колимог» (со значением «палатка», «шатер»).

²⁴ «Сокровенное сказание», § 64.

²⁵ А. А. Семенов. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбанихана. — Труды АН ТаджССР. Т. 12. 1953, стр. 36.

²⁶ В. Г. Тизенгаузен Сборник материалов. Т. I, стр. 281.

²⁷ *Divanü lügat-it-türk tercümesi*, т. III. Ankara, 1933, стр. 379.

²⁸ Вот как он объясняет название народа «кангли»: «В то же самое время, как Огуз воевал со своим отцом, дядьями и племянниками, делая набеги и грабя их страны, то из всего народа, все те из его родственников, которые присоединились к нему и стали с ним заодно, по соображению собственного ума сделали повозки и нагружали на них [все] награбленное, другие мавьючивали добычу на животных. [Повозку по-тюркски называют «канли»]. По этой причине они и были названы именем кангли. См.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. I. М.—Л., 1952, стр. 84.

²⁹ А. П. Окладников. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959. Любопытно отметить, что в сцене перекочевки изображены кибитки без колес, запряженные волами. Очевидно, они были поставлены на волокуши.

заведывать изготовлением кибиток»³⁰. Или вот еще распоряжение Чингисхана: «Заведывающие становищем должны быть избираемы из ночных телохранителей. Во время облавы они вместе облавят; половина их оставляется у охотничьих кибиток»³¹. Охрана кибиток во время охоты и военных сражений играла немаловажную роль. Недаром кибитки во время похода конвоировались всадниками³². Эти охотничьи кибитки, по-видимому, находились в распоряжении личной гвардии Чингисхана. Один из его приказов гласит: «Когда я не отправляюсь в поход, то и ночные телохранители должны оставаться. В случае нарушения главы, поднявшие войско, подвергаются наказанию. Не позволяю же я им выступать в поход потому, что они постоянно оберегают меня; во время облав следуют за мной; в обычное время заведывают уборкою кибиток и другими делами; подобные занятия не легки, поэтому, опасаясь слишком утруждать их, я не позволю им ходить на войну»³³.

О применении повозок во время сражений свидетельствуют и античные авторы, и китайские летописи, и восточные писатели. П. Голубовский, описывая на основании записок Анны Комнен тактику боя тюрков-кочевников, говорит, что они «имели особый строй. Наученные не из книг, а по обычаю своих отцов, они сзади первого строя ставили резервы. Первый строй состоял из отдельных отрядов, построенных клиньями. Между ними ставились телеги, занятые женами и детьми. Когда сражение не удавалось, или перед тюрками были большие неприятельские силы, которых они не надеялись одолеть, они устраивали подвижные укрепления. Они ставили в круг свои телеги, покрывали их бычьими шкурами, сажали на них жен и детей и отбивали приступы. Трудно было разбить телеги и проникнуть в середину этого оригинального укрепления. Когда неприятель решался их осадить, они видоизменяли несколько способ защиты: раздвигали немного телеги и делали между ними извилистые проходы. Часть тюрков занимала телеги. Из проходов выносились неожиданно их отряды, нападали на неприятеля и снова скрывались внутри круга»³⁴.

Для всех кочевых народов важнейшим средством ведения войны служили кони, для которых нужны были открытые ровные степи. И Чингисхан, и Тамерлан совершали завоевания не с правильно организованной пехотой, как греки и римляне, а с конницей. Надо сказать, что степные лошади кочевников отличались большой выносливостью. О том, какое место занимал конь во время сражений, может свидетельствовать хотя бы такой факт: когда князь Даниил Галицкий добивался соглашения с монголами, то одним из условий, которое последние поставили ему, было запрещение покупать у них степных лошадей.

В войсках Тамерлана во время дальних походов пешие воины садились на коней. Каждые 18 человек, а из отборных воинов — каждые 5 человек имели юрту или кибитку. У десятника, кроме того, была своя кибитка и 5 лошадей, у сотника — кибитка и 10 лошадей³⁵. Тысячники имели при кибитке навесы и запасное снаряжение: кольчуги, шлемы,

³⁰ «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине». Т. IV., Спб., 1866, стр. 62.

³¹ Там же, стр. 130.

³² P. Roucha. Die Geheime Geschichte der Mongolen. Praha, 1956, стр. 130.

³³ «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», стр. 130.

³⁴ П. Голубовский. Печенеги, тюрки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884, стр. 216.

³⁵ М. И. Иванов. О военном искусстве и завоеваниях монголов. «Военный журнал», 1846, № 2, стр. 108.

латы, пики, мечи, колчаны и стрелы. Эмиры первого класса имели одну кибитку с двумя навесами, а другую, шитую золотом (вероятно, предназначенную для приема начальства во время смотров и угощений) и значительный запас оружия для простых воинов³⁶.

Следует еще отметить ту немаловажную роль, которую играли повозки-кибитки для почтовой службы, учрежденной у монголов Чингисханом и получившей наибольшее развитие во время правления сына и преемника Чингисхана — Угедая.

На всех путях Угедеем были учреждены специальные почтовые станции — «ямы»; на главных путях располагались отряды войск для охраны и безопасности проезжающих и торговли.

Наиболее подробные сведения о «ямах» и о причинах учреждения ямской службы оставил Джувейни³⁷: «... когда удлинилось и расширилось протяжение их царства и стали случаться важные события, невозможно стало без сообщений о положении врагов. Приходилось также перевозить ценности (деньги, податные суммы) с запада на восток и с дальнего востока на запад. По сему учреждены ямы через всю ширь и длину страны и определены припасы и расходы по каждому яму, положено (число) людей и животных и (количество) яств, питей и прочего снабжения и произведена раскладка на тьму: по одному яму на две тьмы³⁸, чтобы раскладка была по числу и чтобы сборы были взысканы, дабы путь проезда послов не удлинялся из-за (неудобства) посадки на перекладных и дабы ни войско, ни крестьяне не терпели постоянного беспокойства.

И послам он дал строгие приказы беречь животных и все другое, — говорить об этом будет долго. Ежегодно ямы должны осматриваться: коль будет какой недостаток или убыль, надо брать замену с крестьян³⁹.

По дорогам необъятной империи мчались кибитки с послами, донесениями и важными сообщениями и достигали Каракорума — центральной ставки монгольских императоров — в течение пяти с половиной месяцев, как это было с Плано Карпини, который должен был успеть на церемонию коронации Гуюк-хана. Пять с половиной месяцев — срок небольшой, если вспомнить, что братья Поло потратили на свое путешествие в Китай полтора года.

Акад. Б. Я. Владимирцов появление телег-кибиток у монголов в XI—XII вв. объяснял потребностью «в быстром перемещении с места на место. При постоянных набегах, нападениях и войнах всякого рода телега-кибитка была полезнее вьючного животного, когда надо было как можно скорее уходить от врага: запрячь быка в повозку-кибитку и положить на нее скарб можно было несравненно скорее, чем завьючить верблюдов или других животных; это требовало и меньшей затраты сил, и меньшего количества рук. Стан из кибиток, с поставленными на них юртами, мог быть очень подвижен»⁴⁰. Это не совсем верно. Как уже говорилось, в первоначальный период создания империи у монголов не было

³⁶ Там же, стр. 150.

³⁷ См. Г. В. Вернадский. О составе великой ясы Чингисхана. Брюссель. 1939. Из сочинений Джувейни «История завоевателя мира». Пер. с персидского В. Ф. Минорского. О порядках, введенных Чингисханом после его появления, и о ясах, кои он повелел.

³⁸ Здесь некоторая неточность. Вероятно, надо понимать по «одному участку ямской службы на две тьмы». Ср.: у Абуль-Фараджа, приложение II, § VIII. Число «ямских станций было, конечно, значительно большим, чем по расчету одна на две тьмы». Прим. В. Ф. Минорского.

³⁹ См. Г. В. Вернадский. О составе..., стр. 49.

⁴⁰ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 42.

такого большого количества повозок-кибиток, как в эпоху ее наивысшего расцвета, когда, например, каждая из 26 жен Батыя имела по 200 повозок-кибиток. В отношении быстроты движения тоже не совсем верно. Действительно, запрячь быка в повозку, положить в нее весь домашний скерб и посадить семью было быстрее, чем завьючить лошадей или верблюдов. Но караван завьюченных лошадей или верблюдов мог двигаться быстрее, чем дома-повозки, запряженные вереницей быков. Вряд ли стан из кибиток с поставленными на них юртами мог быть очень подвижным. Сохранившиеся до наших дней пословицы самих монголов, которые приводит акад. Б. Я. Владимирцов в этой книге, свидетельствуют об обратном: «На телеге нельзя догнать зайца» или «Если поступать по правде, то будешь на бычачьей телеге зайца догонять»⁴¹.

Повозки с поставленными на них домами были своего рода комфортом кочевой жизни монголов и получили большее развитие в эпоху наивысшего политического и экономического расцвета империи. С падением же Юаньской династии (1368 г.), когда монголы вынуждены были вернуться в свои степи и горы, когда прекратилась торговля и всякая другая связь с культурными странами, когда исчезли былые поселения земледельцев и ремесленников, когда место торговли занял грабеж друг друга и соседних народов — все это не могло не сказаться на развитии их хозяйства, — монголы забыли о своих повозках-кибитках с поставленными на них домами. Всякую кладь стали перевозить только вьючным способом.

К концу XIV в. на северо-западе монголов стали теснить ойраты. К 1434 г. вся Монголия оказалась под властью ойратского князя Эсена, но против него восстали монгольские феодалы и убили его (1455 г.). Монголия оказалась раздробленной на множество владений, во главе которых стали или царевичи-чингизиды, или служилая аристократия.

Сократился радиус кочевков, и монголы отказались от повозок с поставленными на них домами. Для переезда на небольшие расстояния они стали не нужны. В этот период монголы были вынуждены изменить и свой способ кочевания, перейти от айльного к куренному, как наиболее безопасному.

Если же обратиться к истории других кочевых народов, например, ногайцев и казахов, то и у них исчезновение повозок-кибиток можно объяснить теми же причинами, что и у монголов — сокращением районов кочевков в силу внутренних экономических причин и политических обстоятельств.

В 1558 г. через Астрахань в Среднюю Азию направлялся известный английский купец и агент московского правительства Дженкинсон. В своих записках он сообщает, что из-за междоусобных войн все ногаи доведены до крайней степени разорения, следствием чего являются голод и повальные болезни. Несмотря на обилие хороших пастбищ, страна, по которой ехал Дженкинсон, показалась ему необитаемой. Но «когда ногаи жили благополучно (подчеркнуто нами.—А. И.), — пишет Дженкинсон, — они делились на различные группы, называемые ордами. Каждая орда имела своего правителя, который почитался как король и назывался мурзою. Городов или домов они не имеют, живут в открытом поле... Когда они передвигаются, то свои дома, похожие на палатки (tent), помещают на повозки (waggon) или телеги (cart) и на верблюдах перевозят их с места на место, передвигая на них своих жен, детей и иму-

⁴¹ Там же, стр. 42, прим.

щество... Они не имеют денег и меняют свой скот на одежду и другие необходимые вещи»⁴².

Ногаи в XV в. занимали территорию между Золотой ордой и Белой ордой, что давало им возможность играть значительную политическую и торгово-посредническую роль в казахских степях и в Поволжье. В конце XV в. они принимают участие в борьбе Шейбанихана с Бурундукханом. В XVI в. у ногайцев были оживленные торговые сношения с Москвой и Казанью, а также со Средней Азией. В этот период район их кочевания был весьма обширен, они кочевали в районе Кубани, Азовского моря, низовой Волги, Камы, Яика и доходили до Казани. Известно, что в это время шла оживленная торговля между Средней Азией и бассейном Волги. О степени независимости ногайских княжеств можно судить по тому, что пошлину с перевозимых по Волге товаров они брали в свою пользу, несмотря на соседство Астраханского ханства. Завоевание русскими Казанского и Астраханского ханств и утверждение власти Москвы по всему течению Волги поставило ногаев в полную экономическую и политическую зависимость от русского государства; ногаи сами говорили: «Чья будет Астрахань, Волга и Яик, того будет и вся ногайская орда»⁴³. После русских завоеваний значительно сократились пастбища кочевников. Среди правящей верхушки ногаев возникло две партии: одна — с ориентацией на Москву, другая — на Среднюю Азию. В результате постоянных войн между этими двумя группировками скотоводческое хозяйство ногаев пришло в полный упадок. В это время и проезжал через ногайские степи Дженкинсон. Поэтому и показалась ему эта страна необитаемой, несмотря на обилие хороших пастбищ.

Казахи в XVI в. переживали эпоху политического подъема. Казахские ханства, судя по сведениям Рузбехана, представляли собой сильные политические объединения и заставляли считаться с собой соседние государства. Борьба между шейбанидами и казахскими ханами шла главным образом в бассейне реки Сыр-Дарья за расположенные здесь города: Туркестан, Сыгнак, Сайрам и др. Успех борьбы чаще всего оказывался на стороне казахов, которые временами подчиняли себе и Ташкент.

Россия в XVI в. имела постоянную армию, одну из сильнейших в Европе. Русская артиллерия при Иване Грозном достигла такого уровня, что могла обеспечить взятие первоклассных крепостей. Стремясь защитить свои южные границы от извечной опасности набегов кочевников, русское правительство учредило постоянную сторожевую службу в городах на южной окраине. Для этой службы постепенно стали использовать служилых людей, которые получили название «казаки». Подвижные конные отряды казаков были как бы авангардом русских вооруженных сил, выдвинувшихся в южную степь.

В 30-х годах XVI столетия на юге страны была создана целая система крепостей с учетом развития огнестрельного оружия и тактики активной обороны⁴⁴. Россия прочно встала на берегах Волги, Яика, Камы. Путь в Крымские степи и дальше на запад был для кочевников закрыт.

В начале XVII в. казахи подвергаются постоянным набегам со стороны джунгар. Территория для кочевков еще больше сужается. Сокраще-

⁴² Материалы по истории каракалпаков. — Труды Ии-та востоковедения. Т. IV, М. — Л., 1935, стр. 29.

⁴³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. 2, М., 1960, стр. 620.

⁴⁴ А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 198.

ние пастбищ привело в свою очередь к уменьшению поголовья скота. Дальние перекочевки стали невозможны и не нужны. Разборная юрта пришла на смену кибитке на колесах. Недаром с XVII—XVIII вв., когда русские источники становятся основными для изучения истории Казахстана, в них совершенно нет сведений о повозках-кибитках у казахов.

В XVII—XVIII вв. подобные повозки еще употреблялись кундровскими⁴⁵, бессарабскими и астраханскими «татарами»,⁴⁶ но это уже были «кочующие деревни», а не «кочующие города», как в эпоху Монгольской или Тамерлановской империи, у казахов в начале XVI столетия.

---

⁴⁵ P. S. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. 3 Th. Zweites Buch, стр. 549—550.

⁴⁶ Н. Харузин. История жилища у тюркских и монгольских народностей. «Этнографическое обозрение», 1896, кн. XXXVIII, стр. 41.

В. С. КУЗНЕЦОВ

КАЗАХСКО-КИТАЙСКИЕ ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

(По китайским источникам)

В конце 1757 г. под ударами армии китайского богдыхана пало ойратское ханство в Джунгарии. Казахи и Китай оказались в непосредственном соседстве. Это привело к прямым политическим и экономическим связям между ними.

Признание казахским ханом Аблаем в 1757 г¹. сюзеренитета китайского императора, отправка казахских послов с дарами — все это способствовало нормализации взаимоотношений с Цинской империей, устранению тех осложнений, которые возникли из-за поддержки казахами ойратов в их борьбе против маньчжуро-китайских войск. С окончательным замирением в Джунгарии налаживается и торговый обмен между казахами и Китаем, в чем были заинтересованы обе стороны.

Чем же обуславливался этот интерес для Китая? Размещение в Илийском крае и Тарбагатае значительных воинских сил со всей остротой поставило вопрос об обеспечении их средствами передвижения, а именно — лошадьми. Изыскать их в Джунгарии не представлялось возможным, в самом Китае коней было мало, притом требовалось время для доставки их в Джунгарию. В таких условиях оставалось одно — обменивать лошадей у соседей — казахов. Об этом прямо писал в своем докладе трону от 22-го дня 6-й луны 32-го года Цянь-лун (17 июля 1767 г.), илийский цзянцзюнь² А. Гуй:

«В Или и Яре (Тарбагатае) расквартированы большие воинские силы. От территорий собственно Китая сравнительно далеко, поэтому требуется время для отправки лошадей. Отсюда приказали у казахов выменивать»³.

Однако дело далеко не ограничивалось лишь снабжением армии конями. Острую нужду в лошадях ощущали не только в войсках, но и в так называемых «гуньтянь», военно-пахотных поселениях, посредством которых проводилась колонизация недавно завоеванного края. Возник

¹ По китайскому летоисчислению, в 22-м году Цянь-лун. См.: «Циньдин Синьцзян шилу» глава 12, стр. 5а. Иакинф (Н. Я. Бичурин) ошибочно датирует время вступления Аблая в китайское подданство 1756 г. (21-м годом Цянь-лун). См.: Иакинф (Н. Я. Бичурин). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. СПб., 1829, стр. 144.

² Илийский цзянцзюнь, полный титул — цзунтун Или дэнчу цзянцзюнь — наместник всего Синьцзяна, т. е. Джунгарии и Восточного Туркестана.

³ На Янь-чэн. «А Вэнь чэн гун няньпу», гл. 3.

также вопрос о создании казенного коневодства в Джунгарии. О том значении, которое уделял кабинет приобретению лошадей у казахов, можно судить по следующему указу императора от 9 ноября 1758 г.:

«В отношении ныне полученных [от казахов] меринов можно передать приказ Ну Саню с Юн Гуем сообразно обстановке договориться: или отправить в военные лагеря, или передать вновь посланным солдатам для верховой езды. Что касается жеребцов и кобыл, то оставить в местности, где туньянь и тщательного пасти. В будущем потомство расплодится, и тогда станет хорошо со скотом»⁴.

В свою очередь и казахи были заинтересованы в торговом обмене с Китаем: за скот они могли получать шелковые и хлопчатобумажные ткани, чай и т. п.

Обратимся теперь к непосредственному рассмотрению тех сведений, которые дают официальные китайские документы о ходе торгового обмена с казахами. Начало ему официально было положено в конце 1757—начале 1758 г. Так, в докладе на высочайшее имя, датированном 3-й лунной 23-го года Цянь-лун (апрель 1758 г.) Хуан Тин-гуй, генерал-губернатор наместничества Шэньси-Ганьсу⁵, сообщал:

«Казахи в 7-й луне (в августе) текущего года должны в Урумчи и других местах вести обмен. Атласы, хлопчатобумажные ткани и т. п. уже направлены в Баркуль, поступили на хранение... Что касается количества людей, которые [придут] торговать, то [его] нельзя заблаговременно определить. Чай не следует готовить к отправке. Расшитых атласов также не нужно слишком много. Однако всех сортов сукна, ковров, белого холста, ситцев надлежит заготовить много»⁶.

Отсюда можно заключить, что в данный период речь идет лишь о начале регулярного обмена, поскольку еще неизвестно, каков будет объем торговли. Номенклатура товаров определяется также ориентировочно.

Действительно, казахи прибыли осенью 1758 г. весьма в ограниченном числе и с небольшим количеством лошадей. Вот что конкретно говорится в двух императорских указах, датированных соответственно 9-й и 10-й лунной 23-го года Цянь-лун (октябрем и ноябрем 1758 г.): «Этэхэ (Эдиге), сын казаха Хабаубая (Каманбая)... прибыл...»⁷.

«Казах Хабаубай, как известно, направил сына... с 300 с лишним лошадей. Он 17-го дня 9-й луны (18 октября) прибыл в Урумчи торговать»⁸.

Сами китайские власти рассматривают произведенный с Этэхэ обмен как пробный опыт. В этой связи сановник Ну Сань, докладывая о прибытии Этэхэ, писал:

«После личного свидания с На Ваном, посланным [к Абляу], как только появится известие о прибытии большой группы торговцев, немедленно доложим»⁹.

Как видно отсюда, на первых порах большую заинтересованность в развитии торговли проявляет китайская сторона: в ставку Аблая посылается цзунгуань¹⁰ На Ван.

⁴ «Дайцин Гао-цзун чэн хуанди шилу», гл. 572, стр. 16а—б.

⁵ В административном отношении Синьцзян до выделения в самостоятельную провинцию подчинялся генерал-губернатору Шэньси-Ганьсу.

⁶ «Дайцин Гао-цзун чэн хуанди шилу», гл. 558, стр. 10а—б.

⁷ Там же, гл. 571, стр. 8а—б.

⁸ Там же, гл. 572, стр. 16а—б.

⁹ Там же, гл. 571, стр. 8а.

¹⁰ Цзунгуань — воинская должность, вторая по значению после командира дивизии.

Инициатива маньчжурских властей вполне понятна, если учесть обстановку того времени. В начале 1758 г. цинские войска развернули наступательные операции в Восточном Туркестане. Требовалось много коней для создания подвижных соединений. И получить лошадей можно было только у казахов.

Вместе с тем Аблай не спешил гнать коней для обмена. Он, судя по всему, ждал результатов поездки Этэхэ. Об этом говорил сам Этэхэ: «Что касается Аблая и других, когда вернемся в кочевья, они еще пошлют людей»¹¹.

Людей, а точнее своего рода торговцев, Аблай действительно направил. В Урумчи они прибыли 4-го дня 12-й луны 23-го года Цянь-лун (2 января 1759 г.)¹². Вот что писал по этому поводу в своем указе министрам Государственного совета император: «Казах Аблай послал своих подчиненных в Урумчи просить торговать. Вместе с Яху, солдатом из Нингуты, которого прежний цзянцзюнь направил к казахам, прибыли...

Поскольку казахи послали послов и они прибыли, естественно, надлежит разрешить им торговать»¹³.

Обращает на себя внимание состав «посольства» Аблая. Оно состояло из десяти с лишним человек, причем первым среди них упоминался некий киргиз Кундухунь¹⁴.

Что касается формулировки «послал просить», то это обычная терминология китайских документов того времени, касающихся взаимоотношений с иноземными народами. Все они в глазах маньчжурских богдыханов были не больше, чем варвары, вассалы Поднебесной.

В действительности Аблай просил установить торговлю на более льготных условиях, чем предлагали китайские власти. Во-первых, он добивался того, чтобы при обмене за скот давали больше товаров. Во-вторых, Аблай хотел, чтобы китайские власти снабжали его подданных, прибывающих для обмена, всем необходимым на обратном пути и выделяли сопровождающих. В ответ император наложил следующую резолюцию (указ датирован 26 января 1759 г.):

«...Аблай просит наградить торговых людей провиантом, лошадьми, препроводить обратно в кочевья.

Торгуя, казахи исключительно стремятся к получению прибыли. Однако, высчитав стоимость вещей, которыми оплачиваем [их товары], показать им, что обмен справедливый. Отнюдь нет приемов, когда по-особому ведется дело. Что касается того, чтобы снабжать провиантом на обратный путь, то такое начало никоим образом нельзя вводить»¹⁵.

Повлияла ли неуступчивость Пекина на казахов? О их настроениях можно судить по сообщению воинского начальника Чэбудэнчжабу, который в Борохуцзире имел беседу о торговле с неким казахом Халабалакэ (Карабалыком) и др.¹⁶

«По их словам, — докладывал Чэбудэнчжабу, — в прошлом году Эдэгэ, сын Каманбая, и другие в Урумчи торговали. Вернувшись в кочевья, говорили, что за коня получали только один кусок атласа. От людей слышали, что все [они] не желают приходить [торговать]. Ныне, цзянцзюнь поскольку разрешил вести обмен, следует направить письмо Аб-

¹¹ «Дайцин Гао-цзун чэн хуанди шилу», гл. 572, стр. 16а.

¹² Там же, гл. 577, стр. 296.

¹³ Там же, стр. 176.

¹⁴ Там же, стр. 29 б.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, гл. 593, стр. 1а.

лаю, обоюдно договориться. По-прежнему просим соответственно давать [вещи взамен]»¹⁷.

Ответ императора на доклад Чэбудэнчабу (указ датирован 7 сентября 1759 г.) гласил:

«Казахи — небольшое племя. Если согласно просимому больше давать вещей, то, день спустя, бесконечно домогаются.

Как тогда прекратить? Такое правило отнюдь неприемлемо. Повелеваем передать указ Ну Саню и др. Если казахи снова придут торговать [и] может быть, будучи недовольны, что материя груба, редка, безрассудно станут просить, чтобы больше давали, тогда немедленно объявить: «Атласы — товар купцов, в народе употребляются. Трудно с товарами, которые из казначейства дарили, взаимно сравнивать... Разве можно односторонне последовать просимому? В противном случае дойдем до того, что обременим наших купцов»¹⁸.

Вряд ли успели ознакомиться сами власти в Джунгарии с инструкцией трона, поскольку следом пришло известие о пригоне казахами большого табуна лошадей. Так, спустя 18 дней после выхода выше цитированного указа, император предписывал министрам Государственного совета:

«Согласно недавно полученного доклада Дин Чжана и Фань Шишоу, казахи — торговцы с несколькими тысячами лошадей прибыли в Урумчи торговать.

Ныне войска Фу Дэ преследуют мятежников, еще не схватили. Поэтому помочь лошадям очень важно. Повелеваем передать указ Дин Чжану, Фань Шишоу и другим: вымененных у казахов лошадей, соответственно тому, сколько получено, отправить в военные лагеря»¹⁹.

Фу Дэ, о котором идет речь в указе, — маньчжурский полководец. Во время выхода этого эдикта армия Фу Дэ преследовала правителей Кашгарии и их сторонников, именуемых в китайских документах мятежниками. Продвижение маньчжурских войск сдерживала нехватка конницы. И поэтому обмененных у казахов лошадей полностью направили в наступающую армию.

Вместе с тем из приведенного указа не явствует, что Пекин пошел на какие-либо льготы казахам при обмене. Однако несколько позднее правительство все же в некоторой мере учло пожелания казахов. Дело в том, что торговлю с ними производили непосредственно власти. На обмен шли ткани из интенданства. В частности, шелка и атласы поступали туда из других районов Китая. Случалось, что поставщики представляли дефектные ткани, что несомненно вызывало нарекание потребителей и создавало определенные трудности при обмене. Последнее обстоятельство Пекин не мог игнорировать. Характерен в данном отношении специальный эдикт императора от 16 мая 1760 г.:

«Повелеваем передать указ всем изготовляющим [ткани]. Что касается обычных, пестрых и камчатых шелков, то при изготовлении тех, которые потребны на обмен [в Джунгарии], сырье, хотя, как обычно используется и не нужно превышать качество, [но] размер каждого куска необходимо согласно стандарта по ширине, чтобы при изготовлении одежды не было коротко. Тогда для обмена еще более выгодно»²⁰.

С сентября 1759 г., когда в Урумчи наблюдался массовый приток казахского скота, обмен с казахами в Джунгарии проходил очень оживленно. За счет его местная администрация не только удовлетворяла потреб-

¹⁷ Там же, стр. 1а—2а.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, гл. 594, стр. 7а.

²⁰ Там же, гл. 610, стр. 2а—б.

ности в лошадях для войск, комплектовала казенные табуны, но имела возможность поставлять коней для гарнизонов Кашгарии. Подтверждением этому служит указ императора от 20 июня 1763 г.:

«В Или, Урумчи меняют коней у казахов очень много. Отныне в городах Восточного Туркестана, если имеется потребность в лошадях, повелеваем докладом просить о переброске их [из Джунгарии]. Повелеваем прекратить закупки лошадей на территории Восточного Туркестана»²¹.

Главная причина, почему правительство предписало прекратить закупки коней в Восточном Туркестане, заключалась в дешевизне казахских коней. Если в Кашгарии лошадь обходилась в 10 лян серебра,²² то «конь, вымененный у казахов стоил лишь 2—3 ляна»²³.

Поэтому понятно стремление маньчжурских правителей монополизировать обмен с казахами и искусственно ограничить его только территорией Джунгарии. Синьцзянская администрация пресекает попытки казахов найти иные пути для сбыта своего скота, помимо тех, что открывали маньчжурские власти. А подобные попытки со стороны казахов были. Так, в конце лета 1763 г. чиновник Ту Лэ-бин доносил:

«Киргизы с лошадьми и дарами прибыли в Уч-Турфан торговать. Имевшиеся среди киргизов трое казахов показали, что первоначально кочевали в Силасу (Сары-Су?), ныне перешли в Чумунар»²⁴.

В ответ на сообщение Ту Лэ-бина император писал министрам Государственного совета 5 сентября 1763 г.:

«Узнав о прибытии казахов и киргизов в Уч-Турфан, опасаясь, что они достигли кочевья Тэмурту-нор. В прошлом было приказано Мин Жую²⁵ послать чиновника в Чуй, Талас и другие места, западнее Или, контролировать. Если случится, что казахи, киргизы тайно перекочевывали, немедленно изгнать»²⁶.

Отмеченный факт появления казахов с целью обмена в городах Кашгарии отнюдь не составлял исключения.

В том же 1763 г. в Кашгаре появились посланцы Аблая, вручившие в дар маньчжурским властям коней. Вместе с тем им было разрешено обменять 90 с лишним лошадей, специально приведенных для этой цели²⁷.

Попытки казахских владетелей, минуя джунгарскую администрацию, торговать в Кашгарии с уйгурами, с пришлыми из Коканда узбеками отнюдь не устраивали цинское правительство как по политическим, так и по экономическим соображениям. Отсюда, кроме указаний местным властям контролировать перекочевки казахов, указом предписывалось объявить посланцам Аблая в Кашгаре:

«Так как вы прежде вовсе не вели обмена на земле туркестанцев, притом здесь нет надобности много закупать лошадей, а что касается разного скота, то [его] продают торговцы из местностей киргизов, Бадахшана, Андижана, поэтому вам не нужно приходить.

Если так, тогда им (казахам) вести обмен невыгодно. Они, естественно, не осмелятся издалека приходить»²⁸.

Однако подобные надежды не оправдались. В начале 1767 г. уч-турфанский баньшицаньцаньдачэнь Юн Гуй сообщал:

²¹ Там же, гл. 686, стр. 56.

²² Там же, стр. 1а—б.

²³ Там же, гл. 729, стр. 86—9а. 1 лян — денежная единица в старом Китае. В начале XIX в. лян соответствовал 2 рублям серебром.

²⁴ Там же, гл. 691, стр. 24а—25а.

²⁵ Мин Жуй — илийский цзянцзюнь.

²⁶ «Дайцин Гао-цзун чэн хуанди шилу», гл. 691, стр. 25а.

²⁷ «Циньдин пиндин чжунгыгэр фанлюэ сюйбянь», гл. 22.

²⁸ Там же. Под туркестанцами в китайских источниках подразумевается местное население Восточного Туркестана — уйгуры.

«Купцы Коканда, Андижана, Ташкента, Намангана, одновременно кашгарцы и казахи, гоня лошадей, коров, баранов, прибыли в Уч-Турфан торговать. Посланный человек отправился расследовать. Хотя нет злоупотребления, когда совращают [туркестанцев] войти в сговор [против властей], однако предоставить возможность в Или торговать имеются сомнения. Уже поручено хакимбеку купить скот по низкой цене. Что касается казахов и туркестанцев, то всех, разделив, отослали обратно. Известили кашгарского дачэня отныне строго контролировать места, куда туркестанцы и казахи приходят взаимно обмениваться»²⁹.

Торговлю казахов в южном Синьцзяне вне пределов Джунгарии, пекинский двор рассматривал как прямую угрозу снабжению скотом войск в Или и Тарбагатае. В ответ на доклад Юн Гуя император в своем указе от 27 марта 1767 г. писал:

«Удовлетворение потребностей в скоте главных сил армии, расквартированных в Или, полностью зависит от обмена с казахами.

Повелеваем передать предписание Юн Гую: «...ником образом нельзя позволять, чтобы туркестанцы с казахами, составив компанию, добивались прибылей, в результате чего возникла помеха [удовлетворению] казенных нужд в Или»³⁰.

К указанному времени обмен китайских властей с казахами в Джунгарии сократился, так как скот у казахов закупали прямо на месте торговцы из Восточного Туркестана. И, очевидно, обмен с ними для казахов был гораздо выгоднее, нежели с маньчжурскими властями. О создавшейся обстановке достаточно полно можно судить по докладу исполнявшего обязанности илийского цзянцзюня А Гуя (январь (1767 г.)). «Казахов, которые в Или ведут обмен, за последнее время очень мало. По словам казахов — «байеке», их скот полностью обменяли кашгарские туркестанцы в местах кочевий»³¹.

Поскольку ранее принятые меры не смогли воспрепятствовать туркестанцам торговать с казахами, А Гуй пошел на крайнее средство:

«Приказано, чтобы казахи секвестрировали их [туркестанцев] товары, туркестанцев арестовывать и отправлять в Или в порядке наказания»³².

Однако начинание А Гуя не встретило поддержки со стороны трона. На докладе А Гуя император наложил следующую резолюцию:

«Предпринятое А Гуюм чрезмерно. Разве имеется резон из-за того, что торгуют, спешить задерживать товары и отдавать казахам?... В отношении этого рода дел [обмена туркестанцев с казахами] надлежит своевременно выработать правильные мероприятия»³³.

В конечном итоге А Гуй предложил следующие правила торговли в Синьцзяне: туркестанское население торгует с киргизами и с купцами среднеазиатских владений, казахи ведут обмен с казной в Или и Тарбагатае. Основная цель его предложения сводилась к тому, чтобы сохранить монополию на торговлю с казахами в Синьцзяне за маньчжурской администрацией Джунгарии. Доступ казахам в Кашгарию запрещался, а для туркестанцев самовольный отъезд в казахские кочевья с целью обмена означал конфискацию имущества. Вот что конкретно говорилось в докладе А Гуя (17 июля 1767 г.):

«Просим отныне подразделить: туркестанцы торгуют с киргизами,

²⁹ «Дайцин Гао-цзун чэн хуанди шилу», гл. 799, стр. 18а—19а.

³⁰ Там же, стр. 19а.

³¹ Там же.

³² На Янь-чэн. «А Вэнь чэн гун няньпу», гл. 3.

³³ Там же.

андижанцами, кокандцами. Или, Яр (Тарбагатай) с казахами ведут обмен. И тем, и другим удобно...

Туркестанцы, отправляясь, получают удостоверение. Если не отправляются в первоначально установленное место, самовольно осмеливаются перейти границу, добываясь прибыли, половину скота, [приобретенного у казахов], конфисковать³⁴.

Каких-либо возражений со стороны трона план А Гуя не вызвал³⁵. О том, что он был принят, можно судить по следующему документу, непосредственно касающемуся торговли казахов в Кашгарии. Императорский указ, датированный 13-м годом Цзя-цин (1808 г.), гласит:

«Фань Цзян-фэнь и другие докладывают дело «Казах-гун»³⁶ Адилэ (Адилэ) послал людей с баранами».

Казахи в Или и других местах торгуют. Обычно имелось установленное место. Однако в 33-м году Цянь-лун (1768 г.) казахи прибыли в Кашгар, привели с собой скот на обмен. С первого раза до нынешнего прошло уже 40 лет.

Ныне Адилэ из-за того, что занимается свадебными делами, потребно тканей очень много. [Поэтому] послал людей закупить. Прошли через караул Ислык³⁷ беспрепятственно. Так как они уже прибыли, указанному цаньцзяню и другим было неудобно немедленно изгнать. Согласно старому правилу годов Цянь-лун (1736—1795 гг.) послали чиновника установить цену... Они (казахи. — В. К.) не могли получить прибыли и сами попросили увести скот обратно. Указанный цаньцзяньдачэнь снова послал людей под конвоем выводить...

Сделанное — правильно³⁸.

Поскольку в цитированном указе говорится, каким образом производился обмен с казахами в годы Цянь-лун, т. е. во второй половине XVIII в., проиллюстрируем его детально:

«Ежегодно после 4-й луны казахи доставляют лошадей, коров, баранов. Цзянцзюнь посылает чиновников (чжанцзина, селина) на место торговли. Они совместно со старшинами оценивают разряд скота. Взяв штуки казенного атласа; шелка, полотна, чиновники соответственно устанавливают цену справедливую³⁹».

Как видно из приведенного отрывка, обмен с казахами в Джунгарии совершался без посредства денег. Товар обменивался на товар. Причем скот власти брали по раз установленным и неизменным ценам.

Расценки представляются в следующем виде: лошади — 2 лян 4 цянь 7 фэнь серебра за каждую голову, крупный рогатый скот — 1 лян 5 цянь за голову, овцы — 4 цянь за голову⁴⁰.

Следует также отметить, что при обмене казахи ограничивались в товарах, которые могли выставить и которые получить.

С вступлением цинских войск в Джунгарию Россия, предупреждая притязания Цинской империи на Алтай, продвинула Иртышскую линию крепостей до Бухтармы, а от нее провела укрепленную линию к Бийску и Кузнецку. В ответ на такое размежевание границ, не обусловленное до-

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Гун — титул, равнозначный понятию «князь». Такими титулами жаловались и казахские ханы, находившиеся в подданстве Китая.

³⁷ Пикет Ислык находился на расстоянии около 60 км севернее города Кашгара.

³⁸ Лю Цзинь-цао. «Цинчао сюй вэньсянь тункао», гл. 56, стр. 811.

³⁹ «Циньдин Синьцзян шилу», гл. 10, стр. 10а.

⁴⁰ Там же. В ляне соответственно содержится 10 цянь или 100 фэнь.

говором, Пекин запретил торговлю России в Джунгарии. Но несмотря на запрет, русские товары проникали сюда. Посредниками сибирских купцов выступали казахи. Вместе со скотом они привозили для продажи русские изделия. Чтобы сделать запрет на торговлю России более действенным, специальным указом казахам запрещалось доставлять на обмен что-либо, кроме скота. Этот указ (датирован 13 августа 1768 г.) последовал в связи с докладом тарбагатайского цаньцзяня Ба Эр-пиня, где сообщалось, что в свой очередной приезд казахи доставили благовония, дубленные кожи. В ответ император предписал:

«Эти изделия — все русского производства. Торговля казахов с Россией, собственно говоря, не запрещена. Но обмен внутренних территорий Китая (т. е. Джунгарии. — В. К.) с Россией запрещен. Естественно, неудобно позволять им (казахам) перепродавать русские товары.

Однако запрет на перепродажу еще не объявлен указом. Казахи не знают, поэтому принесли с собой (русские изделия). На этот раз разрешается покупать. Впоследствии же казахам дозволяется торговать только лошадьми. Не разрешается приносить русские товары. Если нарушают запрет, со всей строгостью наказывать.

Повелеваем передать повеление Ба Эр-пиню: «Объявить казахам знать это»⁴¹.

Однако действенности этот запрет особой не имел. Так в 1790 г. илийский цзянцзюнь Юн Бао доносил:

«Досали-султан, младший брат казахского хана Вали-султана, прибыл в Или. Просил обменять принесенные меха шиншиллы и другие изделия. Решили отвергнуть [просьбу]»⁴².

Что касается товаров, которые могли выменивать казахи, то запрет касался металлоизделий. Объяснялось это нехваткой их в Джунгарии. В ответном указе (1793 г.) на доклад илийского цзянцзюня Бао Нина о снятии запрета на ввоз металлоизделий в Синьцзян оговаривалось:

«Однако нельзя променивать [металлоизделия] казахам, киргизам и другим внешним инородцам.

Повелеваем Бао Нину постоянно, тщательно проверять. Если бы случилось, что продают казахам, киргизам и другим, немедленно со всей строгостью действовать»⁴³.

* * *

Таковы некоторые сведения китайских источников о торговых связях казахов и Китая в конце XVIII в.

⁴¹ «Дайцзи Гао-цзун чэн хуанди шилу», гл. 841, стр. 1а—2б.

⁴² Там же, гл. 1361, стр. 35б.

⁴³ Лю Цзинь-цзао. «Цинчао суй вэньсянь тункао», гл. 56, стр. 8109.

Е. И. КЫЧАНОВ

ИЗ ИСТОРИИ ТАНГУТСКО-УЙГУРСКИХ ВОЙН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XI ВЕКА

В конце X в. в южной части современного Ордоса, в центральном районе западной Шэньси (на территории современных уездов Хэншань, Юйлин, Мичжи), появилось новое тангутское государство Си Ся. Оно было создано народом, известным в китайских источниках под именем *дансян*, в тибетских — *миняг* и у тюркомонгольских народов — *тангут*.

В V—VII вв. н. э. тангуты были аборигенным населением территории современного Амдо¹. В середине VII в. (около 660 г.) под угрозой тибетского завоевания часть тангутских (дансянских) племен получила разрешение китайского правительства переселиться на северо-восток, в район современного города Цинъян. Постепенно тангутские племена заселили весь Ордос, часть их переправилась на север за реку Хуанхэ и признала вассальную зависимость от киданьского государства Ляо. В то же время в течение VIII—X вв. тангуты постоянно продвигались на запад, в районы Наньшаньских гор и Алашаня, вплоть до реки Эдзин-гол. В X в. большой район Центральной Азии оказался заселенным тангутами. Однако тангутское население было монолитным только в районе Ордоса, к северу и югу от Великой китайской стены. В остальных районах тангуты жили смешанно с тибетскими и тюркскими племенами, главным образом уйгурами.

В 982 г. тангутский старейшина Тоба Цзи-цян начал открытую борьбу против китайского двора. К началу XI в. ему удалось овладеть всей территорией Ордоса, за исключением города Линчжоу.

Резкое усиление тангутов вызвало беспокойство их западных соседей — тибетцев и уйгуров².

Тангутские племена оттесняли уйгуров на запад, они отрезали им

¹ Амдо — горная страна на северо-востоке Тибетского нагорья, к югу от озера Куку-нор.

² Мы опускаем всю политическую историю уйгуров до их столкновения с тангутами и отсылаем читателя к некоторым работам, где он найдет отдельные сведения по этому вопросу. См.: В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-билика В. В. Радлова. Приложение к XXII т. «Записок Императорской АН», 1893, № 2, Спб.; А. Я. Якубовский. Арабские и персидские источники об Уйгурском Турфанском княжестве в IX—X вв. Гос. Эрмитаж. Труды отдела Востока. Т. IV, 1947; Д. Позднеев. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). Спб., 1899; J. R. Hamilton. Les Ouighours A'z'eroque des cinq dynasties d'apres les documents chinois. Bibliotheque de L'Institut des Hautes Etudes Chinoises. Vol. X. Paris, 1955.

путь к выгодным китайским рынкам. Поэтому уйгуры стремились установить связь с Китаем для совместной борьбы против тангутов. Уже в 1001 г. к сунскому двору прибыло посольство от уйгурского хана Люй-шэна, который просил, «чтобы ему позволили внести вклад в обуздание Цзи-цзяня»³.

Однако посольство 1001 г. было неудачным. По старым традициям, не слишком доверяя своим западным союзникам, готовым в любую минуту стать врагами, китайцы довольно сдержанно отнеслись к предложению уйгуров и аналогичному предложению тибетцев, но окончательно не отказались от их помощи.

Для координации действий китайских войск с тибетскими и уйгурскими был послан китайский чиновник Юй Цинь-лун⁴. Но решительные действия тангутов и взятие ими в 1002 г. г. Лянчжоу ликвидировали угрозу полного окружения и прервали прямую связь Китая с Западом⁵. Отныне перед тангутскими войсками был открыт путь на запад.

В 1004 г. в борьбе с тибетскими племенами области Линчжоу погиб первый государь княжества Си Ся Цзи-цзянь. Умирая, он завещал своему сыну Дэ-мину любыми усилиями добиться мира с Китаем и укрепить свое государство. В 1006 г. Дэ-мину удалось заключить мирный договор с Сун⁶. Этот договор гарантировал тангутам безопасность восточных границ. Поэтому вся наступательная энергия тангутов была перенесена на запад.

Молодое тангутское государство стремилось к расширению своих границ. Возможности агрессии на север против Ляо и на восток против Сун были исключены. И там и тут тангутам противостояли могучие армии двух сильнейших держав тогдашнего Востока, от которых тангуты могли отстоять свою независимость, но добиться значительных успехов в войне с ними они были не в состоянии.

Иная картина была на западе. некогда великая туфаньская держава лежала раздробленная на мелкие племенные и феодальные княжества, раздираемые религиозной борьбой. Почти в таком же состоянии находились и уйгурские владения, растянувшиеся от Хуанхэ до Ферганской долины⁷.

Притязания тангутов на западные земли подкреплялись тем, что часть этих земель была заселена тангутскими племенами, проникшими туда в IX—X вв.

О наличии в Алашане племени миняг, т. е. тангутов, упоминают китайские источники. В «Сунши» есть сведения о роде Мино, жившем близ г. Лянчжоу⁸; округа Минго к югу от пустыни Гоби указаны на ранней Сунской карте, выгравированной на камне⁹. Все эти племена были тангутскими или родственными тангутам, и объединение их под властью Тоба способствовало образованию единой тангутской народности и укреплению тангутского государства.

Важной причиной тангутского наступления на запад была давниш-

³ «Сунши» (изд. 1836 г.). Хуйху-чжуань, цз. 490, стр. 13а.

⁴ Дай Си-чжан. Си Ся цзи. Изд. 1924 г., цз. 3, стр. 10а, в дальнейшем: Си Ся цзи.

⁵ «Сунши». Ся го чжуань, цз. 485, стр. 8а.

⁶ «Си Ся цзи», цз. 4, стр. 13б.

⁷ В китайских источниках сообщается, что «убежавшие на запад хуйху жили в это время рассеянно по стране и управлялись разными лицами». Д. Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 119.

⁸ «Сунши», цз. 7, стр. 9б—10а.

⁹ R. Stein. Mi-nag et Si-hia. Geographic Historique et Legendes ancestrales. BEFEO, T. XLIX, 1947—1950, Hanoi, 1951, p. 231.

няя вражда уйгуров и тибетцев с тангутами и то обстоятельство, что именно в войне на западе погиб отец Дэ-мина Цзи-цянь.

С тех пор, как тангуты приобрели самостоятельность и начали враждовать с Сун, они постоянно перехватывали уйгурские посольства с данью, направлявшиеся в Китай, грабили их, а послов обращали в рабов¹⁰. Уйгурские купцы, сопровождавшие посольства, везли в Китай породистых коней, отличные луки и стрелы, знаменитые уйгурские ковры. Раньше уйгурские посольства направлялись в столицу Китая через территорию Си Ся, а когда тангуты стали нападать на них, уйгурские купцы и послы ездили в Китай через земли тибетских племен в районе озера Куку-нор и города Синин. Частые нападения тангутов на уйгурские посольства только разжигали вражду между этими народами. Кроме того, Дэ-мин был полон решимости отомстить за гибель отца и уже в 1007 г. думал напасть на Лянчжоу и уйгуров. При китайском дворе узнали о готовящемся походе тангутов и срочно послали гонцов предупредить тибетского старейшину Сыдоду и рекомендовали ему заключить союз с уйгурами против тангутов¹¹. Подготовленность противника заставила тангутов отложить предполагавшийся поход, но не отказаться от него. В начале 1008 г. Дэ-мин отдает приказ о нападении на уйгуров¹², но начавшаяся в Си Ся засуха вновь отсрочила выступление тангутской армии.

И все же в этом году большая тангутская армия под командованием полководца Вань-цзы выступила в поход против уйгуров. Лянчжоуские уйгуры и местные тибетские племена объединили свои силы и были готовы к обороне. Командующий союзной армией уйгурский хан Шижо не вступал в сражение, выжидая тактического промаха со стороны тангутского полководца. Он устроил засаду и заманил в нее тангутскую армию. Тангуты потерпели страшное поражение. Почти вся их армия была уничтожена, а оставшиеся в живых попали к уйгурам в плен. Всю захваченную добычу и пленных уйгуры угнали в степь. Лишь самому Вань-цзы удалось спастись. Боясь гнева Дэ-мина, он бежал в китайскую крепость Чжэньжунцзюнь и сдался Сун. Выслушав его сообщение о разгроме тангутской армии, китайский император сказал: «Уйгуры постоянно совершают убийства. Они были извечными врагами Цзи-цяня. Послы из Ганьчжоу также сообщают, что Дэ-мин нападает на них и притесняет их. Отсюда можно заключить о мощи его армии. Дэ-мин — нелегкий враг»¹³.

Действительно, китайский император не ошибся. Дэ-мин был нелегким врагом. В четвертом месяце 1009 г. тангутские войска снова напали на уйгуров, на этот раз в Ганьчжоу. Двадцатитысячная тангутская армия под командованием Чжан Пу подошла под стены города. Хан Елогэ ночью совершил вылазку и разбил тангутов¹⁴.

Тангуты просили у сунского двора разрешения закупить в Китае луки и стрелы, но получили отказ¹⁵. Оружие было нужно тангутам для продолжения войны с уйгурами. Собственные тангутские луки уступали по качеству китайским и, очевидно, уйгурским. Они были с кожаной тетивой, которая размокала во время дождя или снегопада, отчего оружие выходило из строя. Китайские источники не раз отмечают, что у тангутов «луки были слабы, а стрелы коротки»¹⁶.

¹⁰ «Цзю Удай ши», цз. 138, изд. в серии «Сыбу бэйяо», т. 28, стр. 612.

¹¹ «Сунши». Туфань чжуань, цз. 492, стр. 9а—9б.

¹² «Си Ся цзи», цз. 6, стр. 1а.

¹³ «Сунши». Хуйху чжуань, цз. 490, стр. 13б—14а; «Си Ся цзи», цз. 5, стр. 2а—2б.

¹⁴ Там же, стр. 4б.

¹⁵ «Си Ся цзи», цз. 5, стр. 3б.

¹⁶ Там же, цз. 2, стр. 6а.

В конце 1009 г. Дэ-мин снова хотел отправить войска в поход на Ганьчжоу, но отказался от него, потому что «днем были видны звезды», а это у тангутов считалось нехорошей приметой¹⁷. В 1010 г. тангуты снова напали на уйгуров в Ганьчжоу и тибетские войска в Цзунгэ (близ города Синин)¹⁸. Чем завершился этот поход неизвестно. В 1010 г. заканчивается первый этап тангутско-уйгурских войн. Он не принес тангутам никакого успеха. Тангутские армии терпели одно поражение за другим.

Войны уйгуров с тангутами, относящиеся к этому периоду, возможно, нашли отражение в тюркских народных песнях, отрывки из которых приводятся в книге свода тюркских наречий Махмуда Кашгарского (Махмуда ибн ал Хусайн ибн Мухаммад ал-Кашгари, сочинение 1073—1074 гг.). Нам кажется, что в имеющихся там двух стихотворных отрывках, по-видимому, рассказывается о разгроме уйгурами тангутской армии под командованием Вань-цзы. В одном из них говорится: «Эмир выкрал себя из войска и схоронился, пока не нашли случая и возможности, тогда почтил его Аллах всевышний победой и поэтому поднялась пыль власти и счастья»¹⁹. Этот отрывок очень напоминает сообщение китайских источников о разгроме ханом Шижо армии Вань-цзы, и мы считаем возможным высказать предположение, что в обоих случаях речь идет об одном и том же событии. Тем более, что дальше, в другом стихотворном отрывке рассказывается, что «враг напал ночью на войско тангута [а это управляемая область вблизи ас-Сина (Китай)] в сильный холод, чтобы оно не нашло победы. Затем насмеялся над ними, так что пригнал их конницу и пехоту в подарок нам. И [тот тангут] опустил свою голову перед тем, что вытерпел от испытаний»²⁰. Несомненно и этот отрывок из древней тюркской песни можно отнести к этому же периоду тангутско-уйгурских войн, столь неудачному для тангутов.

Понесенные поражения заставили тангутов на время отказаться от агрессивных планов на западе. Начиная с 1010 г. 18 лет тангуты не предпринимали самостоятельных военных действий против уйгуров, но никогда не упускали случая досадить своим врагам.

В 1016 г. ганьчжоуские уйгуры напали на Лянчжоу. Область Лянчжоу, населенная уйгурскими, тибетскими и тангутскими племенами, не входя в состав государства Си Ся, видимо, в какой-то мере признавала в это время власть тангутов. Дэ-мин послал для обороны города полководца Су Шоу-синя с семитысячной армией. Су Шоу-синь контролировал действия местных племен, и они не осмеливались перекочевывать в другие местности. После смерти Су Шоу-синя его сын Лома вступил в правление областью. Народ не подчинялся ему. Пользуясь этим, ганьчжоуский хан Елогэ напал на Лома, разбил его армию и взял в плен более ста его родственников. Сам Лома бежал. Город Лянчжоу остался за уйгурами²¹. Осенью 1017 г. Лома просил уйгуров возвратить ему Лянчжоу. Местные племена тоже обратились за помощью к Дэ-мину. Но уйгуры в союзе с тибетцами смогли отразить нападение Лома²², которому, по-видимому, помогли тангуты. В 1018 г. тангуты ограбили уйгурское посольство, направлявшееся в Китай²³.

¹⁷ «Сунши». Ся го чжуань, цз. 485, стр. 10а.

¹⁸ Там же, стр. 10б.

¹⁹ Книга свода тюркских наречий. Арабское издание. Пер. К. Б. Старковой. Стамбул, 1914, стр. 253. Автор пользовался любезно предоставленным ему К. Б. Старковой рукописным переводом части «Книги свода тюркских наречий», за что, пользуясь случаем, приносит свою искреннюю благодарность. Рукопись, стр. 29.

²⁰ Там же, стр. 258; рукопись, стр. 29б.

²¹ «Си Ся цзи», цз. 5, стр. 12б.

²² У Гу а н ч э н. Си Ся шу ши (1836), изд. 1936 г., цз. 10, стр. 6б.

²³ «Сунши». Хуйху чжуань, цз. 490, стр. 14б.

Мусульманские авторы сообщают, что в 1017—1018 гг. уйгуры подверглись большому нашествию армий с востока. В 408 г. хиджры (1017—1018 гг.) «несметное число неверных двинулось из Хатайских стран и, разорая попутные места, приблизилось уже на три станции не доходя до Баласагуна [на р. Чу] ...Тоган-хан, сделав воззвание ко всеобщему ополчению, успел собрать до 120 000 войска, и хотя число неверной рати простиралось до 200 000 кибиток, оно, прослышав о сборе мусульман, обратилось опять восвояси. Тоган-хан преследовал ее в течение трех месяцев, наконец, настиг, когда неприятель не ожидал его, и около 100 000 человек побил, да такое же число полонил...»²⁴. Радлов предполагал, что «несомненно, это было войско, состоявшее из кочевых уйгуров (христиан или язычников), если мы здесь не имеем дела с первым напором тибетцев, которые... через 10 лет после того отняли у уйгурских ханов области, граничившие с Китаем»²⁵. Под тибетцами в данном случае Радлов понимает тангутов. Однако китайские источники ни о каком походе тангутов против уйгуров в 1017—1018 гг., тем более в Синьцзян, не упоминают.

В 1026 г. кидане начали поход на Ганьчжоу. Причиной, вызвавшей нашествие киданей, был отказ правителя Ганьчжоу Арслана признать сюзеренитет Ляо. На помощь киданям выступила тангутская армия. Кидане три дня штурмовали Ганьчжоу, но не смогли овладеть городом и сняли осаду. Тангутская армия также возвратилась²⁶.

В 1026 г. началось новое большое наступление тангутов на уйгурские земли. Мы не знаем подробностей этой кампании. Известно лишь, что в шестом месяце 1028 г. сын Дэ-мина Юань-хао овладел Лянчжоу, а затем и Ганьчжоу²⁷. Ганьчжоуский хан Елогэ сжег сам себя, а его жена и сын попали к тангутам в плен²⁸.

В «Сунши» сообщается, что в 1030 г. тангутам сдался правитель Гуачжоу уйгурский хан Сяньшунь²⁹. Китайские историки подвергают сомнению достоверность этого факта, ссылаясь на отдаленность Гуачжоу, и то, что в «Хуйху чжуань» это событие не зафиксировано³⁰. Возможно, что в «Ся го чжуань» действительно допущена ошибка, однако не исключено, что после побед Юань-хао один из уйгурских ханов признал вассальную зависимость от тангутов.

Через восемь лет после овладения Лянчжоу и Ганьчжоу Юань-хао продолжил свои завоевания и в 1036 г. овладел округами Сучжоу, Гуачжоу и Шачжоу³¹, расширив границы тангутского государства до Хамийского оазиса (Синьцзян).

Этот заключительный этап тангутско-уйгурских войн также нашел отражение в тюркском песенном творчестве.

Два других отрывка из тюркской песни, приведенные в словаре Махмуда Кашгарского, рассказывают именно об этом периоде борьбы уйгуров с тангутами.

Все события, о которых говорится в этих отрывках, развиваются у города Хатун-сыны (Katun sini в современном турецком написании). По сведениям Махмуда Кашгарского, город Хатун-сыны был располо-

²⁴ В. В. Григорьев. Караханиды в Мавераннагре, по Тарихи Мунедджим-Баши, с переводом и примечаниями. СПб., 1874, стр. 10.

²⁵ В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах, стр. 123—124.

²⁶ «Си Ся шу ши», цз. 10, стр. 146—15а.

²⁷ «Си Ся цзи», цз. 5, стр. 236.

²⁸ Чжан Цзянь. Си Ся цзиши бэньмо, 1886, цз. 10, стр. 1а.

²⁹ «Сунши». Ся го чжуань, цз. 485, стр. 12а.

³⁰ «Си Ся шу ши», цз. 11, стр. 46, «Си Ся цзи», цз. 5, стр. 25а.

³¹ «Сунши». Ся го чжуань, цз. 485, стр. 14а.

жен «между Китаем и Тангутом»³². На первый взгляд кажется, что автор допустил неточность, так как уйгурский город никак не мог находиться на восточной границе Си Ся, между Китаем и Тангутом. Однако, здесь нет никакой ошибки. Дело в том, что в данном случае под словом Китай — Сип (Чин) следует понимать не сунское государство (которое было известно под именем Ма-Чин, очевидно, от индийского Маха Чин — Великий Китай, восходящего к китайскому Да-Цинь), а киданьскую империю Ляо. Западная граница ее, включая и вассальные киданям племена дадань, проходила как раз по южной окраине пустыни Гоби, и город Хатун-сыны должен был находиться между юго-западной границей Ляо и западной границей Ся. Действительно, точно таким образом местоположение города Хатун-сыны указано на карте, приложенной Махмудом Кашгарским к его описанию расселения тюркских племен. Этот город находился к востоку от центра расселения уйгурских племен (в данном случае провинции Синьцзян) и к северо-западу от Сунского Китая (Ма-Чин), т. е. на восточной границе владений уйгурских племен с территорией Си Ся.

В тексте песни рассказывается, что народ Хатун-сыны враждовал с народом Тангута. Население Хатун-сыны очень страдало от этой вражды. Сражения были кровопролитными, и «кровь текла, словно журчащая вода»³³. Далее рассказывается, что тангутский хан перехитрил хана Хатун-сыны и разгромил его войска. «Побежденных и родню хана опозорил, и враги его были обрадованы. И когда умирающий хан увидел все это, его лицо исказилось [от скорби и гнева]»³⁴.

Итак, в этих двух отрывках говорится о разгроме уйгуров тангутами и гибели их хана. Это соответствует сообщениям китайских источников о втором периоде тангутско-уйгурских войн.

Какой же город следует понимать под Хатун-сыны?

Это не мог быть город Лянчжоу. Лянчжоу попеременно владели то тибетцы, то уйгуры, не раз он находился под тангутским протекторатом, а население района Лянчжоу было очень смешанным (тибетцы, тангуты и уйгуры). При этом Лянчжоу никогда не был крупной ханской ставкой уйгуров.

Другое дело город Ганьчжоу. Он был столицей уйгуров современной территории провинции Ганьсу, ставкой восточных уйгурских ханов. Ганьчжоуские уйгуры больше всего поддерживали связь с Китаем,³⁵ они были главными врагами тангутов. В 1028 г. Ганьчжоу был взят тангутами, хан Ганьчжоу сжег сам себя, а его жена и сын попали к тангутам в плен. Об этом событии, возможно, и рассказывается в тюркской песне, отрывки из которой приведены у Махмуда Кашгарского.

Вряд ли под городом Хатун-сыны следует понимать другие уйгурские города — Сучжоу, Гуачжоу и Шачжоу. Эти города не были пограничными с Тангутом и не являлись главной ставкой уйгурских ханов на востоке. Правда, они могли стать пограничными после взятия тангутами Ганьчжоу (1028 г.), но поскольку описываемые в песне события больше совпадают с рассказом китайских источников о падении Ганьчжоу (гибель хана, пленение его семьи), мы считаем, что в тюркской песне

³² Divanı lûgat-it-türk tercümesi. Т. III. İstanbul, 1943, стр. 138. Перевод текста был сделан С. Н. Муратовым, за что автор приносит ему благодарность.

³³ Там же.

³⁴ Там же, стр. 327.

³⁵ Посольства из Ганьчжоу были в 1004, 1007, 1008, 1011, 1021 и 1027 гг. См.: Д. Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 117—120.

рассказывается о войне 1028 г., а под городом Хатун-сыны следует, вероятно, понимать город Ганьчжоу.

Таким образом, долголетние войны тангутов с уйгурами закончились победой тангутов и потерей уйгурами своих восточных владений, которые они никогда не смогли больше возвратить. Часть уйгурских племен откочевала на запад, а часть осталась под властью тангутов. Эти племена «укрылись в горах. Все они были вассалами тангутов и несли повинности»³⁶.

Победа тангутов, хотя и нелегкая, объясняется тем, что молодое тангутское государство имело дело с противником, ослабленным внутренней раздробленностью и враждой между ханами.

Завоевание тангутами земель Принаньшанья и Алашаня имело большое значение для молодого тангутского государства. В Принаньшанье оно получило плодородные пахотные земли, а в Алашане превосходные пастбища, в то время богатые скотом, особенно верблюдами. Верблюд, с которым тангуты познакомились от уйгуров, вскоре занял ведущее место в хозяйстве тангутов-кочевников Алашаня. Позднее, после завоевания Си Ся монголами (1227 г.), разведение верблюдов широко распространилось среди монгольских племен³⁷. Земледельческая культура уйгуров и проживавших в этих районах китайцев оказала большое влияние на развитие земледелия в Си Ся. Вполне вероятно, что тангуты восприняли и лучшие достижения уйгурского ремесленного производства (особенно изготовление оружия и ковров).

Несомненно, что уйгуры сыграли большую роль в распространении буддизма в Си Ся. Многочисленные буддийские храмы уйгуров³⁸ продолжали функционировать и при тангутском господстве, а ученые уйгурские монахи были вовлечены в дело пропаганды нового учения среди тангутских племен. Уйгуры проделали большую работу по переводу буддийских сутр с китайского на тангутский язык.

В 1047 г. Юань-хао построил монастырь Гаотай (близ своей столицы города Синцин, современный Иньчуань). В этом монастыре тангутское правительство собирало все пожалованные китайцами сутры. «При монастыре жило много уйгурских монахов, которые обрабатывали присланные китайцами сутры и готовили их для перевода на тангутский язык и записи тангутским письмом»³⁹. В 1055 г. после получения очередной партии текстов буддийских канонов из Китая, близ столицы был построен новый монастырь Чэнтяньсы, в который эти тексты были переданы на хранение. Тангутский двор, государыня — регентша и малолетний государь Лян-цзо часто посещали этот монастырь. Во время их визитов уйгурские монахи «усаживались на возвышение и вслух декламировали сутры»⁴⁰. В 1067 г. тангутский двор подарил киданьскому двору сутру на санскритском языке и золотую статую Будды вместе с уйгурскими монахами⁴¹.

Тангуты составляли подавляющее большинство населения в государстве Си Ся, но тангутская культура восприняла лучшие достижения и

³⁶ «Си Ся цзи», цз. 8, стр. 20а.

³⁷ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 36.

³⁸ В 982 г. китайский путешественник Ван Янь-дэ писал: «В столице их находится больше 50 храмов, посвященных индийским богам, с библиотекою, содержащею в себе буддийские книги». Д. Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 130.

³⁹ «Си Ся цзи», цз. 11, стр. 9а.

⁴⁰ «Си Ся шу ши», цз. 19, стр. 116.

⁴¹ K. Wittfogel and Feng Chia-sheng. History of chinese society; Liao. Philadelphia. 1949, p. 294.

традиции других проживающих здесь народов, особенно китайцев, тибетцев и уйгуров. Китайские источники показывают, что представители всех народов, населявших Си Ся, успешно трудились в государственных учреждениях, школах и монастырях. Никаких существенных ограничений по признаку национальной принадлежности, по-видимому, не существовало.

Представители завоеванных тангутами уйгурских племен внесли свой вклад в создание высокой и еще мало изученной культуры Си Ся.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

К. ЖҮНІСБАЕВ

КАЗАҚСТАННЫҢ XVII—XVIII ҒАСЫРЛАРДАҒЫ ТАРИХЫНА БАЙЛАНЫСТЫ ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕГІ ҚЕЙБІР ТАРИХИ ДЕРЕКТЕР ТУРАЛЫ

XVII—XVIII ғасырлардағы Қазақстан тарихына байланысты жергілікті (түрк тілдеріндегі) тарихи деректер деген диссертациялық еңбекті бірнеше жылдар бойы зерттедік. Осы мақаланы еол еңбектің бір үзіндісі ретінде беріп отырмыз.

Зерттеген деректерге сүйене отырып, осы мақаланы жазған кезде алдымызға мынадай мәселелерді шешу үшін мақсат етіп қойдық.

1. Қазақ халқының өз тілінде жоғарыда көрсетілген ғасырларға байланысты тарихты толықтыратындай дерек-мағлұматтары бар ма?

2. Бұл деректер бұрынды-сонды ғылым қалпына келіп, тарихи әдебиет бетінен орын алды ма?

3. Қазақ тіліндегі деректердің қажеттілігі қайсы, құндылығы қандай, кеміс-кемшілігі, қиындығы, жетіспейтін жағы неде?

Маркстік-лениндік методологияға сүйене отырып, жергілікті қазақ тіліндегі деректер жөнінде өз пікірімізді қорыта келіп, бұл мәселе туралы туған көзқарасымызды осы мақалада баяндауды мақұл көрдік.

Жоғарыда қойылған сұраулардың бәріне көлемі қысқа бір мақалада толық жауап беру оңай емес.

Қазақ халқының ерте заманда және орта ғасырларда жазылып қалған тарихы болмағандығы мәлім. Бірақта, XVII—XVIII ғасырларға байланысты қазақ тілінде тарихи мағлұмат беретіндей бірнеше деректерді атап көрсетуге болады.

Олар:

1. Қазақ тіліндегі ескі қолжазбалар. 2. Қазақтың шежірелері. 3. Әдеби мағлұматтар (тарихи өлең, жырлар, аңыз, мәтел-мақалдар т. б.).

Қазақ тіліндегі ескі қолжазбалар

Қазақ тілінде қолжазбалар өте сирек кездеседі, бірақ болған. Кейінгі кезде зерттеген адамдар таба бастады. Осы күнге дейін қазақ тіліндегі деректерді әдейі арнап зерттеген оқымыстылар жоқтың қасында болды. Сондықтан да, қазақ тілінде жазба мағлұматтар жоқ деуге болмайды. XIX ғасырда қазақ тарихымен шұғылданған орыс және басқа ұлттардың ғылымдары қазақ тілінде қолжазбалардың болғандығын айқындады. Кейбір оқымыстылар тұңғыш рет жергілікті деректерді пайдаланып, оларды орыс және басқа халықтардың тілдеріне аударған.

Этнограф Ә. Дибаяев өзінің бірнеше мақалаларында алғашқы деректерді қазақ қолжазбасынан алған¹. XIX ғасырда баспасөз бетінде қазақ тілінде қолжазбалардың барлығы туралы бірнеше мақалалар жарыққа шықты. Мәселен 1861 жылы «Северная пчела» журналының 4-санында С. Бабаджановтың² «Қазақтың қазақтар туралы жазғаны», 1860 жылы «Русский вестник» журналының 17 санында «Жер аралаушы қазақтар» деген П. Небольсиннің³, 1894 жылы «Астарханский вестник» газетінде Алектровтың⁴ «Қазақтардың қолжазбалары», «Қазақтың жазба әдебиеті» деп аталатын мақалалары басылған. 1935 жылы проф. Асфендияровтың⁵ редакциясымен шыққан «Прошлое Казахстана в источниках и материалах» деген жинақтың 92-бетінде: «XVII ғасырдың басында қазақ тілінде Жалайыр руынан шыққан қазақтың жазған жылнамалары жинағын И. Н. Березин орыс тіліне аударды» делінген. Немесе, М. Сыздықов «Несколько слов об одной киргизской рукописи, список с которой принадлежит обществу археологии, истории и этнографии» деген мақаласында қазақ тіліндегі қолжазбалардың бар екендігін айқындайды.

Айрықша назар аударатын бір материал — ол бұрынғы Ташкент уезі, Ақжар болысына қарасты Молдакөбей Тоқфулатовтың қолжазбасы.

Бұл қолжазба көп уақыттар бойы Ташкенттің Ноуай атындағы орталық кітапханасында сақталып келді. Кейін Ташкенттің Шығыс тану институтындағы қолжазбалар қорына берілді. Біздің қолымызда бар қолжазбаның толық емес фото копиясының өзінде қазақтың бірнеше тарихи аңыздары мен қазақ, өзбек арасындағы қарым-қатынастарға байланысты тарихи жазба мағлұматтар сақталған. Этнограф Дибаяев өзінің бірнеше жазған мақалаларындағы деректерді осы қолжазбадан алғандығы байқалады. Сондықтан біз осы қолжазбадан үзінді келтіріп отырмыз: «Өзінің батылдығы, іскерлігі, жігерлілігі арқасында Юнус Ходжа көптеген қалаларға әкім болды. Ол қалалар: Шымкент, Сайрам, Әулиеата, Туркестан және Ақмешіт. Юнус Ходжа өзінің әскерлерін тек қана қазақтардан құрушы еді. Юнус Ходжаның әскерлеріне негізінен Қаңлы, Шанышқылы, Бағыс, Рамазан т. б. рулардан шыққан қазақтар алынаын. Юнус Ходжаның Ташкентте тұратын әскерлерінің басында мына адамдар: Қаңлы руынан — Қоджам Сейт батыр, Ғайыпмырза батыр, Бөлек батыр, Қалы батыр, Исамбай батыр, Жабағы батыр, Қырықсадақ батыр, Ырысқұл батыр, Дәрткен батыр, Жәнтелі батыр, Қазбек батыр, Құлай батыр т. б. Бағыс-Рамазан руларынан — Айқымбай батыр, Мыңбасар батыр, Ырысбек батыр, Жулан батыр, Есенгелді батыр т. б. болды»⁶. Бұл қолжазбада қазақтың шежірелері, қазақтың шығу тарихы және бірнеше қалалар туралы құнды мағлұматтар айтылған.

Кейінгі кезде жиналған Қазақ ССР Ғылым академиясының Орталық ғылыми кітапханасында сақталған бірнеше қолжазбалар⁷ бар. Атап айтқанда: 1. Қазанғап Байболов «Ер есім», «Төлеби туралы» т. б. қолжазбалар. 2. «Абылайхан мен Бұхар әңгімесі». 3. «Бұхар мен Қоқан

¹ А. Дибаяев. Предание о возникновении азиатского города Ташкента. «Туркестанские ведомости», 1900, № 91; А. Дибаяев. Предание о возникновении узбеков. «Туркестанские ведомости», 1900, № 97.

² С. Бабаджанов. «Северная пчела», СПб., 1861, № 4.

³ П. Небольсин. «Русский вестник», М., 1860.

⁴ А. Алектров. «Астраханский вестник», 1894.

⁵ С. Асфендияров. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Алма-Ата, 1935, стр. 92.

⁶ Кобей Тоқфулатов. Рукопись. Туркестанская гос. библиотека. Ташкент, инв. № 3.

⁷ Қазақ ССР Ғылым академиясының Орталық кітапханасында сақталған қолжазбалар тізімі беріледі.

қандығы туралы». 4. Әртүрлі материалдар. 5. «Балуан Нияз батыр, оның түркмендермен соғысы». 6. «Алатай Жанарқұл туралы поэма». 7. «Ақсақ Темір туралы әңгіме». 8. «Ақылсыз хан». 9. «Абылай туралы материалдар». 10. «Шалгез батырдың өмірі». 11. «Қабанбай батыр туралы». 12. «Олшабай батыр туралы». 13. «Қабанбай батыр туралы». 14. Ә. Дибәев «Материалдар жинағы». 15. С. Бегалин жинаған материалдар. 16. Дінасилов жинаған материалдар. 17. Н. Сәбитов жинаған материалдар. 18. Г. Себепов жинаған материалдар. 19. Мәшүржүсіп Көпеевтің қолжазбалары, т. б.

Бұл қолжазбалар әлі реттеліп, тәртіпке толық келтірілмеген. Жоғарыда көрсетілген қолжазбалардан басқа да бірнеше біз қамти алмаған қолжазбалар бар. Аты аталған қолжазбаларды және революциядан бұрынғы қазақ баспасөзінің бетіндегі тарихи мағлұматтарды зерттеу келешектегі міндет.

Қорыта келгенде қазақ тілінде қолжазбалар бар. Оларды толық жинастырып, іздеп, тексеріп Қазақстандағы тарих ғылымына пайдалануына ендіру тарихшылардың міндеті. Көптеген қолжазбалар өзінің мазмұны жағынан халықтың экономикалық өмірінен шамалы ғана деректер беріп, көбінесе саяси, тұрмыс, салт мәселелерін баяндайды. Әсіресе, Қазақстанның Россиямен, Орта Азия хандықтарымен қарым-қатынасы қолжазбалар бетінен көбірек орын алады. Жонгар феодалдарымен болған соғыс, тарихи аңыз, ертегілер, көбірек келтіріледі. Солай болғанымен де, бұл қолжазбалардың тарихы зерттеушілерге қосымша дерек ретінде мәні зор.

Қазақтың шежірелері туралы

Қазақ тіліндегі деректердің ішіндегі ең бір құндысы — шежіре. Қазақ сияқты көшпелі халықтардың барлығында да шежіре бар. Шежіренің тарих ғылымына толық енгендері Рашид әддин⁸ мен Әбілғазы-нікі⁹.

Қазақ шежіресі туралы бірнеше орыс ғалымдарының, Шығыс ғалымдарының жазғандары бар. Орыс тіліндегі шежіреге байланысты еңбектер төменде көрсетіледі:

1. Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды. «Живая старина», вып. III—IV, СПб., 1894.

2. Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1889.

3. Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. IV. СПб., 1883, стр. 14.

4. Ю. Д. Южаков. Родословная таблица. «Отечественные записки». СПб., 1867, стр. 171.

5. И. Броневский. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды «Отечественные записки», СПб., 1830, т. XII, XIII и XIV.

6. Н. В. Ханьков. Описание Бухарского ханства СПб., 1843.

7. А. И. Левшин. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. СПб., 1832, ч. III.

8. Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897.

9. П. И. Рычков. История Оренбургская. Оренбург, 1896.

XIX ғасырдағы орыс ғалымдары шежірелерді сол кездегі қазақтар арасынан жинап алған. Мысалы, Аристов Ұлы жүздің шежіресін Ботбай руы, Дулат еліндегі 1876 жылы қайтыс болған Диканбай батырдан

⁸ Рашид-ад-Дин. История монголов. Т. I.

⁹ Абулғазы. Родословная тюрков. («Шеджере — и тюркок»). Казань, 1825.

жазып алған. Н. И. Гродеков Сырдария бойындағы қазақтардан естігенін жазып алған. Г. Н. Потанин Мұса Чормановтың жазған шежіресін алған. Ал, Ю. Д. Южаков шежірелерді Шымкент қаласындағы тұратын қазақтардан алған. Н. В. Ханьков өзінің еңбегінде келтірген шежірелерін «Насаб-намә-и Өзек» деген түрк тілінде жазылған ескі қолжазбадан алған.

Осы аты аталған орыс ғалымдары, әсіресе, Н. А. Аристов пен Г. Н. Потанин қазақтың шежірелерін зерттеуге зор мән берген.

Бұл ғалымдар шежірені қазақтың әр жүздерінен алғандықтан (шежіре беруші) адамдардың біліміне байланысты шежіренің мазмұны әртүрлі болып шыққан. Мәселен, Южаков жазып алған шежіреде қазақтың үш жүзді Бақтиардан бастайды. Потанин қазақтың бәрінің ата-асы «Қотан» деп болжайды, одан Ақжол, Алшын, Үйсін деген үш адамның атына байланысты деп көрсеткен. Ал, Гродеков қазақтың атасы «Алаша, одан Байшора, Жаншора, Қарашора» деп баяндайды. Бұл ғалымдардың еңбектерінде шежірелердің әртүрлі болуы заңды нәрсе. Өйткені ертеде біркелкі жазылған қазақтың барлығына бірдей ұғымды шежіре болмаған. Шежірені біздер тарихи дерек деп қарағанда оны бүтіндей шындық деп айтудан аулақпыз. Шежіре тек XVI—XVIII ғасырлар арасындағы оқиғаларды анықтауға басқа жазба әдебиет мағлұматтарымен қатар ғана жәрдемші деректеме бола алады.

Қазақтың шежіресіне қазақ халқының тұңғыш ғалымы Шоқан Уәлиханов та көп көңіл аударған. Ол қазақ шежіресіне сүйене отырып Ұлы жүздің негізгі ру аттарын жазып қалдырған. Шоқан Уәлихановтың жазған шежіресі бойынша «Төбейден, Үйсінді одан Құйылдыр, Мекрелі, Майқы, Қоғам, Майқыдан Абак, Абақтан Бәйдібек, одан Сарыүйсін, Жарықшак, Жарықшактан Албан, Дулат, Суан» т. б. деп айтылған. Шоқан Уәлиханов үйсіндердің ұрандарына тоқталады. Ұранды ол — «пароль, боевой кличь» ретінде қарайды. Шоқанның жазуы бойынша барлық үйсіндердің ұраны Бақтиар. Абақтардікі — Ақшабдар, Тарақтылардікі — Қаблан, Қаңлынікі — Байтерек, Шанышқылынікі — Айырмас, Шапраштынікі Қарасай т. б. көрсетеді¹⁰.

Шоқан Уәлихановтан кейінгі қазақтың кейбір оқыған адамдары шежірені орыс тіліне аударып көрген. Мысалы, Итжемесов Демеубай Найман руының шежіресін орыс тілінде 1889 жылы басып шығарған¹¹.

Қазақ шежірелері үзінді ретінде Батыс Еуропа халықтарының тілдерінде де басылып шыққан. Мысалы, Ануарий Алонзий Мак-Гахань¹² деген Американың әскери журналисі өзінің кітабының «Қырғыз старшинасы», «Қырғыз романы» деген бөлімдерінде қазақтың кіші жүз руларының шежіресінен үзінді берген. Немесе француз ғалымы, профессор Де-Гинь-Дозеф¹³ (1721—1800) қазақ шежіресін пайдаланғандығы мәлім.

Революциядан бұрынғы газет-журналдардың беттерінде де қазақ-татар тілдерінде шежірелер жарияланып отырған. Шежірелер жеке кітапша ретінде де басылып шыққан. Шежірені тарихта дерек етіп алғашқы қолданған Рашид эддин мен Әбілғазы сияқты адамдардың еңбегі дүние жүзі ғылымына қазна болып енгендігі жұртқа мәлім.

¹⁰ Ч. Ч. Валиханов. Родоподразделения киргиз. Архив АН КазССР, фонд 23.

¹¹ Демеубай Итжемесов. О замечательных родоначальниках главного рода Найман. «Особые прибавления к Акмолинским областным ведомостям», 1889, № 28—32.

¹² Мак-Гахань. Военные действия на Окусе и падение Хиви. Лондон, 1875.

¹³ Де-Гинь-Дозеф. Histoire, France generale des Huns, des Tures, des Mongols et des autres Tartares accidentaux. Paris, 1756—1757, 5 volumes. («Франция, Гундер, Турктер, Монголдар т. б. батыс татарларының генералдық (жалпы) тарихы» деп аталған еңбекте).

Мұнымен бірге қазақ шежіресін зерттеген Орыс және Шығыс ғалымдары болды. Олардың еңбектерін біз төменде келтіреміз.

1. Ишанғали Арабаев. «Орынбордан Ташкентке», «Айқап», 1912, № 1, 2.

2. Қәрім Бөтешұлы. «Қазақ шежіресі», «Айқап», 1911, № 3.

3. Молдағали Бектұрлы баласы. «Құлжа шаһарларында жұт», «Айқап», 1915, № 6.

4. «Кейбір қазақтардың рулары туралы хикая», «Дала уалаяты», 1901, № 39—40.

5. «Қазақтың асыл түбінің қайдан шыққанының хикаясы», «Дала уалаяты», 1894, № 20.

6. «Сүйіндік руы туралы аңыз», ДГУ., 1890, № 46.

7. «Өлеңмен жазылған шежіре», ДГУ., 1889, № 28—32.

8. «Үш жүздің шежіресі», «Түркстан уалаяты», 1876, № 16, 17.

9. Нұржан Наушабаев. «Манзумат Казакие». Казань, 1903.

10. «Басқарушыларға келген хаттар», «Айқап», 1912, № 1.

11. «Ульфат», 1906, № 5.

12. «Шора», 1908, № 1.

13. «Шора», 1909, № 13—17. Мұнда қазақ руларының шежірелерімен мағлұматтар берілген.

14. Шаһабатдин Маржани. «Мустафат алаһбар фи аһвали Қазан ве булгар». Казань, 1885, б. 1.

15. Құрбанғали Хамитұғлы. «Товарих хамсә-и-шарки», Казань, 1910.

Бұл жоғарыда көрсетілген қазақ-татар тілдеріндегі шежіреден басқа да архивтар мен қолжазбалар фондыларында, кітапханалар қорында сақталған және халық арасында сақталып жүрген шежірелердің көптеген варианттары кездеседі¹⁴.

Қазақ ғалымдарының шежіреге арнап жазған ғылыми еңбектері болған жоқ, бірақта профессор С. Аманжоловтың¹⁵, доцент М. Ақынжановтың еңбектерінде¹⁶ қазақ шежірелерінен тарихи мағлұматтар алынған. Өзбек оқымыстысы Х. Н. Габитов Өзбекстандағы рулық қатынасқа арналған еңбегінде¹⁷ қазақ, қызғыз, түркмен, өзбек руларының тізімін берген. Академик жазушы Сабит Мұқанов «Өмір мектептері»¹⁸ атты кітабының бірінші бөлімінде шежіреге мән берген.

Жоғарыда біз шежіре Октябрь революциясынан бұрынғы және Совет өкіметі дәуіріндегі кейбір тарихи еңбектерде маңызы зор документ ретінде орын алып келеді дедік. Шежіренің әр түрлі варианттары кездеседі. Қазақ халқының жазба тарихы болмағандықтан да, ғасырлар бойы шежірені жалғыз ғана халықтың тарихы ретінде ұққан. Оның үстіне қазақ арасында рулық қарым-қатынастың қалдықтарының басымдылығы, шежіренің көптеген варианттарының ел арасына тарауына едәуір жағдай жасаған. Қазақтың әрбір азаматы өзінің жеті, он ата-сына дейін білуі, халықтың арасында дәстүрге айналған. Ел арасында ақындар, жыршылар, бақсылармен қатар шежірешілер де болған. Кейбір шежірешілер әрбір рудың ара жігін ашамамын деп оны аңыз-әңгіме-

¹⁴ Өзбекстан орталық архиві. МВД УзССР, Ташкент, «Канцелярияхана Хивинско-го», фонд № 25, немесе «Собрание вакуфных документов», фонд № 23, опись № 1. Шежіре, Немесе, Қазақ ССР Ғылым академиясының Орталық ғылыми кітапханасында Ұлы жүздің шежіресі», № 408. Қазақтың шежірелері, № 1115.

¹⁵ С. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959.

¹⁶ М. Ақынжанов. Қазақтың тегі туралы. Алматы, 1957.

¹⁷ Х. Н. Габитов. Из пережитков родового строя Узбекистана XIX в. Ташкент, 1943.

¹⁸ С. Мұқанов. Өмір мектептері.

мен араластырып бірнеше күн әңгіме ететін болған. Кейбір шежірешілердің көп білетіні бір руды ғана емес, бірнеше рулардың, жалпы қазақ халқының жігін айырып шешетін болған. Шежіреде айтылған оқиғалардың болған мерзімдері қашықтаған сайын, ол түсініксіз болып отырады. Шежіре сөзбен де, өлеңмен де айтылатын болған. Шежіре тыңдаушылар бір жағынан ата-бабаларын бөліп айырып мағлұмат алатын болса, екінші жағынан оны жаттап халық арасына тарататын болған. Ертедегі өлеңмен жазылған шежірелердің тарихи дерек беруі шамалы. Мұндай шежірелердің ішінде мұсылмандық, теріс бағыт беретін керексіз әңгімелер де сақталып келген. Кейбір шежірелерде панисламистік, пантюркистік ұғымдар орын алады. Қазанда, әсіресе, Бахшасарайда шыққан татар тіліндегі шежірелерде осы бағыттар басым келеді. Мысал, халық арасында көп тараған бір шежірені келтірейік.

1. Адам. 2. Чиш. 3. Нуш. 4. Ғайнам. 5. Махлаһим: 6. Берда: 7. Ыдырыс. 8. Ақнуһ. 9. Муташлих. 10. Лимаһ т. б. түсініксіз елу екі мұсылман діні тарихына белгілі адам аттары аталып келеді де, елу үшінші Абулхаир, одан Жәнібек, Жәнібектеңи жеті бала: Ауған, Ноғайлы, Төлеш, Түркмен, Өзбек, Қазақ, Созақ, Созақтан: Қарақалпақ, Төлештен: Қырғыз, Қазақ, одан Қараменде, Қарамендеден үш бала: Байшора, Жаншора, Қарашора. Жаншорадан жеті бала: Арғын, Найман, Қыпшақ, Қерей, Уақ, Тарақты, Қонырат. Қарашорадан бесеу: Алшын, Жаппас, Тама, Табын, Шөмекей. Байшорадан — Жұман, одан Кейкі, Кейкіден, Төбей, Төбейден төрт бала: Майқы, Қоғам, Мекрейіл, Құйылдыр. Мекрейілден Қарачай, Құйылдырдан Мыңжүз, Қырықжүз, Мыңжүзден — Бұлғар, Қырықжүзден Қабардин, Қоғамнан екі бала: Қаңлы, Шанышқылы. Майқыдан бір бала: Бақтиар, одан екі бала: Ойсыл, Үйсін. Ойсылдан бір бала: Сіргелі. Үйсіннен екі бала: Ақсақал, Жансақал. Жансақалдан — Жалайыр, Ақсақалдан бір бала: Қарашаби. Қарашабиден екі бала: Байтулы, Бәйдібек, Байтулыдан Шақшаң. Бәйдібек үш әйел алған. Бәйбішесі — Сара (Мамырай), Ортаншысы — Зеріп, тоқалы Домалақ (Бибисара). (Домалаққа байланысты аңыз бар). Бәйдібектен — Сарыүйсүн екінші әйелінен Жалманбет туады. Үшінші әйелінен Жарқышақ туады. Жарқышақтан үш бала туады: Албан, Суан, Дулат. Дулаттан төрт бала Ботпай, Шымыр, Сиқым, Жаныс. Шымырдан төрт бала Көкірек, Сәмбет, Бестерек, Күнту. Сиқымнан төрт бала: Қусирақ, Аққойлы, Қарақойлы, Қапал. Жаныстың үш әйелі болған: Бәйбішеден үш бала: Жарылғамыс, Жаңту, Жантақ. Екінші әйелінен: Қапал, Шегір. Үшінші әйелінен: Оймауыт, Бөкенші, Жарылғамыстан екі бала: Бәйімбет, Жәлімбет. Жәлімбеттен — Бесқалмақ деген бір бала. Бәйімбеттен үш бала: Елтүзер, Ораз, Бұқар, Жәлімбет, Қонырат Қызылбидің қызы Мапыраштыны алады. Одан Шапырашты деген ұл қалады. Ол бір жасқа келгенде Қарашашты алады. Қарашаштан Ошақты туады. Қарашаш өлгеннен кейін Жәлімбет Сыландыға үйленеді. Одан Ысты туады. Бұл үш баланы да Сыланды (соңғы әйелі) өсіреді. Ыстыдан екі бала: Ойық, Тілік. Ойықтан төрт бала: Қызылқұрт, Көкшекөз, Сәтек, Аузыүсіген, Аузыүсігеннен төрт бала: Есім, Малай, Құланшы, Таз.

Шапыраштыдан үш бала: Малдыстық, Желдістық, Қылдыстық, Желдістіктен екі бала: Асыл, Шыбыл, Асылдан үш бала: Орынбет, Әжіке, Өмір, Өмірден екі бала: Теке, Төлеміс, Шыбылдан — төрт бала: Иманша, Ибақ, Байыс, Сары. Иманшадан бір бала — Жәдік. Ибақтан бір бала: Құлжұдырық. Сарыдан екі бала: Байғұлақ, Шөпшек. Қылдыстықтан бір бала: Айқым. Айқымнан екі бала: Қайдауыл, Сейтқұл. Сейтқұлдан бір бала — Көнтеқ. Қайдауылдың екі әйелі болған. Бәйбішеден — Әйтеқ, тоқалдан төрт бала: Сырымбет, Жарымбет, Медеші,

Жолай. Жарымбеттен екі: Алдияр, Үсен. Сырымбеттен екі: Құл, Сарт. Құлдан бір бала — Байшұқырсары, Сарттан үш: Жаман, Қоңыр, Кедей. Кедейден екі: Алтынбай, Төлебай, Малдыстықтан екі бала: Екей, Еміл. Емілден бір — Жайық. Жайықтан бір бала — Сүйіндік. Еміл өлгеннен кейін Емілдің әйелі тегі түркмен Есқожа деген адамға күйеуге шығады. Бұдан екі бала туады. Алтынай, Шуаш, Шуаштан бір бала — Таңатар. Алтынайдың үш әйелі болады. Бірінші әйелінен — Бессары, Болай. Екінші әйелінен — Тоғызтоқпақ, Шағаман. Үшінші әйелінен бір — Қарасай. Қарасайдан үш бала: Түркмен, Өтеп, Қөшек, Түркменнен, Тілеу, Жарылғап (бірінші әйелінен). Екінші әйелінен — Қызылқұрт, Түктіқұрт. Үшінші әйелінен екі: Малғара, Жылғар (Аңыз. Жылғар деген баланың шешесінің аты екен. Жылғар Қалмақтың қызы екен. Шешесінің атынан баланы солай атапты). Түктіқұрттан төрт бала: Бәйтелі, Қаумен, Жәпек. Бұлардан басқа Қарасайдың тонды балалары болыпты. Олар: Тайторы, Әуез, Төретұқым, Қошқар. Екейдің екі бала: Жарымбет, Бәйімбет. Жарымбеттен үш бала: Әнти, Қосай, Баянай. Бәйімбеттен төрт бала: Дербіз, Сарқұл, Бердіс, Ақтөбет¹⁹.

Шежіренің жоғарыда көрсетілген түрін басқа тарихи мағлұматтарға сүйенбей жеке алғанда тарих үшін пайдасы шамалы, сыдырғы, жалаң толып жатқан адам аттары болып шығады. Егер де, біз шежіренің сыдырғы өзін алмай, шежіреге ғылыми тұрғыдан (тарихи еңбектерде шыққан) архивтегі материалдарды ол рудың өзіне тән таңбасы мен уранын алып, әдебиеттегі (мағлұматтарды) мақал — мәтелдерді, аңыздарды қоссақ (көп алыстамай, XVI—XVIII ғасырлар аралығын алатын болсақ) шежіре арқылы біраз тарихи, әлеуметтік жағдайларды түсінеміз. Атап айтқанда, шежіредегі аңыз және басқа қосымша деректер арқылы XVII—XVIII ғасырлардағы қазақтардың көшпелі өмірінің кейбір мерзімдерін, қазақ руларының жерге орналасу, қоныстану тәртібін, слардың басқа мемлекеттермен қарым-қатынасын, сыртқы жауларымен күресін, ішкі ру арасындағы таптық талас-тартыстың шыға бастағанын, қазақтың көшпелі феодалдық қоғамының біртіндеп қалыптасу сатысын анықтау үшін деректер алуға болады.

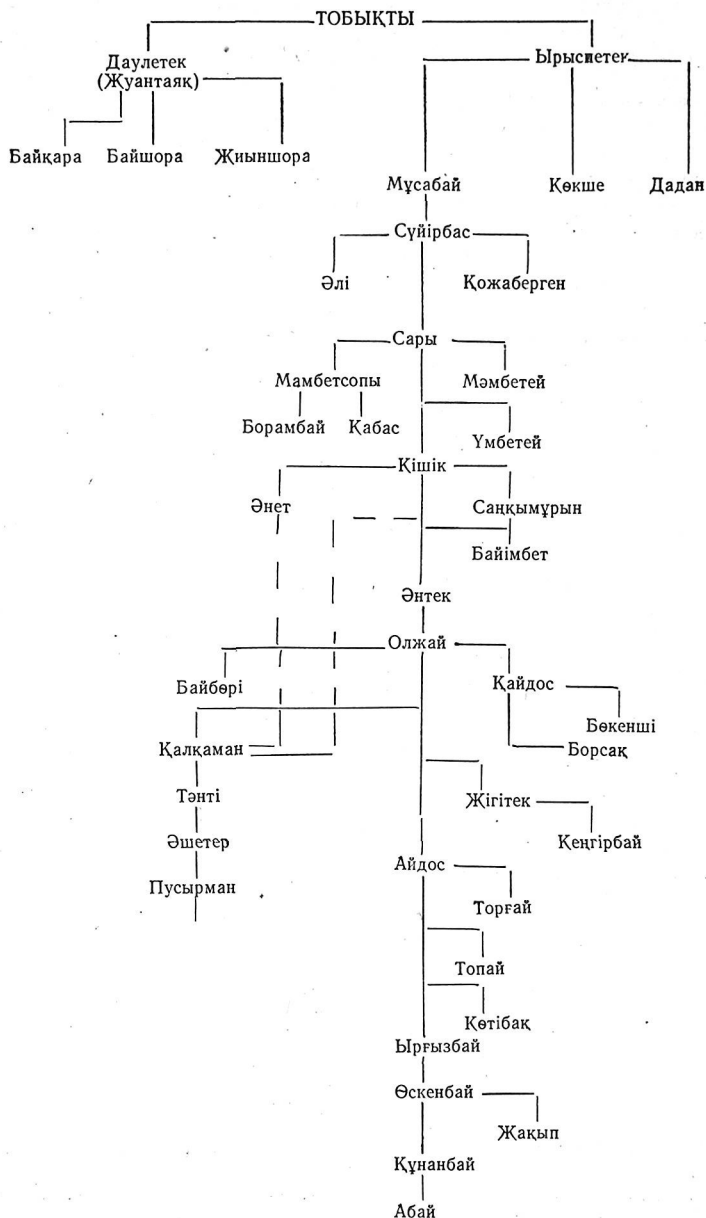
Тек қана қазақ тіліндегі әртүрлі деректердің басын қосып толықтырғанда ғана тарихи шындықты айқындауға болады. Әрбір деректерді жеке алса, ол бір жақты болып шығады. Мәселен, тек шежіре арқылы немесе халық аузындағы аңыз-әңгімені тарихи дерек деп алса, оған таңба, ұран сияқты, тарихи мәні бар белгілерді қоспаса, не болмаса Шығыс, Еуропа әдебиетіндегі, ғылым бетіндегі, архивтағы бар мағлұматтармен салыстырмаса орыс ғалымдарының зерттеген еңбектерімен ұштастырып жүргізбесе — ол дұрыс мәлімет бермейді. Сонымен, шежірені басқа тарихи деректермен қосып қарағанда ғана тарихи дерек береді деп ұғамыз. Осы ретте Абай мен Жамбыл руларының шежірелеріне тоқталайық.

Тобықты руы. Тобықты руы (осы күнгі Семей облысы, Абай ауданында мекендейді) Арғынның басқа руларымен салыстырғанда кейін қалыптасқан ру. Тарихи деректер бойынша Шыңғыс тауының бойына XVIII ғасырдың соңғы жылдары шамасында келген. Тобықты руы туралы, оның тобықты болып аталуы туралы бірнеше вариантта айтылатын аңыз бар. Тек аңыздар ғана емес басқа да толып жатқан әдеби мағлұматтар, мақал-мәтелдер кездеседі. Бұл деректер бойынша Тобықты руы

¹⁹ Бұл шежіре халық арасына қолжазба ретінде көп тараған шежіренің үлгісі болады. Шежіренің несі — Сәтбаев Темірбай. Қазір 73 жаста. Темірбай Сәтбаевтың айтуы бойынша бұл шежіре осыдан отыз жыл бұрын шамасында бір ескі қолжазбадан көшіріліп алынған. Бұл шежірені жазып алғанда Темірбай ақсақалдың қасында Сатыш Тәйтиев, Рахметжан Жолашаров, Сәрсенбек Көпебаев т. б. құрбылары болды.

Тобықты-қалқаман руларының шежіреге сүйенген схемасы:

мал шаруашылығымен шұғылданған, өлең сөзді бұрыннан сүйсіне айта-тын, денелі болып келетін жауынгер етіп суреттеледі.

Әсіресе бір көрсете кететін аңыз-әңгіме — Тобықты руы мен Қалқаман руының бірге туысқандығы туралы. Бұл аңыз бойынша Әнет бабаның кезінде Қалқаман руы өзінің нағашысы Үйсіндер арасына кетіп қалады. Қазіргі кездің өзінде Қалқаман руы Алматы облысының Жамбыл ауданын мекен етеді. Қалқаман руы бөлініп кетер қарсаңында Тобықтылар Сыр бойында тұрған. Шежіре бойынша да, тобықтыдан Қалқаман руы таратылады.

Екінші бір айта кететін нәрсе, тобықты руынан шыққан бірнеше адамдардың есімдері жер аттарымен байланысты. Бұл аңыз бен шежірені біріктіре отырып, тобықты руының қашан, қай мезгілде Шыңғыс төңірегіне келіп орналасқанын байқауға болады. Мұхтар Әуезов «Абай» романының бірінші бөлімінде бұған кең тоқталған.

Бұл шежіре, аңыз тарихи роман мен поэмадағы мағлұматтарды біріктіріп қарағанда XVIII ғасырда Тобықты руы Шыңғысқа қарай көшу жолы, жаңа жерге орналасуы т. б. көптеген тарихи мағлұматтар аламыз.^{20,21,22}

Шапырашты руы. Ұлы жүздің Үйсіні ішінде Шапырашты аз ру. Шапыраштының ураны Қарасай. Шапыраштының таңбасы әліп үстіне қойылған жарты айдың суреті. Қазақтың шежіресі бойынша Шапырашты Бәйдібектен тарайды. Бірақ Дулат Албан-Суанмен салыстырғанда аңыз бойынша аздап төмен тұратын сияқты. Бұл аңызға қарағанда Албан, Дулат, Бәйдібектің өз баласынан тараса, Шапырашты одан бір саты төмен, атасы алып берген некесіз қыздан туған бала болып саналады. Мұның өзі тарихи жағын алғанда Шапыраштының кейін қалыптасқан ру екендігін білдіреді. Шапырашты руы туралы осы күнге дейін халық аузында аңыз болып жайылған мақал-мәтел сөздер кездеседі. Мысалы, Қарасай Шапырашты руына жатқанмен түркменге сүйек жағынан байланысы болады. Шапырашты руы туралы халық арасында мынадай мақал бар. «Шапырашты дегеннің некесі жоқ, өзі сары келеді, шекесі тоқ». Бұл мәтелден осы рудың антропологиялық жағынан қалыптасуына көңіл аударуға болады. Мақал бойынша Шапыраштының түсі сары, мандайлы келеді. Бұдан барлық Шапырашты сары, шекелі келеді деп қорыта алмаймыз. Дегенмен бұл дұрыс сияқты.

Ал, Шапыраштының ұраны болып аталған Қарасай батыр туралы көптеген мақал-мәтел, қолжазба ретінде жүрген поэма да бар. Қазақстанның халық ақыны Жамбыл:

Шапырашты аз ата,
Ұлы жүзде туыста,
Өз әкесі Қашке еді,
Арғы атасы Қарасай.
Бір жақыны Саурық,
Жеуды көрсе шалады-ай.
Тұқым қуған батырлық,
Үзілмей аққан сағадай²³, —

^{20,21} Бұл Абайға байланысты шежіреде кездесетін Торғай, Топай, Көгібақ (Көгімалды), Ырғызбай, т. б. есімдер жер аттарына байланысты.

²² Қалқаман руы қазіргі Алматы облысында тұрады. Шежіре бойынша бұл ру да Тобықтыға барып қосылады.

²³ Ж а м б ы л Ж а б а е в. Сұраншы батыр (поэма).

Ойласаң ертегіден hibарат көп
Жақсыны ел қорғаған көрмейміз
жек.

Ер өткен халқы үшін жанын қиған,
Соларды қате болмас жазсам елтеп,
Ерлердің жақсылығы ұмытылмайды.
Шындықты дұрыс айтса ел тындайды

Қазақ елі өртке болыпты кез,
Жазуда жоқ, ауызша айтылған сөз.
Жәңгір хан елді шауып әлік салды,
Ұл мен қызды күн-күл деп алым
алды.

Алған малда есеп жоқ мүлікпенен,
Қорлық қысып ызамен ел қозғалды.

Үйсіннің бір руы Шапырашты,
Жауына жаны ашымас қаны қасты.
Ер туды, халқы үшін Ер Қарасай,
Қақ жарар атқан оғы қара тасты.
Қарасай ұран шашты өз атымен,
Дұшпаны қарсыласқан болмаған тең.
Қазақтың жалпақ жатқан кең даласы,
Пәледен құтылмақшы күңіренген.
Пәледен құтылатын мезгіл жетті,
Басуға оңай емес шыққан өртті.
Жылында 1660-шы

Қарасай даңқы шықты құдретті.
Қарасай халқы үшін атқа мінді,
Шыдамай жамандыққа неше түрлі.
Ұл мен қыз байлауда зар жылайды,
Жамандыққа өң берген өмір түрі.
Қарасай астыртындап ел жинады.
Неше мыңдай жан болды жиналғаны,
Ханнан хабар білгін деп, Батыршаға
Таңата тимек болды ұйғарғаны.
Батырша ханнан хабар біліп келді,
Сайланып оң батырлар іріктелді.
Бүгін таңнан біз қалсақ жол

болмайды,
Басталсын бүгін таңда бүлік деді.
Хан ордасын біз алсақ қалғаны
оңай.

Мен шапқанда шабыңыз бірін
қалмай,

Аяушылық болмасын дұшпанына,
Кейінгі ұрпақтарың таңқалғандай.
Жетектеп ай тұяғын алып келді,
Ұрандап Қарасайлап ел дүркілді,
Бабам Шапырашты түсіме енді
Атыңа ер жігіттер мінгін деді.
Сексен мен сегіз жасар кел қатарға,
Жамандықта жаны шыдап ер
жатар ма.

Өлсек шейт, өлтірсек бізде әділет,
Қарсы қарап жауменен тұр қатарда.
Бұл қалмақ үш рудан заты бірге
Торғауыт хан тұқымы осы күнгі.
Біз алсақ Торғауытты алдыменен,
Табылмас Шыбыл, Солақ түбірі де.
Сол күні таң Дүйсенбі еді, атқа мінді,
Ту алып Қарасайлап дүрілдеді.
Жатыр еді Қалмақ жауы тәтті

ұйқыда,
Қан ағызып Қалмақты қырады енді.
Бас салды алдыменен қан ордасын,
Жан сауғалап сақтауға әркім басын.
Тозығы біткен киіздей түтіленді,
Естір болсаң сол күнгі тамашасын.

Сол қуғаннан қуылды Сырдан бастап,
Келіп еді басында жерді ластап.
Жетім-жесір, мал-мүлік бәрін тастап,

Нарынқол, Жәркент, Шәуешек қазақ
жері,

Қалмақ сіре баспайды одан бері.
Қырғынын Қарасайдың ұмытпайды.
Қалмақты жер күнірентті еңіреген.
Шапырашты, Қарасай десе біреу,
Батыр ханның баспастай қорқақ болды.
Шапырашты, Қарасай даңқы басқан,
Үлкен ұран Қарасай әуел бастан.
Ұрпағы Қарасайдың ерлер келер,
Дастанға қатарынан тізбектелер.
Туылған бірінен соң бірі ер боп,
Ертеден елге анық, халық білер.

Ер Қараш айқайменен жау қашырды,
Атын білген жаулары аласұрды.
Қараш десе қарсы жау беттемеген,
Сөйткен батыр-ерлерді жер жасырды.
Асыда үлкен-кіші екі тау бар,
Батыр Қараш атымен ол аталар.
Қараштың айқайлаған дауысынан,
Түстік жерде жатқан ел хабарланар.
Ұрпағы Қарасайдың Дәулет, Қаумен,
Алысқан қан ағызып талай жаумен.
Қайратына ер Жәпектің ел шыдамай,
Айқасқан найзасында талай жаумен.
Тұқымы Қарасайдың Дәулет, Жәпек,
Егескен жауларына кетпеген кек.
Қызы еді Халдан ханның Ақтан сұлу,
Соғыста алып шыққан Жәпек өктеп.

Батырлардың аттарын көрсетейін,
Сызылып ретімен енді келді.
Шапыраштан сұрасаң, Қаумен,
Дәулет, Жәпек бар.
Біреуі соның ту алар.
Сатайдан шыққан Байторы,
Сөйлесе сөзден бал тамар,
Жаныстан шыққан Төлеби,
Үш жүзге жеткен даңқы бар.
Сенкібай мен Шойбек,
Сәмен менен Есенқұл
Батырлықта салты бар.
Ұлы жүздің ішінде, Үйсіннен бұлар
тараған,
Халқына қатаң күн туса, қамқорына
жараған...

Бұл үзіндіні поэма ретінде жазылған қолжазбадан алдық. Қолжазбаның иесі Үмбет Даулетбаев Қазақ темір жолының Ұзынағаш станциясында тұрады. Жасы 75-те. Қолжазба араб әрпімен 68 бетке жазылған. Поэманы Үмбет көрня 1928—30 жылдары бір қолжазбадан көшіріп алған. Бірнеше беттері тозған, өшіңкіреп қалған. Қолжазба өлеңмен жазылған. Ара-арасында аңыз ретінде қарасөзде кездеседі. Қосымша түсініктері бар. «Қолжазбаның оригиналы да бар еді, кейінгі жылдарда жоғалтып алып, түгел бәрін көшіріп алмаған екем» деп Үмбет қария өкініш білдірді.

Бұл поэма қолжазбаның мазмұны: Қарасай батыр бала кезінде Шапырашты руын жеке тәуелсіз ру етуді ойлады: «Дулаттың қолтығының астында қанша уақыт жүреміз» деп Шапырашты руын бөліп алмақшы болады. Бөліп алмақ болса, Торғауыт қалмақтар жақсы жердің бәрін

алып қойыпты. Сондықтан қалмақтармен бірінші болып ұрыс бастайды. Бұл 1660 жылда болды делінген. Ұрыста ылғи жеңіп отырады. Өзінің атын айтып шабады. Поэма бойынша оның ұрпақтары да атасына ұқсап батыр болып шықты деп Сатай, Қараш, Жәпек т. б. тарихта болған адамдардың атын келтіреді.

Бұл Қарасай туралы толық емес поэманы, шежіре, аңыз әдебиет, архив мағлұматтарына сүйене отырып тарихи дерек беретін қолжазба қатарына жатқызамыз. Бұл поэмадағы аттар ұлы жүздің шежіресінде кездеседі. (Шапырашты руының схемасын қараңыз). Халық есінде осы күнге дейін аңыз ретінде сақталған. Жер аттарына сәйкес келеді. Мысалы Асы жайлауындағы Қараш тауы Мұхтар Әуезовтың²⁶ «Қараш-Қараш» романы осы тау атымен аталған. Архивтен екі документ келтіруге болады. 1733 жылы Россияның императрицасы Анна Ивановнаға ұлы жүз қазақтарының атынан, ұлы жүз қазақтарын Россияның қоластына алынуын өтінген хатта және 1734 жылы оған қайтарылған жауапта осы поэмада аты аталған адамдар кездеседі²⁷.

Ең соңында 17—18 ғасырларда Жоңғарларға қарсы қазақтардың соғысуы тарихи шындық. Көрсетілген мерзімге байланысты біз келтірген тарихи поэмадан басқа да бірнеше тарихи жырлар бар²⁸. Олар: «Қабанбай батыр», «Бөгембай батыр», «Олшабай батыр» т. б. Бұл жырлардың бәрінде де тарихи оқиға мен аңыз ертегі араласып келеді.

Әдеби деректер (тарихи өлең, жырлар, аңыз, мәтел, мақалдар).

Аңыз, әңгіме қазақ тілінде тіпті көп кездеседі. Бұл тарихи аңыз-әңгімелер арқылы мазмұнына қарай іріктеп оларды неше түрлі топқа бөлуге болады. Аңыздар жеке адамдарға, қалалар тарихына, жерге, руларға, батырларға, тапқыр ой иесі болған адамдарға байланысты болып кездеседі. XVII—XVIII ғасырлардағы аңыз-әңгімелердің көбі Жоңғар жаулаушыларына қарсы қазақ халқының соғысына, Орта Азия хандықтарымен қарым-қатынасына арналады. Бұл тарихи аңыздардан қазақ халқының шаруашылық-әлеуметтік жағдайын, сыртқы мемлекеттермен қарым-қатынасын, ішкі тап-тартысын т. б. жағдайларды айқын көрсетпесе де жалпылай бейнелейді. Мәселен, қазақ арасында мұсылман дінінің оншама көп тарамағандығы туралы «Көгелдаш медресесі» деген аңызды келтіруге болады. Түрлі руларға байланысты Қанлы, Адай рулары туралы, Тобықты руы туралы т. б. аңыздар кездеседі. Қазақ халқы осы көптеген аңыздардан тарихи жырлар, поэмалар²⁹, домбырамен тартатын күйлер шығарып отырған. Атап айтқанда Жамбылдың «Өтеген батыры», Исаның «Алтай ертегісі» поэмасы немесе «Ақсақ құлан», «Аққу», «Қасқырдың ұлығы»³⁰ сияқты күйлер.

Мысал ретінде бір-екі тарихи аңыздарға тоқталайық.

Өтеген батыр туралы аңыз. Жамбыл Жабаевтың Өтеген атты поэмасы тарихи поэма. Өтеген батыр туралы халықтың арасында көптеген аңыз, әңгімелер тараған. Өтегеннің есімімен тау, жер аты аталған. Өтеген деген жер, тасты, шилі, бұталы келеді. Қар жатпайды. Өтеген төбесінің күн шығыс жағы Бозой деп аталады. Күн батыс жағында Қараой деп аталатын жер бар. Сонымен Өтеген есімімен аталатын жер

²⁶ М. Әуезов. Қараш-қараш, 1960.

²⁷ Сборник «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.» Документы № 44, 54, стр. 118—119, 101—102.

²⁸ «Қазақ әдебиеті тарихы», 1 — том, 172—175-беттер.

²⁹ Е. Ысмайылов. Ақындар, 136—147, 298—299-беттер.

³⁰ К. Жұбанов. Қазақтың күйлерінің шығуы жайындағы тіл және тарих деректері. 1936.

Бозой мен Қараой аралығында. Бұл Алматы қаласынан 120—130 шақырым жер. Өтеген тауы Бозойға өте жақын тұрады. Өтеген туралы халық аңызында:

Үйсінде жақсы өткен Ер Өтеген,
Басына алтын мүйіз ол көтерген.
Аралап он сегіз жыл Азияны,
Жерлердің адам баспас бәрін
көрген... —

деп жырланады. Енді Жамбыл Жабаевта³¹:

Хикая емес бұл өлең,
Өз жанымнан шығарған.
Есімде жоқ осы жыр,
Қайдан қалай алынған.
Алайдағы тарихтың
Аузында халықтың,
Аңыз қалды өлместей,

Жетісу еді мәулеті.
Дулат еді руы... —

деп жырланған.

Жамбыл Жабаев жырлаған Өтеген батыр туралы поэманың негізгі мазмұны мынада: Өтеген батыр халқына жайлы, шаруашылыққа қолайлы қоныс іздейді. Көп елдерді аралайды. Бірақ өзінің жеріндей шұрайлы жер кездестіре алмайды. Өтеген батыр Бозой жері туралы былай деп айтыпты:

«Құдайдың құдреті күшті болса, Бозойды аттың сауырына бөктеріп кетер едім».

Өтеген батырды Дулат руының шежіресінен және де қазіргі кезде тірі Өтеген ұрпағынан тараған адамдар арқылы анықтауға болады. 1960 жылы қайтыс болған 95 жастағы Уәли ақсақалдың айтуы бойынша «Өтеген ол кісіге бесінші ата болып кездеседі. Менің әкем Алғадай, Алғадайдың әкесі Шыны, оның әкесі Тарпақ, Тарпақтың әкесі Өтеген, оның әкесі Өтекүл, одан ары Сырымбет, Бухат, Бәйімбет — Жарылғамыс, Жаныс, Дулат» болып таралады деп баяндайды.

Бұл деректер бойынша Өтеген батырды XVIII ғасырдың аяғында өмір сүрген адам деп айта аламыз. Жерге байланысты аңыздың шығуы XVIII ғасырдың аяғы — XIX ғасырдың басында қазіргі Алматы облысының Еңбекшіқазақ, Шелек, Іле, Жамбыл, Қаскелең, т. б. аудандарына қазақтар келіп орналаса бастаған. Өтеген сияқты адамның осы кезде Дулат руының атынан келіп жер шолуы мүмкін. Бұл пікірді дәлелдеу үшін және бір аңыз келтірейік:

Шапырашты руының Іле суынан өтіп Алматы төңірегіне орналаса бастауы туралы аңыз. XVIII ғасырдың соңғы жылдарында Шапырашты руы Алматы төңірегіне келіп орналасады. Бұрын бұл жерлер қалмақтардың қолында болған. Қалмақтар Алматы төңірегінен кетерде мұндай әдемі, бай, мәуелі, сулы-тоғайлы, жемісті жер кездеспес деп жылап кетіпті. Қалмақтардың жылауы:

Үш шабдар менің жерім-ай,
Балдырғаны білсектей,
Алмасы бар жүректей
(Үш шабдар дегені Түрген,
Талғар, Алматы екен).

Енді бір өлеңінде қалмақтар:

Самал тау салқын Көктөбе,
Енді бізге жоқ төбе, —

³¹ Ж а м б ы л Ж а б а е в. Шығармалар. 1950, 192-бет.

деп жылап кетіпті. Қалмақтар кеткеннен кейін Алматы төңірегіне мына төмендегі рулар орналасқан екен: Дәулетбай руы-Ақши, Таутүрген деген жерлерге, Сатай руы — Түрген, Талдыбұлақ, Жаманбұлақ, Бақтияр, Белшабдарға. Әжіке, Шыбыл руы — Қөгалажар, Қарашенгел, Орынбет руы — Белшабдар, Асылбұлақ бойына орналасқан. Екей руы — Ұзынағаш, Қаракастек, Айқым руы — қарғалыға орналасқан. Есқожа руы — ұзынағаш, Чамолған орталығына орналасқан т. б. Бұдан бұрын бұл рулардың барлығы. Іленің арғы жағында жүрген. Бұларды бастап келген адамдар болған. Олар: Артық, Шоқан, Қоңақбай т. б. атына байланысты. Кейінірек Әлі төремен бірге екі жүз үй Төленгүт келеді. Бұл аңыздан қазақ руларының жерге орналасу тарихын байқауға болады. Міне дәл осы кездерде Өтеген батыр бастаған бір ру бөлімшесі де Жетісу төңірегінде жер іздеуі және Алматы бойына келіп орналасуы да мүмкін.

Қазақ әдебиетінің тарихи дерек беретіндігі туралы Қазақстан ғалымдары: профессор Х. Жұмалиев «Қазақ әдебиетінің» бірінші томында — «Қазақ әдебиетінің тарихы бар. Қазақ әдебиетінің тарихының басы Бухар жырау дейміз»³² деп көрсете келіп Бухар жырау Қалқаман ұлының т. б. жыраулардың өлең-жырларына тоқталады. Жыраулардың шығармаларында көптеген тарихи мағлұматтардың бар екендігін көрсетеді. Бұл пікірден қазақтың Бухардан бұрын рухани мәдениеті болмады, немесе басқа бір саяси әлеуметтік жағдайларға байланысты, әдебиет тарихы бірден пайда болды деген қортынды шыға қоймайды. Тек қана Бұхардың есімімен қазақтың жазба әдебиетін бастайды. Қазақтың ауыз әдебиеті өте бай болған. Қазақ сияқты «Көшпелі елдің аңшылық, бақташылық, жаугерлік өмірінен неше түрлі ертегі, әңгімелер, екіпінді күйлер, жырлар шыққан»³³ деп көрсетті қазақ совет әдебиетінің негізін салушының бірі — Сәкен Сейфуллин. Қазақстанның атақты сыншысы проф. Е. Ысмайылов — халықтың ғасырлар бойы басынан кешкен қуанышы мен қайғысы, жақсы өмірі, бақыты туралы үміт армандары, өзінің тіршілігі, тәуелсіздігі жолындағы ерлік күрестері, сүйіспеншілігі мен өшпенділік сезімдері — барлығы халықтың өлең, жырларында, ауыз ертегі, дастандарында белгіленген³⁴, дейді. Академик, жазушы Мұхтар Әуезов әдебиет тарихына тоқтала келіп, біздің зерттеп жүрген дәуірімізге байланысты былай деп жазды: «XVIII ғасырдағы тарихи өлең, жырлардың негізгі тақырыбы батырлар жырындағы сияқты қазақ халқының Жоңғар феодалдарына қарсы күресі болды. Бұл кезеңнің тарихи жырларының батырлар жырынан айырмашылығы сол, бұларда оқиғалар шын болған және халық тарихына белгілі із қалдырған батырлардың есіміне байланысты баяндалады». Қазақ ССР Ғылым академиясының көрнекті ғалымы академик Ә. Марғұлан көптеген ғылыми еңбектерінде қазақ ауыз әдебиеті туралы өте құнды ғылыми пікірлер айтты және Қазақстан оқымыстыларының ішінде бірінші болып фольклорлық мағлұматтарды тарих ғылымына дерек ретінде ендірді.

Қазақ әдебиетінде қазақ ғалымдары көрсеткендей, әсіресе XVII—XVIII ғасырларға байланысты тарихи деректер өте көп. Біздер үшін бұл бір игерілмеген тың. Осы кең қазынадан зерттеп отырған дәуірімізге байланысты кейбір тарихи өлең, жырларға тоқталмақпыз.

Қазақтың Жоңғарларға қарсы күресі, тарихқа белгілі ақтабан шұбырынды сияқты оқиғалар қазақ, қарақалпақ халықтары арасында бір-

³² Х. Жұмалиев. Қазақ әдебиетінің тарихы. I-том.

³³ С. Сейфуллин. Қазақ әдебиеті, I — кітап, «билер дәуірінің әдебиеті», 1938, 40-бет.

³⁴ Е. Ысмайылов. Ақындар. Монография, 1960.

неше варианттарда айтылатын көптеген өлең, жырлар ретінде сақталған. Мысалы, Қарақалпақтың әйгілі жырауы Жиен жыраудың екі поэмасын келтіруге болады. Бұл поэманың екеуі де Қарақалпақ әдебиеті бетінен орын алған. Бірінші «Босқан ел»³⁵ поэмасында Қарақалпақтардың Түркістаннан қалайша, не себепте көшкендігі айтылған. Екінші «Қош болындар, Достар» деген поэмасында Қарақалпақ халқының басынан кешірілген қиындық қорлығын, аштық, жалаңаштығын айта келіп, олардың Хорезмға барып орналасуы баяндалған. Міне дәл осы сияқты қазақ халқының арасында да XVII—XVIII ғасырларда пайда болған көптеген тарихи жыр, поэма өлеңдерді, домбырамен тартылатын зарлы-мұңды күйлерді келтіруге болады. Мысалы, тарихи поэмалар: «Олжабай батыр», «Жабай батыр», «Қарасай батыр», «Қабанбай батыр», «Сатай Бөлек батыр», т. б. тарихи өлеңдер: «Қапқағылған», «Шаңды жорық», «Қаратаудың басынан көш келеді», «Бұхар жыраудың Абылайға айтқаны», т. б. Филология ғылымының кандидаты Ж. Досқараев жақын арада «Қаратаудың басынан көш келеді»³⁶ деген өлеңнің жаңа бір вариантын Қазақ ССР Ғылым академиясының хабарларында басып шығарды. Осы Өлеңнен бір үзінді келтірейік:

Қаратау кош аман бол, ата мүлкі,
Ел менен мал екен ғой жердің көркі.
Байлық пен даңқы кеткен қазақ елі,
Қай жұртқа болып кетеміз мазақ
күлкі.

Үш жүздің қонысы еді Қаратауым,
Қош енді көреміз бе, көрмейміз бе?
Қазақ елі өскенбіз бір ортадан,
Кеңес шығар кемеңгер қариядан.
Көргенде бір-біріне мейірбан бол,
Қозыдай анасына жамырасқан.
Ұмытпа қазақ елі ұраныңды,

Өлеріңде ұлына өсиет қыл,
Қайтадан Қаратауға құралуыңды.

Бұл өлеңнің мазмұны Жоңғар жаулаушылардың шабуылына қарсы қазақ халқының басынан кешірген ауыр халі, елі мен жерінен қостасуы, мұны-зары, келешектегі үміті болған. Осы сияқты жоғарыда көрсетілген тарихи өлең, поэмаларда Жоңғар феодалдарына қарсы қазақ халқының тарихта ақиқат болған, әділетті соғысының кейбір кезеңдері бейнеленеді.

«Ақтабан шұбырынды» сияқты халықтың басына түскен ауыр халі, азаттық үшін батыл соғысы, бұл соғыста өзін көрсете білген Қарасай сияқты батырларын дәріптеген поэмалар, мұңды-зарлы өлеңдердің халық санасында қалмауы да мүмкін емес еді. Аты аталған тарихи өлең-поэмалардың тағы да бірнеше түрлі варианттарының болуы мүмкін. Жиналмаған тарихи поэмалар мен өлеңдер әлі халық арасында көп.

Тек «Ақтабан шұбырындыға» байланысты емес, басқа да хан, бек, би, сұлтандарды келемеж-сықақ қылған өлең, өткір сөз, мақал-мәтелдер көп кездеседі. Мысалы, кіші жүздегі Байұлы руынан шыққан Атақозы деген адам жөнсіз семіріп кеткен хан Қаратайға былай депті:

Өлеңді жерде өгіз семіреді,
Өлімді жерде молда семіреді,
Қаралдысында Қатын семіреді,
Қайғысыз хан семіреді.

³⁵ Очерки каракалпакской литературы. 1959, стр. 28.

³⁶ Ж. Досқараев. Қазақ ССР Ғылым академиясының хабарлары, 2 шығ., (18). 1961.

Молда мен халқының қамын ойламайтын ханға айтылған тура өткір сөз халық арасында ғасырлар бойы сақталған. Осы сияқты халықты қанаушыларға байланысты көптеген мақал-мәтел, сықақ өлеңдер көп кездеседі. Бұл мәселеге екінші бір еңбегімізде тоқталамыз.

Қазақ әдебиеті сияқты халықтың кең қазынасында тарихқа дерек болатындай көп мағлұмат бар.

Сонымен Қазақстанның XVII—XVIII ғасырлардағы тарихына байланысты қазақ тілінде сақталған тарихи деректерге қазақ тіліндегі қолжазбаларды, шежірелерді және әдеби мағлұматтарды жатады деп білеміз. Көрсетілген деректер әлі толық жиналып, терең зерттелген жоқ.

В. П. ЮДИН

НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ В СИНЬЦЗЯНЕ В 1864 ГОДУ

В 1909 г. в составе коллекции рукописей Н. Ф. Петровского из Восточного Туркестана поступила небольшая рукопись, включающая в себя, по сообщению К. Г. Залемана, три различных сочинения на персидском, арабском и тюркском языках. Сейчас эта рукопись хранится в Рукописном отделе Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР под общим названием — *شعار در نعت حضرت خان خوجام پادشاه* — шифр С 584 (590 оохd)¹. Рукопись эта, как оказалось после внимательного ознакомления с ней, включает в себя не три, а четыре различных сочинения, объединенных в одной тетради по тематическому признаку, так как все они посвящены описанию восстания в 1864 г. в городе Куче и восхвалению достоинств и подвигов ходжей — хранителей мазара 'Арш ад-Дин Вали, вставших во главе этого восстания. Первые два из этих четырех сочинений написаны на персидском языке, вторые два — на уйгурском, введение первого из уйгуроязычных сочинений — на арабском языке. Все сочинения изложены стихами.

Все они представляют значительный интерес для изучения истории восстания 1864 г. в Синьцзяне, так как написаны участниками и очевидцами этого восстания сразу же после его начала. По этому восстанию уже введен в научный обиход ряд источников — сочинений уйгурских авторов². Но если сочинения из рукописи Н. Ф. Петровского и уступают некоторым из уже известных сочинений по количеству в них заключенного материала, то написание их сразу же после начала восстания делает их сведения более заслуживающими доверия. Известно, что такое сочинение, как «Тарих-и аминийа»³ Моллы Мусы, было написано в 1903 г. — почти через 40 лет после начала восстания, «Джам' ат-таварих»⁴ Хаджи Юсуфа закончено в 1908 г. — через 44 года, со-

¹ К. Г. Залеман. Мусульманские рукописи, вновь поступившие в Азиатский музей в 1909—1910 гг. ИАН, серия VI, т. V, 1911, стр. 251—263. Пользуясь случаем, приносім глубокую благодарность сотрудникам ЛО ИНА АН СССР А. Н. Кононову, А. М. Мугинову, С. Н. Муратову, К. Б. Старковой, М. П. Волковой, Э. Н. Темкину, действовавшим в получении микрофильма этой рукописи.

² К. Усманов. Уйгурские источники о восстании в Синьцзяне. «Вопросы истории», 1947, № 2, стр. 87—89; Д. И. Тихонов. Уйгурские исторические рукописи конца XIX и начала XX в. «Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР», 1954, т. IX, стр. 146—174.

³ Д. И. Тихонов. Уйгурские исторические рукописи..., стр. 159.

⁴ Там же, стр. 166.

чинение Мухаммеда Аляма⁵ — в 1893—1894 гг. — через 30 лет, «Тарих-наме-и Якубхан»⁶ Махмуд-бека — в 1899 г. — через 35 лет. Естественно, что за прошедшие после начала восстания годы авторы многое забыли, даты не всегда приводят точно, события в их памяти иногда смешались и накладывались одно на другое. Сочинения авторов рукописи С 584 в этом отношении выгодно отличаются от них и могут сравниться только с поэмой Моллы Шакира «Зафар-наме»⁷.

Ниже излагается содержание этих сочинений и дается их краткая характеристика.

* * *

I. «Рашид ад-Дин-наме» Кари Наджмидина. Название приводится на лл. 2а, 36б, 37а.

Это сочинение в персидских стихах занимает в сборной рукописи листы 2а—37б. На листе 2а читаем: «Эта досточтимая книга, называемая «Рашид ад-Дин-наме», относительно пяти газатов... Хазрат-и Хан-ходжам падишаха...». Лист 13б чистый.

*Глава первая*⁸. «Относительно совета, [устроенного] сливками знатных и избранником эпох Хазрат-и Хан-ходжам падишахом — да приветствует его аллах — с дунганями, и о сражении, [данном] в первый раз, и об одержании победы и об овладении Кучаром» (лл. 3а—4а). Автор сообщает свое имя — Наджмидин, а также говорит о том, что в 1281 г. х⁹ в Кучаре выступил против китайцев глава ходжей Аршад ар-Рашидин, «названный на земле» Хан-ходжой. Он решил истребить неверных Китая. Перед восстанием он держал совет с восемью знатными дунганями. Они решили ночью «бросить врага в огонь». Были приготовлены знамена и копыя.

Глава вторая. «Повествование о ночном нападении и сожжении домов неверных и о том, как сгорел амбань с чиновниками, и об избиении его подчиненных» (лл. 4а—5а). Ночью восставшие ворвались в город. После этого началось избиение «неверных», застигнутых врасплох в постоянных дворах, в лавках, в домах. Восставшие подошли к тому месту, где находился амбань. Они подожгли ворота. В огне погибли амбань, далоя, галадаи и их семьи. Трупы убитых и сгоревших валялись повсюду кучами. Все они «были отправлены в ад» в промежуток времени от первой ночной стражи до рассвета.

Глава третья. «Об отправлении известия дунганями Хазрат-и Хан-ходжаму относительно взятия Кучара и пригласении [его] участвовать [в наблюдении] за убийством неверных» (лл. 5а—5б). Сообщается о том, что на утро в Кучаре началось веселье, слышались звуки музыки. «Эта победа от справедливого бога, в противном случае, как можно противостоять хакану? Таким образом те восемь дунган одержали верх над неверными Китая».

⁵ Там же, стр. 154.

⁶ Там же, стр. 157.

⁷ موللاشاكر. زه پهر نامه. داستان. شينجاك تهديبيات سه نشتي، ئورۇمچى، 1957، (69) № 7، ب. 46—61؛ تاريم، ئورۇمچى، 1957، № 8، ب. 65—82؛ № 9، ب. 63—72.

⁸ В тексте этого и следующего сочинений главы не пронумерованы. Нумерация глав в тексте статьи принадлежит нам. — В. Ю.

⁹ 1864—65 г. н. э.

این کتابست طایفه اسمعی بر اشد الدین امیر و پسران
 عزراست نمسه بجهت خواجگان کرام و زبده سادات
 عظام اسوه او و رسول الله حضرت خاتم
 پادشاه مراد علی علیه السلام کافه المسلمین و ائمه
 و نصیره بجز سید المرسلین و اولاد و اصحاب با

(A. 2a.)

بال کرام و صحیح نظام	درود و تحیات بر صبح و شام
در بیان مشورت نمودن زبده اعیان و بزرگیه دوران	
حضرت خان خوجه پادشاه سلسله بادشاهان بخانیان و جنگ	
نمودن مرتبه اول فتح نصرت یافتن و تصرف نمودن	
گذاخته نامه را بدین	گذاشته خنجرین یا از حرم
تاریخ هجرت چونکه ششینی	هزاره و صد بود شاهان
در بیان از خواجگان	برآمد سرخواجگان کوچا
اسمی اسم ارشد الراج	بمقتضای خواجگان
اکبر است بر قتل قمارچین	نیکو چینی بر کشته

خزانه اول

(A. 3a.)

بید بند آن هر که چون	بگیر از باز بکشید
بیک جانب او را بگیری بود	بیک طرف طبع تقیر بود
چنان محصل آنجا که کویا	که کویا بیست و دو کویا
شما تکلمان مردم او را	پس بیکر بسته بود
در بیان رسیدن تو گمانیان	باستقبال صحرا
و تکلیف نمودن حضرت خواجه و مشورت ساختن	
و نشاندن حضرت خواجه بر تخت حکومت پادشاه	
رسید تو گمانیان پادشاه	بر خواجگان تعلیم آوردن
چو تعلیم کرد و بستند	نمود و تکلیف ساخت

(A. 68.)

Глава четвертая. «Повествование о захвате Кучара, о превращении его из дар ал-харба в дар ал-ислам и о том, как обрадовалось его [Кучара] население» (лл. 6а—6б). Хан-ходже было отправлено послание с приглашением засвидетельствовать достигнутые результаты. «Всех неверных, старших и младших, было тысяча двести, а возможно и больше». Всем им были отрублены головы. Хан-ходжа, получив послание, отправился на место сражения. Всюду гремела музыка, вдоль пути его следования толпился народ. В городе было такое столпотворение, что казалось, что наступил судный день.

Глава пятая. «О прибытии дунган навстречу Хазрат-и ходже и о приглашении Хазрат-и ходжи, и о совете и возведении Хазрат-и ходжи на престол правления и падишахства» (лл. 6б—7б). Прибыли предводители дунган и оказали почет ходже. Они усадили его на золоченое кресло и предложили ему стать ханом, а сами обязались служить. Поскольку из-за восстания в Кучаре всюду началась смута, они предложили ходже отправить по городам и деревням письма с приказом повиноваться ему. В противном случае они грозили покарать любого ослушника. На этом и было решено.

Глава шестая. «Об убийстве Ахмедвана с его приближенными и последователями» (лл. 7б—8б). Когда ходжа воссел на трон, он отправил во все стороны «опытных людей». «Говорящему» [т. е. автору. — В. Ю.] ходжа приказал делать записи об исполнении предписаний веры. Чиновникам в окрестности Сайрама, Бая, Кучара, Шахъяра, Курли, Бугура — горной местности, Кона-Турфана, Комула, Карашара и калмыкам сумулов было отправлено ходжами письмо с требованием повиноваться им. Однако те «вследствие дружбы и [чести иметь] беседы с неверными» внешне выразили согласие с этим требованием, а на деле послушания не оказывали. Один «опытный человек» узнал об этом и сообщил ходже. Тот вспылал гневом и приказал ослушников предать мучительной смерти.

Глава седьмая. «О восшествии на престол Хазрат-и ходжам падишаха — да окажет ему свою поддержку всевышний — и исполнении предписаний прочной веры в окрестностях и по сторонам» (лл. 8б—9а). Один из приговоренных к смерти был ван Ахмед, слух о котором шел по всему Шестиградию. Другой — курбан-беги Кучара, третий — ишикага Шахъяра; всего девять человек из «больших и малых». Их имущество было разграблено дунганами, кучарцами и шахъярцами. Таким образом, Кучар обрел покой. Бежавшие в горы и степи были возвращены в город. Когда Ходжа стал спокоен за свой удел, он возымел желание к военным действиям и организовал войско численностью в десять тысяч человек.

Глава восьмая. «Повествование о втором газате, который был предпринят в сторону Карашара» (лл. 9б—10а). Было подготовлено снаряжение, и руководителем армии назначен «величественный» ходжа. Из Курли и Бугура армия пришла в Турфан. Вечером она подошла к Карашару.

Глава девятая. «Повествование о прибытии в Карашар и об остановке около него, и сражении с неверными того места» (лл. 10а—13а). Когда неверные увидели армию из Кучара, они закрыли ворота. Полагали, что в Карашаре три лака¹⁰ китайцев. Поэтому войско ходжей на прямой штурм не решилось, а пустило на

¹⁰ Лак = 100 000.

город с гор воду рек, которая обрушила стены и затопила город. После этого опять последовал приказ перекрыть реки, и город освободился от воды. Там простояли девять дней. Сибо, солоны и калмыки изъявили покорность. Неверных ограбили, а трупы погибших бросили в реку. Калмыки доставили дурдун, китайский ханфуд и чай. Много золота и серебра было награблено для ходжи и навьючено на верблюдов. После этого войска выступили на Кучар. Известие о взятии Карашара было доставлено Хан-ходже. По прибытии в Кучар, где войско было встречено с большой помпой при громадном стечении населения, согнанного по приказу из города и деревень, Хан-ходже были преподнесены в подарок 40 верблюдов с грузом. После этого войско было поставлено на квартиры.

Глава десятая. «Повествование о третьем газате на Аксу и командовании войсками Са'ид-беком в селении Джам, и о возвращении Хатиб-ходжама — да дарует ему аллах здоровье — в сторону Кучара» (лл. 13а—16а). Лист 13б чистый. Хан-ходжа сообщает воинским командирам о необходимости собрать войско. Было собрано десять тысяч человек. Когда войско было снаряжено и подготовлено к походу, командовать им поручили Хатиб-ходже. Вместе с Хатиб-ходжей был послан Осман-ахун, после чего был передан приказ выступать на Аксу. Из Кучара, Шахъяра, Сайрама и Бая войско прибыло в Хан-Арык. Там к ним пришли жители Кара-Бага (قراباغيان), всего триста человек, и преподнесли ходже коней и верблюдов. Известие о продвижении кучарцев было передано китайцам. Китайцы полагали, что идет пятьсот тысяч конных и без счета пеших, «у всех в руках холодное оружие и на плечах ружья». Китайский амбань потребовал к себе хакима Мухаммед Са'ид-бека. Тот ему сообщил, что он уже имел дело с подобными случаями. В Кашгаре ему приходилось сталкиваться с Валиханом¹¹, которого он и прогнал с поля [боя]. Он обещал собрать войско, которое ему пришлось формировать из людей, не имеющих никакого отношения к военному делу, и снабдить их изготовленным наспех оружием. Например, наконецники копий пришлось сделать из рогов. Амбань передал ему тысячу человек из китайских войск — всех пушкарей и копейщиков.

Глава одиннадцатая. «Повествование относительно прибытия Са'ид-бека в селение Джам и о приводе [им] войска, и о встрече с Хатиб-ходжей — да дарует ему аллах здоровье» (лл. 16а—17а). Войско Саид-бека прибыло в Джам, о чем сообщили в Бай Хатиб-ходже. «По сведениям», в войске у Саид-бека были китайцы, калмыки, дунгане, хотанцы, яркендцы, кашгарцы и андижанцы. Хатиб-ходжа приказал своим войскам выступить навстречу Саид-беку.

Глава двенадцатая. «Повествование о встрече Хазрат-и Хатиб-ходжама с Са'ид-беком и о сражении» (лл. 17а—19а). В прошедшем сражении войско Хатиб-ходжи было разбито. Сам Хатиб-ходжа спасся бегством вместе с сыном в сторону окрестностей Бая. Саид-бек преследовал их до Бая. В бою Саид-бек захватил много трофеев: десятки арб и четыре кареты, груженных различным имуществом; 15 знамен, без счета другой добычи; захваченным имуществом нагрузили 130 верблюдов и двести лошадей. В плен попало 30 человек, среди них Осман-ахун. В бою погибло четверста человек. Затем Саид-бек вернулся в Джам.

¹¹ Валихан-торя — белогорский ходжа, который в 1857 г. предпринял попытку овладеть Кашгарией.

Глава тринадцатая. «Повествование об отправлении письма Са'ид-беком из селения Джам на имя амбаня» (лл. 19а—21а). Саид-бек сообщает о происшедшем в письме амбаню в Аксу. Амбань посылает ему ответное письмо, в котором сообщалось, что от китайского императора ему пожалована должность хакима. Ему предписывалось идти на Кучар, но не проявлять спешки. Обо всем было также сообщено и в Или. Если оттуда пришло бы войско, командование над ним было бы поручено Саид-беку. Ему предписывалось также отправить в Аксу трофеи и пленных. Саид-бек отправляет трофеи и пленных в сопровождении двухсот человек. Пленные были казнены, а головы их выставлены на показ для устрашения непокорных.

Глава четырнадцатая. «Повествование об отправлении амбанем письма на имя Са'ид-бека второй раз» (л. 21б.). Амбань приказал Саид-беку прислать Осман-ахуна, что тот и выполняет. Осман-ахуна бросают в тюрьму.

Глава пятнадцатая. «Повествование о возвращении Хатиб-ходжи в Кучар и о выступлении Хазрат-и Джамал ад-Дина на бой с неверными» (лл. 21б—23а). Хан-ходжа, узнав от Хатиб-ходжи о поражении своего войска, назначает нового командующего — Джамал ад-Дина и собирает войско из 15 тыс. человек, которое и вооружает.

Глава шестнадцатая. «Повествование о выступлении войск ислама на неверных второй раз» (лл. 23а—28б). Войско под командованием Ходжи Джамал ад-Дина выступило из Сайрама и Бая и прибыло в Якарык (يقارىق). Там к ним опять пришли карабагы, которые в качестве проводников повели их на противника по другой дороге. Кучарцы неожиданно нападают на Саид-бека. Пушки у китайцев не стреляли, так как порох, по-видимому, в них отсырел. Китайцы были разбиты. Саид-бек бежал, а за ним и его войско. Одни говорили, что он бежал в Хотан, другие — в Кашгар. Много беглецов утонуло в реке. Погибло около шести тысяч человек. Затем начался грабеж. Была захвачена тысяча верблюдов. Спасшиеся бегством калмыки сообщили о поражении амбаню. Трофеи были отправлены в Кучар. Джамалдин-ходжа¹² ведет войско в Таз Лянгар (تاز لنگر). Там к нему с поздравлениями прибыли Шамсидин-алям, муфти Баки Мухаммед, Кази-ахун, Хатиб-ахун, Шейх-ахун. Прибыли также и иногородние: андижанские мусульмане во главе с Кари Наджмидином — автором этого сочинения, «доброжелателем» которого был прибывший вместе с ним Кари Хамид, купцы Яркенда и Хотана, а также «безродные» кашгарцы. Прибыли во дворец Мамета Са'ида¹³, но его семья уже бежала. Дворец этот со всем его богатейшим имуществом был поручен Кари Наджмидину. После этого войска Джамалдин-ходжи пошли на приступ и овладели китайским городом. Целый день город грабили. Был освобожден из тюрьмы Осман-ахун.

Глава семнадцатая. «Повествование о четвертом газате, который [был предпринят] в сторону Ош-Турфана, и о победе Хазрат-и Хатиб-ходжама» (лл. 28б—31а). Хатиб-ходжа еще раз собрал войско и выступил на Ош-Турфан, который он и осадил. Однако крепость, из которой отстреливались из орудий китайцы, взять было почти невозможно. Жители Ош-Турфана показали кучарцам место, где можно было сделать подкоп и заложить мину. После взрыва в

¹² Так в соответствии с произношением передано имя Джамал ад-Дин-ходжи в этом месте рукописи. Далее собственные имена будут транскрибироваться соответственно их написанию на каждом отдельном листе рукописи.

¹³ Так читается это имя в этом месте рукописи.

образовавшуюся брешь пошли на приступ войска Джамалдин-ходжи и взяли крепость. «Неверные» были истреблены до последнего, кумирни сожжены, город разграблен. Затем войско было отправлено в Аксу.

Глава восемнадцатая. «Об отправлении письма достославными ходжами на имя Хазрат-и Хан-ходжам падишаха — да возвеличит его аллах» (лл. 31а—32а). Между Джамалдин-ходжой и Хан-ходжой состоялся обмен письмами.

Глава девятнадцатая. «О возвращении посланца и прибытии ответного письма» (лл. 32а—32б). В письме Хан-ходжа предписывал Джамалдин-ходже идти на Яркенд. На подкрепление ему посылалось 3 тыс. человек. Он должен был собрать самое меньшее 10 тыс. человек. Через несколько дней подкрепление прибыло, и войско было подготовлено к походу. В Аксу к ним присоединился Муфти-ахун.

Глава двадцатая. «Повествование о пятом газате, который был предпринят в сторону Лай-Масджида и Яркенда» (лл. 32б—34а). Войско выступило на Лай-Масджид, «неверные» [дунгане]¹⁴ которого сдали крепость без боя и со своим оружием вошли в состав войска кучарцев. Затем они двинулись на Яркенд. Город был захвачен без боя, население вышло навстречу. Однако китайцы укрепились в своем городе. Осада в течение трех месяцев не дала результата, только погибло очень много кучарцев. Джамалдин-ходжам, Шейх-ходжа и Муфти-ахун вернулись назад.

Глава двадцать первая. «Повествование об уходе войск ислама на Яркенд и об одержании победы, и об овладении им [Яркендом]» (лл. 34а—35б). Когда прошла зима и наступила весна, войска из Кучи опять выступили на Яркенд. Однако ворота города были уже заперты. Из крепости был открыт артиллерийский огонь, и затем противник вышел на поле боя. Оказалось, что город занят кипчаками и андижанцами. Им оказали поддержку некоторые яркендцы. Обе стороны грабили город, и повсюду творились бесчинства. У кипчаков спросили почему они закрыли ворота, и те ответили, что им приказал Абдрахман¹⁵ сделать это и бить всех, кто придет из Кучара. Лист 36а чистый. На лл. 36б—37б в приписке, написанной неряшливым почерком и с ошибками, автор сообщает, что его сочинение «Рашидин-наме» посвящено Сеид Бахадур гази Хан-Ходжаму и Сеид Бахадур-хан гази Джамалдин-ходжаму и поднесено Джамалдин-ходжаму в надежде на «различные благодеяния и безграничную милость».

* * *

II. Сочинение Гияси. Занимает в рукописи лл. 38а—47а. Оно также написано персидскими стихами и посвящено тем же событиям. Подразделяется на ряд глав с прозаическими заголовками, в которых вкратце излагается содержание главы. Имя автора в тексте поэмы нигде не приводится, также не упоминается и название поэмы. На лл. 46б и 47а, по-видимому, автор этой поэмы приводит свой тахаллус:

دعا کوی تو روز و شب بوده ام
 غیائی تخلص بخود کرده ام
 Я молюсь за тебя день и ночь,
 „Гийаси“ я сделал себе тахаллусом.

¹⁴ Автор называет здесь дунган неверными, так как вскоре они отошли от ходжей и стали действовать самостоятельно, что с точки зрения ходжей было равносильно измене, которую могли допустить только «неверные».

¹⁵ Абдрахман-хазрат — духовное лицо, пользовавшееся большим влиянием в Яркенде. См.: «Таарих-и Эмэние. История владетелей Кашгарии». Сочинение Муллы Мусы, бен Муллы Айса, Сайрамца, изданное Н. Н. Пантусовым. Казань, Типография имп. университета, 1905, стр. 65, 67, 123.

Основным содержанием поэмы являются события, происшедшие после начала восстания 1864 г. в Кучаре.

После краткого восхваления бога и его посланника автор переходит к *первой главе* «О причине возникновения войны дунган Кучара с китайцами Кучара и о поддержке [дунган] сеидами высокого происхождения той страны с людьми и Кучара» (лл. 38а—38б). В этой главе автор говорит о том, что, «так как неверные осмелели в притеснениях, мир также потускнел от их злобы. От хакана [китайского императора] прибыло письмо к амбаню, что дунганам нужно отрубить голову». На военном совете амбань принимает решение истребить дунган. Однако, по-видимому, кто-то подслушал их беседу и передал это дунганам. Группа напуганных дунган обращается к Рашид ад-Дин-хану, и тот решил начать священную войну—газат. Но он заявил, что не питает доверия к дунганам, так как они могут изменить договору. Дунгане Кучара поднимают восстание и одерживают победу.

Вторая глава. «О восшествии на престол абу-л-фатх ва-л-музаффар Бахадур-хана, султана времени, шаханшахагази, обладателя справедливости и милосердия Сеид Рашид ад-Дин-хана...» (лл. 38б—39а). В главе говорится о том, что «в блаженный год и счастливый день имама достался шаху Рашид ад-Дину». Он победил в конце зу-л-хиджжи и в начале [следующего] месяца стал Хан-ходжей на троне¹⁶. Когда об этом услышал амбань Аксу, то организовал войско «из племени неверных, из людей разврата и распутства».

Третья глава. «Достижение до слуха амбаня Аксу [известия] о захвате Кучара, испуг его и организация [им] войска и прибытие войска от Хазрат-и Хан-ходжи на границу Аксу, и посылка амбанем своего войска для сражения, и сражение в Джаме» (л. 39а). Во главе китайских войск был поставлен хаким «подлого происхождения, у которого и отец, и дед были нищими», — Саид-хаким. По приказу амбаня китайцы выступили из Аксу на Джам. Восставшие также выступили из Кучара, Шахъяра, Сайрама и Бая на Аксу под руководством «добронравного ходжи». Под местечком Джам оба войска встретились и в происшедшем сражении многие из кучарцев погибли. Саид-хаким захватил много пленных, которых отправил к амбаню.

В четвертой главе возводится хула на Саид-хакима (л. 39б).

Пятая глава. «О гневе Хазрат-и Хан-ходжи на свое войско и посылке из Кучара победоносного войска второй раз» (л. 39б). Разгневавшийся Хан-ходжа снаряжает новую армию и

¹⁶ См. л. 39а рукописи. По сообщению Моллы Мусы, восстание началось 1-го мухаррама 1281 г. х. Гяси указывает, что восстание произошло в конце зу-л-хиджжи, а в начале следующего месяца, т. е. в мухарраме, Рашидин-ходжа воссел на престол. Сведения этих авторов совпадают, если допустить, что Молла Муса день провозглашения Рашидин-ходжи ханом принял за день, когда началось восстание. Это вполне вероятно, если помнить что Молла Муса писал свое сочинение через сорок лет после начала восстания. Настораживает также и то обстоятельство, что, по Молле Мусе, восстание началось в первый день 1281 г. х. Скорее к этому дню могли приурочить такое торжественное событие, как восшествие на престол. В определенном моменте начала восстания существует большая разнобой. См.: Д. Тихонов, Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане. СВ, Т. V, Ин-т востоковедения АН СССР, М.—Л., Изд-во АН СССР, стр. 156—157. В любом случае предпочтение должно быть отдано местным авторам, а из последних — Гяси, который писал сразу после начала восстания. Согласно его сообщению восстание можно приурочить к концу мая и началу июня 1864 г. н. э.

отправляет ее на Аксу. В Кара-Юлгуне происходит сражение с китайскими войсками, на которых и «свалилось с зенита несчастье». Степь была покрыта трупами неверных. Саид-хаким бежал в Кашгар с двумя спутниками. Амбань Аксу созвал своих предводителей и принес им жалобу на хакима.

Шестая глава. «О победе людей Кучара над неверными и бегстве подлого хакима от дела, и восшествие славного ходжи на престол Аксу, и о победе над неверными вместе с [их] амбанем, и о самоубийстве амбаня, и о беении ходжой в шахские литавры по случаю победы, и о выступлении оттуда на город Уч [-Турфан, или Ош-Турфан.— В. Ю.], и о победе там над неверными, и о гибели амбаня того [города]» (л. 40а). Разбив китайцев, войско из Кучи пришло в Аксу, где ходжа воссел в ханаке на трон. На второй день был произведен штурм крепости под прикрытием ружейного и артиллерийского огня. Крепость была взята, а амбань погиб в огне «как падал», вместе со своей семьей. Другие китайские офицеры также покончили подобно амбаню жизнь самоубийством. Дунгане, которые были в крепости, пришли к ходже с изъявлением покорности. После захвата Аксу войско выступило в поход на Уч. Был захвачен также и этот город и его крепость.

Седьмая глава. «О победе газиев в городе Уче и выступлении Ходжи Назир ад-Дина из Аксу по приказу абсолютного повелителя Бахадура Сеида Рашид ад-Дин-хана—да хранит его аллах милостивый—в Яркенд, и о захвате крепости Лай-Масджид, и о прибытии в Яркенд» (л. 40б). После захвата этих трех городов Хан-ходжа предписал войску идти на Яркенд. По этому приказу из Аксу выступил с большим войском Ходжа Назир. Они достигли Лай-Масджид и там разбили свои палатки перед крепостью. В войске было более десяти тысяч всадников, помимо пеших, которых было без счета.

Восьмая глава. «О прибытии войска Ходжи Назир ад-Дина в Лай-Масджид и об осаде его, и о принятии веры людьми крепости, и о совместном выступлении Мадалойи [с Ходжой Назир ад-Дином] с воинским оружием» (лл. 40б—41а). Мухаммед Али, который в качестве далойи был во главе дунган, сдался Ходже Назир ад-Дину на условии, что не будет произведено грабежей и убийств, что ходжа и принял. Оттуда этот лоя вместе с ходжой выступил со своими вооруженными людьми, и они прибыли в Яркенд.

Девятая глава. «Прибытие Ходжи Назир ад-Дина в город Яркенд и встреча его людьми города и расположение [его] в ханаке [для управления]» (л. 41а). Навстречу ходже вышли и «благородные и подлые», и «благородные» принесли ему «полную присягу». По приглашению «благородных» он воссел на трон в ханаке. Он правил в соответствии с шариатом и наказывал в соответствии с учением.

Десятая глава. «Осада Ходжой Назир ад-Дином крепости неверных в Яркенде и о тяжелом положении крепости неверных, которые в ней и находились» (лл. 41а—41б). В новом городе, в котором располагался хэбэ-амбань, было две крепости. Орудия не причиняли китайцам вреда. Крепость штурмом взять было невозможно.

Одиннадцатая глава. «Принятие мер Ходжой Назир ад-Дином справедливым относительно крепости и пред-

ложение хитрости знатоком дела и сущность ее, и прибытие Ходжи Бурхан ад-Дина со стороны Уча» (л. 42а). Один «опытный человек» предложил построить против каждой башни крепости земляное сооружение (كوشك), которое было бы выше башен. Из этих сооружений следовало сделать подкопы под стены крепости, заложить порох и взрывом пробить бреши. После этого нужно было брать крепость штурмом. Предложение это Ходжой Назир ад-Дином было принято.

Двенадцатая глава. «О прибытии Ходжи Бурхан ад-Дина в Яркенд и выступлении навстречу [ему] Ходжи Назир ад-Дина с великими и малыми города и представлении ему ханаки и отправления послания к Хазрат-и Хан-ходже, и о возвращении в Кучар, и о восшествии на престол Ходжи Бурхан ад-Дина, и о захвате им нового города неверных, и о самоубийстве амбаня вместе с семьей по обычаям неверных» (л. 42б).

В этой главе содержится следующее двустийное: «Что доброго сказал красноречивый Канджа (کنجه)? Пусть будет много милостей ему от бога». Можно предположить, что Канджа — это имя автора сочинения. Если это так, то его, по-видимому, можно отождествить с Моллой Канджа Кашгари, который в 1260 г. х. // 1844 г. н. э. переписал в Ташмалыке (تاشمالیق), находящемся в Кашгарии недалеко от Янги-Гисара, объемистый том в 322 листа, хранящийся сейчас в Институте востоковедения АН УзССР под номером 586 и включающий следующие четыре произведения: 1. رساله در ذکر احوال صحابه و تابعين (на перс. яз.); 2. سرالاسرار (на перс. яз. Автор مولانا مير فاضل); 3. سلسله بغراخانى منضوم (на перс. яз.); 4. مناقب شيخ زين الدين (на староуйгурском яз. Перевел с перс. яз. محمد عبدالعلی سرمنى). См., например, «Собрание восточных рукописей АН УзССР» под редакцией и при участии А. А. Семенова. Том IV. АН УзССР, Ин-т востоковедения. Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1957, стр. 29, номер описания 2837.

Тринадцатая глава относительно отправления письма Ходжой Назир ад-Дином к Хан-ходже с просьбой разрешить ему вернуться в Яркенд (л. 42б—43а).

Четырнадцатая глава. «Относительно милостивого послания Хазрат-и Хан-ходжи в ответ на обращение Ходжи Назира и восшествие на престол Яркенда Ходжи Бурхан ад-Дина, и о победе Ходжи» (л. 43а). От Хан-ходжи пришел ответ, и Бурхан ад-Дин воссел на престол. Через две-три недели благодаря хитрости, предложенной тем «умудренным опытом» человеком, китайский город был взят.

Пятнадцатая глава. «О падении крепости и убиении амбаня» (л. 43б).

Шестнадцатая глава. «Относительно обстоятельств взрыва [порохом] амбанем самого себя и землетрясения в городе по этой причине» (лл. 43б—44а). После взрыва в городе «от войска неверных не осталось из сорока сотен, возможно, даже менее четырех сот человек».

Семнадцатая глава. «Причина прибытия кипчаков и киргизов из Кашгара и занятие кушбегием ханаки, и господство его там два дня, и прибытие войска Хазрат-и Хан-ходжам падишаха в сопровождении достославных и победоносных ходжей в Яркенд, и занятие ими

Джахан-бага, и сражение кипчаков по приказу кушбеги, и поражение его от счастья достославных ходжей, сливок братьев, шаханшаха времени абу-л-фатх Рашид ад-Дин-хан-ходжам падишаха, и бегство его от дел посредством побега от людей Кучара» (лл. 44а—45б). Группа яркендцев посылает в Кашгар к кушбеги своего человека. Кушбеги [Якуб-бек] выступает на Яркенд. Хан-ходжа также посылает свое войско в Яркенд. Между кучарцами и кипчаками и киргизами кушбеги происходит бой, в результате которого войска Якуб-бека были разбиты, а сам он бежал.

В восемнадцатой главе автор возносит молитву в честь Рашид ад-Дин-ходжи и его семейства и сообщает, что кучарцами были захвачены Турфан, Комул, Урумчи и Карашар (л. 46а).

***

III. Сочинение на уйгурском языке в стихах. Занимает в рукописи лл. 48а—87б. Введение написано на арабском языке и также в стихах (лл. 48б—52а). Название его رسالة مكتوب, приводится на л. 48а. В другом месте автор называет свое сочинение просто نامه или مكتوب «письмо». (См., например, лл. 78а, 81б). Имя автора — Мухаммед Салих Яркенди¹⁷ (л. 52а). Он говорит о себе, что был «слугой людей науки, но скорее сеидов», «был слабейшим из слабейших среди ученых» (л. 52а). По всему сочинению разбросано довольно много различных сведений об авторе. Он называет себя кари из Бухары, двенадцать лет он вдали от родины на чужбине ведет жизнь скитальца (л. 82б). Автор довольно яркими красками описывает свое затруднительное материальное положение. «Когда нахожусь я в школе, страдая от бедности и слабости, приходят ко мне минбаши и юзбаши утром и вечером. [Они] не дают мне покоя, что бы не нашел я в своем доме в тот момент. Находят меня, если я вдруг сбегу, только завидев их. Пришел я к твоему дворцу, ища безопасности, я вознес этот голос. Увидев меня, много жалят, как скорпионы. Нет близкого человека, который был бы мне другом; не нахожу я руководителя в этом мире, который заботился бы обо мне. Воздав хвалу аллаху, нашел я тебя, яви справедливость, о предводитель! Окончилась молитва, вознес я голос: «Аллах велик!» (лл. 55а—55б). «У меня семь слабых¹⁸ и девочек, день и ночь я рыдаю; пал мне на голову огонь [заботы] об этих детях, постоянно я стенаю; да не погаснет светильник твоего счастья, я [буду] доволен, если ты разрешишь мое заявление; [если мое] письмо придет с правой стороны¹⁹, я каждый миг буду молиться [за тебя]; я окончил свое заявление, нет ли разрешения вернуться [мне домой]?» (л. 78а). Таким образом, автор, по-видимому, был преподавателем в конфессиональной школе. Кроме того, он был и шейхом при каком-то мазаре. «Нам, безродным странникам, пусть он [ходжа] всегда будет прибежищем, мы, молящиеся шейхи, лежащие на мазаре. По приказу того моего посланника мы нищие собираем подаяние с юрта; нет у них [у шейхов] дома, нет порога, нет никогда и посева.

¹⁷ Упоминание об этой работе Мухаммеда Салиха Яркенди содержится в статье К. Усманова «Уйгурские источники...», в которой автор почему-то говорит, что работа Мухаммеда Салиха Яркенди состоит из 18 листов, хотя на самом деле в сочинении их сорок. В рукописном отделе ЛО ИНА АН СССР имеется еще одно сочинение Мухаммеда Салиха Яркенди под названием غزوات المسلمين (шифр В 3980), которое является вариантом описываемого нами сочинения с большим количеством прозаических вставок.

¹⁸ Т. е. престарелых.

¹⁹ Т. е., если оно придется по вкусу ходже.

در این زمان با همه کس
شما نیز بزرگتری در شانه
بگفتند ای خواجه ما بنده
آوردی بی ما خدا و ما شکریم
اگر حکم سازی پیش رو
بگو که هر سازی بر روی
اگر خصم ز طرف ما بجهد
بسیکین مرا خواجه بود
بهر هم نیک ای هم سخنیت

در اینجا یکا آسانود
شما خنده در بی خطوبین
بگفت طبع و سرافکنیم
تو باشی ما خواهد با چاکم
در آتش در ایم بی باجرا
در ای در ایم بی صورت
بپران خدمت آتش و کند
بهمه بچسبیدن همچون کس
بزار میدالسته این سخنیت

غنی شاه مسلمان نایب

(A. 7a.)

سوار او آواز آید این سخنیت
بجز در دنیا و ما غیران این سخن
ایا خاتم عدلین ابی السادات
له الامم محال بر کس در حال
ایا ای سید عالمی خست
بکنار خست کان بر جود

(A. 52a.)

مقتداه سواد آید این سخنیت
اجتناب از فانی فاجب
بوی باغ آید کبریا و تو کبریا
و ای بیکار آید کبریا و تو کبریا
صدای آید کبریا و تو کبریا
بیت علی کمال خود صوت
تغویض کمال خود کمال خود

بوی تو کمال خود کبریا
بجز در دنیا و ما غیران این سخن
بخط کمال فانی و تقاری
حقیقت آید از آفتابان
قاله تو کمال کمال خالق
قاله تو کمال اولی الامر
بوی تو کمال خود کبریا
بجز در دنیا و ما غیران این سخن

(A. 71b.)

قاله تو کمال خود کبریا
بجز در دنیا و ما غیران این سخن
بوی تو کمال خود کبریا
بجز در دنیا و ما غیران این سخن
بوی تو کمال خود کبریا
بجز در دنیا و ما غیران این سخن
بوی تو کمال خود کبریا
بجز در دنیا و ما غیران این سخن

Дети по этой причине будут очень огорчены» (л. 62б).

В тексте автор уточняет место своего жительства в Кашгарии. «Будучи воином из Аксу, пришел я [к тебе] на службу до [конца своей] жизни. Место моего жительства — Аралык: слыхавшие говорят «чужой». Мое имя Мухаммед — слово тепер кончай скоро» (л. 77б). «Отличи в этот миг своего раба — солдата аксулука» (л. 77б).

В войске Джамал ад-Дина-ходжи Мухаммед Салих Яркенди занимал какой-то пост. «От твоей милости я был над несколькими воинским начальником (لشکر باشی)» (л. 78а).

В момент написания книги автору было шестьдесят лет (л. 76а). Автор также указывает дату, когда он приступил к написанию этого сочинения. «На двадцать пятое 'аид курбана ничтожнейший этот твой раб эти стихи сочинил²⁰. Я начал кисса о Хан-ходже в год рыбы» (л. 76б). Сочинение было окончено 12-го зу-л-хиджжа 1282 г. х. в год змеи, т. е. 28 апреля 1866 г. (л. 82б). В другом месте он приводит хронограмму окончания своих стихов, заключенную в слове افراغ. Цифровое значение букв этого слова составит 1282 г. х./1865—66 г. н. э.

Целью написания его сочинения было восхваление священной войны, которую вел Хан-ходжа (л. 48а). Однако из текста поэмы явствует, что Мухаммед Салих Яркенди преследовал и другие, практические цели, — он просит отпустить его домой. «Если бы войти нам и подать наше заявление ходже! Мы рассказали и занесли на бумагу наше горе. Если ходжам отнесется справедливо к нашему горю, он отдаст нам приказ вернуться [домой]» (л. 63а). «Пришли [мы] в Яркенд для дела газата, застоялись [там] из-за этого дела, уйдем мы наконец однажды [в мир иной]. Ходжа нам шах, если он явит нам милость, если вернет [нас] домой, уйдем мы наконец однажды» (л. 63б). Рефреном повторяется в его стихах на листах 63а—63б редиф بارورمز آخری

بركون «уйдем мы наконец однажды [в мир иной]». Но хитрый мулла ловко втискивает в строку с этими словами просьбу отпустить его домой, и редиф приобретает совершенно иное значение — «уйдем мы наконец однажды [к себе домой]». На этом же листе автор говорит, что он выполнил поручение всех шейхов, написав это сочинение. «Сочинил стих я странник, уповаю на судьбу, [уготованную] нам богом. На чужбине говорю я эти слова, уйдем мы наконец однажды. С трудом найдя слова, все шейхи делают заявление; выполнив [свой] долг — газат, уйдем мы наконец однажды». Эти слова дают возможность заключить, что Мухаммед Салих Яркенди был выразителем не только своего личного мнения и своих настроений, но и, по-видимому, выполнял поручение вполне определенной группы лиц, участвовавших в походах кучарских ходжей, — выходцев из Средней Азии духовного происхождения. Все четыре сочинения сборной рукописи составлены такими выходцами. Все они, по-видимому, преследуют одну и ту же цель — добиться разрешения покинуть армию и, возможно, получить материальное вознаграждение. «Если бы ты принял во внимание цены и дороговизну» (л. 78а). Показательным является тот факт, что все эти сочинения заканчиваются описанием похода на Яркенд, т. е. тем временем, когда кучарцы сталкиваются с Якубеком и когда уже близился момент разгрома кучарских ходжей. По-видимому, шейхи, которые, как и большинство выходцев из Средней Азии, были для местного населения пришлыми андижанцами, либо почувствовали, что господству ходжей скоро будет положен конец и им придется держать ответ за «переход на сторону противника» перед анди-

²⁰ 31 мая 1865 г.

жанцами Якуб-бека, либо они уже начали подумывать о том, чтобы переметнуться на сторону Якуб-бека, под крылышком которого они, как его «земляки», могли рассчитывать на лучшее положение, чем у ходжей Кучара. Мухаммед Салих Яркенди также сообщает о своем намерении совершить хадж в Мекку, что, по-видимому, также является для него лишь предлогом, под которым удобно можно было покинуть ходжей. «Получив разрешение от Ходжи, я пошел бы в Мекку, распрощавшись» (л. 84б, а также лл. 83б, 85а). Он сообщает, что был мюридом Мавла-и Джалал ад-Дина и Мавла-и Арш ад-Дина (лл. 83б, 84а). Следующее извлечение из текста будет интересно с точки зрения ознакомления с идеологией автора и получения дополнительных сведений о нем. «Пришел я из Аксу в Яркенд, подобный мне один странник-безумец, постоянно в пути, пока не пришел, проливал слезы, как Джейхун. Думал всегда, что буду погребен на чужбине. Милостью бога достиг [я своей] цели, всем я доволен. Придя, поклонился праху ног Ходжи. Мой пир Мавла-и Арш ад-Дин поддержал [меня], и я пришел. Я разостлал на город шайтанов ковер моего славословия бога. Я признаю бога, мой пир — потомок посланника аллаха. Не сходя с пути шарията, я стою на этом правильном пути. Я крепко повязал пояс; о если б я получил воздаяние, верша газат! Ради совершения поклонения я много ночевал на мазарах, заходил во все медресе и мечети, был учеником. Стоял на месте, где ступала нога святого; ища звания муллы, я стал нищим. Не обретя знаний в соответствии со своим желанием, я был огорчен. Вернувшись, я предстал перед моим пиром, сделав свое сердце кебабом»²¹ (л. 84а).

Мухаммед Салих Яркенди сообщает в арабской части (предисловии) своего сочинения, что был город Кусанд [т. е. Кучар. — В. Ю.], в котором был святой Низам ад-Дин. У него было пять сыновей: первый — Назир ад-Дин, второй — Джамал ад-Дин, третий — Рашид хан, четвертый — Ходжа Фахр ад-Дин, пятый — Джалал ад-Дин. У них было два дяди — Ахун-ходжа и Бурхандин. Их родословная доходит до Мавла-и 'Арш ад-Дина, отцом которого был Мир Джалал ад-Дин. Доходила их родословная и до Абу Хафз Бухари-муджтахиды, и еще дальше — до дочери посланника аллаха — Мухаммеда. Здесь он приводит хронограмму, заключенную в слове *فَارِغ*. Сложение цифровых значений букв этой хронограммы дает дату 1281 г. х. В этот год, по-видимому, начались события в Кучаре, описанные в сочинении. Кроме вышеозначенных ходжей, автор упоминает еще двух — Шахидина и Хамида (л. 54а). Вот как описывает автор положение до восстания. «Под влиянием неверия ушло милосердие; от каждого родственника, друга, ото всех — грабеж денег и обагрение кровью. Нет верности от детей любому отцу и матери, оставили [они] в это время уважение, положив руки на воротник»²². Каждый, у кого родится сын, радуется. Когда он достигает возраста семи лет, даром ведет его к амбаню. Когда рожали девочек, то некоторые из них, забыв про аят Биби, от бесстыдства становятся для хана агыча (*اغاچه*). В Кафиристане лицемеры презирали ислам, людей чалмы поносили, [поносили] раскаивающихся людей. Эмиры, [хорошие] люди, добрые остались по эту сторону, [а] подлого происхождения [люди] стали беками, они пронзали душу жалом. Когда они видели пять-шесть тенег, то закрывали²³ шарият; оставив слова писания, творили дела несправедно. Будь то имам или муэдзин, не соблюдая приказа о запрете, с плачем отдавали свои деньги за албан» (л. 61б).

²¹ Т. е. сердце у него обливалося кровью.

²² Т. е. махнув на все рукой.

²³ Т. е. нарушали.

Сочинение Мухаммеда Салиха Яркенди не имеет последовательно развивающегося сюжета. Автор часто перескакивает с изложения одного предмета на другой, часто повторяется, в одном и том же стихе может смешать многие события, происшедшие со времени начала восстания. Произведение его состоит из ряда отдельных глав, которые начинаются либо словами *نوع ديكر*, либо формулой *بسم الله الرحمن الرحيم*. При чтении создается впечатление, что автор в начале писал отдельные стихи в разное время, а затем объединил их в единое произведение, кое-как соединив вошедшие в его состав части. Об этом говорит и наличие в середине сочинения выражения *تمت تمام* (л. 63б, 80а).

Мухаммед Салих Яркенди приписывает инициативу в организации восстания Хан-ходже. Он говорит о том, что Хан-ходже было видение, когда пророк предписал ему выступить против неверных. Хан-ходжа так и поступил, и аллах даровал ему победу (л. 66б—67б). Ходжи выступили из Кучара на священную войну против неверных, они разрушили кумирни и подчинили себе Шахъяр, Бугур, Курлю, Бай, Аксу, Турфан, Яркенд, Комул (л. 59б).

Приведем в переводе наиболее интересный отрывок из сочинения Мухаммеда Салиха Яркенди. «Сделаю я заявление относительно начала войны. Был год крокодила, месяц сафар. В Джаме был удивительно жестокий бой, поданным [в том бою] душа была сладка. Торопливо дал бекам должности в день вторник, двадцать третьего. Все дунгане, посоветовавшись, ночью в городе начали бой. Много кафиров отправилось в ад, некоторые неверные спасли свою душу. [Они] вышли, рассеявшись, за город; остались дунгане с деньгами и женщинами. Войско ислама взяло добычу, когда дунгане увидели [это, то] отняли. Остались дунгане смотреть за деньгами и женщинами, высматривать добычу в руках войска ислама. Войско ислама лишилось надежды; много неверных осталось [в живых], без пользы [для дела священной войны]. Собрали дунгане добычу свою в мечеть, но никому из них [награбленное] имущество не принесло добра. Войско ислама в тот день отошло назад, [а] наутро [вновь] вышло [и] грустно пошло. [Дунгане] преградили им путь и погнались [вперед], а неверные [в это время] уже оправались. Ведь это не газат, когда гонят силой! Все сердцем желали другого. Куда ушел газат, который предпринимают по охоте? Пожар охватил их [дунган] мечеть и [награбленное] имущество. [Они] погнали войско ислама под крепостные стены; неверные бросали сверху огонь. Войско ислама вдруг обратилось в бегство; одна створка ворот была разбита. Испугавшись, войско спустилось в ров; многие, пораженные пулями, лежали, как розы. Эти неверные преградили [вход в] ворота, мусульмане остались в городе. Разорвав ворота и вопя, войско ислама несколько раз начинало бой; в тот день в бою не было у него предводителя. В тот день сражались стар и млад. О, если бы в тот день мой хазрат был предводителем, захваченный город не был бы потерян. Воля аллаха! То дело было напрасным, удивительно много мусульман погибло смертью мученика за веру. Построили потай, рыли подкоп: копали потому, что дунгане гнали. Наложили на [каждый] дом налог мешками и кетменями, люди страдали, не вынося притеснения. Некоторые отдавали мешки и ветви, [срезанные с деревьев], кое-кто взамен отдавал деньги. [Дунгане] загоняли [мусульман] в ров через подкоп, [а сверху китайцы] бросали хорданы²⁴, опалия огнем. Много мусульман погибло в огне,

²⁴ Хордан — бомба из обожженной глины, начиненная нефтью или порохом.

выкопанный подкоп был для них убежищем. [Дунгане гнали мусульман вперед, а китайцы сверху обстреливали их] подобно тому, как гонит волк овец, подобно тому, как жгут заросли камыша. Если войско отступало, [дунгане] грозили саблями, [а] впереди неверные заряжали пушки. Когда отступали, дунгане рубили саблями, когда входили в ров, [неверные] бросали [сверху] сахты²⁵. Загнали в подкопы, притесняя: все мусульмане простили друг друга. [Они] взяли в руки этот бокал шербега, чтобы выпить и обрести рай. Каждый день несколько из них становились газа, их соколы лежали на потае» (лл. 71а—72б).

Приведенный отрывок интересен в нескольких отношениях. Во-первых, Мухаммед Салих Яркенди сообщает о том, когда начались события — месяц сафар в год крокодила²⁶. Однако из текста неясно, идет ли речь о начале восстания в Кучаре или говорится уже о сражении в Джаме. Во-вторых, из этого отрывка ясно видно, что в восстании особенно активную роль играли дунгане. В-третьих, автор сообщает, что участие местного населения в восстании не всегда было добровольным. Он сообщает о том, что дунгане силой оружия заставляли местных жителей идти на штурм китайской крепости. Они даже обложили местных жителей налогом для того, чтобы изыскать средства, необходимые им для окончательного разгрома китайского гарнизона.

Сочинение любопытно также и в том отношении, что в его язык проникли элементы кашгарского диалекта уйгурского языка, что нашло отражение в орфографии списка. Переход узкого гласного «у» второго слога в «а» под влиянием широкого губного «о» первого слога. Например, *соқаш* سوقاش $\angle$ *соқуш* سوقوش «бой» (л. 71а). Редукция гласных. Например, *һәйдигән* ھەيدىگان $\angle$ *һәйдәгән* ھەيدەگان «гнавший» (л. 72а). Последний пример еще характерен и тем, что написание этого слова отражает артикуляцию его в кашгарском диалекте по переднему ряду вместо литературного *һайдиған*. Имеют место случаи опущения в написании «р» в конце закрытых слогов и слов. Например, *бәгләгә* بەگلەگە «бекам» вместо *бәгләргә* (л. 71а). Употребляются и лексические элементы, характерные для кашгарского диалекта. Например, *сайди* سايىدى «пронзил» вместо обычного *санжиди* سانجىدى (л. 70 б).

***

IV. Четвертое сочинение в этой сборной рукописи, которое не было указано К. Г. Залеманом в его списке рукописей, поступивших в Азиатский Музей от Н. Ф. Петровского и С. Ф. Ольденбурга, занимает листы 88а—97а. В этом сочинении не указывается ни его название, ни имя автора. Его можно принять за продолжение предыдущего сочинения Мухаммеда Салиха Яркенди, которое также написано тюркскими стихами, тем более, что сочинение последнего представляет собой ряд отдельных стихотворений, объединенных только тематически — восхвалением ходжей Кучи — и имеющих в начале иногда формулу *بسم الله الرحمن الرحيم*. Однако при внимательном чтении это впечатление легко рассеивается, так как конец одного и начало другого сочинений выделяются очень ясно. За то, что это различные произведения, говорят и различия в языковом стиле Мухаммеда Салиха Яркенди и анонимного автора. Интересным в этом отношении является то обстоятельство, что

²⁵ Сахт = хордан.

²⁶ 1-е сафара года крокодила-рыбы (1281 г. х.) приходится на 6 июля 1864 г. н. э.

и Кари Наджмидин, и Гяиси, и Мухаммед Салих Яркенди называют дунган *تونگانى туңгани*, а анонимный автор называет их *تورغانى тургани* (см. например, л. 95а и л. 95б).

Автор этого сочинения, по-видимому, так же как и Кари Наджмидин, Гяиси и Мухаммед Салих Яркенди не был коренным жителем Восточного Туркестана. Его местожительством там являлось Аксу или его окрестности. Это можно заключить из его слов, когда он говорит о том, что в век восхваляемого им ходжи наступило абсолютное спокойствие и благоденствие и что «в этот момент люди Аксу пребывали в безопасности, и все они обрели радостную жизнь и достигли осуществления своих желаний» (л. 89б). В другом месте он говорит, «что эти люди Аксу были довольны и жили в большом покое» (л. 90б). Из слов «жил в этих городах подобный мне [т. е. «я»] один слабый мулла» (л. 92а) можно заключить, что автор был человеком духовного звания.

Сочинение написано с какой-то определенной целью. Автор, видимо, думал что-то получить от Джамал ад-Дин-ходжи, для которого и сочинял свои стихи. Он несколько раз повторяет, что он проситель перед ходжой, просит оказать ему милость и не отвергнуть его молитву. «Что я подеваю, если ходжам испугается; мое заявление—много у меня ежедневно было долгов. От стыда каждодневно голова у меня шла кругом; не помогло, когда я продал все, что у меня было. Я попал в плен к войску этой печали, жизнь для меня тяжела, как гора. Я изложил свои нужды, стеная, сто раз вознося плач и рыдания» (л. 90а). «Прими, не отвергни моей молитвы. С таким плачем творю я молитву, имея доброе намерение и претензию» (л. 90а). Можно предположить, что автор подобно Мухаммеду Салиху Яркенди добивался от Джамал ад-Дин-ходжи позволения покинуть его войско.

Все эти сочинения кончаются изложением событий, связанных с походом кучарских ходжей на Яркенд и взятием этого города. Среднеазиатские муллы, возможно, решили в этот критический момент отмежеваться от ходжей и своевременно уйти, так как в это время в Кашгаре уже набирал силу Якуб-бек. Возможно также, что сочинение писалось перед самым походом на Кашгар. Это можно заключить из следующих слов: «Богоугодно то, что над Яркендом взошло подобное [твоему] лицу доброе солнце, пусть вознесут тебе плач глаза народа, смотря на слепых. Если прах твоих ног окажется у народа Кашгара, пусть душа его станет жертвой, чтобы сделать [этот прах] тутия для глаз» (л. 91а). «До тех пор, пока я жив, я ежедневно проситель перед тобой, пусть поддержат тебя святые Кашгара» (л. 91б). Эти соображения, видимо, и заставили автора обратиться к Джамал ад-Дин-ходже со стихотворным посланием. Возможно, что он питал при этом и надежду на получение материального вознаграждения. Его упоминание своего бедственного материального положения в этом смысле болес чем красноречиво.

Автор, по-видимому, являлся одним из многих среднеазиатских авантюристов, которые в смутные периоды истории Восточного Туркестана, в периоды бунтов и восстаний против цинского господства пытались удить рыбу в мутной воде.

Его сочинение представляет собой безудержный панегирик Джамал ад-Дин-ходже. «Взял сегодня я в руки калам и бумагу, стан [мой] согнулся ради сочинения. Восхваляю-ка я в этот момент ходжу, да простит он, явив милость, прегрешения моих слов» (л. 88а). «Хоть я в моих словах преступник, [но] я издавна проситель перед ходжой. Обрадуй меня, простишь сущность моих слов, справедливо освободи меня от пе-

чали. В справедливости он подобен Нуширвану, в отваге елиственный [в своем роде герой] и Рустам времени. В щедрости он единственный и сам Хатам, в пронцательности мудр, и светлы его слова» (л. 886). Из этих выдержек видно, что автор ясно представлял себе, что его просьба не придется по душе Джамал ад-Дин-ходже. Это лишний раз говорит о том, что он обращался к ходже с какой-то просьбой, предположения о характере которой были сделаны выше. Однако только на листе 916 он называет имя своего патрона. «О боже! Пусть он сделает долгой жизнь Джамал ад-Дин-ходжама, пусть он увеличит счастье его старшего сына Яхья-ходжама».

После изложения причин написания сочинения, восхваления достоинств Джамал ад-Дин-ходжи и заявлений относительно самого себя автор излагает родословную кучарских ходжей, которых он называет шахами. «Все его предки [Джамал ад-Дин-ходжи] восходят к сеидам, [его] старший предок был их светлость Хазрат-и шах-заде, родословная эта восходит к Хазрат-и Шах Джалал ад-Дину, которому был подвластен Мавераннахр». У Джалал ад-Дина был сын Мавла-и Арш ад-Дин, который покорил «все страны и калмыков Или». Он подружился с Туглук Тимур-ханом, и они покорили города всех неверных. Он был погребен в Куче, которую избрал местом своего пребывания. Из его потомства был Низам ад-Дин-ходжам, который был шейхом при его мазаре. У Низам ад-Дина были сыновья: первый—Шах Назир ад-Дин, второй — Шах Джамал ад-Дин, третий — Рашидин-ханлык-ходжам, четвертый — Фахр ад-Дин-ходжам, пятый — Джалал ад-Дин-ходжам. Еще в числе этих родственников называется А'лям-ходжам, который «постоянно [сидел] на троне Яркенда, и на голове у него была корона». Другой родственник — Хатиб-ходжам. Они были дядями сыновей Низам ад-Дина. У этих двоих были сыновья — Шахид ад-Дин-ходжа и Хамидин-ходжам (лл. 936—946).

Затем автор излагает причины «газата ходжей». Чиновники китайского хана стали подобны драконам. Каждый амбань, потеряв рассудок, начал творить насилие. Злосердечные насильники позволяли по отношению к мусульманам много «жульничества». Ночью внезапно дунгане выступили против китайцев. Они подожгли город неверных. Бой продолжался до рассвета. В течение дня неверные были уничтожены. Из окрестностей прибыли мусульмане, прослышавшие о восстании. При таких обстоятельствах и был возведен на трон Хан-ходжам. Поставили также «предводителей», чтобы проводить в жизнь установления шариата.

Было решено начать газат. Дунгане двинулись в сторону Чина. Было собрано еще некоторое количество войск, пошедших на Сайрам. Затем дошли до города Бербер и далее до Кара-Юлгуна «подобно овцам, которых гонят богачи». Конечной целью их было взятие Аксу. Навстречу им вышли китайцы, которые гнали перед собой мусульман. В составе их войска были калмыки. Дождь стрел обратил мусульман в бегство. Во второй раз мусульмане Аксу взяли. Китайский город был разрушен. На трон города Аксу был возведен Шах Джамалдин. Хатиб-ходжам пошел походом на Ош [Турфан], где неверные покончили жизнь самоубийством. На Марал-баши походом пошел Назир ад-Дин-ходжам. Неверные в этом городе капитулировали. Яркендцы, увидев такую славу и могущество ходжей, все вышли им навстречу.

На этом сочинение кончается. Оно производит впечатление неоконченного произведения. Возможно, что автор его и был составителем всего этого сборника. Сочинение по количеству имеющегося в нем конкретного материала, освещающего ход восстания в Куче и дальнейшие

походы кучарцев под предводительством ходжей, не идет ни в какое сравнение с данными трех первых сочинений. Однако наличие некоторых имен и указание пунктов назначения и пройденных населенных пунктов дает некоторый материал для сравнения. Особенно ценно это произведение, так же как и все сочинения этой сборной рукописи, для изучения настроений, которые царили среди участников восстания, их отношения к событиям. Так, весьма показательным является сообщение автора о том, что войска шли на Кара-Юлгун «как овцы, которых гнали бан». Эти слова звучат диссонансом на общем фоне панегирического восхваления достоинств ходжей. Во главе этого первого похода на Аксу стоял Бурхан ад-Дин-ходжа, и осуждение действий одного из ходжей может вызвать у читателя недоуменный вопрос: как автор мог осмелиться включить в свое сочинение такое критическое замечание? Не нужно забывать, что после разгрома под Кара-Юлгуном Бурхан ад-Дин-ходжа подвергся опале и, видно, критика его действий отражает то отношение, которое он испытывал на себе после поражения, что в свою очередь дало возможность автору говорить откровенно о том, как развивались события.

Как и другие «мусульманские» авторы, писавшие о восстании в Куче, этот неизвестный поэт также говорит о том, что восстание первыми начали дунгане. Правда он сообщает, что перед восстанием Рашидин-ходжам несколько раз уединялся на мазаре Мавла-и Арш ад-Дина для трехдневных молитв (اعتكاف), и ему были благие вести от предков об успешном окончании намечаемого предприятия, но тем не менее и он вынужден подтвердить, что восстание начали не ходжи, а дунгане, плодами победы которых потом и воспользовались хранители мазара Мавла-и Арш ад-Дина. Во всяком случае это обстоятельство подтверждает то, что в смутное время, когда в западных провинциях Китая вспыхнуло дунганское восстание, отрезавшее Синьцзян от Центрального Китая, местные феодалы начали подумывать о возможности прибрать власть к рукам, воспользовавшись беспомощностью маньчжурской администрации, не имевшей в Кашгарии достаточных воинских контингентов для удержания края в своих руках.

Сочинение самостоятельного значения для изучения истории восстания в Куче не имеет.

***

Все четыре сочинения описываемой сборной рукописи по своим идеологическим и политическим установкам не отличаются от уже известных местных «мусульманских» источников, в той или иной мере освещающих события 1864 г. в Синьцзяне. Авторы их стоят на позициях ортодоксального ислама и все события рассматривают через призму догм этого вероучения. Они считают, что восстание началось потому, что под влиянием неверных в среде мусульман началось разложение, отсюда и падение нравов, пренебрежение мусульманскими установлениями и т. д. Все это и привело к необходимости начать священную войну — газат против «капиров». Они считают, что основная заслуга в организации восстания принадлежит кучарским ходжам, в частности Рашидин-ходже. Кари Наджмидин говорит о том, что дунгане, прежде чем начать восстание, обратились за советом к Рашидин-ходже, а Мухаммед Салих Яркенди сообщает, что этот ходжа проводил трехдневные бдения перед началом восстания на мазаре Мавла-и Арш ад-Дина, в результате чего ему якобы была «благая весть» о необходимости начать восстание и об успешном его исходе. Однако излагая конкретные факты о начале восстания, авторы признают, что его начали

все-таки дунгане, а не местное население. Даже сообщается о том, что именно дунгане возвели на престол Рашидин-ходжу и обязались ему служить. Авторы говорят вскользь и о тяжелом материальном положении населения перед восстанием. Но непонятно, судьба простых ли людей их волнует, или же судьба «обиженных» после завоевания края маньчжурами некоторых аристократических семей и представителей духовенства? Так, Мухаммед Салих Яркенди говорит о дочерях, которые вынуждены служить китайскому императору, о сыновьях, которых родители отдавали амбаню, о духовенстве, которое вынуждено было платить налоги. Последний факт вообще представляет значительный интерес для исследователя.

Наибольший интерес, однако, представляют эти сочинения в том отношении, что в них авторы говорят о характере участия народных масс в восстании. Было ли участие народных масс в этом восстании добровольным и активным? Этот вопрос до сих пор остается не столько спорным, сколько недоисследованным, поскольку источники, касающиеся этого восстания, в основном посвящены прославлению тех феодалов, которые встали во главе восстания в описываемых в сочинениях районах, а роль народных масс остается затемненной. Определенная тенденциозность, свойственная как китайским, так и другим источникам, также затрудняет правильное решение этого вопроса, потому что, если китайским источникам свойственно стремление квалифицировать все эти восстания как бунты или путчи, инспирируемые потомками ходжей — бывших правителями Восточного Туркестана до захвата его маньчжурами и ведущих свое происхождение от Махдум-и Азама, или иными феодальными кругами, интересы которых были ущемлены в результате покорения Кашгарии и Джунгарии, то «мусульманским» источникам больше присуща тенденция говорить якобы от имени народа, ссылаться на его тяжелое положение, которое якобы и дает право выступать феодалам в его защиту. Однако подобного рода постулируемые местными источниками заявления обычно имеют характер деклараций, не подтвержденных конкретными фактами. Бесспорно, что экономическое положение народных масс после завоевания Джунгарии и Кашгарии Цинами было тяжелым, поскольку им приходилось выносить двойной гнет. Но значит ли это, что их положение до прихода Цинов было легче? Во всяком случае это требует специального исследования. Необходимо помнить, что до прихода Цинов Кашгария находилась в вассальной зависимости от джунгаров, выплачивала им дань и должна была терпеть в своих городах присутствие джунгарских гарнизонов, что вся история Кашгарии после разделения чагатаева улуса на Могулистан и Мавераннахр есть история междоусобной борьбы и войн потомков Чагатая и других монгольских феодалов, история борьбы между чагатаидами и ходжами, история вражды между антагонистическими группировками белогорских и черногорских ходжей, история борьбы между ходжами — потомками Махдум-и Азама, возглавлявшими в Кашгарии суфийский орден накшбандийя, и другими суфийскими орденами, история борьбы с киргизами, непрерывно совершавшими набеги на Кашгарию с гор, охвативших подковой земледельческие оазисы этого края, и в определенные периоды вершившими судьбы городов Кашгарии. Все эти проблемы еще не исследованы в достаточной мере в их взаимосвязи, еще не дана надлежащая оценка того влияния, которое оказывали эти факторы на общественную жизнь Восточного Туркестана. Чтобы указать на значение перечисленных явлений в общественной и политической жизни Восточного Туркестана, отметим лишь, что складывается мнение, что в течение XVI—XVIII вв. киргизские бии

настолько укрепляют свои позиции в Кашгарии, что в начале XVIII в. оказываются там фактическими правителями, устранившими ханов-чагатаидов и прикрывавшими узурпацию власти авторитетом ходжей²⁷. Не вдаваясь в оценку последнего мнения, мы хотим сказать лишь то, что появление его является результатом изучения той исторической ситуации, которая сложилась в Кашгарии перед приходом Цинов. Во всяком случае все вышеперечисленное, а также произвол и отсутствие охранявшей интересы трудовых масс населения законности, характерные для худших восточных светских и духовных феодальных деспотических государств и фактически имевших место в Кашгарии, не могли не напрячь до предела экономику государства и должны были лечь тяжелым бременем на плечи трудового населения.

Фактически в момент захвата Восточного Туркестана маньчжурами в этом районе сменилось господство одних иноземцев на господство других, так как с момента монгольского завоевания в начале XIII в. Кашгария вынуждена была терпеть последовательное иго монголов, джунгаров и киргизов, не говоря уже о ходжах, которые также были в Кашгарии пришлым элементом. Следовательно, маньчжурское завоевание в этом смысле не явилось для местного населения чем-то новым. Если в экономическом отношении маньчжурское завоевание вряд ли привело к большему угнетению народных масс, то прекращение междоусобиц и внедрение в общественную и государственную жизнь определенной законности, пусть необычайно жестокой, но все-таки устанавливавшей в стране относительный порядок, для трудовых масс населения должно было явиться положительным явлением. Но здесь встает еще один вопрос, почему же XIX век для истории Синьцзяна был веком восстаний, которые через небольшие промежутки времени создавали угрозу господству Цином в этом крае? Может быть, все-таки экономическое угнетение народных масс стало действительно необыкновенно тяжелым? Факты не подтверждают этого. Край не давал доходов государству. Наоборот, Цины вынуждены были держать его на дотации, что известно. Такое положение не позволяло держать в Синьцзяне достаточных вооруженных сил для поддержания спокойствия. Последнее обстоятельство давало возможность потомкам белогорских ходжей, использовавшим национальный антагонизм, предпринимать регулярные попытки восстановить свою власть в Кашгарии. При этом они обычно опирались на поддержку киргизов и кокандцев. Коканд вообще использовал этих ходжей, как средство давления на Китай, для приобретения определенных преимуществ для своих подданных в Кашгарии; выпуская их на свободу и давая им возможность проникнуть в Кашгарию, где они и начинали войну за восстановление своей власти, после чего Цины шли на уступки Коканду. В этих действиях ходжей поддерживали определенные круги местных феодалов, благодаря чему ходжи сразу же получали в свое распоряжение значительную людскую силу и средства. Местный административный аппарат был сохранен маньчжурами после завоевания, а потому местные феодалы обладали значительной властью, позволявшей им распоряжаться крупными людскими массами и использовать их в корыстных целях в зависимости от обстановки. Так, например, когда в Кашгарию прибыл Джахангир-ходжа, его поддержал один местный бай, о чем говорится в сочинении Хаджи-Юсуфа²⁸. Якуб-бек на первых порах укрепил свое поло-

²⁷ К. И. Петров. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв. АН КиргССР. Фрунзе, Изд-во АН КиргССР, 1961, стр. 172.

²⁸ «Джам ат-таварих» Хаджи Юсуфа. Рукопись ЛО ИНА АН СССР Д 124, лл.

жение благодаря поддержке присланной из Бадахшана и хорошо вооруженной конницы²⁹. Успехам этих авантюристов способствовали огромные расстояния, которые необходимо было покрывать маньчжурским войскам, чтобы прибыть на место разыгрывающихся событий. При стычке же с правительственными войсками вооруженные силы ходжей бывали легко разбиты и обычно быстро рассеивались, а крестьяне, входившие в состав их армий, разбежались по домам.

Понятым становится в свете всего вышесказанного сообщение Мухаммеда Салиха Яркенди о принуждении, которое оказывали дунгане на местное население, заставляя его идти в бой против маньчжурского гарнизона. С горечью он восклицает: «Ведь это не газат, когда гонят силой!» Он говорит о том, что дунгане силой оружия принуждали местное население сражаться с маньчжурами. Это сообщение очень правдоподобно, так как для дунган исход начатого ими восстания был вопросом жизни или смерти, если сообщение о получении китайскими чиновниками в городах Восточного Туркестана приказа от императора об истреблении их соответствует действительности. «Мусульманские» источники, в том числе и описываемые сочинения, в один голос сообщают о том, что такой приказ был, и сомневаться в этом трудно, так как в это время западные провинции Китая были охвачены дунганским восстанием и правительство вполне могло решиться на столь жестокие пре-

48а—48б. Сын этого бая в 1864 г. собрал подвластных ему крестьян, вооружил их и под предлогом ремонта оросительной системы повел против маньчжурского гарнизона в Кашгаре. Приведем этот интересный отрывок в переводе.

«Необходимо прослушать слово о Макраб-бек-шахе — сыне Найнай-бая из Япургу, [что] в Хан-Арыке, который в тысяча двести тридцать девятом году [хиджры, т. е. в 1823/24 г. н. э. — В. Ю.] восстал и вышел с дарами к Джахангир-торе. Джахангир-хан-торам пришел и взял город под названием Кона-Гюльбаг. [Он] захватил город под названием Гюльбаг, овладел [территорией с той стороны] до Кучи, а с этой стороны до Хотана, и когда ислам уже просуществовал девять месяцев и семнадцать дней, [некто] по имени Найнай-бай подготовил для Джахангир-тора десять тысяч белых черноголовых овец, пятьсот коров, тысячу кусков кошмы, сто семьдесят лошадей и много шуб и ружей [и другого различного] оружия, испек из шестидесяти четырех чареквок муки кёмыч [хлеб, испеченный в золе. — В. Ю.], обернул его базью, затем сверху покрыл кожей булгара, сделал в центре, как в жернове, отверстие, вставил в него бревно, прикатил его, грохоча им по пути как жерновом, преподнес дары торе и получил от него благословение. От этого кёмыча благодаря чуду, [сотворенному] торе, хватило [хлеба] всему войску ислама. У того упомянутого Найнай-бая было четыре сына. Средний его сын по имени Макраб-шах-бек был сардаром десяти тысяч семей крестьян. Когда он услышал о том, что по сторонам и окрестностям началась смута, то он собрал некоторую [количество] войска из аламанщиков и заявил: «В таком-то месте мы запрудим реку и выведем воду [для полива]», — приказал всем своим людям привязать под одежду оружие, вывел [их, и таким образом] собрал много конных и пеших аламанщиков и затем отправил письма в Кызыл-Буя и Файзабад, и младший брат Гаффар-дадхи из Кызыл-Буя Джаббар-ахунд и Мухаммед Али-пансад заявили: «На Кара-Су размыло берег, мы пойдем и заделаем прорыв», — и вышли со многими аламанчиками. Турдыбек, Мухаммед Али-бек и Абдалак-бахадур из родственников Тохта-Манджу из Файзабада с двумя тысячами аламанщиков, конных, на ишаках и пеших, сардары этих трех-четырех юртов, выступили из своих юртов с намерением [начать] газат, соединились в местности под названием Кёкча в количестве трех-четырех юртов, пришли скрытно от всех беков и китайцев, убили находящихся в Нарчуке и Барин-Кычычи китайцев-ходжа, разграбили их лошадей, коров, овец и имущество, прошли перед Янги-Шахаром, пришли к Кона-Шахару, и Макраб-шах остановился в Хазрат-и Падишахим, Джаббар-ахунд — в Тар-Богуз и Кара-Су, Абдалак-бахадур — в Сенд Али Арслан-падишахим и окружили Кашгар с трех сторон. Беки и китайцы совершенно не заметили их прихода с враждебными намерениями. Господь всевышний внушил [такой] ужас китайцам в Янги-Шахаре, что они, увидев знамена и флаги деревенских жителей, забили землей [проемы для] ворот [в крепостных стенах, потому что восставшие могли слечь деревянные ворота и тем самым открыть себе путь в крепость. — В. Ю.]... Из каждого юрта изо дня в день прибывали аламанщики, и [таким образом] собралось много людей» (лл. 48а—50а).

²⁹ Там же, лл. 90а—90б, 92а, 103а, 104а, 108б—110б.

вентивные меры, стремясь устранить опасность распространения его и на Синьцзян. На такую меру даже без санкции и предписания центрального правительства могли решиться и местные синьцзянские власти. Из исторической литературы известно, что маньчжуры успели перебить дунган в некоторых населенных пунктах до начала восстания в Кашгарии, и это подтверждают высказанные предположения. В дальнейшем историческая традиция дунган и уйгуров могла связать этот акт с именем императора. Можно сделать заключение, что восстание в Кучаре не было восстанием местного уйгурского населения против маньчжуров, а было восстанием дунган. Лишь некоторое время спустя к этому восстанию присоединились местные феодалы, которые в дальнейшем и возглавили его повсеместно.

Интересным является также и то, что эти сочинения написаны выходцами из Средней Азии. Во всех смутах в прошлом веке в Синьцзяне регулярно принимали участие выходцы из других стран — андижанцы, бадахшанцы, афганцы и другие, довольно многочисленные колонии которых имелись в городах Восточного Туркестана. Однако их роль в событиях прошлого века если и известна, то полностью не вскрыта. Наши источники могут дать определенный материал для решения этого вопроса. Қари Наджмидин возглавлял андижанцев, которые присоединились к кучарским ходжам в Аксу; Мухаммед Салих Яркенди был командиром над группой лиц. Любопытным является тот факт, что сочинения эти содержат просьбу к ходжам отпустить их авторов домой. Это является или отражением настроений, царивших среди андижанцев кучарских ходжей, причины появления которых были изложены выше, или отражением общих настроений в армии ходжей. Если последнее правильно, то это еще раз может подтвердить выдвигаемое положение об инертности народных масс в восстании. Сам по себе факт широкого привлечения иностранцев местными феодалами для службы в армии является достаточно красноречивым: в условиях широкой поддержки лозунгов восстания народными массами вряд ли понадобилась бы такая мера. Равнодушное отношение местного населения к целям восстания и, как следствие этого, отсутствие у него необходимого энтузиазма и воодушевления, превращавшее армию из мобилизованных крестьян и ремесленников в ненадежную силу, — вот те причины, которые вынуждали местных феодалов использовать услуги иностранцев. Для иностранных авантюристов же восстания были удобным моментом, когда они могли рассчитывать на получение различных жизненных благ.

В исторической науке распространено мнение, что кучарские ходжи являются черногорцами. Однако такое мнение вряд ли правильно, так как на черногорцев и белогорцев делились потомки Махдум-и Азама и руководимые ими мюриды, а кучарские ходжи являлись потомками Абу Хафза Кубра Бухари, который погиб в Бухаре при взятии этого города войсками Чингисхана. Потомки Махдум-и Азама руководили в Восточном Туркестане орденом накшбандиййа, в то время как потомки Абу Хафза Кубра Бухари руководили орденом кубравиййа.

Описываемые сочинения позволяют уточнить некоторые даты. Эти сведения надо предпочесть, так как сочинения данной рукописи написаны сразу же после начала восстания, тогда как другие «мусульманские» источники в основном написаны много лет спустя и часто после разгрома государства Якуб-бека.

Всем вышеизложенным и определяется ценность этих сочинений для изучения истории освещаемых в них событий.

РЕЦЕНЗИИ

ئۇيغۇر كلاسسىك ئەدەبىياتى قوليازمىلىرىنىڭ كاتالوگى. 1. شىنجاڭ يەرلىك مۇزىيىغا تەييارلىق كورۇش باشقارمىسى، 1957-ژىل، ماي. تۈز-گۈچى يۈسۈپبېك مۇخلىسوف. 9 رەسىم، 2+52 بەت.

Уйгур классик әдибияти қолъязмилириниң каталоги. 1. Шинжан йәрлик музейиға тәйярлик көрүш башқармиси, 1957-жил, май. Түзгүчи Юсупбек Мухлисов. 9 расим, 2+52 бәт.

Каталог рукописей уйгурской классической литературы. 1. Управление по подготовке краеведческого музея Синьцзяна, 1957 г., май. Составитель Юсупбек Мухлисов. 9 фотографий, 2+52 стр.

Староуйгурская письменная литература на первый взгляд представляется весьма незначительной по объему. Впечатление это в значительной мере усиливается, если мы хотя бы бегло ознакомимся с богатой литературой народов Средней Азии. Такое мнение складывалось под влиянием вполне определенных объективных причин и, прежде всего, вызывалось отсутствием до недавнего прошлого в крупнейших мировых хранилищах рукописей сколько-нибудь значительных и систематических коллекций сочинений авторов из Восточного Туркестана.

И только в конце прошлого и в начале этого века положение с уйгурскими рукописями стало меняться: в Азиатский музей поступают коллекции рукописей из Восточного Туркестана Н. Ф. Петровского, С. Ф. Ольденбурга¹, Я. Я. Лютша², Н. Н. Пантусова; публикуется сообщение о коллекции М. Hartmann'a³. Однако мировой научной общественности ценность сочинений из этих и других, случайных поступлений остается в целом неизвестной, так как печатавшиеся о них сообщения представляют собой лишь списки с указанием имен авторов, названий и объема рукописей; содержание же обычно оставалось неопианным.

До сих пор не было издано ни одного каталога уйгурских рукописей, если не считать списков К. Г. Залемана и М. Hartmann'a и описаний отдельных уйгурских рукописей в известных каталогах. Сейчас старшим научным сотрудником Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР А. М. Мугиновым подготовлен к печати «Каталог уйгурских рукописей» рукописного отдела названного учреждения,

¹ К. Г. Залеман. Мусульманские рукописи, вновь поступившие в Азиатский музей в 1909—1910 гг. ИАН, серия VI, т. V, 1911, стр. 251—263.

² К. Г. Залеман. Рукописи Я. Я. Лютша. «Известия Имп. АН», 1898, т. VIII, СПб., стр. XVI—XIX.

³ M. Hartmann. Die osttürkischen Handschriften der Sammlung Hartmann. Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. Jahrg. VII: 2. Berlin, 1904.

который в скором времени познакомит специалистов с уйгурскими рукописными фондами бывшего Азиатского музея⁴.

Поэтому большой интерес вызывает изданный в КНР первый выпуск «Каталога рукописей классической уйгурской литературы». Автор каталога Юсупбек Мухлисов сообщает в предисловии следующие сведения об истории формирования описываемого собрания и написания каталога. Сбором рукописей он начал заниматься в 1952 г., когда производилось обследование некоторых исторических памятников в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Занимался он этим также в течение месяца в 1954 г. в Кашгаре. С того времени сбор рукописей стал производиться наряду с работой по сбору памятников старины «Управлением по подготовке краеведческого музея Синьцзяна». В течение 1955—1956 гг. были собраны некоторые материалы в городах Урумчи, Кульджа, Комул. В более широких масштабах эта работа была проведена в 1957 г. в Кашгаре, Янги-Гисаре, Артуше и Яркенде. В результате было собрано более 200 рукописей. В данный каталог были включены в основном те рукописи, имена авторов, годы написания и содержание которых могли быть легко установлены составителем каталога по самим описываемым сочинениям. В каталог не были включены некоторые рукописи, которые не были известны составителю. В их числе Юсупбек Мухлисов называет такие сочинения, как «Тазкира-и Юсуф Кыдырхан-гази-падишахим», «Тазкира-и Абу Наср Самани» и др. Некоторые арабские и персидские рукописи, такие как «Шахнаме», «Равзат ал-ва'изин», в этот выпуск каталога также не были включены по причине неисследованности обнаруженных в Синьцзяне списков. Некоторые сочинения, такие как «Куллият-и Бедил», «Шавк-и Гулистан», «Суррах» и другие, также не были включены в каталог, так как они были широко распространены в литографированных изданиях и потому хорошо известны. Но такое сочинение, например, как «Ханниң тәсниф қилған яхши ишларға риваж беридиган зөрүр сөзлири», в описание было включено, так как было слабо распространено в Синьцзяне среди населения, хотя и было напечатано там литографским способом. В заключение Юсупбек Мухлисов сообщает, что впредь эта работа будет производиться Синьцзянским филиалом Китайской Академии Наук, группой по изучению классической литературы Союза писателей и Управлением по подготовке Музея.

Всего в «Каталоге...» описывается 74 произведения. Он разделен на три раздела: I — «Литературно-творческие произведения» (37 ед.); II — «Переводные и комментированные произведения» (22 ед.); III — «Исторические и научные произведения»⁵ (15 ед.). В начале работы помещены 9 фотографий миниатюр и отдельных страниц текста.

Чтобы читатель мог составить себе представление о характере и качестве каталога, приведем некоторые описания в русском переводе, сохраняя все особенности языка оригинала.

مۇھەببەت توغرىسىدا داستانلار

(Дастаны о любви)

№ 93

№ 19

Автор: Абдурехим Назари. Поэт написал это произведение в 1837—38 годах, прибыв из Кашгара в Турфан по приглашению турфанского

⁴ Пользуясь случаем, выражаем благодарность А. М. Мугинову за любезно предоставленную возможность ознакомиться с рукописью его каталога.

⁵ Здесь и далее в переводах сохраняются все особенности языка автора «Каталога...».

еана Пиридуна. Инициативу в этом проявил вали Кашгара Зохуридин-хеким.

Содержание произведения очень широкое. Состоит из 7 таких дастанов, как «Вамуқ-Һузра», «Чаһар дәрвиш», «Әшабулкәп», «Ләйли-Мәһзун», «Мәзин билән Гүлнисә», «Пәрһад-Шерин» и 11 эпизодов. Все они написаны размером «аруз» — присущим автору слогом «фа'улун, фа'улун, фа'улун, фа'улун...».

Произведение — полная книга. Форма его похожа на «Хәмсә Навайи». Получена в 1956 году от проживающего в городе Кульдже Осман-ахуна (Осман-ахун хранил ее с 1875 года).

Объем: длина 31, ширина 23, толщина 24 см. 24 тысячи строк бейтов.

К этому описанию дано примечание. «Автор не назвал свое произведение. Некоторые называли его Хамса. Мы в соответствии с содержанием произведения дали ему это название»⁶.

تەزكىرى ئەزىزان

№ 128

№ 62

Автор: ученый и литератор Мухаммед Садык Кашгари. Написано в 1771 году. Написать это произведение автору посоветовала мать хакима Кашгара того времени Мирзы Османбека Рехим-агыча.

Содержание его очень широкое и основывается на хороших фактах. Например, произведение начинается с прибытия Махдум-и Азама в Синьцзян и [затем] подробно рассказывает о периоде Аппака-ходжи, об объединенном периоде Аппака-ходжи и джунгарского ханства и о периоде бывших после этого детей Аппака-ходжи. Некоторые вопросы даже резко критикуются автором. Его [это сочинение] можно назвать самой подробной историей периода Аппака-ходжи.

Произведение полное. Переписал в 1825 году в Кашгаре Молла Мухаммед Султан. Найдено в 1955 году в Кашгаре.

Объем: длина 31, ширина 22, толщина 4 см, 166 листов (смотри 8-ой снимок)⁷.

سىدىقنامە

№ 77

№ 65

Автор: уйгурский ученый Мухаммед Сыдык Баршиди. Автор написал это произведение в 1780 году в подражание «Кабус-наме», написанному иранским ученым Кабусом в 1035 году в качестве наставления для своего сына Кланиша. Ему помог хаким Кашгара Мухаммед Абдулла-бек. Содержание его очень широкое. Советует о политике, законе, науке, философии, литературе, религии, жизни. Эти наставления разделены на 44 главы. Но слог его написан слогом «Кабус-наме».

Произведение неполное. В конце не хватает нескольких листов. С 1800 года хранилось в районе Яркенда, в июле 1956 года получено для музея через яркендский уездный отдел культуры и просвещения.

Объем: длина 33, ширина 20, толщина 3 см, 106 листов (смотри 9-й снимок).

Примечание: «Автор не назвал свое произведение. В соответствии с содержанием мы дали ему это название»⁸.

⁶ «Каталог...», стр. 14—15.

⁷ Там же, стр. 41.

⁸ Там же, стр. 42—43.

تاریخ ئەمینییه

1

№ 8

№ 69

Автор: Молла Муса Сайрами. (Умер в 1916—1917 году). Написано в 1903 году. Произведение состоит из введения, двух дастанов, одного заключения. Является крупным историческим и литературным произведением, рассказывающим о событиях в Синьцзяне в середине XIX в. Это произведение с сокращением некоторых мест было издано в Казани. В 1911—1912 годах автор по некоторым причинам ввел в него некоторые изменения (эти изменения включают в себя большей частью введение произведения и отношения между Якуб-беком и Англией) и переработал, назвав [его] «تاریخ ھۆمەیدیہ». В 1955—1957 годах в Аксу и Кашгаре найдено два списка этой переработки.

Произведение полное. Написано собственным пером автора. Объем: длина 21, ширина 17, толщина 2 см, 166 листов⁹.

2

№ 11

№ 70

Этот экземпляр написал в 1907 г. человек по имени Хаджи Юсуф из Ташмалыка под Кашгаром в возрасте семидесяти лет. (Умер в 1914 году). Отличие его от предыдущего произведения: помимо несходства во взглядах, слоге, языке автора, факты большей частью приводятся относительно района Кашгара. А в Тарих аминийа факты большей частью приводятся относительно района Аксу.

Произведение полное. Переписано простым почерком на хотанской бумаге. Найдено в Кашгаре в 1952 г.

Объем: длина 25 с половиной, ширина 24, толщина 7 см, 162 листа¹⁰.

***

В числе описанных рукописей известное количество составляют сочинения таких знаменитых писателей Востока, как Джами, Навои, Бабур, Лутфи, Фузули, Джалал ад-Дин Руми, Шейх Аттар и др. Значительное место занимают переводы и переделки на уйгурский язык араб- и персоязычных произведений; часть описания составляют оригинальные произведения.

Состав описанных сочинений показывает, что в число уйгурских рукописей включены и сочинения некоторых узбекских и перс- и таджикоязычных авторов, почему содержание каталога вступает в известное противоречие с его названием, так как переписка или находка списков сочинений неуйгурских авторов на территории Восточного Туркестана, конечно, не является достаточным основанием для отнесения их к «уйгурской классической литературе».

В числе оригинальных произведений уйгурских писателей можно назвать сочинения Мухаммеда Садыка Кашгари, Моллы Мусы Сайрамы, Хаджи Юсуфа, Хаджи Мусы Кучари, Мухаммеда Имин Годжамкулы-оглы Хыркыты, Мухаммеда Сыдыка Залили, Нобити, Моллы Аляма Шахъяри, Абдурехима Низари, Турдыш-ахуна Гериби, Моллы Шакира, Моллы Абдулгаппара, Моллы Билала.

Некоторые из этих писателей и их сочинения уже знакомы специалистам, однако большинство имен и названий до последнего времени оставалось неизвестным. Только некоторые из этих сочинений были недавно опубликованы в журнале «Шинжаң әдибият-сән'ити».

⁹ «Каталог...», стр. 45.

¹⁰ Там же, стр. 46.

Имя Мухаммеда Садыка Кашгари достаточно хорошо известно. В каталоге называются его оригинальные произведения «Зубдат ал-маса-ил», «Тазкира-и азизан», «Тазкира-и асхаб-и кахф» и переводное «Тарих-и искардарија ва таджинома-и шахи». Последнее сочинение является переводом известной «Тарих-и Табари». На наличие такого перевода у Мухаммеда Садыка Кашгарского указывал еще Ч. Ч. Валиханов¹¹, который говорил, что перевод был сделан по указанию кашгарского хакима-бека Юнус Таджи сына Искандер-Вали сына Эмин-ходжи. Юсупбек Мухлисов говорит, что перевод был предпринят по инициативе Искандер-вана¹². Имена Искандер-вана и его сына Юнус Таджи были включены Мухаммедом Садыком Кашгари соответствующим образом в название его уйгурского перевода «Тарих-и Табари». Кроме того, Мухаммед Садык Кашгари известен как переводчик «Тарих-и Рашиди»¹³. Однако наибольший интерес представляют его оригинальные произведения. К уже известным его сочинениям каталог добавляет еще «Тазкира-и асхаб-и кахф»¹⁴, описываемый список которого является автографом и в котором рассказывается о пещере «Асхаб ал-кахф» в Турфане. В рукописном отделе ЛО ИНА имеется анонимное сочинение под названием *تذکره حضرت سلطان اصحاب الکھف*¹⁵, в котором также описывается эта турфанская пещера. Возможно, что это и есть сочинение Мухаммеда Садыка Кашгари. Наиболее известным сочинением его является «Тазкира-и азизан»¹⁶, сокращенная редакция которого называется «Тазкира-и ходжаган». Высказывалось мнение, что эта переработка была выполнена не самим Мухаммедом Садыком Кашгари, а другим лицом, имя которого было также Мухаммед Садык¹⁷. «Тазкира-и азизан» было пересказано М. Hartmann¹⁸ и R. V. Shaw¹⁹. Использовалось это сочинение и русскими востоковедами. Извлечения из него, касающиеся истории киргизов, опубликовала М. А. Салахетдинова²⁰. Известно также, что имеются списки этого сочинения на персидском языке²¹. Его сочинение «Зубдат ал-маса'ил ва-л-ака'ид» известно и в рукописных

¹¹ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах. АН КазССР, Ин-т ИАЭ им. Ч. Ч. Валиханова. Т. I. Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1961, стр. 437.

¹² «Каталог...», стр. 28.

¹³ Ч. Ч. Валиханов. Указ. соч., стр. 437.

¹⁴ «Каталог...», стр. 42.

¹⁵ Рукопись ЛО ИНА АН СССР С 562.

¹⁶ В Ин-те востоковедения АН УзССР имеется еще одна рукопись Мухаммеда Садыка Кашгари под названием *در المظفر*, но кажется, что это также «Тазкира-и азизан». Рукопись № 45. Это сочинение указывается в одном из каталогов А. А. Семенова под названием *در المظفر*. См.: А. А. Семенов. Каталог рукописей исторического отдела Бухарской Центральной Библиотеки. Ташкент, 1925, стр. 14.

¹⁷ В. Д. Смирнов. Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales... Т. VIII, Спб., 1897, стр. 158—159.

¹⁸ M. Hartmann. Ein Heiligenstaat im Islam. Das Ende der Caghataiden und die Herrschaft der Chogas in Kasgarien. Der Islamische Orient. VI—X, Berlin, 1905.

¹⁹ The History of the Khojas of Eastern Turkistan summarised from the Tazkira-i Khwajagar of Muhammad Sadiq Kashghari by the late Robert Barkley Shaw edited with introduction and notes by N. Elias. Supplement to the Journal of the Asiatic Society of Bengal. LXVI, 1. Calcutta, 1897.

²⁰ М. А. Салахетдинова. Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари «Тазкира-и-ходжаган» как источник по истории киргизов. «Известия АН КиргССР», 1959, т. I, вып. 1 (история), стр. 93—125.

²¹ А. А. Семенов. Указатель персидской литературы по истории узбеков в Средней Азии. Ташкент, 1926, стр. 15; C. A. Stoeber. Persian Literature. A Bio-Bibliographical Survey. London. Sect. II. Fasc. 1, 1935, p. 392—393.

списках²², а также и в печатных изданиях²³. Кроме того, у него имеется сочинение «Адаб ас-салихин»²⁴, которое было широко распространено среди тюркоязычных мусульман, издавалось²⁵ и переводилось на русский язык²⁶. Таким образом, благодаря «Каталогу...» наши сведения об этом крупном историке, переводчике и религиозном деятеле Восточного Туркестана в определенной мере расширяются.

Любопытным является сообщение о переработке Моллой Мусой своего сочинения «Тарих-и амнийя» под названием «Тарих-и хумайдийя».

В каталоге приводится сообщение о сочинении «Тарих-и амнийя», принадлежащем Хаджи Юсуфу. Несомненно, что это то же самое сочинение названного автора, которое имеется в Рукописном отделе ЛО ИНА АН СССР под названием *جمع التواريخ*²⁷.

Сочинение Хаджи Мусы Кучари «Тазкира-и Джалал ад-Дин Бухари»²⁸, очевидно, отсутствует в наших книгохранилищах и должно представлять значительный интерес для изучения истории Восточного Туркестана эпохи Туглук Тимура.

Значительное по объему и написанное в стихах сочинение Моллы Шакира «Зафар-наме»²⁹ посвящено восстанию в Куче в 1864 г. Со значительными сокращениями оно опубликовано в журнале «Шинжаң әдибият-сән'ити»³⁰. Как и некоторые другие сочинения, оно является первоисточником для изучения начала восстания в Куче в 1864 г. и периода правления там ходжей.

Значительный интерес для историков должно представить написанное в середине прошлого века яркентским поэтом Моллой Абдулгпаром сочинение «Зафар-наме-и Шах Бахадур-хан»³¹. Как сообщает автор «Каталога...», в нем показывается родословная яркентского вали Афридуна Бахадур-хана, происходящего из турфанских ванов, и повествуется о его борьбе против восстания в Артуше в 1847—1848 гг.

Весьма ценным «Каталог...» является в том отношении, что он знакомит нас со значительным количеством неизвестных нам прежде уйгурских поэтов. Наши сведения об уйгурской художественной литературе ограничены. Нам были известны имена и сочинения уйгурских поэтов и писателей XIX и XX вв. Сеид Мухаммед Аид Мухаммеда Каши, Моллы Билала бен Моллы Юсуфа ан-Назима, Моллы Мусы бен Моллы Айсы Сайрама.

В число поэтов, сочинения которых «Каталог...» вводит в научный обиход, входит прежде всего Абдурехим Низари. Из его сочинений в

²² А. А. Семенов. Описание персидских, арабских и турецких рукописей фундаментальной библиотеки САГУ. Труды САГУ, серия II. Orientalia. Вып. 4. Ташкент, 1935, стр. 63.

²³ «Зубдат ал-маса'ил ва-л-ака'ид». Литография Лахтина. Ташкент, 1889; То же. Литография Хаджи Аббаса-эфенди. Стамбул, 1314 г. х.

²⁴ См. рукописи Ин-та востоковедения АН УзССР, № 5997, 7478.

²⁵ «Адаб ас-салихин» было издано в Ташкенте и Стамбуле в одной книге с «Зубдат ал-маса'ил ва-л-ака'ид».

²⁶ Н. С. Лыкошин. Кодекс приличий на Востоке. В «Сборнике материалов по мусульманству». Т. II. Ташкент, 1900, стр. 21—83; Н. С. Лыкошин. «Хороший тон на Востоке». Пг., 1915.

²⁷ Рукопись ЛО ИНА АН СССР Д 124. См.: Д. И. Тихонов. Уйгурские исторические рукописи конца XIX и начала XX в. «Ученые записки Ин-та востоковедения», 1954, т. IX, АН СССР, Ин-т востоковедения, стр. 166—172.

²⁸ «Каталог...», стр. 43.

²⁹ Там же, стр. 16—17.

³⁰ *شىنجاڭ ئەدىبىيات — سەنئىتى، 1957، ژىل، ئىيۇل، №7 (69)، ب. 46—61، 63—72، تارىم، 1957، ئاۋغۇست، №8، ب. 63—82، تارىم، 1957، سېنتەبر، №9، ب. 63—72.*

³¹ «Каталог...», стр. 17—18.

«Каталоге...» описываются «Дурр ан-наджат»³² и «Дастаны о любви»³³.

В рукописном отделе ЛО ИНА АН СССР имеется большой том³⁴, в котором содержатся названные произведения этого автора и неизвестные. Есть серьезные основания считать эту рукопись автографом Низари. К неизвестным произведениям Низари относятся написанные на полях в начале этой рукописи его мухаммасы на газели Алишера Навои. Кроме того, сюда относится стихотворная переработка на староуйгурский язык известной уйгурской волшебной сказки о пастушонке-плешивце, на голову которого садится птица счастья, благодаря чему тот женится на дочери падишаха этой местности и, выполнив все поручения своей молодой жены, сам становится шахом. В текст в конце сочинений Низари введено несколько стихотворных притч, одна из которых и сейчас бытует среди семиреченских уйгуров и используется как средство обучения уйгурских детей правильному произношению и хорошему языку.

Изучение таких моментов может пролить свет на взаимосвязи между устным поэтическим творчеством уйгурского народа и староуйгурской литературой.

Следует сказать, что название «Дастаны о любви» дано собранию этих дастанов автором каталога. Сам же автор [Низари] назвал собрание дастанов «Фериблар никаяти»³⁵ («Рассказы о несчастных»). Низари говорит о том, что его произведения многими были встречены недоброжелательно³⁶, так как некоторые из его дастанов являются переработками известных произведений Джами и Навои. Целью этой переработки было, видимо, приближение письменного языка к разговорному, так как язык Алишера Навои для многих уйгуров, даже грамотных, был труден для понимания, а произведения Джами были написаны вообще на непонятном для большинства уйгуров таджикском языке. Со своей задачей Низари успешно справился. Он сообщает, что в своей работе он постоянно пользовался поддержкой некоего Зияи³⁷. В конце дастана «Рабиа-Са'дин» вместо авторского обращения к Низари стоит обращение к Зияи³⁸.

По-видимому, этого Зияи можно отождествить с кашгарским поэтом Норузахун-кабиб Зияи, который в 1259 г. х. по поручению кашгарского хаким-бека Зохур ад-Дина написал поэму дидактического содержания «Махзун ал-ва'изин»³⁹.

В некоторых дастанах точно также мы видим обращение к Гериб-би⁴⁰, сочинение которого «Китаб-и Гериб» переписано вместе с сочинениями Абдурехима Низари и помещено в конце рукописи⁴¹. Все это ставит вопрос об авторском содружестве этих трех лиц и о доле участия их в написании сочинений, которые мы сейчас приписываем Низари. Другое сочинение Низари — «Дурр ан-наджат» помещено в начале этой рукописи и имеет несколько иное название — «Зад ан-наджат»⁴². Юсупбек Мухлисов дает не совсем верную оценку этому произведению, которое в действительности является религиозно-дидактическим трактатом.

³² Там же, стр. 13—14.

³³ Там же, стр. 14—15.

³⁴ Рукопись С 165.

³⁵ Там же, л. 274б.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, л. 262а.

³⁹ «Каталог...», стр. 15—16.

⁴⁰ Рукопись С 165, лл. 98а, 101а, 107а, 107б.

⁴¹ Там же, лл. 276а — 294а.

⁴² Там же, л. 25б.

том, излагающим в популярной форме на легком староуйгурском языке основные догматы ислама, основы этики и т. д. Необходимо признать, что Абдурехим Низари был вполне сыном своей эпохи и отдал, как многие писатели его времени, дань служения мусульманской церкви. Если сейчас еще сомневаются относительно того, светский или духовный характер имеют газели Навои⁴³, то относительно мухаммасов Низари не может быть двух мнений: мистическая любовь к богу, а вместе с тем и духовное содержание его мухаммасов, слишком явны. Истокование притч и дастанов Низари дает в суфийском смысле; в том же духе написано все его заключение. Однако сейчас можно с уверенностью сказать, что центр творчества Низари нужно искать не в пропаганде реакционных суфийских идей, уклониться от чего он не мог, дабы не подвергнуться остракизму со стороны влиятельного мусульманского духовенства, а в том гуманистическом и демократическом содержании, которое составляет основу его творчества. Можно говорить и о том, что суфийские идеи ему были близки, но не менее близка ему была и жизнь земного человека со всеми его радостями и страданиями, и последнее неизменно перевешивает в его произведениях.

Близким по форме и духу творчества к Абдурехиму Низари был поэт, которого Юсупбек Мухлисов называет Турдыш-ахун-катиб Гериб⁴⁴. Его произведение «Китаб-и Гериб», описанное в этом каталоге под № 20, имеется в рукописном отделе ЛО ИНА АН СССР в двух списках, из которых один входит в состав тома, содержащего сочинения Абдурехима Низари⁴⁵. На полях «Китаб-и Гериб» помещено несколько десятков его коротких газелей, обычно не имеющих более 6, 8, 10 строк. В ленинградской рукописи он называет себя Турды Гериб⁴⁶. По сообщению М. Hartmann'a «Китаб-и Гериб» было отпечатано на ручном станке Аветаряном в Шумле⁴⁷. В произведении этом описывается диспут 32 представителей различных ремесел, каждый из которых пытается доказать свое превосходство над другими. Оно является резкой обличительной сатирой на деятельность ремесленников, современных автору, и одновременно раскрывает их роль в жизни общества того времени. К сожалению, выводы автора также пропитаны религиозными взглядами, а вся книга, по словам самого автора, написана в целях пропаганды идей ислама среди уйгурского ремесленничества середины XIX столетия и вовлечения его в один из четырех, с точки зрения автора дозволенных суфийских орденов.

Интересными являются произведения поэта XVII в. Мухаммед Имин Годжамкулы-оглы Хыркыти «Мухаббатнама ва мехнаткам»⁴⁸ и поэта XVIII века Моллы Аляма Шахъяри «Гул ва Булбул»⁴⁹. Возможно, что последнего автора и его сочинение можно отождествить с поэтом Салахи, который также написал поэму «Гул ва Булбул»⁵⁰ в конце

⁴³ Е. Э. Бертельс. Навои. Опыт творческой биографии. АН СССР. Научно-популярная серия. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 158.

⁴⁴ «Каталог...», стр. 15.

⁴⁵ Рукопись С 165, лл. 276а — 294а.

⁴⁶ Там же, л. 293б.

⁴⁷ M. Hartmann. Das Buchwesen in Turkestan und die türkischen Drucke der Sammlung Hartmann. Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. Jahrg. VII: 2. Berlin, 1904.

⁴⁸ «Каталог...», стр. 7—8. شينجاڭ ئەدەبىيات-سەنئىتى، ژىل، 1957، ئاپرىل، ب. 76—57. №4 (66) ب. 80—63، ماى، №5 (67) ب.

⁴⁹ «Каталог...», стр. 12—13.

⁵⁰ Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР № 3402.

XVII в. в Кашгаре. Ошибка в веках, вполне возможно, может быть отнесена за счет типографской опечатки. Если это предположение не подтвердится, тогда мы будем иметь три различных произведения, написанных на одну и ту же тему. Сопоставление содержания поэмы Хырки и в Салахи, а также описание содержания произведения Шахъяри, указывает на то, что они имеют одинаковую сюжетную канву, но каждый из авторов дает свое решение основной интриге. Сочинения имеют аллегорический характер, в которых под основными героями — Соловьем, Розой и Утренним ветерком — выводятся в полемическом плане основные, противостоявшие в то время друг другу общественные и политические силы. Внимательный анализ, возможно, приведет к интересным наблюдениям над литературной полемикой того времени и позволит наметить демократическую тенденцию в уйгурской литературе XVII в.

Определенный интерес представляют и сочинения поэтов XVIII в. Залили⁵¹ и Нобити⁵². Извлечения из них были опубликованы в журнале «Тарим»⁵³. Творчество их отличается большим лиризмом, но в основе своей является суфийским.

Краткое перечисление имен писателей и названий их сочинений и указание на некоторые стороны их творчества дает уже представление о высокой ценности описанной в каталоге коллекции. Ценность этой коллекции очень значительна еще и потому, что в ее составе имеются богато иллюстрированные сочинения Алишера Навои, переписки середины XVI в., Шейха Му'ина и др.

Остается сказать несколько слов о недостатках самого каталога, о качестве описания отдельных рукописей. В Советском Союзе сейчас принята для описания восточных рукописей схема, выработанная Сектором восточных рукописей Института востоковедения АН СССР, которая отвечает наиболее полным требованиям характеристики отдельных рукописей⁵⁴. Во многих случаях описания рукописей Юсулбека Мухлисова требованиям этим не отвечают. Можно отметить следующие недостатки: название сочинения и имя автора приводятся в реформированной арабской графике; перевод дат хиджры в наше летоисчисление очень часто ошибочен; содержание сочинения характеризуется очень кратко и иногда неточно или совсем неправильно; редко сообщается история списка; внешние данные почти не приводятся за исключением указания на формат списка по длине, ширине и толщине (!) в сантиметрах; полностью отсутствует библиография. Названия сочинений и имена авторов часто просто искажаются. Например, название сочинения «Тазкира-и Джалал ад-Дин Бухари» дается в форме *تهز كسرى جا*⁵⁵, название сочинения «Зафар-наме-и Шах Бахадур-хан» — в форме *زۇپه نامه شاه باهادر خان*⁵⁶. Искажаются и имена собственные:

⁵¹ «Каталог...», стр. 8—9.

⁵² Там же, стр. 9—10.

⁵³ *نوبیتی. غه زه لله ر. تاریم، 1957، نوایر، 11 №، ب. 68 -- 89. زه لیلی. تاریم، 1957، دیکاب، 12 №، ب. 52—71.*

⁵⁴ Н. Д. Миклухо-Маклай. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. АН СССР, Ин-т востоковедения. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 3—6; А. С. Пучковский. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и киелографы Института востоковедения. АН СССР, Ин-т востоковедения, 1, история, право. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 5—8.

⁵⁵ «Каталог...», стр. 43.

⁵⁶ Там же, стр. 17—18.

так, имя Абулкасыма Фирдоуси дается в форме *ثوبۇلقاسم ڤرتوسى*⁵⁷. Персидский изафет на письме, как правило, не отражается. Например, *تارىخ ئىمىنىيە*⁵⁸, вместо *تارىخى ئىمىنىيە*, как это название следовало бы писать в соответствии с произношением и учетом возможностей реформированного арабского письма. Автор часто делает ошибки просто, по-видимому, из-за недостаточного знакомства с арабским и персидским языками. Например, Юсупбек Мухлисов приводит имя переводчика на уйгурский язык «Қабус-наме» и «Тазкират ал-авлия» Мухаммеда Сыдыка Баршиди (*مۇھەممەت سىدىق بەرشىدى*)⁵⁹. Лакаб переводчика Баршиди извлечен автором каталога из выражения *الملقب بالرشدى*⁶⁰, где арабский предлог *ب* включен Юсупбеком Мухлисовым в состав лакаба. В действительности прозвище Мухаммеда Сыдыка было не Рашиди и тем более не Баршиди, а Рушди *رشدى*.

В характеристике сочинения, которое Юсупбек Мухлисов назвал *سىدىقنامە*⁶¹, вообще имеется много неточностей и просто ошибок. Во-первых, это произведение не является подражанием «Қабус-наме», а представляет собой перевод этого сочинения на старойуйгурский язык⁶², почему его и нужно было именовать «Қабус-наме». Во-вторых; автором «Қабус-наме» является не Қабус, а внук Кабуса Кей-Қавус, который написал эту книгу для своего сына Гиланшаха⁶³ [не для Кланиша]. В-третьих, «Қабус-наме» было написано не в 1035 г., а «... по собственному указанию автора книги он начал ее в 475/1082-3 г., шестидесяти лет отроду»⁶⁴.

Все эти недостатки, конечно, сильно снижают ценность каталога и вынуждают пользоваться им с большой осторожностью. Но несмотря на это, каталог представляет все-таки очень большую ценность, так как является первым подобного рода опытом в КНР, который знакомит специалистов и широкий круг уйгурских читателей с имеющимися в КНР уйгурскими рукописными богатствами. Остается пожелать, чтобы очередные выпуски каталога, в которых были бы учтены и устранены указанные недостатки, не заставили себя долго ждать.

В. П. ЮДИН.

⁵⁷ Там же, стр. 29.

⁵⁸ Там же, стр. 45.

⁵⁹ Там же, стр. 26, 42.

⁶⁰ Перевод «Қабус-наме» на старойуйгурский язык. Рукопись ЛО. ИНА АН СССР, Д 151, л. 56.

⁶¹ «Каталог...», стр. 42.

⁶² Рукопись Д 151, лл. 16, 56.

⁶³ «Қабус-намэ». Изд. 2. Пер., статья и прим. чл.-корр. АН СССР Е. Э. Бертельса. АН СССР, Ин-т востоковедения. М., Изд-во восточной литературы, 1958, стр. 27.

⁶⁴ Там же, стр. 8.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

В. Ф. Шахматов. О пастбищно-кочевой (земельной) общине у казахов.	3
Т. Ж. Шоинбаев. К вопросу о присоединении Среднего жуза к России.	41
А. Г. Малявкин. Уйгурское Турфанское княжество в XIII веке.	61
Н. Н. Мингулов. Национально-освободительное движение народов Синьцзяна как составная часть общекитайской революции (1944—1949 годы).	68
Ю. А. Зуев. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бома, гуй, яньмо).	104

Сообщения

В. М. Моржанов. Дополнительные сведения об усунях из китайского источника «Ханьшу».	123
А. А. Ибрагимов. Некоторые материалы к вопросу о колесном движении у кочевников Средней Азии.	128
В. С. Кузнецов. Казахско-китайские торговые отношения в конце XVIII в. (По китайским источникам).	138
Е. И. Кычанов. Из истории тангутско-уйгурских войн в первой половине XI века.	146

Источниковедение

К. Жунисбаев. Қазақстанның XVII—XVIII ғасырлардағы тарихына байланысты қазақ тіліндегі кейбір тарихи деректер туралы.	154
В. П. Юдин. Некоторые источники по истории восстания в Синьцзяне в 1864 году.	171

Рецензии

В. П. Юдин. <i>Юсупбек Мухлисов</i> . Каталог рукописей уйгурской классической литературы.	197
--	-----

НЕОБХОДИМЫЕ ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
42	16—17 сверху	Абулхаира—Семеке и Кушука,	Абулхаира, Семеке и Кушука—
64	9 „	Ту-ху-динь	Ту-ху-линь
85	21 снизу	к активным репрессиям в других трех округах.	к активным действиям против населения трех округов.
106	20 сверху	[>ɣat=lat>ɣalat>ala= =at],	[>ɣat-lat>ɣalat>ala- -at],
109	14 „	(<в'iaa-lat) ³² .	(<в'iai-lat) ³² .
115	17 „	Алча-хана	Алача-хана
	22 „	алтайский	алатский
138	7 снизу	шилу	шилё
142	3 „	чжунгьгэр	чжуньгэр
144	2 „	шилу	шилё
157	5 сверху	Өзек	Өзбек
171	9 „	شعار	اشعار
	10 „	(590 ooxd) ¹ .	(590 oo*d) ¹ .
	14 снизу	„Тарих-и аминийа“	„Тарих-и амнийа“

Редактор *Н. Н. Королева*
 Худ. редактор *И. Д. Суцх*
 Техн. редактор *З. П. Ророкина*
 Корректор *К. А. Проскурякова*

* * *

Сдано в набор 10/III 1962 г. Подписано к печати 30/V 1962 г. Формат 70×108¹/₁₆.
 Физ. л. 13. Усл. п. л. 17,81. Уч.-изд. л. 18. Тираж 1000. УГ01660. Цена 1 р. 36 к.

* * *

Типография Издательства АН КазССР. г. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28. Зак. 31.

Цена 1 руб. 36 коп.